

**БЕСЕДЫ
ОБ ЭКОНОМИКЕ**

ТОМ V

2019, Москва

ТОМ V
2019

БЕСЕДЫ ОБ ЭКОНОМИКЕ • CONVERSATIONS ABOUT ECONOMY • 经济访谈录

**БЕСЕДЫ
ОБ ЭКОНОМИКЕ**

ТОМ V

The Free economic society of Russia
Conversations about Economy

俄罗斯自由经济协会刊物
经济访谈录

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

2019, Москва
Под редакцией С.Д. Бодрунова

БЕСЕДЫ ОБ ЭКОНОМИКЕ

ТОМ V

The Free economic society of Russia
Conversations about Economy

俄罗斯自由经济协会刊物
经济访谈录

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

2019, Москва

Под редакцией С. Д. Бодрунова

*Посвящается памяти академика Виктора
Викторовича Ивантера*

Крупнейшие экономисты России обсуждают самые актуальные проблемы. В «Беседах об экономике» собраны наиболее интересные дискуссии, прошедшие в ВЭО России. Идеи, анализ и оценки, изложенные в книге, нередко становятся частью различных государственных программ развития.

В книге дан глубокий экскурс в историю работы Императорского Вольного экономического общества, приведены мнения видных зарубежных ученых, рекомендованы издания по темам бесед. «Беседы об экономике» — научно-популярное издание для широкого круга эрудированных читателей.

© ИНСТИТУТ НОВОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (ИНИР) ИМ. С. Ю. ВИТТЕ, 2019

© С. Д. БОДРУНОВ, 2019

ISBN 978-5-00020-064-3

БЛАГОДАРНОСТИ

редакционный совет,
редакционная коллегия,
научный совет выпуска,
группа выпуска

ИСКРЕННЕ БЛАГОДАРЯТ

за активное содействие реализации идеи серии «Беседы об экономике»

- Контрольное управление Администрации Президента Российской Федерации,
- Уполномоченного при Президенте России по правам предпринимателей,
- Комитет Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по бюджету и финансовым рынкам,
- Комитет Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по экономической политике,
- Комитет Государственной Думы Российской Федерации по финансовому рынку,
- Комитет Государственной Думы Российской Федерации по образованию и науке,
- Министерство промышленности Российской Федерации,
- Комитет по промышленной политике и инновациям Санкт-Петербурга,
- Научно-экспертный Совет при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации,
- Российскую академию наук,
- Академию общественных наук Китайской Народной Республики,
- «Российскую газету»,
- телеканал «Общественное телевидение России»,
- телеканал «Санкт-Петербург»,
- телепередачу «Дом “Э”» на телеканале ОТР,
- телепередачу «Промышленный клуб» на телеканале «Санкт-Петербург»,
- Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП),
- Общероссийскую общественную организацию «Деловая Россия»,
- Торгово-промышленную палату Российской Федерации,
- Международный комитет Вольного экономического общества России,
- Фонд центрально-азиатских исследований Кембриджского университета,
- Государственный Пекинский университет,

а также

за организационное содействие и поддержку в проведении мероприятий Вольного экономического общества России, в рамках которых состоялись беседы,

- Дом Союзов,
- Российскую академию наук,
- Дом ученых Санкт-Петербурга,
- Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
- Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова,
- НИУ МАИ,
- Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
- Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина,
- Институт нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

С. Д. БОДРУНОВ

Президент ВЭО России, директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, президент Международного союза экономистов, д. э. н., профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

В. С. АВТОНОМОВ

Научный руководитель Факультета экономических наук НИУ ВШЭ, член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

А. Г. АГАНБЕГЯН

Заведующий кафедрой экономической теории и политики РАНХиГС при Президенте РФ, академик РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

А. Г. АКСАКОВ

Член Правления ВЭО России, председатель Комитета Государственной Думы ФС РФ по финансовому рынку, президент Ассоциации региональных банков России, к.э.н., доцент (г. Москва, Россия).

А. В. БУЗГАЛИН

Вице-президент ВЭО России, член президиума Международного союза экономистов, директор Института социэкономике МФЮУ, заслуженный профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, д. э. н. (г. Москва, Россия).

С. Ю. ГЛАЗЬБЕВ

Вице-президент ВЭО России, министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, член Координационного совета Международного Союза экономистов, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

М. К. ГОРШКОВ

Член Президиума ВЭО России, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, академик РАН, д. ф. н. (г. Москва, Россия).

Р. С. ГРИНБЕРГ

Вице-президент ВЭО России, вице-президент Международного союза экономистов, научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

В. И. ГРИШИН

Вице-президент ВЭО России, ректор РЭУ им. Г. В. Плеханова, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

А. А. ГРОМЫКО

Член Президиума ВЭО России, член Координационного совета Международного союза экономистов, директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН, д. полит. н. (г. Москва, Россия).

А. А. ДЫНКИН

Вице-президент ВЭО России, председатель Международного Комитета ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, президент ФГБНУ «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН», член Президиума РАН, академик-секретарь Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

С. В. КАЛАШНИКОВ

Член Президиума ВЭО России, член Президиума Международного союза экономистов, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по экономической политике, председатель Временной комиссии Совета Федерации ФС РФ по мониторингу экономического развития, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

А. Н. КЛЕПАЧ

Член Правления ВЭО России, заместитель председателя правления (главный экономист) Внешэкономбанка, заведующий кафедрой макроэкономической политики и стратегического управления экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, заслуженный экономист РФ, к. э. н. (г. Москва, Россия)

И. А. МАКСИМЦЕВ

Член Правления ВЭО России, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д. э. н., профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

А. В. МУРЫЧЕВ

Член Президиума ВЭО России, исполнительный вице-президент Общероссийской общественной организации «Российский союз промышленников и предпринимателей», председатель Совета Ассоциации региональных банков России (Ассоциация «Россия»), д. э. н., к. ист. н. (г. Москва, Россия).

А. Д. НЕКИПЕЛОВ

Вице-президент ВЭО России, директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

Р. И. НИГМАТУЛИН

Член Правления ВЭО России, научный руководитель Института океанологии РАН имени П. П. Ширшова, член Президиума РАН, академик РАН, д. ф.-м. н., профессор (г. Москва, Россия).

Г. Х. ПОПОВ

Председатель Сената ВЭО России, почетный президент ВЭО России, председатель Координационного комитета Международного союза экономистов, академик РАЕН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

С. Н. РЯБУХИН

Вице-президент ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, первый заместитель председателя Комитета по бюджету и финансовым рынкам Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, д.э.н. (г. Москва, Россия).

Я. П. СИЛИН

Член Президиума ВЭО России, президент Уральского отделения ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», д. э. н., профессор (г. Екатеринбург, Россия).

Д. Е. СОРОКИН

Вице-президент ВЭО России, председатель Научного совета ВЭО России, научный руководитель ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

М. А. ЭСКИНДАРОВ

Вице-президент ВЭО России, ректор ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», академик Российской академии образования, заслуженный деятель науки РФ, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

В. М. ЮРЬЕВ

Член Президиума ВЭО России, председатель Тамбовского регионального отделения общественной организации ВЭО России, научный руководитель ТГУ имени Г. Р. Державина, депутат, первый заместитель председателя Тамбовской областной Думы, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д. э. н., профессор (г. Тамбов, Россия).

Ю. В. ЯКУТИН

Вице-президент ВЭО России, член Президиума Международного союза экономистов, председатель Совета директоров, научный руководитель ЗАО «Издательский дом "Экономическая газета"», научный редактор русской классической библиотеки «Экономика и духовность», заслуженный деятель науки РФ, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

Е. Г. ЯСИН

Действительный член Сената ВЭО России, научный руководитель Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ), директор Экспертного института при Российском союзе промышленников и предпринимателей, д. э. н. профессор (г. Москва, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. А. САВИН

Заместитель главного редактора «Российской газеты», член Правления ВЭО России (г. Москва, Россия).

А. Н. ПРОКОФЬЕВ

Шеф-редактор журнала «Вольная экономика», член Правления ВЭО России (г. Москва, Россия).

А. В. БОБИНА

Член Правления ВЭО России, заместитель директора — руководитель Департамента по научным конференциям и всероссийским проектам ВЭО России, к. т. н.

С. Д. ВАЛЕНТЕЙ

Научный руководитель РЭУ им. Г. В. Плеханова, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

Р. С. ГОЛОВ

Член Президиума ВЭО России, заведующий кафедрой «Менеджмент и маркетинг высокотехнологичных отраслей промышленности» МАИ, член экспертного совета по высшему образованию при Комитете Государственной Думы по образованию и науке, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

Д. Б. ДЖАББОРОВ

Старший научный сотрудник философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, к.э.н.(г. Москва, Россия).

А. А. ЗОЛОТАРЕВ

Вице-президент ВЭО России, президент Межрегиональной Санкт-Петербурга и Ленинградской области общественной организации ВЭО России, член Президиума

Международного союза экономистов, исполнительный директор Института нового индустриального развития им С. Ю. Витте, исполнительный вице-президент Союза промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга, к. э. н. (г. Санкт-Петербург, Россия).

А. Ю. МАНЮШИС

Член Правления ВЭО России, ректор Международного университета в Москве, заслуженный работник Высшей школы РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

М. А. РАТНИКОВА

Вице-президент ВЭО России, директор ВЭО России, вице-президент, исполнительный директор Международного Союза экономистов, доктор экономики и менеджмента (г. Москва, Россия).

В. В. СМАГИНА

Заместитель председателя Тамбовского регионального отделения ВЭО России, член Президиума ВЭО России, проректор — главный ученый секретарь Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, академик Международной академии менеджмента, почетный работник высшего профессионального образования РФ, д. э. н., профессор (г. Тамбов, Россия).

А. Г. ЧИКИРИС

Продюсер телепроекта «Дом “Э”», Общественное телевидение России (ОТР) (г. Москва, Россия).

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ

С. Д. БОДРУНОВ

Главный редактор

Д. Е. СОРОКИН

Главный научный редактор серии «Беседы об экономике»

**А. О. АЛЕХНОВИЧ, А. В. БУЗГАЛИН,
С. Д. ВАЛЕНТЕЙ, М. В. ЕРШОВ,
С. В. КАЛАШНИКОВ, А. Ю. МАНЮШИС,
О. Н. СМОЛИН, С. Н. РЯБУХИН,
В. Г. РЯЗАНОВ, А. А. ШИРОВ
Ю. В. ЯКУТИН**

ГРУППА ВЫПУСКА:

Главный редактор — **Сергей Бодрунов**
 Арт-директор серии — **Егор Морозов**
 Редакционный директор — **Маргарита Ратникова**
 Шеф-редактор — **Андрей Прокофьев**
 Редактор — **Марианна Маркелова**
 Редактор-супервайзер — **Алексей Савин**
 Концепт-редактор — **Галина Никитина**
 Переводчик — **Василий Краснопёров**
 Дизайнер — **Артём Чистяков**
 Препресс — **Тимофей Ковтун**
 Фоторедактор — **Вячеслав Кочураев**
 Контрольный редактор — **Наталья Медведенко**

Фото — **Сергей Куксин, Михаил Синицын, Александр Корольков «Российская газета», фотобанк Shutterstock**

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I

МОСКОВСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

БЕСЕДА 1

Перспективы социально-экономического развития и роль науки: академический дискурс

БЕСЕДА 2

Об организации МАЭФ

БЕСЕДА 3

Государство должно создать условия, чтобы бизнес вкладывал в науку.
Разговор организаторов по итогам МАЭФ

БЕСЕДА 4

«Государство не должно быть игроком на рынке».
Беседа с лауреатом Нобелевской премии по экономике Жаном Тиролем

ЧАСТЬ II

ТЕХНОЛОГИИ, КОТОРЫЕ СТАНУТ ДРАЙВЕРОМ РАЗВИТИЯ РОССИИ

БЕСЕДА 1

Возможно ли в России экономическое чудо?

БЕСЕДА 2

Избавиться от зерновой иглы.
Пути создания высокотехнологичного АПК

БЕСЕДА 3

Как превратить инновации в экономический драйвер?
Самые перспективные технологии России

БЕСЕДА 4

Технологии, которые формируют новую медицину

БЕСЕДА 5

Технологии, меняющие будущее

БЕСЕДА 6

Умные города - центры цифровой экономики

Часть III

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ

БЕСЕДА 1

На мировую экономику надвигается шторм?
«Доклад о торговле и развитии ЮНКТАД 2019»: дискуссия

БЕСЕДА 2

Что нас ждет за цифровизацией?
Обсуждение «Доклада ЮНКТАД о цифровой экономике 2019»

БЕСЕДА 3

Климатические риски экономического роста

БЕСЕДА 4

Бизнес в достижении целей устойчивого развития
Дискуссия с генеральным секретарем ЮНКТАД

Часть IV

ГЕОЭКОНОМИКА

БЕСЕДА 1

Китай и Россия: стратегия партнерства

БЕСЕДА 2

Российская Арктика и международные интересы

БЕСЕДА 3

«Темнеющие небеса» мировой экономики

БЕСЕДА 4

Научная дипломатия российских экономистов

БЕСЕДА 5

Риски нестабильного миропорядка

ИЗ ИСТОРИЧЕСКИХ ТРУДОВ ВЭО РОССИИ

По поводу народного образования и хозяйства.
Помещик Михаил Фатьянов

TABLE OF CONTENTS

PART I

MOSCOW ACADEMIC ECONOMIC FORUM

CONVERSATION 1

Prospects for socio-economic development and the role of science: academic discourse

CONVERSATION 2

On the organization of the IAEF

CONVERSATION 3

The government must create conditions for business to invest in the science
A conversation following the results of the IAEF

CONVERSATION 4

"The government should not be a market player"
Conversation with Jean Tyrol, a winner of Nobel Prize in Economics

PART II

TECHNOLOGIES THAT WILL DRIVE RUSSIA'S DEVELOPMENT

CONVERSATION 1

Is an economic miracle possible in Russia?

CONVERSATION 2

Getting rid of the grain needle.
Ways to create high-tech agrobusiness

CONVERSATION 3

Turning innovation into an economic driver.
Russia's most promising technologies

CONVERSATION 4

Technologies that shape a new medicine

CONVERSATION 5

Technologies that change the future

CONVERSATION 6

Smart cities as centers of the digital economy

PART III

SUSTAINABLE DEVELOPMENT

CONVERSATION 1

Is there a storm coming to the global economy?
The 2019 UNCTAD Trade and Development Report – A discussion

CONVERSATION 2

What's in store for us beyond digitalization?
The 2019 UNCTAD Digital Economy Report – A discussion

CONVERSATION 3

Climatic risks of economic growth

CONVERSATION 4

Business for sustainable development goals
Discussion with the UNCTAD Secretary General

PART IV

GEOECONOMICS

CONVERSATION 1

China and Russia: Partnership Strategy

CONVERSATION 2

Russian Arctic and International Interests

CONVERSATION 3

Darkening Skies: Global Economic Prospects

CONVERSATION 4

Scholarly diplomacy of Russian economists

CHAPTER 5

Risks of an unstable world order

FROM THE HISTORICAL WORKS OF THE VEO OF RUSSIA

Regarding public education and economy.
Landowner Mikhail Fatyanov

Уважаемые читатели!

Когда мы свертали V том «Бесед об экономике», оказалось, что на части его делить не было особого смысла, так как все они так или иначе посвящены экономике устойчивого развития, зеленой экономике, высокотехнологичной экономике, экономике, где нет места бедности, где и государство, и бизнес не столько решают задачи своего развития за счет общества, сколько развиваются для решения социальных проблем.

Именно об этом речь шла и на Международном академическом экономическом форуме, где, не сговариваясь, практически все спикеры говорили не просто об экономическом, а социально-экономическом росте, не просто о развитии, а о качественном развитии, не просто об инвестициях, а об ускоренных и увеличенных вложениях в чело-

века. Да, собственно, и Президент, объявляя о целях нацпроектов, говорил дословно следующее: «Национальные проекты построены вокруг человека ради достижения нового качества жизни для всех поколений, которое может быть обеспечено только при динамичном развитии России». И в другом месте он подчеркивает: «Главное – нам нужно изменить структуру нашей экономики, нам надо сделать её высокотехнологичной, цифровой... Все только для чего? Чтобы толкнуть производительность труда и на этой базе обеспечить рост благосостояния граждан».

Как раз вторая часть этого тома посвящена высокотехнологичному развитию, третья – нашим беседам с иностранными коллегами о достижении целей устойчивого развития, четвертая – положению, которое сложилось в мире из-за недооценки

всех этих ценностей, о которых мы говорим. Мы очень надеемся, что на следующем МАЭФе, куда я всех приглашаю, и, тем более, на следующем Всероссийском экономическом собрании нам доведется обсуждать уже успехи нацпроектов, а не только их проблемы, хотя и это – важно для корректировки любого проекта. Надеемся, что цели устойчивого развития станут очевидными для большинства мировых лидеров, и они все же повернут мировое развитие от бездны, в которую даже страшно заглядывать.

И немного о грустном. Этот том мы решили посвятить памяти нашего друга, выдающегося отечественного экономиста, мэтра экономической науки Виктора Викторовича Ивантера. Жаль, что следующие беседы будут проходить без его остроумных и мудрых высказываний.

**Главный редактор серии
Сергей Бодронов
и весь редакционный коллектив**

Dear friends:

As we laid out the fifth volume of “Conversations about Economics” we realized there wasn’t much sense in dividing it up into parts, since all of those parts were one way or another dedicated to sustainable development economy, green economy, high-tech economy, an economy with no place for poverty, where the government and business, rather than solving their development problems at the expense of society, are busy with their own development in order to solve social problems.

The matter was also discussed at the International Academic Economic Forum, where, without any prior agreement, almost all the speakers discussed not just economic growth but also socio-economic growth, not just development but also quality development, not just investments but also accelerated and more extensive

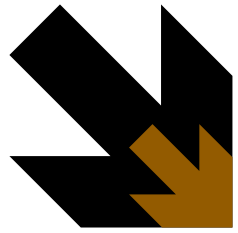
investment in human capital. Moreover, the President, while announcing the goals of the national projects, said the following verbatim: “The national projects are built around man in order to achieve a new quality of life for all generations, which can only be achieved through a dynamic development of Russia.” He then emphasized: “Most importantly, we need to change the structure of our economy, we need to make it high-tech, digital ... Why all this? In order to drive labor productivity and, on that basis, ensure the growth of our citizens’ well-being.”

The second part of the volume is devoted to high-tech development, the third part to our conversations with foreign colleagues about achieving the goals of sustainable development, the fourth to the situation that has emerged globally due to the underestimation of all the values we have been talking about. We really hope

that at the next IAEF, where everyone is invited, and even more so, at the next All-Russian Economic Meeting, we will have the opportunity to discuss the success of the national projects and not just their problems, although such discussion is also important for making appropriate adjustments to any project. We hope that the goals of sustainable development will become apparent to the majority of world leaders so that they will after all manage to steer the world development away from the abyss into which it is frightening to even look.

And a bit of sadness. We decided to devote this volume to the memory of our friend, an outstanding Russian economist, the grand master of economics Viktor Viktorovich Ivanter. It is a pity the next conversations will take place in the absence of his witty and wise comments.

Sergey Bodrunov,
Editor-in-chief

ЧАСТЬ I

МОСКОВСКИЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ФОРУМ

МАЗФ: ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ПОДХОД К РАЗВИТИЮ

ЧТО ТАКОЕ МАЗФ? (ОРГАНИЗАЦИОННО)

ПРЕЗИДЕНТ РАН
И ПРЕЗИДЕНТ ВЭО РОССИИ О ФОРУМЕ

НОБЕЛИАТ ЖАН ТИРОЛЬ - УЧАСТНИК МАЗФ. ИНТЕРВЬЮ

*Александр Михайлович Сергеев,
президент РАН, академик РАН*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, президент Международного союза
экономистов, директор Института нового
индустриального развития им. С. Ю. Витте, д. э. н.,
профессор*

*Виктор Викторович Ивантер,
академик РАН, научный руководитель Института
народнохозяйственного прогнозирования РАН,
действительный член Сената ВЭО России*

*Игорь Юрьевич Артемьев,
руководитель Федеральной антимонопольной службы
России*

*Александр Николаевич Шохин,
президент Российского союза промышленников
и предпринимателей, д. э. н., профессор*

*Олег Николаевич Смолин,
первый заместитель председателя Комитета по
образованию и науке Госдумы, д. ф. н., академик РАО,
член Президиума ВЭО России*

*Владимир Александрович Мау,
ректор РАНХиГС при Президенте РФ, д. э. н., профессор*

Nota bene

Исходя из масштабности докладов форума, а также учитывая, что им посвящено отдельное издание, мы даем лишь некоторые тезисы и не оформляем их, как обычно, в беседу, перемежая косвенными словами, связывающими эти тезисы в определенную беседу.

МОСКОВСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ПОДХОД К РАЗВИТИЮ

МАЭФ прошел в этом году впервые. Это площадка, ориентированная в первую очередь на научный мультидисциплинарный анализ экономических процессов и разработку научно обоснованных моделей развития. На форуме, организованном ВЭО России и Российской академией наук, прозвучали мнения экономистов разных школ, которые в последнее время становятся все ближе друг к другу. Причина — глубокие системные трансформации в мировой экономике и внутренние проблемы, которые не решаются в существующей парадигме. На наш взгляд, сами по себе доклады основных спикеров дополняют и подкрепляют друг друга и могли бы стать основой серьезной программы развития.

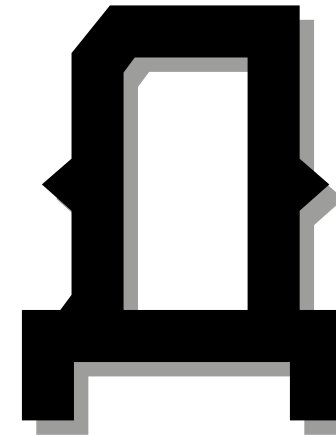
*Владимир Бетелин,
академик РАН, научный руководитель НИИ системных
исследований РАН*

*Руслан Семенович Гринберг,
вице-президент ВЭО России, научный руководитель
Института экономики РАН, член-корреспондент РАН*

*Василий Игоревич Богоявленский,
заместитель директора по научной работе Института
проблем нефти и газа РАН, член-корреспондент РАН, член
Правления ВЭО России*

Долгосрочное прогнозирование

Эту задачу выделил перед участниками МАЭФ президент РАН академик Александр Сергеев. По его мнению, сейчас перед учеными стоит задача стратегического прогнозирования.

«Стратегическое прогнозирование — это и шестилетка национальных проектов, это и планы развития до 2030 и 2035 года. И когда мы говорим о развитии на таких длинных трассах, вдоль таких длинных траекторий, то роль науки становится особенно важной. Мне кажется, что вообще задача академической науки, фундаментальной науки — это прогнозирование, прежде всего, стратегическое. И поэтому мы понимаем ту роль, которую Российская академия наук должна играть именно в решении задач стратегического планирования», — отметил академик.

При этом ученый подчеркнул, что обсуждаться на форуме должно не только экономическое развитие, а социально-экономическое, «потому что народ должен почувствовать, что ситуация меняется к лучшему». Собственно, именно социальная составляющая пронизывает все нацпроекты.

«Но мы понимаем, что две траектории — социального развития и экономического развития — не могут развиваться независимо друг от друга: мы не можем обеспечить повышение качества жизни без обеспечения экономического роста и экономический рост тоже не сможем обеспе-

чить, если трудящиеся не почувствуют изменение к лучшему. Вот эти две траектории — социальная и экономическая — они, безусловно, взаимосвязаны», — подчеркнул Александр Сергеев.

Президента РАН поддержал сопредседатель МАЭФ профессор Сергей Бодрунов, президент Вольного экономического общества России: «От глубины и точности теоретического анализа, от обоснованности и истинности научных обобщений в современном мире прямо зависит практика общественной деятельности, а в особенности такая жизненно важная для каждого человека сфера, как экономика. Именно в этом видится нам одна из задач Московского академического экономического форума — сформировать пространство теоретических дискуссий, нацеленных на выработку практических идей и рекомендаций, отвечающих на вызовы современности, главной особенностью которой является переход к четвертой технологической революции. Рекомендаций, адекватно учитывающих интересы большинства, решающих задачи, адресованные не только бизнесу, но и государству, ну, и, прежде всего, научно-образовательной сфере гражданского общества. Сегодня это объективный вызов времени».

Возрождение на новой основе

Основная идея профессора Бодрунова, что в России необходимо возродить материальное производство на принципиально новой основе — экономическая политика должна соответствовать вызовам технологической революции. И главное, фундаментальное здесь — изменение в содержании материального производства.

«Экономика XXI века форматируется как система, в которой главным фактором производства становится знание, а не материальные ресурсы. Роль первого растет, роль вторых снижается — это закономерность. И мы должны не только зафиксировать этот тренд — тренд неуклонного роста знаниеёмкости производства, — но и сделать на этой основе соответствующие теоретические и практические выводы», — отметил президент ВЭО.

Сейчас, как считает ученый, в академическом пространстве, в экономическом сообществе происходит отход от иллюзий постиндустриализма и рыночного фундаментализма: ни то ни другое не может стать основой для качественного обновления нашей экономики. В XXI веке побеждает тот, кто реализует теоретически выверенный курс на активное общественное регулирование рыночной экономики, стратегическое планирование, государственно-частное партнерство, создание макро- и микроэкономических стимулов прогресса технологий и человеческих качеств.

«Чтобы такая стратегия не стала авантюрой, необходи-

мы системные академические исследования, опирающиеся на методологию и теорию не только неоклассики, но и гетеродоксального направления экономической теории, на исследования, носящие принципиальный междисциплинарный характер. Именно на такие исследования нацелен и наш форум. И это вывод многих выдающихся ученых и экономистов, присутствующих на форуме сегодня», — подчеркнул сопредседатель МАЭФ.

Тему технологий затронул и академик Виктор Ивантер. По его мнению, сейчас есть проблемы взаимоотношения российской науки и общества, которые связаны не с какой-то злонамеренностью, а с политическим мифом, который возник в начале 90-х годов: он заключается, во-первых, в том, что любые технологии можно купить, если деньги есть, а также все можно прочесть, что уже написано, и сделать так же.

«Если все можно купить, тогда зачем нам собственное производство? Важны только деньги. А если все можно прочесть, зачем наука? Потом выяснилось, что, во-первых, купить можно не все, а только то, что вам продают. Я имею в виду не рядовую технику, а технологические достижения. То есть этот рынок технологий — это такой закрытый клуб, куда попадают только те, кто располагает собственными технологиями. У нас есть космос, ядерная энергетика — и в этих областях есть сотрудничество.

Теперь вопрос о «прочитать». Мало же прочесть. Надо понять, что написано. А чтобы понять, что написано, надо этим заниматься. Вот поэтому, если мы откажемся от этих двух мифов, тогда будет совершенно понятно, зачем нам нужны новейшие технологии и зачем нужна фундаментальная наука, без которой технологии развиваться не могут», — отметил ученый.

Развитие конкуренции

Сегодня мы являемся свидетелями драматических событий и споров, когда речь идет о совершенно фундаментальных преобразованиях, которые заключаются в замене фундамента экономики во многом советского типа на фундамент проконкурентной экономики. С этой принципиальной мысли начал свой доклад Игорь Артемьев, руководитель Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации. По мнению главы ФАС, конкуренция всегда является основой эффективности любой экономики (во многих странах это прекрасно понимают), конкуренция всегда повышает производительность труда, способствует снижению цен, увеличению предложений различных товаров для потребителей и многому-многому другому.

«Мы сегодня движемся в двух противоположных направлениях. С одной стороны, если раньше мы боролись

Виктор Ивантер,

*научный руководитель
Института
народнохозяйственного
прогнозирования РАН,
академик РАН,
действительный член
Сената ВЭО России*

Потенциал экономического роста — 4,8% в настоящее время. Вклад чистого экспорта — 0,8%, валовые накопления — 2,6%, госпотребление — 0,3% и потребление домашних хозяйств — 1,1% (это важный элемент). По направлениям это инфраструктура — 1%, ввод жилья — 0,8%, эффективность экспорта — 0,7%, модернизация машиностроения — 0,8% и экономическая инерция — 1,5%. Получаем 4,8%.

за новую нормативную базу по развитию конкуренции, сегодня она появилась: это указ президента, 18 правительственных отраслевых программ развития конкуренции, решения Госсовета России о том, чтобы каждый регион себе написал программу развития конкуренции, — это хорошо. Теперь нам нужно бороться не за принятие актов, а за их исполнение, так как с другой стороны мы имеем огосударствление экономики, антиконкурентные практики, освоение средств как основной элемент во многих случаях, в том числе в политике. Я хотел бы сказать, что если нам в течение ближайшего времени не удастся заменить один фундамент окончательно на другой фундамент, то мы можем долго еще ходить по кругу, возвращаясь каждый раз в точку ноль с точки зрения темпов роста и с точки зрения качества жизни», — отметил Артемьев.

Не менять правила во время игры

Президент РСПП профессор Александр Шохин остановился на партнерстве государства и бизнеса в реализации стратегических проектов, в частности, национальных проектов.

«С одной стороны, нацпроекты стали основой для бюджетного процесса и принятия целого ряда стратегических решений, но с другой — налицо низкая координация национальных проектов и других стратегических документов, недостаточно эффективное взаимодействие органов власти всех уровней при реализации нацпроектов, что ставит под угрозу выполнение в указанные жесткие сроки национальных целей развития», — отметил Александр Шохин.

По его мнению, необходимо предусмотреть эффективный механизм участия бизнеса и научных организаций не только в реализации (как часто это получается, бизнес должен лишь инвестировать), но и в мониторинге национальных проектов вместе с правительством и экспертным сообществом, чтобы вносить необходимые корректировки. В настоящее время формальных инструментов для внешнего контроля качества работы власти над нацпроектами недостаточно, и бизнес с экспертным сообществом могли бы внести свой вклад.

«В соответствии с нацпроектами почти треть из совокупного финансирования в 25 триллионов средств 7,5 трлн приходится на внебюджетные источники, и понятно, что это средства частных инвесторов, и российских инвесторов в первую очередь. Поэтому требуется ускорить принятие ряда законов, стимулирующих инвестиционную активность. Есть проект закона о защите и поощрении капитальных вложений в развитие инвестиционной деятельности

в Российской Федерации, который мы (я имею в виду бизнес-сообщество) с осени прошлого года обсуждаем с Правительством. Уже подготовлена, по-моему, дюжина вариантов, но, к сожалению, споры между ключевыми ведомствами — Минфином, Минэком, Минпромом — пока еще не завершились, и законопроект несколько раз снимался с рассмотрения Комиссии по законопроектной деятельности Правительства. А в этом законе, на наш взгляд, продвинута очень серьезная методология — это универсальная стабилизационная оговорка, которая касается не только больших и длинных инвестиций и сохранения условий ведения бизнеса на период реализации соответствующих инвестпроектов, но и вводится правило отсрочки введения тех норм, которые ухудшают условия ведения бизнеса как минимум на два года, а сейчас у нас можно получить эти изменения, что называется, на завтрашний день», — рассказал глава РСПП.

Вложения в образование и науку

Как утверждает Олег Смолин, кроме финансирования, есть другая системная проблема образования и науки, которая сравнима по остроте, — это проблема бюрократизации.

«Комитет Государственной Думы по образованию и науке сделал специальный доклад. Оказалось, что в среднем учебные заведения в год заполняют 300 отчетов по 11 700 показателям. Причем ситуация явно меняется следующим образом: все меньше людей работающих, все больше людей контролирующих. Невольно вспоминается шутка 30-х: полстраны сидит, полстраны ее охраняет. Сейчас полстраны работает, полстраны контролирует — ситуация явно меняется в пользу последних. Кстати, 80% всех контрольных процедур в образовании — я думаю, такая же ситуация в науке, — не по линии собственно образования, а по линии разного рода других надзоров. Ну, знакомый ректор в Москве говорит, что его контролируют кроме Рособнадзора еще 18 различных структур. Российский учитель в международных исследованиях занял первое место по количеству времени, которое он тратит на разного рода бюрократические процедуры», — рассказал депутат.

Говоря о социальной защищенности учителей, Олег Смолин сослался на опросы ОНФ, организации, которая не должна сгущать краски. Последние данные за 2019 год выглядят так: в 53 регионах РФ 30% учителей получают зарплату на уровне 15 000, при этом средняя нагрузка педагога — более полутора ставок, а по данным Российской академии народного хозяйства и госслужбы, уже 14% российских учителей работают на две ставки.

ДАнные ОЛЕГА СМОЛИНА, ПЕРВОГО ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА ПО ОБРАЗОВАНИЮ И НАУКЕ ГОСДУМЫ, Д. Ф. Н., АКАДЕМИКА РАО

По данным Высшей школы экономики, вложения в образование РФ в 2006 году составляли 3,9%, в 2015-м — 3,6% (сократились на 0,3%). В 2019 году бюджет образования растет на 21%, но мы не достигнем уровня 2012 года, поскольку, если принять расходы на образование за 100% в 2006 году, то в 2012 году будет 180%, в 2015-м — 149%, а вот в 2019-м рост все еще не приведет нас к уровню 2012 года. Средние расходы стран ОЭСР — 4,7%. Как утверждают видные международные эксперты, страна, которая хочет осуществить ускоренную модернизацию, должна тратить не менее 7%. Ситуация с наукой: международная норма госрасходов на науку — 2%. По указу президента № 599 от 2012 года в 2015 году должно было быть 1,77%. По заключению Комитета по образованию и науке Госдумы, на 2019–2021 годы — в реальности 0,38–0,39%.

«Есть грустная шутка: работаем на полторы, потому что на одну есть нечего, а на две есть некогда. Вот 14% наших учителей, по-видимому, есть некогда. Коллеги, это не шутки, это вопрос качества образования. Когда у вас две ставки — я работал учителем — снижение качества образования неизбежно», — отметил Олег Смолин.

По мнению депутата, страна практически созрела до консенсуса о том, что необходимы три кита модернизации: новая индустриализация, более справедливое распределение доходов и инвестиции в человеческий потенциал.

Фактор доверия

О доверии в современной экономике в последнее время много говорят и пишут. Большая работа по этой теме есть у академика Виктора Полтеровича, который считает, что при нынешнем уровне доверия развитие возможно лишь через специально созданные институты. О доверии говорил и Владимир Мау, ректор РАНХиГС. По его мнению, сейчас доверие превратилось чуть ли не в главную экономическую категорию.

«Недаром среди 15 KPI, которые установлены указом президента губернаторам, доверие органам власти стоит на первом месте. Но ведь проблема в том, что у нас очень низкий уровень доверия не только к власти, а всех ко всем! У нас очень низкий уровень доверия. По нашим социологическим исследованиям, только за 2018 год количество тех, кто стал доверять кому-либо, включая близких, еще меньше — увеличилось на треть. Без доверия к институтам, к партнерам, друг к другу экономика развиваться не может. А это то, на что инвестиции не повлияют. Инвестиции — скорее следствие факторов, связанных с доверием, а не предпосылка их», — считает профессор Мау.

По мнению ректора РАНХиГС, в нацпроектах государство ставит акцент прежде всего на благосостояние, на человеческий капитал и транспортную инфраструктуру. А второй тренд в нацпроектах Мау видит в переходе от экономики спроса к экономике предложения. В первую очередь речь идет об инвестиционном климате, об инфраструктуре, социальной и экономической, и с макроэкономической точки зрения это важно.

«Мы живем в условиях конфликта между долгосрочными и краткосрочными задачами экономической политики. То, что хорошо для решения краткосрочных задач, не дает долгосрочных эффектов, как правило. По долгосрочным эффектам нельзя отчитаться непосредственно в ближайший месяц или ближайший год. И в этом смысле преимущество долгосрочного над краткосрочным является, на мой взгляд, несомненно, одним из важнейших факторов дальнейшего устойчивого социально-экономического развития», — заключил экономист.

Модель ВПК как основа

Академик Владимир Бетелин, научный руководитель НИИ системных исследований РАН обратил внимание на работу Скотта Галлоуэя «Четверка: скрытая ДНК Amazon, Apple, Facebook и Google», автор которой считает, что в мире сформировалась абсолютно новая модель экономики, в которой победитель на рынке забирает все. Галлоуэй говорит, что американцы разменяли хорошо оплачиваемые рабочие места и экономическую стабильность на возможность заказать кокосовое молоко с доставкой в течение часа. По его мнению, бездумное потребление приведет Америку к кризису, масштабы которого сложно себе представить.

«Действительно, если мы возьмем, например, государственную программу вооружения, которая в рамках вот этой нашей новой, капиталистической экономики услуг выстроена по старым, социалистическим лекалам, мы увидим, что там есть номенклатуры, объемы товаров определены, объемы финансирования, сроки поставок определены, кроме того, что существенно — действует запрет на закупку систем вооружения за рубежом. И второй важный фактор: потребитель — прежде всего внутренний рынок. Мы делали для себя, но потом оказались сильны и на внешнем рынке. Реализацию и заданные сроки обеспечила военно-промышленная комиссия во главе с президентом России. Конечно, там проблемы есть, я это понимаю и знаю, но, в принципе, был обеспечен выпуск серийной продукции такой сложности и высокотехнологичности изделий. И что еще важно? Россия — один из крупнейших экспортеров оружия — 23% мирового рынка. То есть заодно получилось и выйти на экспорт», — говорит академик Бетелин.

По мнению ученого, логично бы взять эту модель за основу, и основные усилия направить на то, чтобы эта промышленная продукция была для внутреннего рынка, прежде всего, с тем, чтобы были рабочие места, отчисления в налоговый бюджет. В государственной программе промышленного производства можно определить номенклатуру, объемы товаров. В национальных проектах все это есть, особенно если мы возьмем с вами наиболее емкие проекты в финансовом отношении — это дороги, это инфраструктура, это аэродромы, жилье.

Здесь важен запрет на закупку, конечно, не всего, — нельзя все запретить, — но определенной номенклатуры, которую можно и нужно сделать здесь, у нас, ее можно определить, это тоже вполне решаемая задача, и нацелиться именно на внутренний рынок, для того чтобы поднять объем промышленного производства. Соответственно, по аналогии с ОПК должна быть создана государственная промышленная комиссия, конечно, во главе с президентом, потому что по-другому ничего не будет.

Конструкция бюджета подводит

Развитию бюджетной и денежной кредитной сферы посвятил часть своего выступления Андрей Клепач, главный экономист Внешэкономбанка, заслуженный экономист РФ, отметив, что конструкция бюджета, которая принята сейчас, — профицитная, но это своеобразный профицит, потому что для того, чтобы финансировать национальные проекты, Россия увеличивает внутренний долг.

«Если эту политику продолжать, то мы к 2035 году, если ничего не менять в правилах, выйдем на госдолг примерно в 30% ВВП, то есть в 2,7 раза выше, чем сейчас. Но для чего? Для того, чтобы за счет этих заимствований, отсасывая деньги из экономики, увеличить Фонд национального благосостояния. То есть мы не столько инвестируем, сколько продолжаем накапливать избыточные государственные сбережения, большей частью размещенные в валютных активах за рубежом, а не вложенные в свою собственную экономику. Для того чтобы реализовать ту модель ускорения развития и решения структурных ключевых проблем здравоохранения, образования, транспортной инфраструктуры, необходимо, чтобы у нас бюджет был дефицитным — примерно на два с лишним процента. Госдолг при этом сценарии вырастает меньше, потому что нет задачи увеличения суверенных фондов», — пояснил экономист.

В денежно-кредитной политике речь должна идти не только о смягчении политики ЦБ, но, по сути дела, о создании другой финансово-экономической системы с институтами развития, которые могут предоставить длинные деньги для крупных долгосрочных проектов, но на условиях, доступных для предприятий, считает Андрей Клепач.

«Таким образом, мы действительно стоим перед необходимостью изменения политики. Причем интересно, что опросы — в данном случае опросы «Левада-Центра» — показывают, что примерно 40% населения считает, что сейчас экономическая ситуация в России неблагоприятна. Эта оценка, конечно, лучше, чем в 2015 году, но она раза в два хуже, чем было в 2006–2007. Есть запрос на изменение политики. По тем же опросам «Левады», примерно 42% в прошлом году, а в этом году вообще 57% респондентов выступает за масштабное и кардинальное изменение экономической политики. Надеюсь, оно произойдет», — заключил главный экономист госкорпорации развития ВЭБ РФ.

Взрывной рост

Мы наблюдаем переход к новому технологическому укладу, где идет бурное развитие нанотехнологий, биоинженерных, информационно-коммуникационных, аддитивных, цифровых технологий и так далее, подчеркнул в своем выступлении академик Сергей Глазьев, советник президента и будущий министр Евразийской экономической комиссии.

«В среднем эти технологии растут темпами где-то от 15 до 40%, некоторые 60% в год. Этот комплекс производств нового технологического уклада находится в уже взрывной фазе роста, и он становится локомотивом экономического развития. Поэтому если говорить об опережающем развитии, то мы, конечно, должны вкладывать все имеющиеся ресурсы в то, чтобы этот технологический уклад у нас стал тоже локомотивом экономического развития. В передовых странах это примерно уже 5% экономики, и его распространение совершает технологическую революцию», — констатирует академик.

Более того, по мнению Сергея Глазьева, эта технологическая революция уже завершается. Передовые страны уже покинули так называемую зону родов нового технологического уклада, они выходят на экспоненциальное расширение новых производств.

«Мы же топчемся на месте в течение многих лет, имеем неплохие заделы, которые, однако, остаются уже более десятилетия на уровне лабораторных и опытных производств, с трудом проходят фазу коммерциализации, и явно мы наблюдаем отставание нашей страны по базовым производствам нового технологического уклада, что обрекает нас лишь на дальнейшее нарастание отставания. По мере расширения, роста капиталоемкости вход на эту технологическую траекторию будет становиться все более дорогим», — предупредил академик.

Глазьев пояснил, что практически по всем производствам ядра нового технологического уклада у нас есть хорошие заделы, но отсутствуют механизмы расширения, коммерциализации, массового применения, поскольку нет кредитов, нет венчурного финансирования, нет вообще привычной специалистам в этой области системы финансовой инфраструктуры для поддержки инновационной активности. В результате мы либо остаемся на лабораторном уровне, либо наши специалисты покидают страну и находят применение своим мозгам в других местах.

«Я не буду сейчас давать все оценки экономическому развитию, остановлюсь на тех рассуждениях, с которых я начал.

Если мы делаем ставку на новый технологический уклад, который будет расти опережающими темпами, скажем, как в других странах, порядка 30% в год, если мы проводим политику динамического нагнывания в тех отраслях, где мы близки к фронту научно-технического прогресса, скажем, переходим на отечественные самолеты, несмотря на все трудности, или строим отечественные суда, замещая импорт в тех сферах, где у нас есть экономический рост, например, в рыбной отрасли, то мы получаем многократный рост экономической активности в отраслях с колоссальным мультипликационным эффектом. Это еще процентов 10–15 (я имею в виду, по секторам)», — отметил ученый.

При этом, на его взгляд, догоняющее развитие, которым занимается сегодня правительство, — единственное из этих пяти направлений стратегии экономического рывка, только догоняющее развитие у нас присутствует в правительственных программах, — это промышленная сборка автомобилей. «Ну, здесь много не соберешь — процента четыре, может быть, экономического роста. Это при условии, если население будет иметь доходы, чтобы эти автомобили покупать», — считает Сергей Глазьев.

Одна из важнейших причин неспособности страны осу-

ществить прорывную политику — нехватка инвестиций. Любой экономический рывок сопровождается резким повышением нормы накопления. «Лидирует сегодня Китай, у которого норма накопления уже под 50%, у нас тоже были периоды бурного экономического развития, и всегда они сопровождались опережающим ростом инвестиций: на один процент прироста валового продукта нужно иметь 2% прироста инвестиций, то есть, если мы хотим выйти на 8% в год, нам надо иметь прирост инвестиционной активности не менее чем 16%, а лучше — 20–25%. А в приоритетных направлениях и того больше», — заключил академик.

Три потенциала России

Руслан Гринберг, вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, считает, что решение проблем России — во вложениях в ее естественные потенциалы.

«Я обычно говорю, что у нас есть три потенциала в России, два из которых используются, а один нет. Первый — это природный, используется на все 100%. Плоды делятся скандально неравномерно, но это другая тема. Дитя не плачет — мать не понимает. Второй потенциал — интеллектуальный. По-прежнему есть двадцатка хороших университетов, и люди рожают хороших юношей и девушек пытливых, которые, правда, продолжают после

своего обучения строить капитализм в тех странах, на которые мы хотим походить. Ну, и третий — пространственный потенциал. Мы в Институте экономики этим занимаемся, через некоторое время появится наша концепция стратегии России, мы там исходим из того, что мы должны особенно использовать этот пространственный потенциал, а именно — высокоскоростную магистраль “Транссиб-2”. У нас все проверено, все цифры получены, президент одобрил, кивнул, его это заинтересовало, но дальше дело не движется», — рассказал ученый.

По мнению Руслана Гринберга, нынешняя концепция пространственного развития — абсолютно бессодержательная, хотя это очень серьезная задача. Немалая проблема кроется, на его взгляд, в постановке целей, в общественном выборе пути, а не в формальном выборе ориентиров.

«Я считаю, очень странная задача — войти в пятерку ведущих стран мира. В конце концов, в значительной мере это связано с населением. Ну и что от того, что мы догоним ФРГ по ВВП? Ну, хотя бы сказали “на душу населения”, или сказали бы, что есть такой индекс человеческого развития, более-менее репрезентативный, который подсказывает, как жизнь развивается и где есть средний класс, где его нет. Но этого не происходит. А что происходит? А происходит вот такая чисто спортивная, я считаю, маргинальная цель войти в эту пятерку. А что, Дания, Норвегия — они что, они как, они хуже нас? А за нами по ВВП идет по пятам Индонезия, Южная Корея тоже может нас догнать. Тем более у нас сейчас среднегодовые темпы 1,5%, а у них 3,5%, а у некоторых 4%», — посетовал ученый.

Ну, и самая чувствительная вещь. Все, что надо делать, мы примерно знаем, а почему не делается? Я думаю, что правый дом никак не заинтересован ни в каком изменении ситуации. И я вам должен сказать, что если бы я был на месте Путина, я бы тоже кивал: все хорошо, но пока не будем. А почему пока не будем? Потому что мир у нас находится в турбулентной зоне, и мы находимся в турбулентной зоне, не известно, что будет, а деньги придется тратить, и непонятно, что с ними будет, ну и, в общем, давайте подождем.

«Сменяемость власти — похоже, единственный остался вариант реального изменения ситуации. Я хочу сказать, что это исключительно важно, когда приходят на первые роли люди с совершенно другими взглядами. Они могут ошибаться, они могут еще хуже быть, но, с другой стороны, есть большой шанс на то, что действительно политика может быть изменена. Для меня яркий пример — это политика Бальцеровича и политика Егора Тимуровича Гайдара. Ведь и тот и другой принадлежат одной школе мышления, она мне чужда — праволиберальной, — но что получилось? Если шоковая терапия в Польше привела к массовой нище-

те, то там договорились, что, раз шоковая терапия провалилась, раз мы хотим демократии, то мы должны допустить приход новой группы людей, которые могли бы изменить ситуацию. И им это удалось. У нас это тоже удалось на время — на время правления Примакова — Маслюкова, но только для того, чтобы просто избавить страну от полной катастрофы, а потом возобновилась эта политика. Поэтому изменение политической системы — это не просто так, из-за того, что люди любят демократию, это нормальный рычаг экономического изменения в стране», — заключил Руслан Гринберг.

Нефть и газ

Василий Богоявленский, заместитель директора по научной работе Института проблем нефти и газа РАН, член-корреспондент РАН, сосредоточился в своем докладе на ситуации в нефтегазодобыче. Он отметил, что если бы не было сланцевой революции, то пик добычи на суше был преодолен уже в 2003 году, а в 2011-м был бы пик всей добычи, и цены на углеводороды бы взвились до небес.

«Тем не менее все страны смотрят в Арктику совершенно справедливо. Мы построили карту перспектив нефтегазодобычи. У России, конечно, очень большие перспективы... В 2018 году был установлен очередной рекорд по объемам добычи в Арктике. Добыча в Арктике ведется уже 50 лет, и за полвека добыто 22 миллиарда тонн нефтяного эквивалента, преимущественно газ. Россия — это 87% общей добычи в Арктике, только 12,5% — США, а уж о Канаде и Норвегии можно вообще не говорить. На шельфе Россия тоже первая. Большой успех на Приразломной: 10 миллионов тонн уже отгружено, 150 танкеров нефти ушло на экспорт. Никаких аварийных ситуаций, все развивается очень успешно. По запасам в Арктике Россия абсолютно лидирует, причем давно, и будет однозначно лидировать — это закрепленный успех», — сообщил Василий Богоявленский.

Ученый отметил, что арктический газ для России имеет колоссальное значение: в отдельные годы порядка 90% добычи было именно в Арктике, и сейчас Арктика дает больше 50% добычи углеводородов страны.

«Если говорить о добыче на шельфе: по нефти растет добыча, но по-прежнему она очень небольшая — 5% примерно. По газу она немножечко снизилась и составляет пока около 7% от общей добычи газа страны. Все лицензионные участки сейчас в значительной степени находятся в замороженном состоянии. Наши гиганты «Роснефть» и «Газпром» запросили продление лицензии до 20 лет поискового этапа, а это означает, по сути дела, заморозку. Может ли Арктика в ближайшие годы дать большие объемы добы-

чи жидких углеводородов? Если дела будут обстоять так, как сейчас, в лучшем случае в 2030 году шельф Арктики даст нам два с небольшим процента от общих объемов добычи нефти», — посетовал ученый.

Профессор Богоявленский также обратил внимание на то, что отсутствие технологий тормозит освоение Арктики, компании получили большие лицензионные участки, не имея нужных технологий для их разработки: «А зачем тогда брали эти участки? Наверное, сначала надо технологии разработать, а потом уже столбить участки и начинать освоение».

При этом существует целый ряд уже технологий, в которых мы опережаем Запад, мне кажется, что в эту точку и надо бить — надо свои новые технологии создавать, а не пытаться догнать и перегнать Америку.

Пленарные конференции МАЭФ состоялись в ведущих экономических вузах

В Финансовом университете темой заседания было «Новое качество экономики». Вывод, с которым большинство участников оказалось согласно, был сделан такой: в мире происходят качественные сдвиги в системе производительных сил во всех ее сторонах. И эти качественные сдвиги могут осуществляться только при условии, если происходят соответствующие изменения и в сложившихся системах экономических отношений.

В Российском экономическом университете им. Плеханова темой конференции стали глобальные трансформации мировой экономики и их влияние на Россию. Пленарная сессия состояла из двух частей: первая — будущее глобализации, и вторая — иностранные инвестиции и транснациональные корпорации. Также были четыре секции, в частности, «Современная трансформация процессов экономической глобализации», «Экономика в эпоху цифровиза-

ции», «Осмысление места России в мировой экономике» и «Воздействие новых явлений на участие России в мирохозяйственных связях».

В Академии народного хозяйства и госслужбы прошла конференция: «Социально-экономическое развитие России в долгосрочной перспективе: роль государственных стратегий и программ». Выступили 14 докладчиков, которые представили четыре группы разработчиков планов развития нашей страны. Это объединенная группа из Института имени Гайдара и нашей Академии народного хозяйства и госслужбы, из Высшей школы экономики, группа Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, а также группы Института экономики РАН, который представляло подразделение, возглавляемое академиком Виктором Полтеровичем.

В МГУ им. М. В. Ломоносова в рамках форума состоялся

Четвертый международный политэкономический конгресс «Экономика как объект междисциплинарных исследований». Там, в частности, рассматривались вопросы экономической политики, активной промышленной политики и стратегического планирования. Многие ученые приходят к выводу, что для государственного сектора возможен директивный план, в который должны быть сведены практически все программы государства.

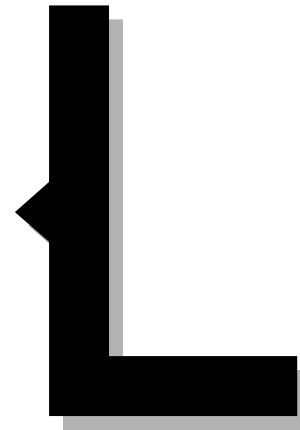
В Московском авиационном институте работала молодежная секция МАЭФ «Экономика России: что предложит поколение NEXT?». Приятно отметить, что там было зарегистрировано свыше 250 бакалавров, магистров, молодых ученых, представлено более 70 докладов по самым разным актуальным направлениям развития российской экономики, были предложены совершенно новые гипотезы.

MOSCOW ACADEMIC ECONOMIC FORUM

INTEGRATED APPROACH TO DEVELOPMENT

This year, MAEF was held for the first time. The platform is primarily focused on providing scientific multidisciplinary analysis of economic processes and devising scientifically substantiated development models. The forum organized by the VEO of Russia and the Russian Academy of Sciences showcased economists from different schools that have recently been drawing closer to one another. The reason is the deep systemic transformations in the global economy and the domestic problems that cannot be solved within the existing paradigm. In our opinion, reports of the main speakers complement and support each other, and might form the basis for a serious development program.

Long-term forecasting

The task was highlighted by the President of the Russian Academy of Sciences, academician Alexander Sergeyev before the MAEF participants. In his opinion, scholars are currently facing the task of strategic forecasting.

“Strategic forecasting includes the six-year period of the national projects and the development plans for the periods until 2030 and 2035. Given such long-term development plans along such extended trajectories, the role of science becomes especially important. In general, I think the task of academic, fundamental science is strategic forecasting, first and foremost. And, therefore, we understand the role that the Russian Academy of Sciences should play in solving problems of strategic planning,” the academician said.

At the same time, the mathematician emphasized that not only economic development should be discussed at the forum, but also socio-economic development, “because people should feel the situation is changing for the better.” Actually, it is the social component that permeates all national projects.

“But we understand that the two trajectories — social development and economic development — cannot develop independently of each other: we cannot ensure an improvement in the quality of life without ensuring economic growth, and we cannot achieve economic growth if the workers do not feel a change for the better. Those two trajectories — social and economic — are, of course, interrelated,” Alexander Sergeyev said.

The President of the Russian Academy of Sciences was supported by the MAEF Co-Chair, Professor Sergei Bodrunov, President of the Free Economic Society of Russia: “The practice of social activity, and in particular, such a vitally important area as economy, directly depends on the depth and accuracy of theoretical analysis, on the validity and truth of scientific generalizations in the modern world. It is exactly this that we see as one of the tasks of the Moscow Academic Economic Forum: to create a space of theoretical discussions aimed at developing practical ideas and recommendations that would address the challenges of our time, which is marked by the transition to the fourth technological revolution. Recommendations that would adequately address the interests of the majority of the people and solve problems, intended not only for business, but also for the government and, above all, the scientific and educational community. Today it is an objective challenge of our time.”

Revival on a new foundation

Professor Bodrunov’s key idea is reviving material production in Russia on a fundamentally new basis — economic policy must correspond to the challenges of the technological revolution. And, most importantly, the fundamental issue consists in changing the contents of material production.

“In the 21st century, economy is being formed as a system in which knowledge, rather than material resources, becomes the main factor in production. The role of the former is growing, the role of the latter is diminishing — it’s a trend. And we should not only acknowledge this trend — a steady upward trend in the knowledge intensity of production — but also draw relevant theoretical and practical conclusions based thereon,” the President of the VEO said.

According to the scholar, the academic community has been currently moving away from the illusions of post-industrialism and market fundamentalism: neither is capable of becoming a basis for a qualitative renewal of our economy. In the 21st century, the winning strategy will consist in following a theoretically valid path of active social regulation of market economy, strategic planning, public-private partnerships, and of creating macro— and microeconomic incentives for technological progress and progress of human qualities.

“To prevent such a strategy from becoming a risky undertaking, systematic academic research is needed, based not only on the methodology and theory of neoclassicism, but also on heterodox economics and on research of fundamental interdisciplinary character. It is precisely such research that our forum is aimed at. And this sentiment is shared by many prominent scientists and economists in attendance at the forum today,” the MAEF co-Chair said.

Academician Viktor Ivanter also touched upon the topic of technology. In his opinion, there exist certain problems in the relationship between Russian science and society, engendered not by any malicious intent but rather by the political mythology of the early 90s: it consists of the notion that you can buy any technology if you have enough money and that everything that has already been written can be read and reproduced.

“If we can buy anything, then why do we need our own production? Only money is important. And if everything can be read, why science? Then it turned out that, after all, you cannot buy everything, but only what is on sale. I do not mean just equipment but also technological solutions. The technologies market is a closed club that only those who have their own technologies can get into. We have space research, nuclear energy — and we cooperate in those areas.

Concerning “reading.” It’s not enough to read. You need to understand what is written. And to understand what is written, you need to be invested in it. That’s why, if we abandon these two myths, we will completely understand why we need the latest technologies and why we need fundamental science, without which technologies cannot develop,” the scientist noted.

Viktor Ivanter

Research Director of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, academician of the Russian Academy of Sciences, full member of the Senate of the VEO of Russia

Current economic growth potential — 4.8%. Net exports contribution — 0.8%, gross savings — 2.6%, government consumption — 0.3%, and household consumption — 1.1% (this is an important item). Breakdown by areas: infrastructure — 1%, housing construction — 0.8%, export efficiency — 0.7%, mechanical industry upgrade — 0.8%, economic inertia — 1.5%. A total of 4.8%.

Development of competition

Today we are witnessing dramatic events and discussions when it comes to completely fundamental transformations that consist in the foundations of a mostly Soviet-type economy being replaced with those of a competition-driven economy. Igor Artemyev, head of the Federal Antimonopoly Service of the Russian Federation, cited this important idea to kick off his speech. According to the head of the Federal Antimonopoly Service, competition has always driven the efficiency of any economy (it is well understood in many countries), competition has always led to innovation, increased labor productivity, helped reduce prices, increased the supply of various consumer goods, and much, much more.

“Today we are moving in two opposite directions. On the one hand, if earlier we fought for a new regulatory framework for the development of competition, today we have one which consists of the presidential decree, 18 government industry-specific programs for the development of competition, and the resolutions of the Russian State Council to the effect that each region should draw up a competition development program. And it is good. Now what we need to fight for is not the adoption of regulatory acts but their implementation, since on the other hand we have encountered the nationalization of the economy, anti-competitive practices, uncontrolled spending as the key element in many instances, including politics. I would say that if we are unable to completely replace one foundation with the other in the nearest future, we will be going around in circles for a long time, each time returning to point zero in terms of growth rates and the quality of life,” Artemyev said.

No in-game rule changes

President of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, Professor Alexander Shokhin, focused on the partnership between the government and business in the implementation of strategic projects, in particular, the national projects.

“On the one hand, the national projects have become the basis for the budget process and the adoption of a number of strategic decisions, but, on the other hand, there is poor coordination between the national projects and other strategic documents, and a lack of effective interaction among the authorities at all levels in the implementation of the national projects which threaten the implementation of the national development goals by the specified tight deadlines,” Alexander Shokhin said.

In his opinion, it is necessary to provide an effective mechanism for business and scientific organizations to participate not only in implementing (as is often the case, with businesses only acting as investors) but also in monitoring the national projects together with the government and the expert community in order to make the necessary adjustments. At present, the existing formal tools for external quality control of the authorities' input in the national projects are insufficient, and it would be helpful if business, together with the expert community, made their contribution.

“Under the national projects almost a third of the 25 trillion in financing, 7.5 trillion, comes from extra-budgetary sources, and it is clear that those are funds of private investors, first of all Russian investors. Therefore, it is necessary to speed up the adoption of a series of laws that will boost investment activity. There is a draft law on the protection and promotion of capital investments for developing investment activity in the Russian Federation which we (I mean the business community) have been discussing with the Government since last fall. I think a dozen drafts have already been prepared, but, unfortunately, the key agencies tasked with the problem (Ministry of Finance, Ministry of Economy, Ministry of Industry) are not done arguing and keep resubmitting the draft law to the Commission on the Government's Legislative Activity. And we believe that the law provides an important methodology, a universal stabilization clause that not only addresses large long-term investments and preservation of business environment for the duration of the corresponding investment projects but also introduces a rule for postponing for at least two years the introduction of any regulations that may worsen the conditions of doing business, while at present any such changes may occur right off the bat as the saying goes,” says the head of the RUIE.

Investments in education and science

According to Oleg Smolin, in addition to financing, there is another systemic problem with education and science, which is equally acute — one of bureaucratization.

“The State Duma Committee on Education and Science made a special report. It turned out that secondary schools fill out 300 reports per year based on 11,700 indicators. Moreover, there's an obvious trend: there are increasingly fewer people who are engaged in actual work and more people engaged in supervision. Involuntarily I recall a joke of the 1930s: half the country are prisoners, and the other half are guards. Now half the country works, and the other half supervises — and the balance is clearly tipping in favor of the latter. By the way, 80% of all supervisory procedures in education (and I believe it is also true for science) are not associated with education per se, but with various other kinds of supervision. A rector in Moscow I'm familiar with says he is supervised by 18 agencies besides Rosobrnadzor. According to international studies the Russian teacher is in first place by the amount of time he spends on various kinds of bureaucratic procedures,” the deputy said.

Speaking about the social security of teachers, Oleg Smolin cited polls by the All-Russia People's Front, an organization that should not be prone to exaggeration. The latest 2019 data look like this: in 53 regions of the Russian Federation 30% of teachers receive a salary of 15,000, while the average teacher's workload is more than 50% higher than normal, and according to the Russian Academy of National Economy and Public Administration 14% of Russian teachers work two jobs.

“There is a sad joke: we work one and a half jobs because if we worked one job we'd have no money to buy food and if we worked two jobs we wouldn't have time to eat. Apparently, 14% of our teachers have no time to eat. Colleagues, I'm not joking, it is a matter of the quality of education. When you work two jobs, and I did work as a teacher, a decline in the quality of education is inevitable,” Oleg Smolin said.

According to the deputy, the country is almost ready for a consensus on the necessity of the three pillars of modernization: a new industrialization, a more equitable distribution of income and investment in human potential.

DATA PROVIDED BY OLEG SMOLIN, FIRST DEPUTY CHAIRMAN OF THE STATE DUMA COMMITTEE ON EDUCATION AND SCIENCE, DOCTOR OF PHILOSOPHY, ACADEMICIAN OF THE RUSSIAN ACADEMY OF EDUCATION

According to the Higher School of Economics, investments in Russian education amounted to 3.9% in 2006, 3.6% in 2015 (a 0.3% decrease). In 2019, the education budget will grow by 21%, but we will not reach the 2012 level; considering the amount of funds spent on education in 2006 to be 100%, 180% was spent in 2012, and 149% in 2015, but the amount spent in 2019 is still shy of the 2012 level. The average education spending in OECD countries is 4.7%. According to prominent international experts, a country that wishes to accelerate its modernization should spend at least 7%. The situation with science: the international standard of government spending on science is 2%. By presidential decree No. 599 of 2012, 1.77% should have been spent in 2015. According to the Committee on Education and Science of the State Duma, only 0.38-0.39-0.38% will be spent in 2019-2021, respectively.

ПЕРВЫЙ МОСКОВСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

15–16 мая 2019 года состоится первый Московский академический экономический форум (МАЭФ). Его организуют Вольное экономическое общество России, Российская академия наук и Международный союз экономистов. Общая тема Форума: «Перспективы социально-экономического развития и роль науки: экономический дискурс». О планах и задачах форума газете «Поиск» рассказал президент Вольного экономического общества России Сергей Бодрунов.

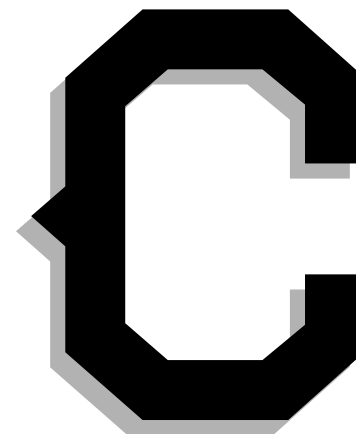

СОБЕСЕДНИКИ

*Александр Викторович Митрошенков,
главный редактор газеты «Поиск»*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, президент Международного союза
экономистов, директор Института нового
индустриального развития им. С. Ю. Витте, д. э. н.,
профессор*

Митрошенков: Сергей Дмитриевич, первый вопрос, который возникает у тех, кто не слишком близок к организации МАЭФ: зачем стране новый экономический форум? У нас же и так их немало, мягко говоря.

Бодрунов: Я бы начал с классического: «Вся земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет». Обильна — в том числе и форумами, но если проанализировать их результаты, они, к сожалению, за немногим исключением, часто и невысоки, и противоречивы, и быстро забываются. При этом — носят в основном прикладной, практический характер, и являются, скорее, площадками для переговоров, заключения контрактов, обсуждения текущих практических проблем. Голос академического сообщества экономистов там практически не слышен. Это — во-первых. А во-вторых, сегодня сама экономическая наука пронизана расколами, разбита на лагеря. На протяжении последних десятилетий мейнстрим экономической науки переживает кризис. При этом неудовлетворительное состояние экономики во многих странах мира, в том числе и в России, связывают в первую очередь с политикой, реформами, забывая о том, что было бы хорошо, если бы реформы более весомо опирались на современную экономическую науку.

Начавшиеся в конце XX века бурное технологическое развитие, культурные трансформации, изменения геополитэкономической конфигурации, назревающие изменения в экономических отношениях и институтах не находят

адекватного отражения в методологии и теории. Это, в свою очередь, создает большие проблемы при решении экономических вопросов, которые принято рассматривать в устаревшей, изживающей себя парадигме. При этом многие экономисты обращают внимание на то, что кризис экономической теории конца XX — начала XXI в. предшествовал мировому экономическому кризису 2008–2010 гг. И, вероятно, для решения проблем мировой экономики нужны новые идеи в экономической теории. Очевидно, современная экономическая наука должна стать междисциплинарной, соединить перспективные результаты исследований и на этой основе выработать новую теорию общественного развития.

Кроме того, пора дать осмысленный ответ на вопрос, что может дать экономическая наука для формирования модели экономического развития России, адекватной вызовам современного мира.

МАЭФ, таким образом, задумывается прежде всего как научная интеллектуальная площадка, предназначенная и для обсуждения перспективной парадигмы экономической науки, и для формирования идей, закладывающих научный фундамент долгосрочного экономического развития России.

Митрошенков: Почему Вольное экономическое общество России и РАН выступили с инициативой проведения такого форума? Насколько оправдан такой своеобразный «тандем»?

Ну, тут нет ничего удивительного. Напомню пару фактов из истории: примерно половина основателей Императорского Вольного экономического общества (а это было более 250 лет назад) были членами Императорской академии наук. Первым президентом Вольного экономического общества был избран сенатор, статс-секретарь Екатерины II, член академии наук Адам Олсуфьев. А один из величайших членов Императорской академии наук — Михаил Ломоносов был автором самой идеи создания ВЭО. Членами Общества были практически все выдающиеся ученые России. И в новейшей истории инициаторами возрождения Общества стали ведущие академики-экономисты.

Таким образом, на протяжении и дореволюционного периода, и современной истории Академия наук и ВЭО дополнили друг друга. Академические идеи, переложенные на почву общественного знания и общественного обсуждения, служили благу экономики Отечества. Именно поэтому такого форума, как МАЭФ, нам просто логически не доставало. И именно потому, что Форум не призван решать сиюминутные задачи, а имеет очевидные, исторически и социально обоснованные цели перспективного развития, четко «держит руку на пульсе» современных тенденций гло-

бальных экономических трендов, мы намерены сделать его ежегодным.

Митрошенков: Расскажите немного о том, как форум пройдет. Понятно, что он еще в стадии активной подготовки, но тем не менее что-то уже понятно?

ДАнные О ФОРУМЕ

Архитектура Форума предусматривает проведение 15 мая пленарного заседания в Российской академии наук и двух пленарных сессий: «Экономика, адекватная современным вызовам: академические дискуссии» и «Драйверы экономических, социальных и технологических трансформаций: будущее России».

16 мая состоятся пленарные конференции Форума в Москве на площадках ведущих вузов (Финансовый университет при Правительстве РФ, Московская школа экономики (МШЭ МГУ), МГУ имени М. В. Ломоносова, РАНХиГС, РЭУ имени Г. В. Плеханова), а также на многочисленных региональных площадках, список которых сейчас формируется).

Организацией Форума заняты:

Сопредседатели МАЭФ:

● **А. М. Сергеев**, президент РАН, академик РАН, д. ф.-м. н., профессор;

● **С. Д. Бодрунов**, президент ВЭО России, президент МСЭ, директор Института нового индустриального развития имени С. Ю. Витте, д. э. н., профессор.

Программный комитет Форума возглавляют:

● **Абел Аганбегян**, заведующий кафедрой экономической теории и политики РАНХиГС при Президенте РФ, академик РАН, д. э. н., профессор;

● **Виктор Ивантер**, действительный член Сената ВЭО России, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, заместитель академика-секретаря, руководитель секции экономики отделения общественных наук РАН, академик РАН, д. э. н., профессор.

● Работой Международного комитета МАЭФ руководит **Александр Дынкин**, вице-президент ВЭО России, президент ФГБНУ «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН», академик-секретарь Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, академик РАН, д. э. н., профессор.

● Председатель Координационного комитета МАЭФ: **Дмитрий Сорокин**, вице-президент ВЭО России, научный руководитель ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор.

Сопредседатели организационного комитета МАЭФ:

● **Руслан Гринберг**, вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор;

● **Владимир Иванов**, член Правления ВЭО России, заместитель президента РАН, член-корреспондент РАН, д. э. н., к. техн. н.;

● **Маргарита Ратникова**, вице-президент ВЭО России, исполнительный директор Международного союза экономистов.

Митрошенков: Либералы, политэкономисты, консерваторы, представители левых взглядов на одной площадке — похоже, дискуссия будет острой! Кого вы ждете на форум?

Бодрунов: Мы приглашаем всех. Это будут и ведущие ученые, и российские и иностранные эксперты, молодые исследователи, представители федеральных органов законодательной и исполнительной власти, администраций субъектов РФ (кстати, регионам будет посвящена отдельная сессия), представители образовательного сообщества России, деловых кругов, международных и российских общественных организаций. Мы планируем, что общее число участников составит 1500 человек, из них — 300–400 иностранцев. Кстати, в их числе будет и нобелевский лауреат, который во второй день форума выступит с лекцией. Кто — пока секрет. В целом, мы планируем организовать большой, представительный, а самое главное, полезный для страны и экономической науки форум. «Полезное» — девиз, который дала Императорскому Вольному экономическому обществу еще Екатерина II, и мы стараемся поддерживать вековые традиции.

ГОСУДАРСТВО ДОЛЖНО СОЗДАТЬ УСЛОВИЯ, ЧТОБЫ БИЗНЕС ВКЛАДЫВАЛ В НАУКУ

БЕСЕДА ПО ИТОГАМ МАЭФ

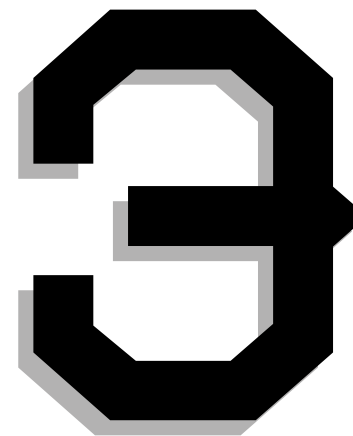
**СОБЕСЕДНИКИ —
СОУЧРЕДИТЕЛИ
МОСКОВСКОГО
АКАДЕМИЧЕСКОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ФОРУМА**

*Сергеев Александр Михайлович,
президент РАН, академик РАН*

*Бодрунов Сергей Дмитриевич,
президент ВЭО России, президент Международного
союза экономистов, директор Института нового
индустриального развития им. С. Ю. Витте, д. э. н.,
профессор*

Бодрунов: Эксперты Московского академического экономического форума много говорили о том, что России необходимо выйти на принципиально новый уровень развития. Какие условия нам нужны, чтобы совершить рывок, о котором говорит Президент?

Сергеев: Когда мы говорим о том, как выйти на темпы роста экономики выше среднемировых, то должны понимать, что мир вышел на эти цифры благодаря умелому внедрению достижений науки. Ведущие экономики развиваются благодаря научно-технологическому прогрессу. Если мы хотим с ними конкурировать, то должны встать на научно-технологические рельсы. Это непросто. Во-первых, потому, что мы находимся в фазе заметного технологического отставания. Во-вторых, если говорить о финансировании науки, государство делает что может, в то время как вклад бизнеса очень мал. 70% финансирования науки обеспечивает бюджет, и только 30% — экономика. В развивающихся, наукоориентированных экономиках ситуация обратная. Там 70–80% дает экономика, бизнес, а остальное — государство. Нам надо эту ситуацию изменить. А как это сделать? Мы не можем заставить бизнес инвестировать в науку. Предприниматель понимает, что ему это невыгодно.

Бодрунов: Да, бизнес видит риски.

Сергеев: Значит, государство должно создать такие условия, чтобы бизнесу было выгодно вкладывать средства в науку, в ее фундаментальную, «поисковую» часть. У нас плохо работает звено так называемых поисковых исследований. Это когда фундаментальная наука предложила какие-то решения, а бизнес их не взял, потому что, чтобы доказать, что конкретно это решение применимо к бизнесу, нужно доработать. И бизнес ждет, не вложит ли государство еще средств? А государство говорит: «А почему я? Я вкладываю в фундаментальные исследования сколько могу. Недостаточно? Готово добавить, но бизнес должен подключиться». В этой области должен быть достигнут консенсус. Нужна новая конвенция между бизнесом и государством. Потому что пока бизнес занимает выжидательную позицию. Значит, государство должно разделить с ним риски, предоставить какие-то преференции бизнесу. Но с другой стороны, если в результате у нас сложилась цепочка, получился рыночный продукт, то бенефициар, то есть бизнес, должен большую часть прибыли реинвестировать в науку.

Бодрунов: Согласен. Государство может создать условия.

Сергеев: Второй очень важный момент — многие экономики, которые продемонстрировали выход в режим «самораскрывающегося» развития на научно-технологических рельсах, запустили этот процесс, будучи достаточно богатыми с точки зрения инвестиций. А у нас инвестиций не хватает. Мы находимся в ситуации «давайте развивать науку и технологии, но где взять инвестиции, чтобы бросить их туда?» Мы должны совершить необычный кульбит. Геополитическая ситуация сложная, санкции будут продолжаться, привлечь иностранные инвестиции сложно, поэтому нужно рассчитывать на свои силы. В отсутствие финансового капитала использовать капитал человеческий. Нужны вложения в человеческий капитал, потому что он может заставить нашу экономику крутиться быстрее, этот обратный процесс нужно запустить.

Когда мы говорим, что бизнесу нужно предоставить преференции, чтобы он вкладывал, мы должны еще посмотреть, а насколько результаты наших фундаментальных исследований ему интересны? Это непростой вопрос. Потому что оценка эффективности инвестиций в фундаментальную науку оставляет желать лучшего. Каким образом мы оцениваем это сейчас? По публикациям. Насколько эта публикационная активность реально «стреляет» в экономику? Риторический вопрос. Задача для государственного академического сектора — выстроить правильную

систему оценки научной деятельности. «Мы увеличили число публикаций в два раза» — это не годится. Нужно дать ответ, насколько то, что мы создаем, интересно и важно. То есть со стороны экономики мы должны обсуждать государственные меры по предоставлению преференций, а со стороны фундаментальной науки — решать проблему с оценкой эффективности траты средств на госзадания, чтобы результаты были ориентированы на быструю интеграцию в эту цепочку.

Бодрунов: Александр Михайлович, мы говорим о том, что технологический прогресс задает сегодня основное направление развития мировой экономики, технологический прогресс позволит вытащить из стагнации российскую экономику через 10–20 лет. Отсюда возникает вопрос, доверяем ли мы российской науке? На Московском академическом экономическом форуме был проведен такой интерактивный опрос. Мы спросили, способна ли российская наука решить те задачи, которые стоят перед нашей экономикой. Вы знаете, от 50 до 70% участников ответили положительно...

Сергеев: Сергей Дмитриевич, должен признаться, эти результаты меня несколько удивили. Это высокий уровень доверия. Я думаю, это, конечно, аванс отечественной науке. Мы по-прежнему являемся мировыми лидерами в оборонной области, в области ядерных технологий. Эти цепочки существуют и работают. А значит, если мы правильно организуем деятельность остальных цепочек — от фундаментального знания до рынка, — то у нас все получится. Что ж, осталось оправдать оказанное российской науке доверие.

ЖАН ТИРОЛЬ: «ГОСУДАРСТВО НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ИГРОКОМ НА РЫНКЕ»

«Если руководитель компании является в то же время государственным служащим, возникает конфликт интересов. В частных компаниях это невозможно. Если государство старается обеспечить своим людям победу на выборах, то решения могут приниматься руководством компании, исходя не из рыночных, а из сиюминутных политических соображений. Если банк контролируется государством, то государство скорее будет спасать такой банк в критической ситуации, и, соответственно, руководство банка уже будет рисковать, зная, что его в любом случае спасут».

СОБЕСЕДНИКИ

Жан Тироль,
научный руководитель Института Теории
отраслевой организации при Университете Тулуза 1
Капитолий, президент фонда Жан-Жака Лаффонта
Тулузской школы экономики, лауреат Нобелевской
премии по экономике

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, президент Международного союза
экономистов, директор Института нового
индустриального развития им. С. Ю. Витте, д. э. н.,
профессор

Б

Беседа президента ВЭО России профессора Сергея Бодрунова с Жаном Тиролем, лауреатом Нобелевской премии по экономике, научным руководителем Института теории отраслевой организации при Университете Тулуза 1 Капитолий, президентом фонда Жан-Жака Лаффонта Тулузской школы экономики.

Бодрунов: Спасибо большое за то, что нашли время прийти в нашу гостиную Дома экономиста. Я хотел бы задать Вам такой вопрос: по данным Антимонопольной службы России, около 70% российского ВВП дают компании, которые либо являются государственными, либо в них превалирует доля государства — они находятся под контролем государства. Как Вы считаете, такое широкое участие государства улучшает темпы роста нашей экономики или тормозит развитие экономики?

Тироль: 70% — это, конечно, очень большая цифра. Обычно предпочтительнее, чтобы доля государства в экономике была существенно ниже. Государство не должно выступать в качестве игрока на рынке — я объясню чуть позже, что я имею в виду. Рынок сам по себе хорош, хотя, конечно, в нем есть и отрицательные факторы. Но если государство будет выступать в качестве игрока, то может возникнуть конфликт интересов. Например, если руководитель компании является в то же время государственным служащим, возникает конфликт интересов. В частных ком-

паниях это невозможно. Другой пример: если государство старается обеспечить своим людям победу на выборах, то решения могут приниматься руководством компании, исходя не из рыночных, а из сиюминутных политических соображений. Если банк контролируется государством, то государство скорее будет спасать такой банк в критической ситуации, и, соответственно, руководство банка уже будет рисковать, зная, что его в любом случае спасут. Государство должно все-таки воздерживаться от активного участия в производственном процессе, а выступать в качестве регулятора...

Бодрунов: То есть выполнять свою основную функцию...

Тироль: Да, по крайней мере, я так считаю. Нужно быть осторожнее и стараться снижать роль государства именно в производстве.

Бодрунов: А в других секторах экономики государство может участвовать более активно?

Тироль: В финансах, конечно, у государства очень большая роль именно как у регулятора финансовой сферы. Тут мы как раз видим, что государство зачастую недостаточно регулирует этот сектор — банковскую сферу и так далее — и из-за этого возникают серьезные проблемы. Кроме того, государство часто вмешивается, начинает спасать банки или проводить финансовую политику, которая не очень хорошо сказывается на ситуации в финансовом секторе — это тоже проблема. На самом деле мы сейчас немного возвращаемся в то состояние, которое у нас было до 2008 года. Иногда решение спасти ту или иную компанию, тот или иной банк может сыграть положительную роль, конечно. Сейчас у нас более грамотная политика в области макроэкономики, более грамотное регулирование. Это касается и Евросоюза, и Федеральной резервной системы США, так что есть положительные изменения. Но дьявол, как говорится, в деталях. Нельзя забывать об уроках 2008 года. Мы сейчас видим, что в некотором смысле ситуация возвращается к тому, что у нас было накануне 2008 года. Поэтому, я считаю, что регуляторы должны всегда быть по-настоящему независимыми.

Бодрунов: Я с Вами согласен, это очень важное наблюдение. Мне представляется также, что государство должно играть определенную роль, но эта роль — больше роль регулятора, чем рыночного актора. И мне кажется, с этим связана еще одна проблема: роль государства в монополизации рынка даже не государственными монополиями, а просто крупными компаниями. Как отметил руководитель Антимонопольной службы России, в стране наблюдается огосударствление экономики.

Игорь Артемьев,
руководитель Федеральной антимонопольной службы РФ

Мы сегодня движемся в двух противоположных направлениях. С одной стороны, если раньше мы боролись за новую нормативную базу по развитию конкуренции, она сегодня появилась: это указ Президента, 18 правительственных отраслевых программ развития конкуренции, решение Госсовета России о том, чтобы каждый регион себе написал программу развития конкуренции — это хорошо. Теперь нам нужно бороться не за принятие актов, а за их исполнение. А с другой стороны мы имеем огосударствление экономики, антиконкурентные практики, освоение средств как основные элементы во многих случаях и в политике. Я хотел бы сказать, что, если нам в течение ближайшего времени не удастся заменить один фундамент окончательно на другой фундамент в этой части конкуренции, то мы можем долго еще ходить по кругу, возвращаясь каждый раз в точку ноль с точки зрения темпов роста и с точки зрения качества жизни.

Бодрунов: В то же время есть мнения видных экономистов о том, что крупные задачи, которые стоят перед экономикой России, надо решать крупным компаниям, мощным, большим, которые могут консолидировать интеллектуальные, материальные, финансовые ресурсы. Возникает некое противоречие. С одной стороны, нужны крупные компании, с другой — должна быть полностью демополизирована экономика. Каково Ваше мнение, как эта коллизия может быть разрешена?

Тироль: У России тут есть своя специфика. Понятно, что до недавнего прошлого в России действовала плановая экономика. И в России есть такой момент, что здесь очень много государственных компаний. Правильно?

Бодрунов: Да, и их почему-то становится все больше, а не все меньше.

Тироль: Совершенно верно. И это, конечно, настораживает. Нужно все-таки больше независимости. Нужно, чтобы был независимый регулятор, который продвигал бы конкуренцию на российском рынке. У вас большая страна, огромные расстояния, поэтому транспорт — это особая сфера, но ситуация, которую вы описали, возникает периодически в разных странах. Для этого есть различные причины — нужно, конечно, учитывать специфику ситуации в каждой конкретной стране. Иногда, скажем, возникает такая ситуация: один человек говорит, я хочу завести себе

«Фейсбук», потому что у тебя есть «Фейсбук», люди начинают подражать друг другу, и мы сейчас видим, что происходит все больше концентрация силы на рынке, у технологических цифровых компаний становится больше рыночной власти. И, например, при нынешней администрации США мы также не видим достаточно серьезных усилий по борьбе с монополиями. Во времена Обамы этого было больше. В итоге происходит перераспределение ресурсов от более эффективных компаний к менее эффективным, и это, конечно, настораживает. Если перераспределение происходит в другую сторону, в сторону более эффективных компаний, то это хорошо. В Европе, впрочем, ситуация немного другая. Там с антимонопольным законодательством положение обстоит получше, на мой взгляд.

Бодрунов: Хотел бы напомнить Вам, что в интервью «Российской газете» Вы упомянули о «технологическом каннибализме» больших корпораций. То есть речь шла о том, что эти компании фактически тормозят технологический процесс. Я бы хотел, чтобы Вы пояснили эту мысль.

Тироль: Нет, в принципе, в большой компании ничего плохого нет. Тут проблема не в размере. Такие компании, как «Гугл», например, занимаются инновациями, и многие инновации развиваются именно такими крупными компаниями. Но все-таки нас волнует положение монополистов. Они могут создавать искусственные барьеры для входа на рынок новых игроков для того, чтобы препятствовать конкуренции. Они за это не получают никакого наказания, и они искусственно могут завышать расходы, раздувать сметы на какие-то проекты и так далее. Иногда происходит вот что, и это я имел в виду, когда говорил о каннибализме: появляется какая-то инновация, какой-то новый продукт, и он заменяет собой какие-то старые продукты. Вот это и есть самопожирание корпораций, то есть получается, что компания выводит на рынок новинку, а тем самым пожирает свою прибыль от других продуктов, которые они продавали раньше. Соответственно, у них нет стимула продвигать новые продукты, нет стимула продвигать инновации. Возьмем для примера службы такси. Появились компании типа «Убер», «Лифт», «Яндекс.Такси» и так далее. По сути, там никаких особых инноваций-то и нет. Там есть геопозиционирование...

Бодрунов: То есть использование существующей платформы технологической...

Тироль: Да, и возможность ставить оценки. Но никто до этого раньше такого не делал. А эти компании сделали. Так что даже небольшая инновация привела к таким суще-

ственным изменениям, и по всему миру появилась теперь совершенно новая ситуация в сфере услуг такси. Нужно все время способствовать инновациям, создавать такую ситуацию, при которой инновации развивались бы.

Бодрунов: То есть опасаться больших проблем, связанных с таким технологическим каннибализмом, в России пока рано...

Тироль: Да, но тут есть опасность в том, что, может быть, инноваций слишком мало.

Бодрунов: Вот именно.

Тироль: Если мы посмотрим, например, на 20 ведущих российских компаний, знаете, очень странно, мы увидим там горнодобывающие, энергетические компании, банки, ретейлеры (ну, у ретейлеров еще есть какая-то конкуренция). А высокотехнологичных компаний вы там не увидите.

Но для того, чтобы изменить ситуацию, российская промышленность должна будет полностью измениться. И мы видим, как такой переход происходит сейчас в некоторых странах — необходимы высокотехнологичные компании, высокотехнологичное производство. Если вы сейчас посмотрите на ведущие компании в мире, вы увидите, что они или американские, или китайские. Российских компаний, японских среди них нет. И это определенный тренд. Еще я хотел бы сказать особо о здравоохранении. В будущем здравоохранение будет играть очень важную роль в экономике. Это будет очень важный сектор. Сейчас начинается использование больших данных. И это все будет очень важную роль играть в будущем.

Бодрунов: Я думаю, что, конечно, это действительно тренд современности: знаниеёмкие технологии, интенсивное производство развиваются очень быстрыми темпами. И, наверное, правильно считать это новой технологической индустриальной революцией. Вот здесь мы можем говорить о роли науки, о том, что современная наука становится все более приближенной к реальным потребностям рынка, потребностям реального сектора экономики. И у нас в России есть проблемы как раз со средними звеньями в цепочке НИОКР: есть хорошая фундаментальная наука, есть неплохие участники рынка, которые используют инновации, но вот воплощающая идеи науки в инновациях середина у нас страдает. Это создает иллюзию, что наука мало что может дать производству. На самом деле, очевидно, что это не так. Что может дать наука современной экономике?

Тироль: Я сам ученый, так что я по определению верю в науку. Я считаю, что для России роль ученых очень важна, наука должна играть очень большую роль, и у России, конечно, замечательные традиции и в физике, и в других фундаментальных науках, поэтому государство должно поддерживать высшую школу, поддерживать университеты. Это очень важно. Мы слышали выступление участников МАЭФ, которые говорили об этом, о важности хорошей системы образования в стране. Это действительно необходимо. Университеты играют очень большую роль и в России, и в других странах. Необходимо поддерживать международное общение среди ученых. Если вы говорите, допустим, на английском языке, вы можете поехать в любую страну — в США, Китай, куда угодно, и общаться со своими коллегами там, нужна свобода общения среди ученых различных стран. Конечно, большинство ученых предпочитает работать в собственной стране, но в то же время, если в какой-то стране будут созданы хорошие условия, почему бы и не работать там? Если все будет замыкаться в себе, то не будет такого сотрудничества.

Вы меня спросили, как экономика, как наука взаимодействуют с производством. Действительно, необходимо трансфер технологий от науки к производству, и производство, в свою очередь, тоже должно поддерживать науку. Это может происходить через уже зарекомендовавшие себя компании, а может — и через стартапы. Многие стартапы начинались в Стэнфорде и Массачусетском технологическом институте, там существует целая экосистема с финансовой поддержкой, и из этих стартапов выросли крупнейшие технологические компании мира.

Если вы посмотрите на ведущие компании США, многие из них лет 20 назад не существовали даже, а во Франции — как раз ситуация обратная, многим из крупнейших компаний уже больше века. Это старые компании, которые, может быть, название поменяли. Конечно, у них тоже есть инновации, тоже есть изменения, но, как бы то ни было, нужно растить и молодые, новые компании, а не только поддерживать те, которые уже существуют. В этом очень большая разница между такими странами, как США, и более традиционными — Францией, Швейцарией и так далее.

Бодрунов: Наиболее эффективны экономики, принципиально использующие в качестве основного ресурса именно тот, который важен для этого технологического уклада. Основным ресурсом, который будет использоваться с середины XXI века, будут, на мой взгляд, знания, которые, сублимированные в технологии, приходят в реальный сектор экономики. Если мы возьмем типичный гаджет, то увидим, что в нем огромное количество функций. В то же время материальная часть там совершенно небольшая,

материалов там немного, зато там огромное количество знаний, воплощенных в технологиях. Поэтому тот, кто будет владеть знаниями в дальнейшем, тот будет владеть, собственно говоря, экономикой. Мне представляется, что для России очень важно осознать то, что нужно становиться на рельсы высокотехнологичного производства, с высокой знаниеёмкостью. Вы согласны?

Тироль: Я считаю, что Вы правы. Это действительно очень важно — развивать экономику, которая опиралась бы на знания, использующую в первую очередь знания. То, что Вы говорили про гаджеты, верно, но давайте посмотрим на здравоохранение: там тоже все больше используются высокие технологии, новые инженерные решения, кроме того, нужно вспомнить большие данные, новую статистику и так далее, и скоро вместо врачей уже будут действовать алгоритмы, которые обрабатывают всю эту информацию и принимают решения, именно там будут самые большие деньги. Нужно развивать именно эти знания, эти технологии. Но для этого опять-таки необходимо, чтобы страна создавала соответствующую обстановку для системы образования, чтобы привлекала лучших преподавателей, перспективных студентов, чтобы им было интересно, чтобы они хотели оставаться в стране учиться, работать, преподавать. Нужно работать над созданием такой экосистемы.

Бодрунов: Именно экосистемы...

Тироль: Чтобы люди шли работать в высокотехнологичные компании или создавали свои стартапы. Для этого необходим целый комплекс мер.

Бодрунов: Да, такие стартапы должны создаваться в пространстве, комфортном экономически, технологически, административно, а не путем сопротивления системе и пробивания, как трава сквозь асфальт, всего экономического давления. Я хотел бы в завершение нашей передачи поговорить еще об одном. Вы высказали рекомендации, пожелания, с чем-то согласились, с чем-то — нет. Это мнение очень важно для нас, для тех, кто организовал Московский академический экономический форум, для экономистов страны в целом. Мы готовим общую резолюцию форума, а программный комитет представит ее общественности. Что можно было бы, по Вашему мнению, обязательно включить в такую резолюцию?

Тироль: Прежде всего, нужно задать себе вопрос, какое общество мы хотим себе построить, что мы понимаем под общим благом. Это очень важный вопрос. Причем это не просто какой-то наивный вопрос...

Бодрунов: Это фундаментальный вопрос.

Тироль: Давайте научно подойдем к этому делу. Это очень важный момент. В России, например, у вас был советский период, который оставил тяжелый след, когда не уделялось должное внимание стимулированию человека. Да, конечно, был хороший уровень образования, хорошая социальная политика, перераспределение, понятно. Это, так сказать, все понятно. Это то, что касается общего блага. Но как к этому прийти? Необходимо обеспечивать общество благами. Я сейчас не буду предлагать что-то конкретно для России. Но, первое, понятно, что необходимо вкладывать в серьезное образование. Образование необходимо всем. Это действительно очень важно. Нужна система бесплатного здравоохранения. Если я заболел, это не моя вина, правильно? И я не должен нести на себе этот риск.

Далее, необходимы инфраструктурные реформы. Вот здесь как раз я хотел бы поговорить о роли государства, о разнице между государством как регулятором и государством как рыночным игроком. Государство должно заниматься регулированием, и этот регулятор должен быть независимым. Если регулятор занимается продвижением конкуренции и так далее, если мы говорим о регулировании банковской сферы, нужно сделать так, чтобы регулятор мог принимать правильные решения без влияния политических факторов — не должно быть конфликта интересов. Это относится и к продвижению банковских реформ и так далее.

Что касается реформ. Возьмем реформу пенсионной

системы, которая для вас актуальна, или другую реформу — в каждой стране есть свои проблемы. Постепенно пенсионеров становится все больше и больше, продолжительность жизни растет, и это серьезный вопрос, что же делать? Получается, что нагрузка на работающее население все больше возрастает. Могут быть различные подходы к решению этой проблемы: могут быть созданы специальные пенсионные фонды, страховые фонды, можно поднять пенсионный возраст — я не хочу давать никаких рекомендаций по этому поводу, но нужно сделать что-то, чтобы все люди получали достойную пенсию. И в данном случае государство должно серьезно подумать, как это можно наилучшим образом обеспечить — это касается и России, и других стран.

JEAN TIROLE: “THE GOVERNMENT SHOULDN’T ACT AS A MARKET PLAYER”

“If the top manager of a company is also a government official, there’s a conflict of interests. It should not be allowed in private companies. If the government tries to make sure its people win the elections, the company will base its decisions not on market but on fleeting political considerations. If a bank is controlled by the government, the government will most likely save that bank in a critical situation, and the management will be taking risks knowing the bank will be saved no matter what.”

СОБЕСЕДНИКИ

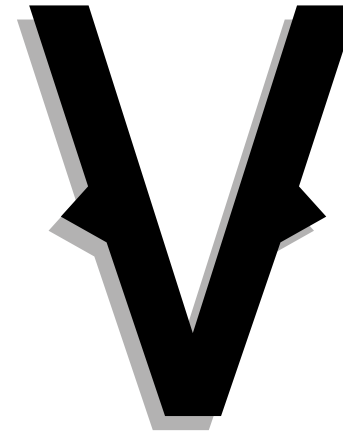
Jean Tirole

*Scientific Director at the Institute of Industrial Economics,
Chairman of the Jean-Jacques Laffont - Toulouse School
of Economics Foundation, a Nobel laureate in economics*

Prof. Sergei Dmitrievich Bodrunov

*President of the VEO of Russia, President of the International
Union of Economists, Chairman of the New Industrial
Development Institute, Doctor of Economics*

VEO of Russia Chairman Sergei Bodrunov's interview with Jean Tirole, a Nobel laureate in economics, Scientific Director at the Institute of Industrial Economics, Chairman of the Jean-Jacques Laffont — Toulouse School of Economics Foundation.

Bodrunov: Thank you very much for taking the time to visit the lounge of the Economist's House. I would like to ask you this: according to the Antimonopoly Service of Russia, about 70% of Russia's GDP is produced by companies that are either wholly owned or majority-owned by the government — i.e. controlled by the state. Do you think such a wide participation of the government speeds up the growth of our economy, or does it slow down the country's development?

Tirole: 70% is, of course, a huge number. It is usually better when the government's share in the economy is significantly lower. The government should not act as a market player — I will explain a little later what I mean. The market is OK in itself, although, of course, it also has negative aspects. But if the government acts as a player, then a conflict of interests may arise. For example, if the top manager of a company is also a government official, there is a conflict of interests. It shouldn't be allowed in private companies. Another example: if the government is trying to make sure its people win the elections, the company will base its decisions not on market but on fleeting political considerations. If a bank is controlled by the government,

the government will most likely save that bank in a critical situation, and the management will be taking risks knowing the bank will be saved no matter what. The government should refrain from active participation in the production process, it should act as a regulator...

Bodrunov: That is, in order to fulfill its main function ...

Tirole: Yes, at least I think so. You need to be careful and try to reduce the role of the government in production in the first place.

Bodrunov: Can the government participate more actively in other sectors of the economy?

Tirole. Of course, the government has an extremely important role in finance as a regulator of the financial sector. Here we often see the government fail to provide adequate regulation of that sector — the banking sphere and so on — thereby causing serious problems. In addition, the government often intervenes by saving banks or pursuing a financial policy that does not fit in well with the situation in the financial sector — and it is also a problem. In fact, we are now returning to a pre-2008 situation. Sometimes a decision to save a particular company or bank can play a positive role, of course. Currently, we have a better macroeconomic policy, a more competent regulation. This is true for both the European Union and the US Federal Reserve, so there have been some positive changes. But, as they say, the devil is in the details. We must not forget about the lessons of 2008. We now see that, in a sense, we've come back to what we had been just before 2008. Therefore, I believe that regulators should always be truly independent.

Bodrunov: I agree, this is a very important observation. I also believe that the government should play a certain role but that role is one of a regulator rather than a market player. And it seems that there's also a different problem in this connection: the government's role in the market being monopolized, and not by state monopolies, but simply by big companies. As the head of the Antimonopoly Service of Russia noted, Russia has been going through the nationalization of its economy.

Igor Artemyev,
Head of the Federal Antimonopoly Service of the Russian Federation

Today we are moving in two opposite directions. On the one hand, if earlier we had to fight for a new regulatory framework for the development of competition, now it's in place: it consists of the presidential decree, 18 government industry-specific programs for the development of competition, the resolution of the State Council of Russia to the effect that each region should

write a competition development program. And it's good. Now what we need to fight for is not the adoption of legislation, but its implementation. And on the other hand, in many instances we encounter nationalization of the economy, anti-competitive practices, and uncontrolled spending as the key elements in politics as well. I would like to say that if in the near future we are unable to completely replace one foundation with another in this area of competition, then we will be going around in circles for a long time, returning every time to the starting point in terms of both growth rates and the quality of life.

Bodrunov: At the same time, some of the prominent economists are of the opinion that the important tasks facing the Russian economy should be solved by large and powerful companies that can amass intellectual, material, and financial resources. There is a certain contradiction in that. On the one hand, we need large companies; on the other, we need a complete de-monopolization of the economy. What is your opinion on how this conflict can be resolved?

Tirole: Russia has its own specifics. It is well known that Russia had planned economy until recently. And it can be said that Russia still has a lot of government-owned companies. Right?

Bodrunov: Yes, it does, and for some reason the number of such companies has been growing, not diminishing.

Tirole: Absolutely. And this, of course, is alarming. You need more independence. You need an independent regulator that would promote competition in the Russian market. You have a huge country, with huge distances, so transport is especially important, but the situation that you've described has emerged periodically in different countries. There are various reasons for that: of course, you should take into account the specific conditions in each particular country. Sometimes it goes like this: a person says, I want to be on Facebook, because you are on Facebook, people begin to imitate each other, and what we get as a result is further concentration of market power, with digital tech companies becoming more powerful. And the current US administration has not been taking sufficient effort to combat monopolies. Under Obama, more effort was taken. As a result, there has been a redistribution of resources from more efficient companies to less efficient ones, and this, of course, is alarming. It would be good if such a redistribution took place in the opposite direction, in the direction of more efficient companies. In Europe, however, the situation is slightly different. There, the situation with antitrust laws is better, in my opinion.

Bodrunov: I would like to remind you that in your interview with Rossiyskaya Gazeta you mentioned the “technological cannibalism” of large corporations. That is, you meant that those companies actually slowed down technological process. Can you please elaborate on that?

Tirole: In principle, there is nothing wrong with a big company. The problem is not in its size. Companies such as Google, for example, are into innovation, and many innovations have been developed by such large companies. But still, we are concerned about their monopolistic position. They can create artificial barriers for new players who wish to enter the market in order to discourage competition. They are not being punished for this, and they can artificially inflate costs, inflate estimates for some projects, and so on. What I meant when I talked about cannibalism is this: if an innovative product comes out, it replaces some old products. The corporation that introduced such product to the market cannibalizes its profits it would have gained from such older products. Therefore, they are not keen to promote new products, to promote innovation. Take taxi service as an example. There are companies like Uber, Lyft, Yandex Taxi and so on. In fact, they haven’ offered any important innovations. They use geo-positioning ...

Bodrunov: That is, they use the existing technological platform ...

Tirole: Yes, and the ability to rate drivers. But no one had done it before. And those companies did it. So, a small innovation has led to significant changes, and there’s now a completely new situation in the field of taxi services around the world. It is necessary to constantly promote innovation, to create a situation in which innovations are likely to develop.

Bodrunov: Are you saying it’s too early for Russia to fear serious problems associated with technological cannibalism...?

Tirole: Yes, but there is a danger of innovations being too few and far between.

Bodrunov: Exactly.

Tirole: For example, if you consider Russia’s top 20 companies, then strangely you will see among them mining companies, energy companies, banks, and retailers (at least retailers do enjoy some kind of competition). What you will not encounter is high-tech companies.

But in order to change the situation, Russia’s industry will need to undergo a complete transformation. We know what’s necessary for such a transformation to occur in some countries:

high-tech companies, high-tech production. If you look at the world’s top companies, you will notice they are either American or Chinese. There are no Russian or Japanese companies among them. There’s a definite trend right there. On a separate note, I would like to mention healthcare. In the future, healthcare will play a very important role in the economy. It will be a very important sector. We are starting to use big data. All of it will play a very important role in the future.

Bodrunov: I agree there’s indeed a trend: knowledge-intensive technologies and intensive production are developing very rapidly. And it is probably right to consider this a new technological industrial revolution. We can point out the role of science, which is currently able to better address the pressing needs of the marketplace, the needs of the real sector of the economy. Russia has problems with the intermediate links in the R&D chain: it has good fundamental science, agile market players who can innovate, but the middlemen who produce innovation based on scientific ideas are struggling. This creates the illusion that science has little to contribute to production. Apparently, it’s not true. What can science contribute to a modern economy?

Tirole: I am a scientist myself, so by definition I believe in science. I believe that the role of scientists is very important for Russia, science has a very important role to play, and Russia, of course, has wonderful traditions in both physics and other fundamental sciences. Therefore, it’s extremely important that the government support Russia’s higher education system and universities. We heard speeches of the MAEF participants who addressed the issue of importance of having a good education system in the country. Such system is really necessary. Universities play an important role both in Russia and in other countries. It is important to maintain international contacts among scientists. If you can speak English, you can go anywhere, to the United States or China, everywhere, and communicate with your colleagues there, you need freedom of communication among scientists from different countries. Of course, most scientists prefer to work in their own country, but at the same time, if favorable conditions have been created in a particular country, why not work there? If everybody had to work in seclusion, there would be no cooperation.

You ask me how economics or science interacts with production. Indeed, we need a means of transferring technology from science to production and, in turn, production should support science. This can be accomplished either through already established companies, or through startups. Many startups were created at Stanford or the Massachusetts Institute of Technology, a whole new ecosystem was set up and received financial support, and those startups have grown to become the world’s top high-tech companies.

If you look at the biggest US companies, many of them did not even exist 20 years ago, but in France the situation is just the opposite: many of the largest companies have been around for more than a century. Those are old companies that may have changed their names. Of course, they have also produced some innovation and undergone certain changes but still it is necessary to create new companies, and not just support those that already existed. So that's where there is a huge difference between such countries as the United States and the more traditional countries such as France, Switzerland, etc.

Bodrunov: The most effective are those economies that prioritize the one resource that is crucial for the current technological mode. In my opinion, knowledge, sublimated in technologies, that is coming to the real sector of economy will be the key resource that will be used starting from the middle of the 21st century. Consider a typical gadget: it has a wide functionality. At the same time, the material portion is quite small, little material is used, but there is a huge amount of knowledge embodied in the technology. Therefore, those who will possess knowledge in the future will in effect own the economy. I believe it is very important for Russia to realize the necessity of transition to high-tech knowledge-intensive production. Do you agree?

Tirole: I think you are right. It is really important to develop an economy that relies on knowledge, that uses knowledge in the first place. What you've said about gadgets is true but let's consider healthcare: high tech and new engineering solutions are also used there and also don't forget about big data, new statistics, etc. Soon human doctors will be replaced by algorithms that will process all that information and take decisions; that's where big money will be. Those are the technologies and knowledge that should be developed. But in order to do this, it is necessary for the country to create an appropriate environment for its education system, to engage best teachers and promising students, to make sure they are willing to stay in the country to study, work, and teach. You need to work on such an ecosystem.

Bodrunov: An ecosystem is what's needed...

Tirole: So that people would join high-tech companies or create their own startups. That will require a whole range of measures.

Bodrunov: Yes, such startups should be created in an environment that is economically, technologically and administratively friendly, and not in a hostile environment, under economic pressure, like grass growing through asphalt. In conclusion, I would like to discuss one more thing. You've offered suggestions, expressed wishes, agreed with some things, disagreed with others. Your opinion is very important to those of us who organized the Moscow Academic Economic Forum, to Russia's economists in general. We are preparing the Forum's general resolution, and the programming committee will present it to the public. What do you think should be included in such a resolution?

Tirole: First of all, you need to ask yourself what kind of society we want to build for ourselves, how we perceive the common good? It is a very important question. And it is not a naive question...

Bodrunov: It's a fundamental question.

Tirole: Let's take a scientific approach to this matter. It is a very important point. Russia, for example, passed through the Soviet period which left a profound mark, when little attention was paid to incentive. Yes, of course, you enjoyed a high level of education, a good social policy, a redistribution system. This is quite obvious as far as the common good is concerned. But how to achieve this? It is necessary to provide certain benefits for the society. I will not be suggesting anything specific for Russia. But it is clear you need to invest in serious education in the first place. Everybody needs education. It is very important. A free healthcare system is needed. If I get sick, it's not my fault, right? And I should not bear that risk.

Furthermore, you need infrastructure reforms. In this connection I would to discuss the role of the government, the difference between the government as a regulator and the government as a market player. The government should be involved in regulation, and the regulator should be independent. If the regulator is engaged in promoting competition (if we are talking about the regulation of the banking sector), it should be able to make the right decisions without the influence of political factors — there should be no conflict of interests. This is also true for the promotion of banking reforms, etc.

As regards the reforms. Consider the reform of the pension system which is of relevance for you at the moment, or any other reform: every country has its own problems. Gradually, the number of pensioners is growing, life expectancy is growing, and it poses a serious question: what is to be done? It turns out that the burden on the working population is increasing. There may be different approaches to solving this problem: you can create special pension funds or insurance funds, or you can raise the retirement age — I do not want to speculate on this topic, but something needs to be done to provide decent pensions for all. And in this case, the government should seriously consider the best way it can be done — both for Russia and for other countries.

ЧАСТЬ II

ТЕХНОЛОГИИ, КОТОРЫЕ
СТАНУТ ДРАЙВЕРОМ
ЭКОНОМИКИ РОССИИ

ВОЗМОЖНО ЛИ В РОССИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЧУДО?

ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОЕ
СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО — ДЛЯ РОССИИ

КАК ПРЕВРАТИТЬ ИННОВАЦИИ
В ДВИГАТЕЛЬ ЭКОНОМИКИ?

ТЕХНОЛОГИИ БУДУЩЕГО В МЕДИЦИНЕ

ТЕХНОЛОГИИ, МЕНЯЮЩИЕ БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

УМНЫЕ ГОРОДА — ЦЕНТРЫ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

ВОЗМОЖНО ЛИ В РОССИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЧУДО?

Сегодня российская экономика с трудом выбирается из того рецессивного состояния, в котором она находилась несколько лет. При этом возникает вопрос: если были страны, которые совершали из худшей стартовой позиции, чем сегодня у России, значительные экономические рывки (в частности, это послевоенная Европа, это «Азиатские тигры», другие страны), возможно ли такое экономическое чудо в России? И если да, то что для этого нужно?

СОБЕСЕДНИКИ

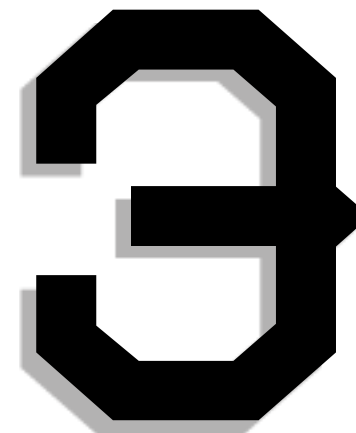
*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, президент Международного
союза экономистов, директор Института нового
индустриального развития им. С. Ю. Витте,
д. э. н., профессор*

*Абел Гезевич Аганбегян,
заведующий кафедрой экономической
теории и политики РАНХиГС,
академик РАН*

*Яков Моисеевич Миркин,
заведующий отделом международных рынков
капитала ИМЭМО РАН им. Е. М. Примакова,
д. э. н., профессор, член Правления ВЭО России*

Экономические чудеса

Бодрунов: Абель Гезевич, мы много обсуждаем эту тему, это горячая тема — как деньги должны влиять на экономику, как финансовая система страны, если говорить более широко, может определить лицо нашего общества, прогресс технологий. Я напомним, что недавно у нас прошла презентация Вашей книги «Финансы, бюджеты и банки в новой России», и она вызвала довольно бурную дискуссию. В связи с этим я хотел бы задать Вам вопрос: поскольку мы говорим об экономическом чуде, в Вашей книге приводятся примеры этих чудес, и мы знаем из еще недалекой мировой истории, что в некоторых странах — это Юго-Восточная Азия, прежде всего, Япония, Китай, Южная Корея, произошли некоторые процессы в экономике, которые стали называть экономическим чудом. Эти страны увеличили свой ВВП в 1,5–2 раза в среднем за 10 лет. Как им это удалось?

Аганбегян: Прежде всего, надо сказать, что экономическое чудо начали страны Европы в послевоенный период. В первую очередь, это возрождение Федеральной Республики Германии после войны, связанное с именем реформатора всех времен и народов Людвиг Эрхарда, который управлял финансами сначала при оккупационных войсках, потом стал министром финансов, в конце концов, стал даже канцлером Германии. Это продолжалось лет 20, и он возродил Германию, проигравшую войну, всю израненную, города были разрушены, опустошены. Я с 1945-го по 1949 год жил в Германии, моя мама была переводчиком с немецкого и с войсками вошла в Берлин, была переводчицей Контрольного совета, который тогда управлял всем этим делом. И я там в школу ходил, начиная с 7-го класса, уже был достаточно взрослым. И я видел все эти разрушения. Знаете, когда солдаты возвращаются в проигравшую войну страну, которую оккупировали другие войска, казалось бы, у них должны были опуститься руки. Это не советские солдаты,

которые выиграли войну, которые вернулись домой, полные желания восстановить разрушенное. Это совсем другое, упадническое настроение, вам все равно, вы считаете, что все кончено, все пропало. Попробуйте этих людей завести, чтобы уже к 1950–1952 году возродить Германию на мирных рельсах. Вот это было сделано во многом благодаря правильной финансовой политике. Была проведена и денежная реформа, причем это была денежная реформа с сохранением вкладов, они были индексированы на огромную величину, не пропали...

Бодрунов: Как у нас в постсоветское время...

Аганбегян: А постепенно разбронированы были. Была осуществлена, внедрена система заинтересованности, стимулирования. В ход были приведены огромные инвестиции для того, чтобы построить новые заводы, новое жилье. То есть экономическое чудо начали европейские страны.

Но в Азии была своя специфика. Все-таки европейские страны обладали культурой, люди имели образование, у них были заделы, у них в умах уже была новая экономика.

Бодрунов: Да, большой задел для новой экономики...

Аганбегян: А представьте Южную Корею. 2/3 населения неграмотные. Это самая отсталая страна была.

Бодрунов: Гораздо более отсталая была, чем Россия в то время.

Аганбегян: Возьмите Тайвань. Это был самый отсталый район Китая. Плохие почвы — даже растения нормально не растут, никакой промышленности. И вот к этому бедному населению, еле выживающему, вдруг на голову садится трехмиллионная армия, которая проиграла войну, бежала. Попробуйте возродить такую страну. И что такое Тайвань сейчас? Что такое сейчас Южная Корея? Они коренным образом изменили политику, и изменили политику, начиная с финансов. Вы ведь без финансов ничего не можете сделать, вы квадратного метра не можете построить, вы дороги не можете создать, я не говорю уже о предприятиях, о покупке оборудования. В конце концов, людей еще нужно кормить, им нужно давать зарплату. А это деньги. А в последнее время роль финансов резко выросла. Первый подъем, пожалуй, в Азии начался с Японии. Это с 1950-го примерно по 1970 год. Она после войны, полностью разрушенная, сделала рывок за эти 20 лет, обогнала Германию, вышла на второе место в мире по объему экономики, по ряду технологий опередила США, произошел огромный рост уровня жизни и всего остального. Затем, конечно, Южная Корея — это 70–80-е годы, а Китай — с 1980 года до 2010-го... И попробуйте совершить рывок, когда у вас миллиард 400 миллионов населения, все хотят есть, все хотят одеваться.

Финансовый форсаж

Бодрунов: Вы в своей книге пишете, что одной из составляющих вот этого способа перехода к новой реальности Японии, той же Кореи — в восточных странах — был так называемый метод финансового форсажа. Вот этот термин, который Вы упоминаете в книге, принадлежит одному из наших экспертов, Якову Миркину. Он Вами широко представлен и показан в качестве примера, который и там применялся, и который, на Ваш взгляд, можно было бы применить и здесь. В какой мере и как?

Аганбегян: Яков Моисеевич Миркин — действующий финансист, у него фирма крупная «Еврофинансы», которая работает на финансовых рынках, знаток финансов, один из ведущих в нашей стране. Под его редакцией вышла толстая книга, где целые главы посвящены отдельно Японии, отдельно Китаю, отдельно Малайзии, отдельно Сингапuru, отдельно Южной Кореи, с подробным разбором, что было до, что во время, что после, цифры, факты. Книга — прямо бестселлер, я бы сказал. Конечно, эти страны совершенно не похожи на нас. Но они и не похожи друг на друга, где Япония, а где Южная Корея, а где Тайвань... Совершенно разные страны.

Бодрунов: У каждой избушки свои погремушки, да...

Аганбегян: Но заметьте, они делали одно и то же. С чего они начали — с мобилизации финансовых ресурсов для рывка. Вы не можете сделать рывок, если не начнете увеличивать финансы хотя бы по 8–10% в год в инвестициях. Где главный источник развития для страны индустриальной? Это инвестиции. А для страны постиндустриальной, к которым относятся развитые страны? Главный источник развития — человеческий капитал, вложения в интеллект. Это образование, это информационно-коммуникационные технологии, это вся область науки и ее приложения, и это биотехнологии здравоохранения. И вот эти два главных источника нужно резко увеличивать, по 8–10% в год их финансировать, чтобы они качественно стали лучше. Во что нужно инвестировать? Первое: в технологическое обновление действующего производства, надо его перевести на передовые технологии, которые есть у развитых стран. Второе: надо создать высокотехнологические отрасли, которые сейчас определяют инновационность, они же определяют развитие. Третье: надо создать современную инфраструктуру, начать наконец массовое строительство автострад с двумя полосами, массовое строительство скоростных железных дорог, крупных логистических центров. Четвертое: надо резко улучшить жилищные условия, причем с учетом благоустройства этого жилья...

Бодрунов: А не просто клетки нагородить, да.

Аганбегян: То есть жилья благоустроенного, комфортно-го. И наконец, надо вкладывать деньги в экономику знаний. От этого зависит, какой будет темп роста. Если вы все страны расставите по местам: вот доля инвестиций в валовом внутреннем продукте, доля вложений в человеческий капитал — второй показатель, и темп роста, вы увидите очень тесную корреляционную зависимость. Если у вас низкая доля инвестиций в валовом продукте...

Бодрунов: То и другие показатели низкие...

Аганбегян: Вы, естественно, стоите на нуле или развиваетесь, там, на 1–2%...

Бодрунов: И темпов нет, ничего нет.

Аганбегян: Если у вас низкая доля вложений в человеческий труд — то же самое.

Начали не с того

Аганбегян: Мы начали, к сожалению, переход к экономическому росту с мероприятий, которые сокращают этот рост. Повышение НДС сокращает рост, переход на новые пенсии сокращает рост, ликвидация долевого финансирования в строительстве сокращает строительство, естественно, плюс — это увеличение налога на недвижимость граждан постепенно и передача капремонта опять на плечи потребителей без индексации зарплаты на все эти увеличения. Поэтому Минэкономразвития объективно предсказывает, что следующий год будет хуже этого года. Я не против повышения пенсионного возраста, и все понимают, что это надо делать...

Бодрунов: Надо, да, я хотел об этом сказать.

Аганбегян: Но не с этого надо начать. Надо сначала хотя бы восстановить тот уровень жизни, который был в 2013 году и который очень сильно опустился, снизились реальные доходы на 11%, если помните, на 14% снизился розничный товарооборот на душу населения, на 15% снизилось конечное потребление домашних хозяйств. В 2015–2016 году все это произошло, а началось с 2014-го по отдельным показателям это падение. По реальным доходам продолжалось в 2017-м, весь 2017 год их падение продолжалось. Это же надо восстановить. Ведь если у вас нет денег у населения, то нет платежеспособного спроса. Платежеспособный спрос — это то, что двигает экономику.

Аганбегян: Лучше Якова Миркина не скажешь. Я готов подписаться под любым его словом и приводить цифры конкретные под любое его изречение.

Бодрунов: Абел Гезевич, в завершение программы скажите, пожалуйста, мы можем все-таки рассчитывать на то, что при определенных условиях, о которых говорил Миркин Яков Моисеевич, другие специалисты экономического сообщества, которые в рамках обсуждения Вашей книги высказывали свое мнение, можем ли мы при каких-то условиях, определенных условиях рассчитывать на то, что чудо может свершиться и в России, экономическое чудо...

Аганбегян: Россия — это удивительная страна. При всех недостатках Россия — довольно развитая страна. Мы зани-

Яков Миркин:

Для создания экономического чуда нужно выполнить несколько условий. Во-первых, должен быть автор экономического чуда, либо первое лицо, либо лицо, наделенное специальными полномочиями. Второе — должна быть администрация развития, потому что правительство обычное не справляется, будучи перегруженным своими текущими обязанностями. И третье — экономический механизм и административный должны быть полностью настроены на сверхбыстрые темпы экономического роста. Сейчас в России все по-другому. Налоги избыточные, а для экономического чуда нужно, чтобы налоги были низкие, был очень сильный налоговый стимул. Еще для экономического чуда нужен нормальный процент, нормализованный, нужен доступный, легкий кредит, нужно, чтобы курс национальной валюты стимулировал рост. Она должна быть умеренно ослабленная. Должно быть очень низкое административное бремя. У нас оно избыточное. У нас число

нормативных актов растет по экспоненте. И конечно же, должно быть все то, что мы пытаемся делать: точки роста, софинансирование из бюджета, но не так, чтобы все полагалось исключительно на бюджет.

Короче говоря, для экономического чуда нужно нормализовать рыночную среду, нужно перестать заниматься сверхконцентрацией, сверхгосударствлением, сосредотачивать все исключительно в Москве, нужно максимально стимулировать развитие среднего и малого бизнеса. У нас доля среднего и малого бизнеса очень мала, примерно 20–25%. Это очень мало. И вот, чтобы это еще случилось, должно произойти, может быть, самое главное для экономического чуда — мы должны перестать быть влюбленными в государство. По всем статистикам, 70–80% населения влюблены в государство, они ждут, что государство обеспечит, защитит, поправит, они любят быть встроеными в вер-

тикали. Вот этот переворот в том, чтобы двигаться быстро, двигаться так, чтобы государство не мешало, а помогало, содействовало любому, у кого есть идея, кто готов брать на себя риски, вот это все называется «экономическое чудо». Должен сказать, что после Второй мировой войны где-то 15–20 государств экономическое чудо совершили. И они делали примерно все то же самое: государство развития, Центральный банк развития, Минфин развития. Помощь государства — да, прямое расширенное участие государства. Но для того, чтобы нормализовать рыночную среду, для того, чтобы содействовать в каждой точке темпам роста. И еще вот это внутреннее ощущение того, что мы называем «коллективная модель поведения, коллективное сознание». Мы должны захотеть жить лучше, двигаться совершенно иначе.

маем шестое место в мире по объему валового внутреннего продукта по паритету покупательской способности. Мы занимаем 40-е место по валовому внутреннему продукту на душу населения из 150 стран. У нас огромные заделы и научные. Наш народ — один из самых образованных. У нас половина школьников кончают вузы. Вы знаете, я занимаюсь неприятным делом — макроэкономикой. Я плохо даже сплю. Мне обидно, что такая богатая страна — и никак не может вылезти из стагнации, которую сами же создали своими руками. И я, знаете, как спасаюсь... Я ищу и нахожу в любой самой отсталой области мировые достижения. Россия — удивительная, таких стран нет. Я приведу один пример. Самое главное отставание в сельском хозяйстве — это молочное производство. У нас очень низкие удои, ниже 4000 килограмм. А самая плохая европейская страна начинается, грубо говоря, с 6. Понимаете... Вроде бы безнадёга. Если кто хочет создавать новые фирмы, едут в Германию, покупают телок, берут немца, чтобы он правильно их кормил и так далее. Но, слушайте, у нас есть Ленинградская область. Надои в Германии 7300, а в Ленинградской области — 8400. В Ленинградской области есть хозяйство, где удои 12 тысяч с половиной...

Бодрунов: В чем секрет?

Аганбегян: Такого удоя нет ни в одной организации Германии. Там есть корова Пасуха, которая три года назад дала 19,7 тонны. Я пытался обнять ее вымя. Так слушайте, она 63 кило дает в день второй лактации, такой удои. Понимаете, чудо! Это 70 тысяч коров. Это не 5 коров, не тысяча. 70 тысяч, средний показатель я вам называю. Там такой институт генетики. Следующая, на втором месте Белгородская область, у которой 6000 литров. Вы представляете, 8400 и 6000, какой разрыв со вторым местом. А средняя, я вам сказал. Это просто один пример. Но я таких примеров могу вам приводить 10, 20 из разных областей, где, казалось, мы отстали навсегда. Ни в коем случае.

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ АПК

КАК ПОСТАВИТЬ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО НА ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧЕСКУЮ ОСНОВУ

Сельское хозяйство — наиболее динамично развивающийся сектор экономики России за последние шесть лет. 15% — темпы роста. Впервые экспорт сельскохозяйственной продукции превысил экспорт вооружений России. По последним данным, у нас почти 37 миллионов человек живут в сельской местности, это четверть населения страны. Вроде бы есть хорошие перспективы и дальнейшего развития. Но в то же время при внимательном рассмотрении мы видим и ряд моментов, которые начинают не на шутку тревожить. И при ближайшем рассмотрении оказывается, что наш АПК — своего рода продолжение сырьевой иглы.

СОБЕСЕДНИКИ

Сергей Дмитриевич Бодрунов, президент ВЭО России, президент Международного союза экономистов, директор Института нового индустриального развития имени С. Ю. Витте, д. э. н., профессор

Александр Васильевич Петриков, член Президиума ВЭО России, директор Всероссийского института аграрных проблем и информатики имени А. А. Никонова, академик РАН, д. э. н., профессор

Сергей Герасимович Митин, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по аграрно-продовольственной политике и природопользованию, председатель Временной комиссии Совета Федерации по вопросам законодательного обеспечения развития технико-технологической базы агропромышленного комплекса РФ, член Правления ВЭО России, д. э. н., профессор

Геннадий Андреевич Полунин, заместитель директора по научной работе Федерального научного центра аграрной экономики и социального развития сельских территорий — Всероссийского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства, д. э. н.

Михаил Константинович Глубоковский, научный руководитель Всероссийского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии, д. б. н.

Виктор Иванович Старовойтов, заместитель директора по инновационному развитию Всероссийского научно-исследовательского института картофельного хозяйства имени А. Г. Лорха

Яков Петрович Лобачевский, первый заместитель директора Федерального научного агроинженерного центра ВИМ, член Президиума РАН, член-корреспондент РАН, д. т. н.

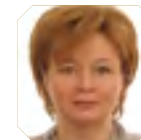
Михаил Владимирович Ершов, член Президиума ВЭО России, главный директор по финансовым исследованиям Института энергетики и финансов, профессор Финансового университета при Правительстве РФ, член комиссии по банкам и банковской деятельности Российского союза промышленников и предпринимателей, д. э. н.

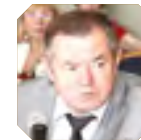
Олег Григорьевич Овчинников, руководитель центра аграрных проблем Института США и Канады РАН, д. э. н.

Дмитрий Андреевич Крохмалев, заместитель директора по экономике Ростсельмаш, представитель Ассоциации Россельмаш

Влада Вячеславовна Маслова, руководитель отдела исследования ценовых и финансово-кредитных отношений в АПК Федерального научного центра аграрной экономики и социального развития сельских территорий — Всероссийского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства, д. э. н., профессор РАН

Сергей Юрьевич Глазев, вице-президент ВЭО России, советник Президента Российской Федерации, академик РАН, д. э. н., профессор

Алексей Петрович Майоров, председатель Комитета Совета Федерации по аграрно-продовольственной политике и природопользованию

Людмила Заумовна Талабаева, член Комитета Совета Федерации по аграрно-продовольственной политике и природопользованию

Аркадий Леонидович Злочевский, президент Зернового союза

Бодрунов: Уважаемые друзья, я рад приветствовать всех в стенах Вольного экономического общества России. Сегодня соорганизатором нашей экспертной сессии является Временная комиссия Совета Федерации по законодательному обеспечению развития технико-технологической базы агропромышленного комплекса Российской Федерации. Мы проводим наше собрание с Сергеем Герасимовичем Митиным, который возглавляет вышеназванную комиссию.

Наша Экспертная сессия, уже 22-я по счету, проводится по согласованию не только с Советом Федерации, но и со структурами органов государственной власти, которым интересен этот вопрос. Программа сессии формируется с учетом мнения всех структур, которые занимаются разработкой соответствующего законодательства, в том числе исполнительной власти. Мы готовим вопросы, которые так или иначе требуют научной проработки, научного обоснования, рассмотрения в экспертной среде для того, чтобы потом можно было сформировать определенные государственные решения. Поэтому я призываю к тому, чтобы сегодняшние выступления были предельно конкретными, и, я думаю, что не должен призывать к этому, но тем не менее напоминаю, что они должны быть, конечно, и весьма обоснованными и не голословными.

Я хотел бы остановиться немножко на том, что эта тема важна для Вольного экономического общества России еще и по другой причине. Всю свою почти 255-летнюю историю (в следующем году нам будет 255 лет) Вольное экономическое общество России занималось вплотную сельским хозяйством, потому что это была фактически основа всей экономики. В трудах Вольного экономического общества России, мы это сегодня обсуждали с нашими коллегами до того, как сюда пришли, есть десятки крупных материалов, которые касаются так или иначе развития аграрного сектора. Надеюсь, наше сегодняшнее мероприятие также войдет в анналы Вольного экономического общества России, результаты нашего обсуждения, выступления будут опубли-

кованы в «Трудах Вольного экономического общества России», которые издаются тоже почти 255 лет. Эти «Труды» поступают не только в нашу библиотеку, но и в библиотеки Совета Федерации, органов государственной власти и так далее. Замечу, к гордости нашего общества, что материалы, которые мы предлагаем, довольно активно используются специалистами в сфере государственного управления, общественностью, привлекают внимание прессы.

Уважаемые коллеги, я хотел бы буквально два слова сказать по сегодняшней теме, по значимости ее. С точки зрения экономиста, наверное, вы знаете, аграрный сектор является предельно важным. Если исходить из потребностей людей, из того, что сегодня мы понимаем под основной жизнедеятельности, если помните пирамиду Маслоу, базовые потребности, которые расположены в ее основании, являются незыблемыми. Сюда входит и продовольствие. Сейчас верхняя часть меняется, появляются другие потребности — самоуважение, что-то еще, — разные специалисты по-разному это оценивают, есть мнения, что это будет не пирамида, неизвестно, какая это будет фигура, но базовая часть остается одна и та же. Это действительно очень важно. Наш мудрый народ и в пословицах это отразил, и в поговорках: хлеб — всему голова и так далее и тому подобное. Я полагаю, что мы все осознаем важность этой темы. И время, которое мы сегодня проведем в обсуждении, надеюсь, будет полезным для нас всех. Мы признательны Сергею Герасимовичу Митину за инициативу проведения нашего совместного заседания.

Митин: Спасибо большое, Сергей Дмитриевич, спасибо коллегам из ВЭО. Эта наша площадка — старейшая, во-первых, а во-вторых, такое престижное общественное объединение, как Вольное экономическое общество России, конечно, очень хорошая площадка для разработки тех идей, которые стоят перед нами, законодателями, и в целом перед всей сельскохозяйственной общественностью. Тема, которую мы будем сегодня рассматривать, чрезвычайно интересная. Я хочу сказать спасибо и коллегам своим — у нас тут присутствуют восемь членов Совета Федерации — достаточно сложно собрать их вместе. В частности, здесь — председатель Комитета агропродовольственной политики и природопользования Алексей Петрович Майоров, Юрий Викторович Федоров, который представляет другой комитет Совета Федерации. Это говорит об интересе, который коллеги проявляют к этой очень важной теме. Спасибо и тем, кто пришел сегодня на заседание — руководителям объединений, предприятий, научных организаций. Сергей Дмитриевич, вы уже сказали о важности сельского хозяйства. Я несколько цифр еще приведу.

Во-первых, сегодня, и это уже официально заявлено и председателем правительства, сельское хозяйство — наи-

более динамично развивающийся сектор экономики России за последние шесть лет. 15% — темпы роста, выше почти в три раза, чем темпы роста валового регионального и федерального продукта национального. Очень неплохо идет экспорт. В прошлом году он составил 25,7 миллиарда долларов. Впервые экспорт сельскохозяйственной продукции превысил экспорт вооружений России. Если говорить о людях, по последним данным, у нас почти 37 миллионов человек живут в сельской местности, это четверть населения страны. В большинстве своем они связаны с сельским хозяйством, а уровень их жизни, зарплаты, социальные условия во многом влияют на общее положение нашего населения.

Вроде бы есть хорошие перспективы и дальнейшего развития.

Но в то же время при внимательном рассмотрении мы видим и ряд моментов, которые нас начинают тревожить в развитии сельского хозяйства. Конечно, прежде всего, это эффективность труда. Собственно, и название нашего сегодняшнего совещания — инновационное развитие — как раз этому соответствует. Хочу несколько цифр сказать по эффективности. Например, если посмотреть на урожайность: в 2017 году мы собрали рекордный урожай зерновых — 135 миллионов тонн, никогда Россия в своей истории не собирала такой урожай — 29,9 центнера с гектара. Но она в разы отстает от урожайности таких же культур в европейских и американских странах. В частности, в Евросоюзе — это 40 центнеров с гектара в среднем, в Китае — 56, в Соединенных Штатах — 60 центнеров с гектара.

Такие же цифры можно привести и по животноводству: по таким показателям, как среднегодовой надой молока, привес, тоже отставание в разы. Очень интересный показатель по яблокам. Мы этим занимаемся в нашем комитете по поручению Совета Федерации. Урожайность яблок в наших садах в среднем по России 8 тонн с гектара. В Германии эта цифра составляет 52 тонны с гектара, в Италии — 45–50 тонн с гектара. То есть мы видим, что эффективность сельского хозяйства, безусловно, отстает значительно.

То же самое можно и об экспорте сказать. С одной стороны, в целом неплохая цифра, мы — экспортеры пшеницы №1 сегодня. Но если взять общий объем экспорта, то продукция пищевой перерабатывающей промышленности составляет в общем экспорте продовольствия только 13%. То есть, если структуру посмотреть экспорта, по пшенице мы занимаем порядка 15–19% мирового экспорта, а муки, например, меньше 2%; рыба мороженая — 9% мирового экспорта, а филе рыбы, первый технологический переход, уже меньше 2%. Я не говорю о консервах и серьезно переработанных продуктах. Конечно, это свидетельствует о том, что эффективность, которая основана на технологическом обеспечении, на технологических машинах, механизмах, энер-

гетической обеспеченности сельского хозяйства, у нас значительно отстает. И конечно, учитывая, что Россия — такая страна, которая занимает восемь часовых поясов и имеет примерно столько же климатических поясов, это требует специальных агротехнологий для каждого пояса, а агротехнологии требуют специальных машин и механизмов.

Если говорить уже научным языком, среди экспертов нет единого мнения, к какому технологическому укладу можно отнести сегодня наше современное сельское хозяйство. Можно только твердо сказать, что он ниже, чем в целом технологический уклад нашей экономики. И переход на новый технологический уклад, который должен произойти путем внедрения новых инновационных технологий, безусловно, позволит нам повысить эффективность и, конечно, увеличить объемы сельскохозяйственной продукции, и, самое главное, переработанной продукции сельского хозяйства.

Должен сказать, что Правительством и президентом Российской Федерации проводится беспрецедентная работа по созданию такого законодательного обеспечения и государственной поддержки, которые обеспечили бы высокий уровень жизни и производства в сельском хозяйстве. Буквально за последние 10 лет вложены очень большие средства, введены новые законы — закон о сельском хозяйстве, доктрина продовольственной безопасности. Есть и федеральные научно-технические, технологические программы, президентские, правительственные, которые тоже требуют внедрения новых методов, новых технологий. К сожалению, пока с этим дело обстоит сложно.

С Александром Васильевичем Петриковым, который сегодня будет делать основной доклад, мы цифры сверили: если говорить в целом об экономике Российской Федерации, то доля инновационных технологий занимает где-то около 7,5%, а в сельском хозяйстве эта цифра не превышает 4%. Очень интересный момент в том, что если в экономике, в промышленности существуют научные центры по внедрению новых технологий, то в сельском хозяйстве пока таких центров, которые бы разрабатывали, внедряли новые совершенно, инновационные технологии, нет. 10 июня на заседании нашего комитета мы одобрили предложение наших рязанских коллег о создании там агробиотехнопарка. Мы будем с Алексеем Петровичем Майоровым стараться, чтобы это вошло в решение Совета Федерации.

На чем мы заострили внимание. Сегодня в российском законодательстве, в нормативных документах понятия агробиотехнопарка нет: создать можно, но надо прежде всего определить, что же это такое и что мы хотим создать.

Сегодня есть ряд проблем, которые чрезвычайно нас интересуют, которыми занимается и наша комиссия, и наш комитет, и в целом Совет Федерации. Одна из них очень характерная проблема, которую можно в пример приве-

сти, — это обеспеченность семенами отечественного производства. Сегодня, к большому сожалению, большая часть семенного материала — импортные материалы. И более того, к сожалению, мы не видим нормативных документов, которые бы четко определяли, когда же у нас будут свои семена. То есть даже Правительство до конца не определилось. Задача поставлена президентом, поставлена председателем Правительства, но пока конкретных планов нет. Сегодня мы впервые поднимаем этот вопрос. Об этом уже доложено в Правительство, мы с Советом Федерации будем работать, чтобы систематизировать эту проблему и на ее примере показать, как шаг за шагом по годам можно и нужно решить эту проблему.

Я специально поднял некоторые вопросы для того, чтобы использовать сегодняшнее совещание с таким большим представительством настоящих ученых, практиков, людей, которые помогут нам сформировать грамотную политику в области законодательства, нормативных актов для того, чтобы сельское хозяйство получило новый импульс технологического развития на основе нового технологического уклада, с принципиально новыми технологиями, которые позволят использовать те ресурсы, которыми нас наделила природа, а также те возможности, которые есть у Российской Федерации для повышения благосостояния наших жителей и для повышения престижа государства, которое будет занимать одну из главенствующих ролей в производстве продуктов питания и сельскохозяйственного производства.

В качестве вступления я на этом бы ограничился. Учитывая, что мне, как модератору, придется это заседание вести, предлагаю, учитывая занятость большинства присутствующих и напряженность нашей работы, утвердить регламент заседания такой: основной доклад — не более 15 минут, выступления — не более 5 минут, комментарии с места — 2–3 минуты, — так, чтобы нам в течение полутора часов провести наше заседание с хорошими выводами, которые позволят сформировать планы дальнейшей работы. Слово для основного доклада предоставляется Александру Васильевичу Петрикову.

Петриков: Тема действительно актуальная. Речь идет о совершенствовании механизмов инновационного развития отрасли. Она была актуальна всегда, но она особенно актуальна в нынешних условиях. Я хотел это продемонстрировать.

В сельском хозяйстве инновационной деятельностью занимается меньшая доля предприятий, чем в других отраслях экономики. В целом по экономике — 7,5%, в промышленности — 9,6%, а в растениеводстве — порядка 3,9%, в выращивании однолетних культур, в животноводстве еще меньше — порядка 3%.

Как показала Всероссийская сельскохозяйственная пере-

пись, инновациями занимаются в основном крупные предприятия, в меньшей степени — малые предприятия, и совсем мало — фермерские хозяйства. Эта закономерность проявляется по всем позициям. Например, систему точного земледелия и дистанционного наблюдения за качеством технологических работ сейчас внедряют порядка 15% крупных предприятий, в основном агрофирм и агрохолдингов, а в малых предприятиях этот показатель — 4,3%, у фермеров — 0,8%. Это данные Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года.

Не удается нам переломить, несмотря на поставленные задачи, и тенденцию роста удельного веса иностранных селекционных достижений на внутреннем рынке. После реорганизации Российской академии сельскохозяйственных наук, которая ранее отвечала за это дело, количество заявок, поданных российскими селекционерами в госреестр селекционных достижений за 2014–2017 год, по сравнению с предшествующей трехлеткой 2010–2013 годов, увеличилось на 30%. Но их удельный вес в этом госреестре сократился на 6 процентных пунктов. И если посмотреть на госреестр селекционных достижений, допущенных к использованию, то мы видим такую же тенденцию. Число заявок выросло на 15%, а их доля в указанном госреестре уменьшилась на 2 процентных пункта, и это — направление, которое особенно патронируется государством.

В то же время в сельскохозяйственных научных учреждениях накоплен большой объем завершенных научных работ, которые слабо коммерциализируются. Данные за 2006–2014 годы: 14 тысяч результатов — селекционные достижения, изобретения, полезные модели, методики, технологии — было получено в учреждениях Россельхозакадемии, но из них только около 4,8 тысячи, 37%, получили патент, а лицензионный договор на использование — около 6%. Это очень мало.

В целом конкурентоспособность отечественных сельскохозяйственных технологий уступает зарубежным. Россия остается нетто-импортером технологий в области сельского хозяйства, и этот уровень очень высок. Он намного выше, чем сальдо внешнеторговой деятельности в области сельского хозяйства. Мы за 2005–2017 год, то есть со времен реализации национального проекта, лицензионных соглашений закупили на сумму 318 миллионов долларов — это данные Росстата. А продали за рубеж, в основном в бывшие советские республики, всего на 36 миллионов долларов, то есть в 9 раз меньше. Мы можем констатировать, что конкурентоспособность отечественных сельскохозяйственных технологий уступает зарубежным.

Я бы выделил три причины такой неутешительной ситуа-

ции. Первая, о ней сказал уже Сергей Герасимович, в том, что у нас нет института по внедрению результатов научных исследований в практику. Раньше это были государственные унитарные предприятия, опытные хозяйства Россельхозакадемии, но они не оказались привлекательными для частных инвестиций и должным образом не финансировались самой академией, и уже с 2004–2005 годов рентабельность производства и выручка на одного работника в АПК была ниже, чем по аграрной экономике.

Несмотря на то что в новых институтах развития — Роснано, «Сколково», Российской венчурной компании — есть аграрные подразделения, они очень мелкие и занимаются в основном цифровыми незначительными технологиями. МИПы при вузах и научно-исследовательских институтах тоже решают фрагментарные задачи. Цепочки полного научно-технологического цикла — от фундаментальных разработок до массового производства — только сейчас формируются. Эту цель, в частности, преследует Федеральная научно-техническая программа развития сельского хозяйства до 2025 года. Она реализуется с 2017 года, однако распространилась только на две подотрасли: на селекцию семеноводства картофеля и сахарной свёклы, и только в 2019 году планируется подготовить еще 12 подпрограмм.

Вторая причина: в стране отсутствует единый центр координации, прогнозирования, экспертизы научно-технологических разработок в области сельского хозяйства. Вроде бы такими функциями должно заниматься отделение сельскохозяйственных наук РАН, но его статус очень низок. В настоящее время сельскохозяйственные исследования и внедрение являются предметом 8 программ и фондов, но они должным образом между собой не скоординированы.

И третья причина, о которой следует сказать, это то, что сельскохозяйственная наука недофинансирована. Доля сельского хозяйства в общей сумме внутренних затрат на исследования и разработки, а также отношение внутренних затрат на исследования и разработки в сельском хозяйстве к валовой добавленной стоимости, созданной в сельском хозяйстве, постоянно снижается. При этом последний показатель — отношение валовой добавленной стоимости к добавленной стоимости в сельском хозяйстве — в 2 раза ниже аналогичного в целом по экономике. У нас — 0,55%, а в целом по экономике — 1,1%. В развитых странах этот показатель достигает 4%.

Сельскохозяйственные исследования и разработки сосредоточены в основном в государственном секторе науки, и недофинансированы особенно прикладные исследования. Обращу внимание на то, что после реформы государственных академий удельный вес фундаментальных разработок был 42%, а потом, с 2014 года, он стал 57–58%. Государство массированно вкладывает деньги в фундаментальную науку,

которая не коммерциализируется.

Если мы посмотрим на долю государственного сектора во внутренних затратах на исследования и разработки, то увидим, что бизнес очень слабо финансирует и прикладные исследования, и разработки, и фундаментальную сельскохозяйственную науку. Доля государства во внутренних текущих затратах на исследования и разработки — 83% по сельскому хозяйству, а всего по отраслям, по всем областям науки — 34%, то есть сельскохозяйственная наука в целом целиком зависит от государства, в то время как, мы знаем, что в других странах множество источников финансирования, и очень высока доля финансирования частного бизнеса. К такой модели необходимо переходить и в России.

Какие рецепты следуют из этой ситуации? Удивительно, что у нас не обращают внимания на мировой сельскохозяйственный инновационный опыт. Если посмотреть на поддержку инноваций в сельском хозяйстве в зарубежных странах, то этим занимаются: в США — Агентство по исследованиям, освоению результатов и консультированию при министерстве сельского хозяйства, Сельскохозяйственная научная служба, Служба распространения знаний и опыта, в Бразилии — это Государственная корпорация ЭМБРАПА, а также различного рода ассоциации самих сельскохозяйственных научных центров, как, например, в Германии — Информационная служба по распространению знаний в сельском хозяйстве, Немецкое сельскохозяйственное общество и крупные частные структуры, и даже банки, например, Сельскохозяйственный рентный банк. В России сейчас, как сказал совершенно верно Сергей Герасимович, такого центра нет, ни государственного, ни государственно-общественных. И надо сказать, что я бы даже обострил ситуацию, находясь в здании Вольного экономического общества. Это общество было создано в том числе для научного обеспечения аграрной отрасли и сельского домостроительства, возникло в 1765 году. В 1820-м ему в помощь по рескрипту Александра I создается Императорское московское общество сельского хозяйства, которое, замечу, было ликвидировано только в 1929 году с образованием Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина Николаем Ивановичем Вавиловым — ВАСХНИЛ, и существовала она до 1990 года, потом была создана Российская академия сельскохозяйственных наук, а с 2014-го никакого центра нет. В следующем, 2020 году, будет 200 лет Императорскому московскому обществу сельского хозяйства. И эта дата, я думаю, должна быть переломной для нашего осознания этой ситуации и для организации такого центра.

В качестве примера я бы хотел привести бразильскую корпорацию ЭМБРАПА. Это государственная национальная инновационная корпорация в Бразилии. В ней трудятся около 10 тысяч сотрудников, годовой бюджет около миллиарда долларов. Занимается она как исследованием, так и внедрением результатов в производство и освоением новых земель. Например, на землях, вовлеченных в оборот ЭМБРАПА, производится 50% бразильского зерна. Вот такую корпорацию частно-государственную нам надо иметь и в сельском хозяйстве, тем более что у нас есть фонд развития промышленности при Минпрое, есть Ростех для инноваций в других отраслях. Надо создать что-то вроде Ростехнологий и в аграрном секторе. И конечно, это увеличение, прошу прощения, бюджетной поддержки аграрной науки и особенно прикладных исследований и разработок.

И в заключение — два слова о назревших законопроектных инициативах, учитывая очень солидное представительство наших уважаемых законодателей. С нашей точки зрения, целесообразно принять закон о генетических ресурсах растений, который уже два раза вносился Министерством сельского хозяйства в Правительство, но, к сожалению, не был принят, для формирования правовой базы сохранения и пополнения генетических коллекций и закрепления за коллекционными участками статуса особо охраняемых земель, чтобы предотвратить риск их изъятия для других целей.

И вторая законодательная инициатива, которая стучится в двери, это нормативное закрепление статуса селекционных центров растениеводства и животноводства, поддержка которых прописана в Государственной программе развития сельского хозяйства. Необходимо, в частности, законодательно установить, что такие центры формируются, если они поддерживаются государством, при научных учреждениях или вузах, или научных учреждениях и вузы должны иметь право участвовать в их деятельности. Это создаст надежную правовую базу для распространения отечественных селекционных достижений.

Митин: Спасибо большое, Александр Васильевич. Как всегда, Ваши доклады, очень емкие. Я попросил бы нам передать этот Ваш доклад, и мы его постараемся в работе своей учитывать.

Глазьев: Может, Вы и говорили об этом, но хотелось бы задать несколько вопросов, которые в связи с моей работой возникают. Вы знаете, активно идет Китай сейчас к нам с претензиями на закупки огромных объемов сои, которых у нас нет, дальше они хотят зерно закупать, подсолнечное масло, дальше они хотят входить в собственность сельскохозяйственных предприятий, включая собственность на землю, естественно. Есть тут какие-то риски, как Вы видите этот

процесс? Нужно ли нам как-то сдерживать эту экспансию нашего стратегического партнера? Это первый вопрос.

Второй вопрос касается сбалансированности растениеводства и животноводства. Вот мы сейчас экспортируем зерно. Я так понимаю, что одна из причин просто в том, что у нас с животноводством был большой провал, и потребление зерна, возможно, из-за этого внутри сократилось. Если у нас животноводство дальше будет мощно развиваться, может быть, у нас этот экспорт зерна упадет и не стоит делать ставку на то, что у нас самая большая сегодня в Евразийском союзе ниша для создания зернового экспорта, много с этим связано по дальнейшей поддержке экспорта зерна, порты строятся. Может быть, все это временное явление?

Еще один вопрос: Вы упомянули, что нет институтов развития для сельского хозяйства, но у нас же есть РСХБ. Он не выполняет роль института развития? Россельхозбанк для этого создавали, в принципе. Есть еще вопрос про генетическую модификацию. Если сочтете нужным сказать, мы движемся по этому пути или стоим на месте?

Петриков: Спасибо, Сергей Юрьевич, я не хотел вдаваться в политические аспекты сотрудничества с Китаем в аграрной сфере, но точка зрения нашего института состоит в том, что мы заинтересованы в привлечении китайских инвестиций и открытии китайского рынка. Это труднореализуемая позиция, требует очень трудоемких переговоров. Опыт предоставления земельных участков китайским компаниям, который у нас есть, с точки зрения особенно Россельхознадзора, не совсем положительный, мягко говоря, но позицию Китая с точки зрения обсуждаемой сегодня темы нам надо всячески поддерживать и использовать. Они сохранили Китайскую академию сельскохозяйственных наук и создали крупный инновационный институт в сельском хозяйстве для продвижения своей продукции за рубежом, купили одну из транснациональных компаний. Если мы не создадим свой институт, может быть, нам тоже подумать о таком варианте, но я считаю, что у нас есть предпосылки для формирования Ростехнологии или ГКНТ для сельского хозяйства.

Второй вопрос, насчет сбалансированности. Да, у нас сейчас задача диверсификации экспорта стоит. Как писал еще в 1824 году один из президентов Императорского вольного экономического общества Николай Мордвинов, надо стимулировать не экспорт зерна в трюмах, а экспорт муки в бочках. Учитывая, что зерно — это ликвидный товар и имеет большой спрос на мировом рынке, трудно избавиться от этого: надо продолжать экспортировать и зерно, но увеличить удельный вес продуктов передела. Росстат

опубликовал уточненные данные сельскохозяйственной переписи и пересчитал все динамические ряды в сельском хозяйстве, согласно которым сейчас у нас есть диспропорция между растениеводством и животноводством. Если в растениеводстве мы дореформенный уровень превзошли на 30%, то в животноводстве отстаем еще на 26% от уровня 1990 года. Сейчас идет работа Минсельхоза по так называемой регионализации, когда эти цифры по двукратному увеличению экспорта распределяют в форме государственных заданий для субъектов Российской Федерации с заключением соответствующих соглашений — это очень полезная работа. Но она упирается в то, что должно быть проведено сельскохозяйственное районирование страны, чтобы эти государственные задания не противоречили севооборотам и рациональному сочетанию растениеводческих и животноводческих отраслей. Риски такого подхода проявляются в некоторых регионах.

И наконец, о Россельхозбанке. Да, это, конечно, ведущий институт развития, особенно в инвестиционном кредитовании в сельском хозяйстве. Но что касается кредитования инновационных проектов и кредитования сельскохозяйственной науки, во-первых, здесь действуют правила для бизнеса, которые не подходят для инновационных проектов. Если Россельхозбанку это поручить, я думаю, что он тоже мог бы превратиться в такую инновационную компанию, как Сельскохозяйственный рентный банк в Германии.

Митин: Спасибо. Сейчас хочу слово предоставить Полунину Геннадию Андреевичу, заместителю директора Федерального научного центра аграрной экономики и социального развития сельских территорий.

Полунин: Уважаемые коллеги, я в своем выступлении хотел затронуть некоторые проблемы развития селекции в нашей стране и осветить организационно-экономические и правовые аспекты.

Начну с того, что сегодня в стране существует несколько моделей инновационного развития селекции семеноводства и сельскохозяйственных культур. Преобладает и развивается государственно-частное партнерство — это первая модель, сотрудничество бизнеса и государственных научных и образовательных учреждений. Есть три формы: это хозяйственные общества, которые сегодня уже созданы и функционируют при образовательных научных организациях, недавно появились комплексные планы научных исследований Минобрнауки и уже затем комплексные научно-технические проекты Министерства сельского хозяйства. Какие же у нас сегодня сдерживающие факторы развития и реализации этой первой модели?

Первое и основное, это всем известно, — это слабая материально-техническая база научных организаций, участвующей

щих вот в этих КПНИ, КНТП, которую экономически невыгодно развивать бизнесу, так как любые его вложения в государственные организации становятся не его собственностью, а своего рода подарком, обременительным в то же время для научной и образовательной организации, которой приходится за это платить. Вся финансовая нагрузка, как сегодня уже говорил Александр Васильевич Петриков, лежит на государстве.

Второе, это недостаточный объем государственной поддержки исследований и разработок — об этом тоже говорилось.

И третье — слабое взаимодействие между наукой, образованием, бизнесом из-за недостаточного экономического интереса бизнеса к разработкам отечественных партнеров по сравнению с западными конкурентами.

Далее. Некоторые соисполнители мероприятий федеральной научно-технической программы, которые обозначены в этой программе — это так называемые фонды поддержки научно-технической инновационной деятельности и другие институты развития, — слабо принимают участие в реализации этой научной программы. Не рассмотрен и не поддерживается весь спектр возможных путей достижения целей приоритетных направлений. Например, что важно отметить, это касается организации маркетинга инноваций, например, в картофелеводстве, казалось бы, можно сегодня было бы вполне реализовывать эту программу, но этого не делается.

Пятое, конечно, проблемы экономики и селекции, и семеноводства.

И последним пунктом я бы отметил незначительное участие регионов в организации программы по селекции и семеноводству, но имеется положительный пример: Краснодарский край проводит акцию по субсидированию 70% затрат за покупку отечественных гибридов сахарной свёклы.

А теперь, концентрацию на каких ресурсах мы предлагаем.

Первое, это финансовая поддержка. Сегодня, как вы знаете, у нас существуют три фонда. Первый — Российский фонд фундаментальных исследований. Мы считаем, что он не участвует сегодня в программе, а мог бы заниматься финансированием генетических коллекций, банка здоровых растений, технологии геномного редактирования, клеточных технологий и так далее. Российский научный фонд перешел бы к вопросам в области отработки технологических приемов процессов селекции, семеноводства и проведения эколого-географических и экономических испытаний сортов и гибридов. Хочу сказать, что Российский научный фонд в 2016 году провел один конкурс проектов в области картофелеводства и птицеводства. Но это осуществлялось по распоряжению или указанию президента Российской

Федерации, а без указаний никаких движений сегодня вперед нет. Очень важно, что сегодня, помимо Министерства сельского хозяйства, которое включило комплексные научно-технические проекты по реализации в области картофелеводства и сахарной свёклы, у нас есть еще один источник — это Минобрнауки. Вы знаете, там существует программа и дирекция ФЦП — исследования и разработки по приоритетным направлениям научно-технологического развития. В прошлом году по 120–150 миллионов выделялись на такие проекты. Почему бы не поставить вопрос, чтобы при отборе этих приоритетных направлений были организованы конкурсы среди тех, кто уже прошел отбор в Министерстве сельского хозяйства.

Дальше — увеличение бюджетного финансирования. Какие институциональные преобразования можно было бы предложить? В Министерстве сельского хозяйства уже обсуждалось создание Фонда инновационного развития АПК или Фонда развития селекции и семеноводства. Второе — это организация в составе одной из научных организаций Минобрнауки информационно-аналитического центра, который мог бы заниматься прогнозированием, мониторингом и анализом ситуации. Третье — это расширение участия регионов, как здесь сказано.

И последнее, я хотел бы отметить нормативно-правовые акты, которые сегодня очень важны для нашей страны. Я в несколько произвольном порядке их называю, но отмечаю их особенность. Например, нам нужен документ о порядке создания и функционирования базовых кафедр при научных образовательных учреждениях. Есть такое поручение, но пока не реализовано.

Нам также нужна возможность частичного финансирования научных исследований, проводимых государственными научно-образовательными учреждениями и право собственности на полученный результат научной деятельности, предоставление права участникам КПНИ передавать научно-образовательным учреждениям движимое имущество в безвозмездном порядке, без уплаты учреждением налога, предоставление льготных кредитов участникам НТП на семеноводство, компенсация части затрат научно-образовательным учреждением на производство семян для репродукции семенного фонда. И последнее — о предоставлении льгот для проведения регистрационных испытаний селекционных достижений, созданных научными и образовательными организациями в комиссии по селекционным достижениям. Спасибо за внимание.

Бодрунов: Если позволите, я уточню, Геннадий Андреевич, Вы говорили о необходимости таких законодательных актов, именно законодательных актов? Или это какие-то нормативные документы?

Полунин: Наверное, большая часть — нормативно-правовые документы, но некоторые можно отнести к законодательным.

Митин: Если можно, дайте нам конкретные предложения и по проектам федеральных законов, и, может быть, по изменениям нормативных актов, соответственно, к уже существующим федеральным законам. Это наша прерогатива, и мы готовы помочь. Я прошу в комиссию нам представить такой документ.

Полунин: Хорошо, обязательно.

Глазьев: Еще раз хочу спросить про генетическую модификацию. У нас работа в этой области в прикладном плане разворачивается или мы топчемся пока на месте с точки зрения посевных площадей, коммерческого запуска и так далее. Это первый вопрос. Второй вопрос — касательно биологической безопасности. В свое время, лет 15 назад, было много шума насчет того, что надо принять программу по биологической безопасности, имея в виду прежде всего продукты питания — лаборатории создать. Опять же — это все из биоинженерии. Смысл этих проверок заключается в том, чтобы нам обезопасить своего потребителя и агропромышленный комплекс от разного рода вредоносных биоинженерных конструкций. Может быть, это тогда была такая фобия, а сейчас это улеглось — как-то про программу биобезопасности уже ничего не слышно.

Полунин: Я понял. Насчет последнего вопроса, касающегося безопасности: он рассматривался, наверное, полгода назад в Российской академии наук. Там есть совет, который возглавляет всем известный академик Кирпичников. Инициатива исходила из Министерства сельского хозяйства, вернее, даже из Россельхознадзора, помочь им сформулировать требования к ввозимым генно-модифицированным семенам, в частности и растениям (в основном о семенах шла речь), на территорию Российской Федерации. Чем закончилась работа комиссии, я не могу сказать. Но то, что эта работа активно велась (я даже два раза принимал в этом участие с точки зрения оценки рисков, связанных с ввозом этих генно-модифицированных семян растений).

Что касается исследований. Вы знаете, что есть указ резидента, развивается работа, по крайней мере, не в области генно-модифицированного создания растений, а геномного редактирования, клеточной биоинженерии. Разработку этого вопроса сегодня возглавляет МГУ. Готовится программа, которая прошла обсуждение. Как я понимаю, будут специально выделены средства из бюджета под ее реализацию. Наверное, в этом или в крайнем случае в следующем году

она начнет финансироваться, так что это — в подспорье тому, чтобы мы наконец-то продвинулись в создании новых сортов растений на высоком биотехнологическом уровне, чтобы приблизиться, скажем, к «Байеру» или «Монсанто» — пытаемся в этом направлении работать. По плану отводится где-то три года на разработки в области, по крайней мере, двух направлений, особенно — сахарной свёклы, где у нас 90% сегодня, вы знаете, в некоторых местах — до 100% импорта.

Так вот, есть несколько конкретных фамилий, я не буду их сегодня называть, ученых, которым (именно их лабораториям, независимо от организации) выделяются средства на то, чтобы они за два года решили несколько технологических вопросов с тем, чтобы семена отечественной селекции были приближены к семенам международных компаний, которые ввозятся и у нас размножаются. Активно идет работа. Я сам был недавно на такой селекционной станции в Краснодарском крае, которая принадлежит Министерству образования и науки. На самом совещании не присутствовал, но знаю, что работа идет с участием бизнеса, который активно сотрудничает с государством, чтобы профинансировать эти работы из внебюджетных источников. Эта работа ведется.

Митин: Спасибо. Алексей Петрович Майоров, пожалуйста, вопрос.

Майоров: Геннадий Андреевич, вы в своем выступлении упомянули о ФНТП — федеральной научно-технической программе. Что касается подпрограмм по семеноводству, две уже, как Александр Васильевич сказал, приняты, 12 планируем принять. У меня первый вопрос — про целеполагание и эффективность этих программ. Там не указано, а на мой взгляд, нужно установить процентное соотношение, например, о соотношении импортных и отечественных семян через какое-то время. Там этого нет, то есть целеполагание достаточно размыто. Может быть, есть необходимость нам все-таки в диалог с правительством вступить по этому вопросу, мы же указываем в доктрине продовольственной безопасности, например, 80%, а здесь у нас целеполагание какое-то очень размытое. Если мы дальше так будем двигаться, мы не сможем понимать, эффективные у нас эти подпрограммы или они — очередной пузырь.

И второй, очень практичный вопрос, вы Краснодар упомянули: правда ли, что сейчас на базе Высшей школы экономики, я это тоже от краснодарцев узнал, кафедру семеноводства открывают «Байер» и «Монсанто»? Не слышали вы о таком?

Полунин: Насчет кафедры не знаю, но у них там создан центр по трансферу технологий, которые «Байер» и «Монсанто» после решения нашей антимонопольной службы обязаны передать нашим научным организациям. Они осуществляют договоры такие посреднические, и эта фирма обучает наших научных сотрудников биотехнологическим приемам выведения новых сортов. Что касается кафедры, возможно, и дальше идет развитие этого сотрудничества, вполне возможно, потому что обучать-то надо на чем-то, так что кафедра как форма обучения вполне для этого подходит.

Что касается первого вопроса. Хотя в этой программе на самом деле нет такого указания — 80% или 60% заменить, но в ряде документов, мне кажется, по сахарной свёкле и картофелю есть цифры. Когда общаешься с нашей наукой, понимаешь, что она на несколько другое ориентируется: она ориентируется на создание сортов и технологий, как прописано в решении, а эти цифры — больше требования к семеноводческим хозяйствам, которые участвуют в комплексных научно-технических проектах Минсельхоза. Перед ними стоит такая задача. Если посмотреть по картофелю, я изучал, они должны, я сейчас не помню, или 60%, или 70% заменить — они сказали, что количество этих семян будет произведено. А вопрос заключается в другом, рынок-то воспримет, спрос-то будет на них? Именно поэтому я говорю о важности маркетинга, о продвижении новых сортов на рынок. Это отдельная задача, но она сегодня, к сожалению, не в планах научных исследований. Мы предлагали Министерству включить эту работу в планы на 2019 год, но нам сказали: повремените. Мы считаем, что времени нельзя, потому что создание сортов должно идти под спрос, под конкретные качественные характеристики, какие нужно создавать потребительские свойства сортов, чтобы рынок их воспринял. Вот это надо изучить, но тут мы можем отстать. И когда наступит 2021 год, когда будут созданы эти сорта, скажем, 12 по картофелю и два по сахарной свёкле, то может оказаться, что часть из них будут не востребованы. На самом деле, опасения есть.

Митин: Спасибо, Геннадий Андреевич, большое. Я позволю себе нарушить наш план. Сейчас у нас должен был Михаил Константинович Глубоковский выступать, затем — Старовойтов Виктор Иванович, заместитель директора Всероссийского научно-исследовательского института картофелеводства имени Лорха. Я думаю, Виктор Иванович, в Вашем выступлении Вы хорошо бы ответили на те вопросы, которые Алексей Петрович задал, и я — в своем вступительном слове. Нас очень волнует это — по картофелю, в частности. Пожалуйста, слово Виктору Ивановичу Старовойтову.

Старовойтов: Я не буду останавливаться на важности сельского хозяйства и картофелеводства, поскольку вы, Сергей Герасимович, и Сергей Дмитриевич отметили это. Сельское хозяйство — это вообще драйвер и машиностроения, и перерабатывающей промышленности, и топливно-энергетического сектора, и науки. Высокоточные технологии, роботизация — это все должно развиваться и в сельском хозяйстве.

Пользуясь случаем, я хотел бы отметить, что в 1891, 1892, 1893, 1895 годах вот здесь недалеко, на Бутырском хуторе, Вольное экономическое общество проводило исследования 200 сортов картофеля с полной выкладкой — погодные условия и так далее. Это очень интересные данные, потому что и сейчас меняется экология, меняется климат. Мы тоже такие исследования проводим и пользуемся теми данными. То есть наше современное картофелеводство основывается в том числе и на трудах Вольного экономического общества.

Теперь конкретно. Вы все знаете, что в ответ на санкции, которые выдвинуты против России, президент России выпустил указ №350 о мерах реализации государственной научно-технической программы развития сельского хозяйства. На основе указа было постановление Правительства №559 как основа для того, чтобы у нас дальше развивалось картофелеводство. Надо отметить, что на сегодняшний день приоритеты немного меняются. Если раньше больше хлеба потребляли, то сейчас уменьшается потребление хлеба, а картофеля — увеличивается. Незначительный, но тренд есть. Чем его объяснить? Несколькими причинами, в том числе, и это немаловажно, тем, что картофель — полезная культура. Это уже исторически доказано.

Какие проблемы в последнее время возникли у нас в картофелеводстве? Обратите внимание, что у нас только, по сути дела, 20% наших отечественных сортов, остальные сорта — импортные. Если нам перекроют этот шлюз, то у нас могут возникнуть серьезные проблемы. Что касается сортовых ресурсов, то на сегодняшний день где-то 50% в сельском хозяйстве — это импортные сорта, и нам эту проблему необходимо решить. Одна из причин, по которым эта проблема возникла, конечно, — то, что недорабатывала наука в силу недостаточной инфраструктуры, материально-технического обеспечения и кадрового потенциала, незаинтересованности наших картофелеводческих компаний в российских сортах. Они просто пользовались, как говорится, рынком, а наши сорта требовали определенной раскрутки и выхода на рынок. То есть системные меры, о чем сегодня уже говорили, по продвижению отечественных сортов — это, конечно, важная задача. Иностранцы выходу своих сортов на рынок уделяют значительное внимание. Вы знаете, в 1990-х годах нам поставляли картофель — только берите, бесплатно импортные сорта, продвигали, проталкивали всеми возможными способами. И вот теперь мы имеем то, что имеем.

По реализации этой подпрограммы создан межведомственный совет при Минобрнауки. Мы должны создать 12 отечественных сортов картофеля, 11 технологий, поддерживать 7 сортов картофеля в разных регионах. Публикации — это для нас тоже важно, на самом современном уровне. Одобрено создание 7 селекционно-семеноводческих центров, которые будут в первую очередь решать эту задачу в разных климатических условиях — 6 федеральных округов участвуют в этом. В 2018 году научно-техническим комитетом при Минобрнауки рассмотрены и одобрены планы поисковых исследований в рамках реализации программы для 16 научных организаций.

Что сделано за это короткое время? Хотя эти программы задерживались, на сегодняшний день у нас в них участвуют 16 научных организаций, 2 сорта мы уже выдали, один сорт — нашего института имени Лорха, и сорт «Танго» — Казанского научного центра Российской академии наук. Мы форсируем сейчас создание новых сортов, чтобы начинать их раскручивать в производстве. Генетические паспорта 50 сортов картофеля сделаны, 11 публикаций из тех 138, которые нужны. Семь селекционно-семеноводческих центров работают в России, база данных создана по картофелю, которая объединяет информацию по последним российским и мировым достижениям.

Митин: Я попрошу конкретно: нас интересует, уже задал и Алексей Петрович этот вопрос, и я, что будет в 2024 году?

Старовойтов: Что мы сделали. Были профинансированы семеноводческие центры в объеме 92 миллионов рублей, из них материально-техническое развитие этих центров — 73,6 миллиона рублей, финансирование поисковых исследований — 18,4 миллиона рублей. С 2019 года в решении этой задачи будет участвовать еще ряд организаций — всего 19 организаций Минобрнауки. Мы хотели бы, чтобы улучшились возможности по экспорту российского картофеля хотя бы в страны СНГ, но у нас этот вопрос не решается. У нас в этом году было перепроизводство картофеля, мы не знали, куда его поставлять. Необходимо также переработку организовать, не только производство картофеля фри, чипсов, а крахмала, спирта, то есть в эту сторону направить усилия. И оставить, конечно, субсидии на семеноводство. Без этого мы пока задачу эту не поднимем.

Митин: Я хочу всех коллег, кто имеет к этому отношение, предупредить, что этим делом заинтересовался Совет Федерации. Есть поручение соответствующее председателя Совета Федерации, и мы его доведем до конца. Поэтому нам нужно конкретно знать: сегодня есть 437 сортов картофеля, из них 235 — российских. Что будет в 2024 году?

Старовойтов: 12 новых сортов. Вот сейчас два уже вышло, и остальные у нас через 2–3 года выйдут, и мы их тиражируем. Это не просто сорта, а сорта целевого назначения. Часть сортов — для продовольствия, часть — диетические, часть — для переработки, такие, которые требуются для производства чипсов и фри.

Митин: Мне кажется, ссылаясь на то, будет ли рынок брать или не будет, несправедлива. Мы же все, в общем-то, руководители здесь в какой-то степени этой отрасли. Значит, чтобы рынок не брал польские сорта или какие-то другие, давайте принимать меры. Прежде всего, нормальная рыночная мера — сделать наши сорта дешевле и лучше. Не получается — давайте каким-то образом ограничивать. Нельзя висеть на этой импортной игле. Я конкретного ответа, к сожалению, от вас не получил.

Старовойтов: Буду стараться.

Митин: Не получится, друзья, с таким подходом работать, я вам сразу говорю, не получится. Зная нашего руководителя, председателя Совета Федерации, думаю, вам придется пересмотреть свои взгляды и в очень ближайшее время совершенно четко доложить: сегодня — 235 сортов, в 2020-м будет столько, в 2021-м — столько, в 2024-м — столько. Мы будем это контролировать.

Старовойтов: Сергей Герасимович, по программе мы должны к 2025 году, то есть не только мы, а Минсельхоз, мы все, кто занимается этой программой, должны выпустить 18 тысяч тонн элитных сортов, которые будут составлять половину всей потребности России. То есть половина сортов будет российских.

Митин: Я только хотел бы, чтобы Вы еще раз сказали, какая сумма там выделена на эту подпрограмму? Кто скажет точно?

Старовойтов: Для нас, я сказал, 102 миллиона выделено, мы их получили.

Митин: Нет, это только вам, а там большие деньги выделены.

Петриков: Я не помню цифру, но для меня, когда разрабатывалась эта программа, был важен вопрос о структуре рынка семян, посадочного материала картофеля и его возможного изменения на период реализации программы. И самое главное, написали — 18 тысяч тонн, а сколько это

будет стоить? Какова цена этих семян, по сравнению особенно с зарубежными семенами? И что будет покупать наш производитель? Вот таких экономических расчетов я лично не увидел.

Митин: Я вчера разговаривал с руководством Министерства сельского хозяйства и хочу сказать, что, во-первых, 12 подпрограмм — это, по мнению и Гордеева Алексея Васильевича, вице-премьера, и руководства Министерства, и по нашему экспертному мнению, — это многовато. И, как Александр Васильевич сказал, по-видимому, надо будет даже эти две подпрограммы пересматривать и внести в них какие-то параметры, потому что получилось так, как не должно получаться. Я Сергею Юрьевичу объясняю как человеку, представляющему Администрацию Президента: взяли продовольственную доктрину, 80% вроде бы как выполнили за счет зерновых, которых в десятки раз больше. Но сегодня ни картофеля, ни свёклы, ни кукурузы, ни морковки, ни цветов даже (может, это не так актуально, но тем не менее) — ничего российского нет. Яблони, груши — то же самое. Мы все завозим. И надо ли это завозить вместе со всеми болезнями, заразами, по цене, не понятно какой, и с районированием, самое главное, как это будет все вырастать у нас, не ясно, и что это даст нашим будущим поколениям? Вот этими проблемами надо очень серьезно заняться. Пожалуйста, Аркадий Леонидович, вы хотели сказать...

Злочевский: Я хотел бы акцентировать ваше внимание на одной вещи. Технологии, собственно говоря, это цепочка, а не отдельно вырванное звено, которое мы пытаемся сейчас внедрить. Как это работает с точки зрения аграрного сектора? Если мы переходим на так называемое точное земледелие, например, которое сейчас востребовано крайне, это значит, что мы должны сменить всю генетику посевного материала. И мы сразу начинаем смотреть в кинетические показатели тех сортов, которые закупаем. Это значит, что мы должны инкрустировать эти семена. А это — определенная защита от болезней и вредителей, которые при закладке в землю сразу появляются. И тут выясняется, что у нас нет в производстве ни одного действующего вещества по этим препаратам. Мы их все вынуждены импортировать. И даже если мы их замешиваем на нашей российской, отечественной территории, то есть так называемую формуляцию производим, то мы все равно зависимы по исходному материалу так же, как по генетике по целому ряду направлений, но в средствах защиты мы зависимы по всем направлениям автоматически.

Когда мы смотрим дальше на цепочку и переделы, возникает вопрос конкурентоспособности в исходной базовой сырьевой продукции — насколько она получается конкурентоспособной по себестоимости в отношении конкурентов, которые делают то же самое и конкурируют на внешнем

рынке. А мерило — только внешний рынок. И когда мы говорим о дальнейших переделах, вы правильно акцентировали проблему, что мы экспортируем в основном сырье, а продукты передела — не можем. И тут возникает целый ряд дополнительных элементов, касающихся опять же технологий. Например, у нас практически умерло производство витаминов. А это — продукт переделов, зерновых переделов, растениеводства, молочная кислота, различные декстрозы, сахара, там огромный перечень продукции, которую мы просто перестали делать и не можем сегодня делать.

К этому же привязан и вопрос, который Сергей Юрьевич задавал: а что у нас с генетической модификацией? Потому что это — активное использование биотехнологий. И в этих переделах конкуренты участвуют очень серьезно, а мы ввели запрет на посевы генно-модифицированных семян, абсолютно нелогичный. Вместо того чтобы запретить ввоз, мы запретили сеять у себя — производить. Мы практически уничтожили рынки сбыта для научных разработок — их некуда девать. Лаборатории сегодня, которые занимались этими разработками, не понимают, зачем этим заниматься, заниматься биотехнологиями, когда продать их некому. На Западе это никто брать не будет из их производственников, они будут на своих ученых опираться, а у нас рынка сбыта нет, потому что мы запретили производить у себя биотехнологическую продукцию, генную модификацию. Мы можем только завозить. Это — антиимпортозамещение.

И вот звенья этой цепочки находятся в жесткой зависимости одно от другого. Одно звено выпало, нет его — вся цепочка не работает. Поэтому мы не можем в первую очередь заняться инновационным развитием и ориентировать рынок на наши отечественные разработки. И я не согласен с тем, что у бизнеса нет интереса к научным разработкам. Это неправда — бизнес очень сильно интересуется. Просто вопрос как стоит: он интересуется западными технологиями, поскольку они комплексные, они отстроены по всей цепочке, а у нас есть отдельные звенья в цепи — там, здесь, точно. Действительно, бизнес это не устраивает, поскольку это неполная цепочка, она не работает. Поэтому, говорит бизнес, дайте мне всю цепочку, тогда меня это интересует, и предоставьте ее по параметрам конкурентоспособной продукции, которая с помощью этой технологии производится. Если она конкурентоспособна, это очень интересно. И в это бизнес готов вкладываться.

Митин: Спасибо большое, Аркадий Леонидович. Я благодарен коллегам, которые подготовились, представителям институтов. Еще раз хочу сказать о важности этого, о том, что Совет Федерации будет это дело контролировать, — мы увидели проблему. Аркадий Леонидович говорит как представитель бизнеса. Учитывая многообразие сельского хозяй-

ства, я сейчас слово предоставляю Михаилу Константиновичу Глубоковскому, научному руководителю Всероссийского научно-исследовательского института рыбного хозяйства. Пожалуйста, Михаил Константинович.

Глубоковский: Спасибо. Действительно, я представляю здесь рыбохозяйственную науку. И надо сказать, что и наука, и сама отрасль сильно отличаются от сельского хозяйства, хотя и та и другая производят пищевую продукцию и не только пищевую. Если посмотреть в историю, коротко очень, то за последние 100 лет все прорывы в рыбном хозяйстве происходили благодаря двум импульсам. Первый связан с новой сырьевой базой. Сначала у нас был главный в России Волжский бассейн, который в свое время спас социалистическую революцию в Питере, благодаря сельди и вобле, потом главным стал Северный бассейн, появились новые запасы, потом — Дальневосточный бассейн, потом мы вышли в Мировой океан, и это был пик рыболовства в Советском Союзе, когда ежегодно в 80-е годы мы вылавливали 11 миллионов тонн. Конечно, ерунда, по сравнению с урожаем зерна. Но тем не менее это важный элемент и хозяйствования, и геополитики, между прочим.

Другие прорывы были связаны с развитием аквакультуры. В России это было, во-первых, спасение осетров в Волге, когда построили плотины. И второе — то, что мы прозевали, — это товарное выращивание в садках и подкормка рыбы. Аквакультура, начиная с 80–90-х годов, развивается очень серьезными темпами и уже догнала рыболовство по вылову. А вот вылов дикой рыбы стабилизировался на цифре ежегодного вылова 93–95 миллионов тонн. Я повторю, Россия в прошлом году поймала 5 миллионов тонн. Тем не менее мы входим в пятерку стран с развитым рыболовством. По прогнозу ФАО, такая ситуация сохранится достаточно долго. При этом наблюдается серьезная конкуренция стран по доступу к запасам диких биоресурсов: это и на международном уровне, есть и попытки влезть в чужие экономические зоны.

Какие у нас перспективы по увеличению сырьевой базы дикой рыбы. Предварительная оценка, которая была сделана в последние годы, в 2009 и 2014 годах, 2 миллиарда и 20 миллиардов тонн. Данные сильно расходятся, но тем не менее вот такой прогноз был сделан — и это была всемирная съемка по всему Мировому океану. Если сейчас 93–95 миллионов тонн, то если мы будем использовать сырьевую базу рыболовства, которая есть в Мировом океане, мы можем добавить к этому еще примерно 230 миллионов тонн ежегодно. То есть почти утроить современный вылов. Это важно не только для того, чтобы накормить мировое сообщество достаточно эффективным рыбным белком, но и для того, чтобы развивать сельское хозяйство и аквакультуру. Рыбная

мука является основой большинства кормов и в сельском хозяйстве, и в аквакультуре.

Что нам нужно для этого сделать: изучить популяционную структуру видов, оценить их запасы, создать новые орудия промысла. Потому что основные запасы — это мезопелагические рыбы, глубоководные и водные биоресурсы, кальмары и водоросли. Это и есть плюс 230 миллионов тонн ежегодно. Мезопелагические рыбы — 200 миллионов тонн — выглядят страшновато, тем не менее как бы при современных технологиях их можно перерабатывать. Что для этого нужно? Во-первых, кадры. Кадры у нас есть. НИИ рыбного хозяйства после реформы — единственный, в нем насчитывается 5240 человек. Это в разы больше, чем во всей сельскохозяйственной науке. Во-вторых, мы заключили соглашение в прошлом году с Российской академией наук, где-то сбоку китайцы также присоединяются — было соответствующее совещание между Российской академией и Китайской академией наук. Далее — суда. Наши суда последнего поколения в ближайшие 3–4 года нам будут строить. Уже принято решение главой государства на постройку всех судов на замену, в том числе двух крупнотоннажных судов больше 200 метров, с неограниченным районом плавания, арктического класса. Мы много раз говорили, что надо, наконец, избавиться от безобразия по поводу варварского уничтожения научных квот, потому что разведку без вылова сделать нельзя. Необходимо возродить промысловую разведку. Все основные запасы в советские времена были открыты нашими учеными.

И последнее. Когда нам будут выделять деньги, а денег у нас на ближайшие два года для наших планов хватает, пожалуйста, не режьте наши деньги в пользу сельского хозяйства.

Глазьев: Очень интересная тема. Я бы хотел спросить насчет садков. Вы одним словом упомянули, что мы прозевали эволюцию. Все же перспективы здесь, наверное, большие. Я имею в виду такие крупные комплексы, которые в океане создаются как платформы плавучие (Вы понимаете лучше меня, о чем речь), с гигантской популяцией рыб, причем, бываю, я слышал, даже разные сорта рыбы в таких больших хозяйствах, в Норвегии есть несколько штук таких. Сейчас китайцы нам предлагают (есть конкретный проект) построить такой гигантский садок у нас на Дальнем Востоке, с двумя спецсудами, с вертолетной площадкой, с управлением из космоса. Мы, в принципе, можем такие вещи сами строить, ведь в основе вроде как тут технологии близки к буровым платформам, которые используются в нефтегазодобыче...

Глубоковский: Да ничего здесь сложного нет, и опыт мировой есть. Норвежцы в таких садках морских выращивают лосося, правда, это во фьордах, потому что лосось хорошо растет в теплой воде, им нужен Гольфстрим. У нас Гольфстрима, к сожалению, практически нет, только на западе Мурманской области чуть-чуть, поэтому лосось у нас по норвежской технологии не пойдет, нет у нас Гольфстрима. И выращивают, как ни странно, тунцов в таких же платформах в Средиземном море. Причем период выращивания от молоди (10–12 килограмм) до товарного веса (примерно 300–350 килограмм) — полгода. Правда, кормовой коэффициент там — 60, то есть на килограмм прироста надо 60 килограмм дешевой технической рыбы, даже не комбикормов. Просто мороженую тилапию кидают, они едят. И почему не сделать это у нас? Но космос — это вообще экзотика. Зачем космос? Почему нам не ловить дикую рыбу в Мировом океане? Одно другому, конечно, не мешает. И проект красивый. Да давайте нам задачу, мы и сделаем вам.

Глазьев: Технологически...

Глубоковский: Технологически — легко.

Митин: Пожалуйста, Людмила Заумовна.

Талабаева: Я хочу сказать, коллеги, что мы на площадке Совета Федерации очень много говорили про промразведку. Я поддерживаю, потому что мы науку рыбную практически уничтожили, а промразведки у нас вообще нет. На самом деле, можно делать то, что вы говорите. Это технологически, я сама технолог рыбный по образованию, не сложно. Но у нас столько запасов дикой рыбы! Мы же гордимся своей дикой рыбой, которая растет в море. Сегодня наука что говорит. У нас появилась сельдь иваси. Ее около 600 тысяч тонн можно брать. Вместе с сельдью иваси скумбрии примерно миллион тонн можно брать. Это объекты, которые мы в Советском Союзе обрабатывали, мы знаем технологии, я как студентка училась на них, мы знаем, как это делать. Аквакультура — это, конечно, перспективно, и эти направления друг другу не мешают, но, мне кажется, нам нужно развивать направление дикой рыбы, по которому сегодня и правительство дало задачу, и законы приняли на федеральном уровне, и инвестиционные квоты выделены, и строительство флота нового идет на наших российских верфях. Это все, на самом деле, правильно. Это одно из направлений, которое нам надо поддерживать. Спасибо.

Митин: Спасибо, Людмила Заумовна. Я, если можно, тоже поддержу Михаила Константиновича. Дело в том, для коллег хочу сказать, что мы по дикой рыбе связаны еще

и международными обязательствами. И если мы сегодня эту долю мировой рыбы не захватим, она будет постепенно от нас уходить, уходить и уходить. То есть, если мы этот процесс растянем, например, на 10–15 лет, то ее может просто не оказаться. И в этих 100 миллионах тонн Россия так и ограничится 5 миллионами. Конечно, решения принимаются, но, к сожалению, можно сказать, что мы очень часто, когда начинаем строить корабль, говорим об этом как о большом успехе, чуть ли не в фанфары готовы бить. Но не надо забывать, что от начала строительства до окончания тоже 2–3 года пройдет. Что за это время изменится? И вот тут, если начали строить, то надо достроить обязательно. Спасибо большое, Михаил Константинович. Мы тесно очень работаем с вашим замечательным институтом. Сегодня он объединяет все научно-исследовательские институты, связанные с рыбным промыслом. Думаю, и дальше мы будем работать очень тесно с наукой. Сейчас я хочу предоставить слово еще одному из основных наших выступающих — Якову Петровичу Лобачевскому, первому заместителю директора Федерального научно-исследовательского центра ВИМ.

И я презентую, что ВИМ сегодня — это площадка, которая может стать моделью того научного центра, о чем мы с Александром Васильевичем говорили, где могут отрабатываться и внедряться все технологии. Сегодня это институт, который входит в Министерство науки, но он тесно работает и с Министерством сельского хозяйства, и с Министерством промышленности. Министры договорились, что это будет именно такая площадка, мы это тоже поддерживаем. Я тоже хочу анонсировать перед коллегами, что следующее заседание нашей Временной комиссии мы будем проводить в стенах ВИМа. И я приглашаю туда всех. Там мы посмотрим уже и опытную, и промышленную базу. А сейчас слово Якову Петровичу.

Лобачевский: Спасибо большое, Сергей Герасимович. Уважаемые коллеги, я хотел бы сказать несколько слов по поводу создания первого в стране агробиотехнопарка. Сегодня Сергей Герасимович уже об этом сказал. И Сергей Герасимович, и Александр Васильевич, и некоторые другие выступающие обозначили круг проблем, которые являются мотивом для создания вот этого агробиотехнопарка. Одна из побудительных причин заключается в том, что, к сожалению, у нас отсутствуют эффективные механизмы реализации внедрения передовых научных достижений. Другая причина — это слабая координация, слабая интеграция различных учреждений: научных, научно-исследовательских, образовательных, конструкторских, производственных предприятий, предприятий — производителей сельскохозяйственной продукции. Поэтому идея создания агробиотехнопарка заключается, во-первых, в эффективной интеграции научных учреждений, промышленных партнеров,

образовательных организаций, сельхозтоваропроизводителей с целью проведения эффективных прорывных научных исследований, получения реального научно-технического продукта и эффективного внедрения его в производство.

Структурно агротехнопарк представляется в виде стабильного стационарного образования, которое находится в сельской местности на территории какого-то сельскохозяйственного предприятия. Мы провели переговоры с руководством Рязанской области. Дело в том, что в Рязанской области у нас сейчас существует филиал, научно-исследовательское учреждение, которое занимается селекцией, семеноводством. Мы поделились этой идеей, заручились поддержкой администрации Рязанской области. И в дальнейшем этот проект или предпроектное предложение было доложено на заседании Совета Федерации. Мы очень признательны и благодарны Сергею Герасимовичу за то, что он поддержал эту инициативу, заслушал эти материалы на заседании Совета Федерации. В дальнейшем они были представлены на пленарном заседании Федерального Собрания. То есть были сделаны первые организационные шаги.

Какие сейчас мы видим проблемы. Первая — в том, что нет законодательной базы, правовой основы для функционирования, даже для создания вот таких образований, агроботехнопарков. Поэтому одно из наших предложений на первом этапе — создать межведомственный комитет, который бы занялся именно организационно-правовой основой этого нового образования. Мы сейчас по поручению и комитета по аграрно-продовольственной политике, и по поручению нашего Министерства образования и науки занимаемся подготовкой концепции и дорожной картой по организации этого агроботехнопарка. Назначение его может быть самое разное. Как я уже сказал, это проведение прорывных научных исследований, это их реальное внедрение в сельскохозяйственное производство, это демонстрация новейших достижений, их пропаганда, это реализация различных образовательных программ, повышение квалификации и так далее и так далее.

Одно из направлений, которое можно реализовать очень быстро, это именно пропаганда научно-технических достижений. Мы видим, что каждый регион проводит свои Дни поля, сейчас они идут чередой в различных регионах, но все-таки там рассматриваются какие-то местные, региональные проблемы. Мы можем сделать в рамках подготовки агроботехнопарка стационарную площадку, на которой каждый год из года в год будут демонстрироваться новейшие достижения аграрной науки, новой сельскохозяйственной техники, новых достижений в селекции и семеноводстве. То есть это должна быть площадка, которую и специалисты, и ученые, и сельхозтоваропроизводители всей страны должны знать. И она может использоваться не в течение 1–2 дней, как это сейчас происходит на Днях поля,

а в течение, по крайней мере, всего сельскохозяйственного сезона. Там могут проходить и различные образовательные программы, популяризация новейших достижений науки и техники, обучение. В перспективе мы видим создание постоянно действующего научного городка с привлечением туда разноплановых специалистов, ученых, конструкторов, производственников, которые бы проводили исследования и разработки по наиболее перспективным направлениям — таким как селекция, семеноводство, технологии точного земледелия, цифровые технологии, автоматизация, роботизация сельскохозяйственных машин и оборудования. То есть по тем направлениям, в которых мы, к сожалению, сейчас еще отстаем.

Эта площадка может использоваться также и для продвижения, как говорили сегодня коллеги, комплексных планово-научных исследований и комплексных научно-технических программ. Не секрет, что сейчас эти программы и планы разрабатываются, в разработке находится их очень много, но продвигаются они довольно медленно, потому что опять же недостает интеграции и организационной основы. Поэтому, как нам представляется, на площадке агроботехнопарка как раз вот эти КПНИ могли бы реализовываться более эффективно.

Уважаемые коллеги, я в заключение хотел бы сказать, что 19 июля в предполагаемом месте создания агроботехнопарка мы вместе с администрацией Рязанской области проводим День поля. Там будут две площадки. На одной, собственно, День поля Рязанской области, а на второй площадке будет презентация подготовки агроботехнопарка. Мы предполагаем, что там будет довольно широкое представительство научных учреждений, промышленных партнеров, поэтому сердечно всех приглашаем, призываем сделать пометки в своих блокнотах, чтобы 19 июля по возможности приехать в Рязань, в село Подвязье, в филиал нашего центра для участия в этих мероприятиях. Через несколько дней мы официальные приглашения разошлем.

Митин: Спасибо, Яков Петрович. Уважаемые коллеги, у нас еще четыре выступающих, но, учитывая то, что мы полтора часа, как и планировали, поработали, основные темы мы подняли. Чем нам нравится Вольное экономическое общество, Сергей Дмитриевич с коллегами, что все доклады, все выступления будут в «Трудах» записаны, все это будет широкой аудитории роздано. И есть предложение: тем, кто не успел выступить, сейчас не настаивать на выступлении. Сегодня мы их доклады возьмем и опубликуем. А я бы просил несколько слов сказать Алексея Петровича Майорова, председателя комитета нашего, Сергея Юрьевича Глазьева, а Сергей Дмитриевич закончит наше сегодняшнее заседание. Согласны? Спасибо. Тогда, Алексей Петрович, пожалуйста, Вам слово.

Майоров: Спасибо, Сергей Герасимович. Я бы хотел поблагодарить Вас лично, Сергея Дмитриевича Бодрунова за то, что Вы определили очень актуальную тему заседания сегодняшней комиссии, площадку выбрали правильную. Действительно, представлены самые разнообразные мнения. Для нас, как для законодателей, очень важна работа на таких площадках, потому что мы потом, непосредственно работая в Совете Федерации, учитываем все мнения и все предложения, которые могут быть полезными для того, чтобы наш аграрный сектор развивался.

Буквально несколько тезисов мне бы хотелось высказать.

Первый тезис. Сельское хозяйство все-таки инкорпорировано и в экономику страны. И в той денежно-кредитной политике, той бюджетной политике, которую на сегодняшний день мы имеем, важно, чтобы там тоже происходили изменения, которые были бы направлены на развитие сельского хозяйства. Не случайно мы сегодня экспортируем сырье, а не экспортируем готовую продукцию. Сергей Юрьевич, хочу ответить на Ваш вопрос по поводу Россельхозбанка. Я считаю, Россельхозбанк не может быть институтом развития до тех пор, пока это банк и подчиняется тому банковскому законодательству, которое на сегодняшний день есть. Оно, наверное, правильное для обычных банков, но Россельхозбанк — банк для сельского хозяйства, там особая структура. Например, мало фермеров у нас попадают под те рамки, которые есть на сегодняшний день, под те продукты, которые Россельхозбанк предлагает, чтобы ЦБ им давал деньги. Поэтому институт развития нам все-таки надо будет создавать другой, мы будем предлагать.

И в заключение хотелось бы сказать, что мы сегодня говорили больше о науке, больше о стратегических вопросах, но нам необходимо обратить внимание и на малый бизнес в селе, на фермерство, потому что в очередной раз я не случайно говорю о бюджетной, о денежно-кредитной политике. Раньше единый сельхозналог был неограничен, но затем появилась пороговая норма. Мы с Министерством финансов буквально позавчера говорили — они пока стоят на своем: установили порог для единого сельхозналога 100 миллионов рублей. Как только ты его превышаешь — сразу попадаешь в плательщики НДС.

Что мы делаем? Для крупного бизнеса зачастую это, может быть, даже хорошо. Но для малого бизнеса — это, конечно, очередной удар. Они будут дробить сейчас все. Идут постоянно письма с жалобами, но Минфин, как обычно, стоит на своем. Ну, будем пробивать эту стену. Есть действительно много задач, которые предстоит решать. Тем не менее весь потенциал для того, чтобы наше сельское хозяйство действительно стало одним из передовых в мире, у нас есть. Большое спасибо.

Глазьев: Спасибо большое докладчикам. Они дали, мне кажется, очень объективную, яркую и полную картину.

Я с точки зрения макроэкономики два слова хотел бы сказать. То, что за последние годы мы имели в сельском хозяйстве, по общему мнению, некоторый успех, с макроэкономических пропорций объясняется тем, что, во-первых, действовали льготные механизмы по субсидированию процентных ставок, и в раскладе отраслей с точки зрения доступности кредита сельхозпроизводители свою нишу заняли. Вопрос, будут ли эти льготы и дальше и сохранится ли субсидирование процентных ставок, насколько я понимаю, остается открытым.

Также остается открытым второй макроэкономический фактор, а именно эмбарго на ввоз продовольствия из Евросоюза. Сколько оно продлится, мы не знаем. То есть вот эти два фактора, мне кажется, они не могут уже дальше рассматриваться, как модно говорить, драйверами роста в сельском хозяйстве. Нужны внутренние источники кредита. Сельское хозяйство, как мы понимаем, это уже высокотехнологическая сфера, которая по техническому уровню превосходит многие отрасли обрабатывающей промышленности, которая без кредита расширяться не может, тем более с учетом сезонности сельхозпроизводства.

Исходя из этого, все же можно спорить, чем должны заниматься банки. Но я считаю, что и Россельхозбанк, и даже Сбербанк должны заниматься кредитованием инвестиций, и для этого они существуют. Если эти банки не кредитуют инвестиции, то зачем они вообще нужны? Тем более что это — государственные банки. У каждого госбанка должен быть план по кредитованию инвестиций. То, что сегодня Сбер показывает, допустим, триллион прибыли, — с чего это? Доля инвестиционных кредитов в активах нашей банковской системы упала ниже 7%. То есть Центральный банк фактически остановил главный трансмиссионный механизм банковской системы, механизм трансформации сбережений в инвестиции, и говорят: как так, у нас много денег слишком, и Центральный банк сейчас занят изъятием денег из экономики. Изъято уже 13 триллионов примерно за последние пять лет. В результате у нас не только сельское хозяйство, но и другие отрасли буксуют, не имея возможности расширяться. Поэтому я считаю, что раз все же Россельхозбанк финансируется из бюджета, он вообще-то должен иметь план по кредитованию всех отраслей сельского хозяйства с разбивкой на получателей и так далее.

Сегодня больше про науку говорили, но, наверное, фонд бы не помешал целевой. В этом смысле бразильский пример очень хороший. И, наверное, вместо того, чтобы вкладывать деньги, снова опять раздавать стабилизационные фонды с вывозом за рубеж этих бюджетных доходов, лучше было бы вложиться в сельскохозяйственную науку — здесь спора нет.

Нужно также (мне кажется, это очень важный вопрос) снять, в конце концов, эту фобию по поводу генетической модификации. Мы пропускаем очередную революцию, уже практически проспали, притом что имели на старте очень неплохие возможности. У нас есть колоссальный уникальный семенной фонд, который позволяет создать свой «Монсанто», в принципе, и поддерживать свою собственную биоинженерию. Это вопрос уже, конечно, выходит за рамки сельского хозяйства. Вопрос общественного мнения, сознания, отношения наших регуляторов, которые, к сожалению, дремучие очень в части понимания биоинженерных технологий и возможных последствий.

Еще я бы хотел обратить внимание на тему, которую мы не рассматривали, но она напрямую касается поднятых вопросов — это то, чем я занимаюсь, — контроль качества продукции, особенно импортной. То, что мы импортируем огромное количество опасной, негодной продукции — это, в общем-то, явная недоработка и Евразийской экономической комиссии, и нашей системы сертификации. Это опять же шире, чем область непосредственно сельского хозяйства. Борьба с контрафактом, которая уже вынесена на уровень государственной политики, успеха, к сожалению, не имеет; и пока мы не реорганизуем полностью всю систему контроля за качеством продукции во главе с Росаккредитацией и не передадим этот функционал на уровень Евразийской комиссии, я думаю, у нас успехов не будет, потому что, даже если мы наведем порядок в России, то отсутствие таможенной границы с Казахстаном, Киргизией и так далее будет иметь точно такой же негативный результат.

Я бы поддержал то многое, что говорилось об импортозамещении в семеноводстве и вообще в селекционной работе. Думаю, что это действительно сегодня приоритет №1.

А собственно, в заключение приходится констатировать, что, к сожалению, у государства нет системного подхода на федеральном уровне к проблематике развития сельского хозяйства, агропромышленного комплекса. И судя по всему, такого подхода и не предвидится. Но, может быть, в рамках той дискуссии, которая у нас ведется по стратегическому планированию (вы знаете, уже пять лет буксует исполнение закона на эту тему), попытаться сформировать мнение, что, если в целом для экономики наше правительство не в состоянии разработать стратегический план, то, может быть, хотя бы для агропромышленного комплекса можно было бы это сделать.

Митин: Спасибо большое, Сергей Юрьевич. В общем-то, конечно, много очень интересных направлений для нас. Сергей Дмитриевич, пожалуйста, Вам, как хозяину, закрывать...

Бодрунов: Уважаемые коллеги, я хотел бы буквально два слова сказать. Мы, конечно, сегодня затронули очень много серьезных тем. Безусловно, за полтора-два часа работы невозможно затронуть все проблемы, связанные с развитием нашего сельского хозяйства, нашей аграрной сферы. Мы сегодня практически не касались темы, например, продовольственной безопасности так называемой и отдельно будем рассматривать этот вопрос, обязательно включим его в повестку дня где-нибудь в январе-феврале — по итогам года тоже посмотрим, что у нас получилось. Мне кажется, что это вопрос чрезвычайно важный.

И очень важный вопрос, который сегодня Алексей Петрович уважаемый затронул, но немножко косвенно, о малом бизнесе в сельском хозяйстве. Я полагаю, что очень важно рассмотреть еще нам эту тему не забыть — о балансе создания крупных холдингов в сельском хозяйстве и малого бизнеса, потому что, если мы хотим поднимать сельское хозяйство силами частного инвестора, этот инвестор должен быть мощный, он должен иметь серьезные возможности и финансовые, и организационные, и технологические, и прочие. У нас, к сожалению, таких крупных агрохолдингов пока почти нет.

Да, есть специалисты, которые формируют крупные компании в сельском хозяйстве. В частности, агрохолдинг имени Ткачёва, есть холдинг «Степь», есть другие холдинги, крупнейшие три из которых владеют 2 миллионами гектар, а у первой двадчатки — 8 миллионов гектар. Но в масштабах России это не так много. Некоторые из них известны на рынке как производители сельскохозяйственного продовольствия, каких-то продуктов, но часть из них, я не буду называть сегодня, чтобы не делать рекламу или антирекламу, используют землю просто как земельные банки, на всякий случай, держат эту землю под спудом. Это тоже очень важная проблема, которую стоит, наверное, рассматривать.

Я думаю, очень важно в этом контексте понимать место и роль малого бизнеса, потому что очень хорошо развиваться малому бизнесу, фермеру, если есть крупный молокоприемник, завод перерабатывающий, мукомольное производство крупное и так далее, а если рядом ничего нет, инфраструктуры нет, которую не построил крупный инвестор, значит, не будет развития и малого бизнеса, сколько бы мы ни давали льгот.

Я думаю, что можно привести еще не менее 2–3 десятков проблем, которые сегодня действительно важны для сельского хозяйства, и мне кажется необходимым продолжить наш разговор на одном из следующих заседаний, помимо того, которое мы запланировали по продовольственной безопасности.

Я хотел бы отдельно поблагодарить тех, кто сегодня выступил, не записываясь в список заранее. Мы сделали

сегодня протокольную запись и передадим эти материалы, уважаемые коллеги, вам. Просим подработать их, посмотреть с точки зрения читабельности (вы понимаете, что живая речь — одно, а текст — это другое), не выбрасывая ничего рационального из того, что вы сказали, потому что, мне кажется, сегодня было очень умное и серьезное заседание, где давали свое непредвзятое, четко выверенное мнение очень серьезные специалисты агропромышленного комплекса России. Мы опубликуем эти материалы в двух изданиях. Это «Труды Вольного экономического общества России» — научное издание, наши труды все ваковские, в анналы истории входят, а, кроме того, Вольное экономическое общество издаёт такой глянецвый, что ли, журнал «Вольная экономика», но он глянецвый только по бумаге — на самом деле, это очень серьезное научно-популяризирующее, я бы сказал так, издание. По разнообразной тематике мы пишем статьи в журнале — там 100–150 страниц. Каждый квартал выходят обзоры тех проблем, которые есть в экономике, которые мы обсуждаем. Мы думаем, сегодняшнее мероприятие достойно того, чтобы быть освещено максимально широко. И мы сделаем это так: будет доклад, будут резки выступлений по тем проблемам, которые есть в докладе, и дополнительный материал. Предлагаем не тянуть, быстренько все отработать. И мы это все опубликуем в ближайшем номере.

Спасибо большое еще раз. Я хотел бы вам пожелать хорошего лета, высоких урожаев, надоев и всего, что есть в сельском хозяйстве.

INNOVATION IN AGRICULTURE

HOW DO WE GET OFF THE GRAIN NEEDLE?

The largest agricultural experts, scientists and politicians are ready to take on the innovative development of agriculture, more precisely, to create conditions that can jump start such development. The Federation Council established a Temporary Commission on legislative support for the development of a technical and technological base for the agro-industrial complex of the Russian Federation, which has since been dealing with this topic. The Free Economic Society has also actively joined the discussion, with sharp debates taking place in its different venues. In particular, Sergei Mitin, First Deputy Chairman of the Federation Council Committee on Agrarian Food Policy and Environmental Management, presented a report by the Director of the A.A. Nikonov All-Russian Institute of Agrarian Problems and Informatics, Academician of the Russian Academy of Sciences Alexander Petrikov.

*Alexander Petrikov,
Director of the A.A. Nikonov All-Russian Institute
of Agrarian Problems and Informatics, Academician
of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics,
Professor, Member of the Presidium of the VEO of Russia*

Scarcity of innovation

The theme of innovative development of industry has always been relevant, but it's especially relevant under the current circumstances. Let me demonstrate this.

As the All-Russian Agricultural Census has shown, innovation mainly comes from large enterprises and to a lesser extent from small enterprises and very few individual farms. This pattern has been continually repeating itself.

Attempts to reverse the upward trend in the volume of foreign achievements in selective breeding on the domestic market have failed. After the reorganization of the Russian Academy of Agricultural Sciences, which was previously responsible for that highly important area, the number of applications filed by Russian breeders to the state registry of selective breeding achievements in 2014-2017 increased by 30% compared with the previous three-year period of 2010-13, but their share in the state registry decreased by 6 percentage points. And if we look at the state register of selective breeding achievements cleared for practical use, we'll see the same trend. The number of applications increased by 15% while their share in that state register decreased by 2 percentage points, and this in an area especially patronized by the state.

A SYSTEM OF PRECISION FARMING AND REMOTE MONITORING OF THE QUALITY OF TECHNOLOGICAL WORK IS CURRENTLY BEING IMPLEMENTED BY APPROXIMATELY 15% OF LARGE ENTERPRISES, MAINLY AGRICULTURAL FIRMS AND AGRICULTURAL HOLDINGS; THIS IS ALSO TRUE FOR 4.3% OF SMALL ENTERPRISES, AND 0.8% OF FARMERS.

IN AGRICULTURE, A SMALLER SHARE OF ENTERPRISES

is engaged in innovation activity than in other sectors of the economy: 7.5% in the economy as a whole, 9.6% in industry, about 3.9% in crop production, and even less, about 3%, in the cultivation of annual crops and livestock farming.

At the same time, agricultural research institutions have accumulated a large amount of completed scientific work which is hard to commercialize.

In general, the competitiveness of domestic agricultural technologies is inferior to that of the foreign ones. Russia remains their net importer, and the level of imports is very high — much higher than the balance of foreign trade in agriculture. From 2005 to 2017, i.e. since the launch of the national project, we secured \$318 million worth of license agreements according to Rosstat. At the same time, only \$36 million worth of licenses, i.e. 9 times less, were sold abroad, mainly to the former Soviet republics.

So, we can say that the competitiveness of domestic agricultural technologies is inferior to foreign.

Three reasons for lagging behind

I would point out three reasons for such an unfortunate situation.

The first reason is that we have no institution for putting research results into practice.

Previously, that was the responsibility of state unitary enterprises, experimental farms of the Russian Agricultural Academy, but they turned out to be unattractive for private investment and were not properly funded by the academy itself, so starting as early as in 2004-2005 the profitability of production and the revenue per employee in agro-industrial holdings became lower than in agriculture as a whole. Despite the fact that the new development institutions — Rosnano, Skolkovo, the Russian Venture Company — have agricultural units, they are very small and are mainly engaged in insignificant digital technologies. Small innovation enterprises attached to universities and research centers also solve only fragmentary problems. Links holding together the full scientific and technological cycle — from fundamental R&D to mass production — have just begun to take shape. In particular, this process is aided by the Federal Scientific and Technical Program for the Development of Agriculture until 2025, which has been implemented since 2017 but has extended only to two sub-sectors: breeding of potatoes and sugar beets; the preparation of another 12 subprograms will not be completed until the end of 2019.

The second reason.

The country lacks a single center for coordination, forecasting, and expertise in scientific and technological developments in the field of agriculture. It seems that the Department of Agricultural Sciences of the Russian Academy of Sciences should perform those functions but its status is very low. At present, 8 programs and funds deal with agricultural research and practical implementation, but they lack proper coordination among themselves.

And the third reason, which should be mentioned, is that agricultural science is underfunded.

The share of agriculture in the total domestic expenditures on research and development, as well as the ratio of domestic expenditures on research and development in agriculture to the gross added value created in agriculture, has been continually decreasing. At the same time, the latter indicator — the ratio of gross added value to value added in agriculture — is 2 times lower than that of the economy as a whole. The ratio is 0.55% for agriculture and 1.1% for the economy as a whole. In developed countries, this figure may reach 4%.

ACCORDING TO THE 2006-14 DATA,

14,000 results — selective breeding achievements, inventions, utility models, techniques, technologies — were obtained by the institutes under the Russian Agricultural Academy, but patents were received only in respect of 4,800 of them, or 37%, and exploitation licenses granted in respect of 6%.

The research and development activity in agriculture is concentrated mainly in the government sector, with applied research being especially underfunded. Notably, during the reform of the state academies, the share of fundamental R&D was 42%, and since 2014 it has grown to 57-58%. The government has been investing heavily in fundamental science, which cannot be commercialized.

If we look at the share of the government sector in domestic spending on research and development, we will see that business is reluctant to finance applied research, development, and fundamental agricultural science. The government's share in domestic current expenditures on research and development is 83% in agriculture, and 34% in all sectors, in all areas of science; all in all, agricultural science is entirely supported by the state. At the same time, we know that in other countries there are many sources of financing, and the share of private business in such financing is very high. It is necessary for Russia to transition to such a model.

Correct foreign recipes (and not only foreign)

It is surprising that we do not pay attention to the global experience in agricultural innovation. Innovation in agriculture in foreign countries is supported by the following organizations: Agency for Research, Results Management and Consulting under the Department of Agriculture, Agricultural Research Service, Knowledge and Experience Dissemination Service in the US; State Corporation EMBRAPA and various associations of agricultural research centers in Brazil; Information Service for the Dissemination of Knowledge in Agriculture, German Agricultural Society and large private entities, including banks such as the Agricultural Rent Bank, in Germany. Russia has no such centralized agencies, either government-run or public.

On a separate note, I would like to dwell on the example of the Brazilian corporation EMBRAPA (Empresa Brasileira de Pesquisa Agropecuária), the Brazilian Corporation for Agricultural Research under the Ministry of Agriculture, Livestock and Supply. The company has nearly 10 thousand employees, the annual budget is about a billion dollars. It is engaged in both research and practical implementation of the results in production and the development of new lands. Thus, 50% of Brazilian grain is produced on the EMBRAPA's lands. We need to have such a corporation in agriculture, especially since we have a fund for the development of industry under the Ministry of Industry, we have Rostekh for innovations in other sectors; we need to create something akin to Rostekhnologii (Russian Technologies) in the agricultural sector. And of course, it will require an increase in budget spending on agricultural science and, especially, on applied research and development.

LET ME REMIND YOU THAT THE FREE ECONOMIC SOCIETY CREATED IN 1765

for the scientific support of the agricultural industry and rural housing construction, among other things. In 1820, in order to help it, Alexander I created the Imperial Moscow Agricultural Society, which, notably, was liquidated only in 1929, or rather converted into the Lenin All-Union Academy of Agricultural Sciences, or VASKHNIL, headed by Nikolai Ivanovich Vavilov. The Academy existed until 1990, then the Russian Academy of Agricultural Sciences was established, and since 2014 there has been no central agency. In 2020, we will mark the 200th anniversary of the Imperial Moscow Agricultural Society. That date, I think, should be pivotal for the establishment of such a central agency.

Long-overdue legislation

We believe it would be advisable to adopt a law on genetic plant resources which has already been twice submitted to the government by the Ministry of Agriculture but, unfortunately, was not supported. Such law is necessary for the formation of a legal framework for the conservation and replenishment of genetic collections, and for securing the status of specially protected lands for collection plots to counter the risk of their acquisition for other purposes.

The second legislative initiative, which is literally knocking at the door, is the legal affirmation of the status of plant and animal breeding centers which are supposed to receive support under the State Program for the Development of Agriculture. In particular, it should be legally acknowledged that such centers are to be created, with the support from the government, at scientific research institutes or universities. Or, alternatively, such research institutes and universities should have the right to participate in their activities. This will create a reliable legal basis for the dissemination of domestic selective breeding achievements.

Another important challenge is export diversification. As Nikolai Mordvinov, one of the presidents of the Imperial Free Economic Society, wrote in 1824, it is not the export of grain in ship's holds that should be encouraged, but the export of flour in barrels. Considering that grain is a liquid commodity and is in high demand at the global marketplace, it is difficult to abolish its export in its pure form: grain exports should continue, but the share of processed products should be increased. Rosstat published the updated agricultural census data and re-calculated all the statistical series in agriculture, according to which we now have a disproportion between crop production and animal husbandry.

**IF IN CROP
PRODUCTION WE'VE
EXCEEDED THE PRE-
REFORM LEVEL BY
30%, IN LIVESTOCK
BREEDING WE ARE
26% BEHIND THE
1990 LEVELS.**

Currently the Ministry of Agriculture is working on the so-called regionalization whereby the targets for a twofold increase in exports are set before the Russian Federation entities in the form of government assignments under the corresponding agreements — it's a very important work. But this work requires that the country be divided into agricultural zones to make sure that the government assignments are not contrary to crop rotation or the proper balance between crop production and livestock industries.

And, finally, about the Agricultural Bank. Of course, it is a major development institution, especially in terms of investment lending in agriculture. But as regards lending to innovative projects and lending to agricultural research, the bank is guided by the business rules that are not suitable for innovative projects. If Rosselkhozbank is specifically instructed and given the necessary assignments and powers, it might also turn into an innovative company, such as the Agricultural Rent Bank in Germany.

Agricultural industry efficiency in numbers

Sergey Mitin,

First Deputy Chairman of the Federation Council Committee on Agrarian and Food Policy and Environmental Management, Chairman of the Federation Council Provisional Commission on legislative support for the development of the technological base for the agro-industrial complex of the Russian Federation, member of the Board of the VEO of Russia, Doctor of Economics, Professor

I want to cite a few numbers which have to do with the efficiency. For example, look at the crop yield: we collected a record grain crop in 2017, 135 million tons. Never in its history has Russia collected such a crop, 29.9 centners per hectare. But it is several times lower than the productivity of the same crops in European and other countries. In particular, 40 centners per hectare in the European Union on the average, 56 in China, and 60 in the United States.

Similar figures can be given for livestock: Russia significantly lags behind by such indicators as the average annual milk yield and the weight gain. A very interesting indicator has to do with apples. The average yield of apples in our orchards is 8 tons per hectare. In Germany it's 52 tons per hectare, and in Italy 45-50 tons per hectare.

The same is true for exports. On the one hand, we are currently number one in wheat exports. But if we consider the total export volume, food processing industry products make up only 13% of the total food exports. That is, our wheat accounts for approximately 15-19% of global exports, while, for example, flour accounts for less than 2%, fish for 9%, and fillets for less than 2% of global exports. Let alone canned food and other heavily processed products.

Speaking in scientific terms, there is no consensus among experts on the technological mode to which our agriculture can be currently attributed. We can only be sure that it is inferior to the overall technological mode of our economy.

Over the past 10 years, lots of funds have been invested and new laws have been introduced, such as the law on agriculture and the food security doctrine. There are federal scientific, technical and technological programs that require implementation of new methods and new technologies, but, unfortunately, it is still difficult to accomplish.

Sergey Bodrunov,

President of the VEO of Russia, President of the International Union of Economists, Director of the S.Yu. Witte Institute of New Industrial Development, Doctor of Economics, Professor

I believe it is very important not to forget about the balance of creating large holdings in agriculture and small businesses because if we want to boost agriculture with the help of the private investor, such investor should be powerful enough and have some serious opportunities — financial, organizational, technological, and others. Unfortunately, such powerful agricultural holdings are still few and far between.

Yes, there are specialists who create large companies in agriculture. In particular, there is the Tkachev agricultural holding, there is the Steppe holding, there are other holdings, the top three of them owning 2 million hectares of land and the top twenty owning 8 million hectares. But it's not much on the Russian scale. Some of them (I will not provide names today to avoid advertising or anti-advertising) act as land banks, holding their lands just in case. It is also a very important problem which is probably worth resolving.

I think it is very important in this context to understand the place and the role of small businesses. It is easy for small businesses and farmers to develop if there is a large milk reception center, a large food processing plant or a large flour mill nearby. And if there is nothing, then there will be no development of small businesses, no matter how many privileges they are granted.

КАК ПРЕВРАТИТЬ ИННОВАЦИИ В ДРАЙВЕР ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Интернет вещей, умный дом, умный город, искусственный интеллект — вот далеко не полный перечень современных технологических инноваций. Отстаем ли мы в этих направлениях? Вопрос, скорее, риторический. И что сделать для того, чтобы инновации в технологическом развитии стали драйвером развития российской экономики?

СОБЕСЕДНИКИ

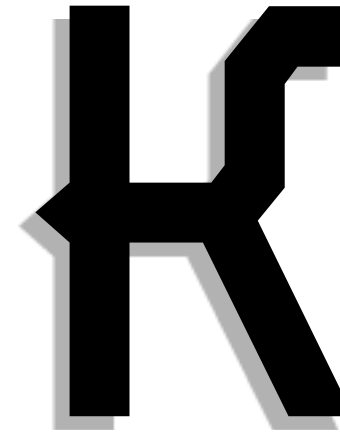
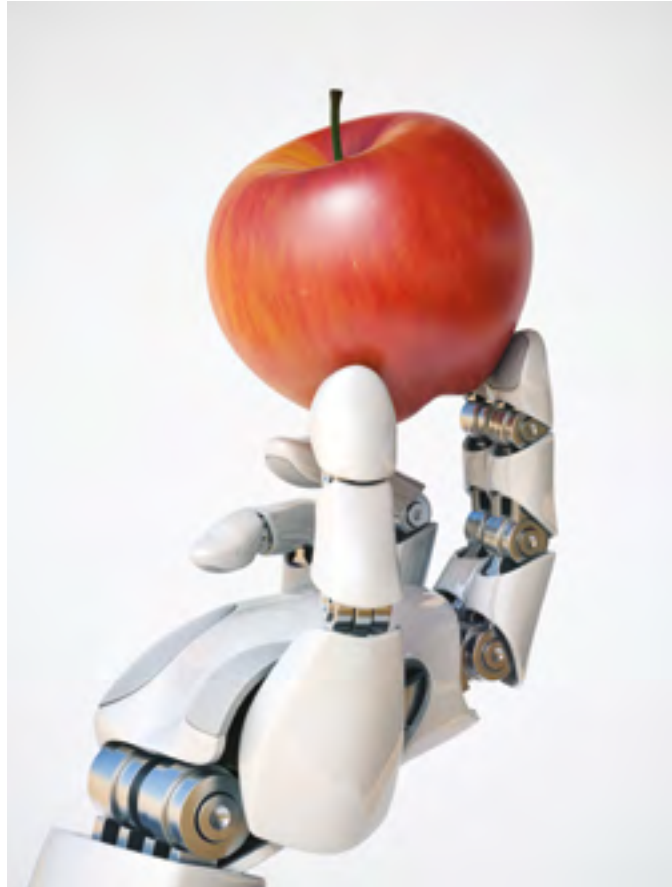
Алексей Иванович Боровков,
проректор по перспективным проектам Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, соруководитель рабочей группы «Технет» Национальной технологической инициативы, член-корреспондент Российской инженерной академии, к. т. н.

Александр Александрович Чулок,
директор Центра научно-технологического прогнозирования Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, к. э. н.

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, президент Международного союза экономистов, директор Института нового промышленного развития им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор

Иновационность не нужна нашим компаниям

Бодрунов: Коллеги, наверное, мы можем начать с того, что у нас в майском указе президента (мы часто обсуждаем этот указ и вытекающие из него задачи для нашей экономики), как мы помним, в 2024 году Россия должна войти в пятерку ведущих экономик мира, осуществляющих научные исследования и разработки в областях, определяемых приоритетами научно-технологического развития. Достижима ли эта цель вообще?

Чулук: Смотрите, коллеги, по численности исследователей, выполняющих исследования и разработки, мы уже на четвертом месте, Россия.

Бодрунов: Так что в пятерку входить не надо...

Чулук: С одной стороны. С другой — если мы возьмем внутренние затраты на исследования и разработки по паритету покупательской способности, то мы всего лишь на 10-м месте. У нас порядка 40 миллиардов долларов, даже чуть меньше — 37–38, в США, например, более 511, а в Китае — 450. И вот это 10-е место, к сожалению, мы практически не поменяли за десятилетие. Если брать в действующих ценах, то эти внутренние затраты на исследования и разработки, начиная с 2010 года, выросли почти в два раза. Но при этом доля инновационно активных компаний не увеличилась больше чем на 10%. По сути, она составляет сейчас 9,5–9,7%, то есть болтается где-то вокруг этого болота 10%. Смотрите, что получается: с одной стороны, мы затраты увеличиваем, но при этом у нас инновационная активность компаний остается на одном и том же уровне. Мы в десятку входим, но никак не можем сдвинуться чуть-чуть дальше.

Бодрунов: Так, может, мы действуем, как, помните, «Алиса в стране чудес», бежим, чтобы стоять на месте...

Чуллок: Хотя бы чтобы оставаться на месте. Но, понимаем, мы-то, может быть, и бежим, это правильно. И есть успешные кейсы. Но Китай и США, которые все время делят первое и второе место...

Бодрунов: Они бегут быстрее...

Чуллок: Они не просто бегут быстрее, они уже просто мчатся. И вопрос в том, каким образом нам попробовать найти свои ниши, может быть, какую-то кроличью нору открыть, чтобы немножко оказаться впереди. И проблемы во многом заключаются в том, что, несмотря на многие усилия государства, бизнеса для компаний массово инновации в нашей стране все-таки не стали фактором конкурентоспособности.

Бодрунов: То есть они не являются сегодня драйвером?

Чуллок: Они не являются фактором выживания, они не являются драйвером, как во многих странах. Причем, самое интересное, что по показателю пользовательских инноваций — это инновации, которые сами пользователи делают, такие Кулибины, что называется, — у нас порядка 9,6%, в Японии — около 2%, в США — 5%. Понимаете, у нас инновационно активное население составляет 10%, инновационно активные компании — 10%. За рубежом инновационно активное население — 2, 3, максимум 5–6%, а инновационно активные компании — 40–60%. Вот вам вопрос об эффективности.

Бодрунов: То есть, как Вы сказали, для них инновации — это вопрос выживания.

Чуллок: Абсолютно верно, это вопрос выживания, а у нас совершенно другие факторы, совершенно другие источники конкурентоспособности. Хотя есть многие позитивные кейсы, которые, безусловно, надо подчеркивать, их надо масштабировать. Но ситуация в целом достаточно серьезная. И за несколько лет, до 2024 года осталось всего ничего.

Бодрунов: Просто наш бизнес очень хорошо живет. Зачем им инновации...

Чуллок: Вы знаете, он по-разному рассматривает источники конкурентоспособности. Но мне кажется, что постепенно, я бы сказал, в последние несколько лет, бизнес понимает, что без инноваций, без прогнозов, без форсайтов ему не выжить.

Бодрунов: То есть постепенно приходит осознание.

Чуллок: Постепенно приходит осознание того, что это, как говорят в английском, must have. Но вопрос, за счет чего и как. Надо все-таки сначала количество набрать, потом увеличивать качество. Вот качественного скачка мы еще должны достигнуть.

Технологии пакетами

Бодрунов: Алексей Иванович, я неоднократно видел Ваши выступления по этому вопросу, мне кажется, у вас есть очень интересная точка зрения.

Боровков: Точка зрения связана с тем, что технологии и передовые технологии, они действительно сейчас выступают драйвером, я бы добавил, драйвером экономики и драйвером многих компонентов, в первую очередь, конечно, высокотехнологичной промышленности. Затрагивая тему, которую подняли, о том, что наши компании иногда чувствуют себя комфортно и не внедряют инновации, это прежде всего связано с тем, что они по ряду причин не представлены на глобальных высокотехнологичных рынках, где действительно встает вопрос о выживаемости. И тогда ты должен внедрять, потому что тогда ты должен сохранять свою позицию. Сначала выйти на рынок, сохранять долю рынка, далее — устойчивое развитие обеспечить. И конечно, ключевую роль будут играть передовые технологии, но не отдельные технологии. Четвертая промышленная революция в первую очередь зависит от того, как ты намечаешь, скомбинируешь эти разные технологии в зависимости от рынка, в зависимости от отрасли, в конце концов, компаний, даже традиций и потенциала, и той инфраструктуры, которая есть, — вот это играет ключевую роль. Потому что разом все не получится. Поменять везде сразу инфраструктуру не получится. И мы этап модернизации проходили. Но выходить на глобальный рынок нужно, конечно, сразу. Для этого нужны передовые технологии.

Бодрунов: Мы говорим, собственно, о том, что будет соответствовать структуре мировой экономики, наверное, в ближайшие 15–20 лет.

Чуллок: Там, знаете, какая интересная вещь. Во-первых, конкурентоспособность, как осетрина, не бывает локальной, она все время глобальная. Вот это очень важно. Мы должны изначально ориентироваться на международную конкурен-

цию. И действительно, технологии надо рассматривать в пакете, они так и называются — пакеты технологий. Вот есть такое понятие, об этом и президент говорил в послании Федеральному Собранию, как сквозные или платформенные технологии...

Бодрунов: Совершенно верно.

Чулук: Вот они будут определять конкурентоспособность будущего. Это и IT, и передовые производственные технологии, и биотехнологии, новые технологии энергетики. И той стране, которая сделает ставку именно на пакет технологий, эти пакеты технологий могут позволить выйти на совершенно другое распределение добавленной стоимости. Проблема заключается в том, что мы очень долго старались быть экономикой знаний, мы об этом все говорили. Пока мы старались быть экономикой знаний, Китай, кроме этого, стал еще и экономикой действий. Вот пока мы сейчас с вами разговариваем, Китай уже нам экспортирует. У него происходит экспорт, у нас, соответственно, импорт. Очень важно понимать, что нам нужно растить еще и лидеров, и, соответственно, затрагивать те профессии и компетенции, которые не просто позволяют вам этот пакет технологий произвести, а который позволяет его имплементировать напрямую в экономику и быстро произвести продукт с совершенно иными свойствами: кастомизированный, адаптированный под конечного потребителя, с использованием больших данных.

То есть история, когда вы что-то одно сделали, а потом это героически внедряете, ушла в прошлое. Вам нужно мыслить системно, смотреть на цепочки создания добавленной стоимости и понимать, что маржа уже очень неравномерно распределена. Она ушла по краям, она ушла в дизайн-инжиниринг, с одной стороны, а с другой — в конечное потребление. И вымываются очень быстро все промежуточные этапы. Это, говорят, сетевая экономика, экономика действий, убер-экономика и так далее. Но смысл один: посредники вытесняются, ценен лишь креатив. И вот здесь, мне кажется, у нашей страны есть очень хорошие заделы. Так, у нас очень много ребят места на олимпиадах забирают: математика, физика, спортивное программирование. Очень хороший креатив формируется. Вопрос: мы этот креатив дальше сможем в нашу экономическую машину встроить или будем питать экономические машины и других стран...

Кадры решат всё

Бодрунов: Да, я могу сказать, что чувство гордости охватывает, когда видишь, как наши петербургские студенты, школьники становятся победителями международных олимпиад по математике, по программированию и так далее. Но потом все время ищешь, а где же они сегодня, эти самые... Хорошо еще, если они студенты у нас. Но чаще бывает так, что, даже если он наш студент, потом, через некоторое время он уже оказывается аспирантом или исследователем где-нибудь в Гарварде. И у нас в Петербурге, может быть, стоит сказать об этом сегодня, есть такая школа ИТМО, которая начала собирать талантливых людей, привозить, создавать лаборатории для них. И сегодня многое делается для этого. Если так бы везде, вот было бы хорошо.

Чулук: Вы знаете, у меня не меньшее чувство гордости за Москву (я сам, честно говоря, из Москвы). В прошлом году президент подписал указ о создании в Москве инновационного кластера. Это очень важная инициатива. Собственно говоря, она объединяет многие прорывные направления. Очень важны здесь те направления, которые Москва будет поддерживать. Это и передовые производственные технологии, и умные транспортные системы, и медицина, и биотехнологии, то есть кластер направлен на то, чтобы давать молодым коллективам возможность реализовать себя здесь у нас, в Москве.

Бодрунов: Да, потому что не будет реализации — люди всё равно рано или поздно уедут куда-то.

Боровков: Я бы отметил следующее. Было сказано: от знаний к компетенциям, инновациям и так далее, что компетенция — это знания в действии, а действия — с помощью технологий. И говоря о том, что начинают возвращать специалистов, я бы привел пример, когда даже не уезжают, а работают на мировом уровне из Санкт-Петербурга с мировыми компаниями. И сейчас начинают влиять системно на разные высокотехнологичные отрасли России — тот же Роскосмос, тот же Росатом, машиностроение в широком смысле. Я здесь имею в виду, скажем, Политехнический университет в Санкт-Петербурге Петра Великого...

Бодрунов: Еще одна точка роста.

Боровков: Была предложена новая модель. Недавно нашего ректора Андрея Ивановича Руцкого принимал президент, и он рассказал о наших подходах, идеях, как мы системно можем повлиять на развитие высокотехнологичной экономики. Когда мы будем готовить кадры — это проект «Технополиса» — для новых производственных технологий, уже командами, решая те или иные задачи совместно со специалистами из компаний, из отраслей. Это очень важно. И это должно происходить быстро, сразу на мировом уровне и сразу при разработке продуктов, которые будут заявлены на международных рынках.

Чулук: Хочу поделиться своими наблюдениями. Я уже около 20 лет спрашиваю различные слои молодежи: в парке Горького, где мы проводим открытые лекции, в Бауманке, задавая один и тот же вопрос: «Какие сектора экономики, с вашей точки зрения, определяют будущее России через 20 лет». И вот лет 15–20 назад в основном это была военка, нефтянка, машиностроение. Где-то лет 10–7 назад потихонечку туда IT стала вкрапчиваться, IT-медицина. Сейчас, когда я задаю такой же вопрос, то есть это один и тот же вопрос, но со срезом в 20 лет, все хотят работать в IT-компаниях, все считают, что это будут в основном передовые производственные технологии, немножко космос. Но, когда я задаю вопрос: «Ребята, а вы, например, хотели бы работать в агропромышленном комплексе?» — все морщатся. Потом я говорю: «Ребята, а вы хотите работать в современном холдинге транснациональном, который обеспечивает экологию, который позволяет людям питаться полезными продуктами и который весь с IT?» Лес рук. Я говорю, ребята, это и есть современный АПК.

Бодрунов: Да, они не понимают...

Чулук: Очень глубокий смысл, мне кажется, в том, что многим нашим традиционным секторам нужен ребрендинг в хорошем смысле этого слова. Нужно показать, что они и есть высокотехнологичные. И у нас есть замечательный документ в России, называется «Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года». Его утвердило правительство еще в 2014 году. И сейчас мы делаем его апдейт. И я могу вам сказать, что многие направления, которые там указаны, и генетическая инженерия, и передовые производственные технологии, сейчас уже являются общим местом. Любой школьник уже знает, что такое 3D-принтер. Когда мы пытались 10 лет назад в России наладить дискуссию о 3D-принтинге, говорили: «А это что такое? Это что? Это когда? Это — космос».

То есть технологии развиваются не линейно. В этом смысле, мне кажется, очень важны два момента. Первое — это наставничество, передача опыта. В Вышке, например, мы

запустили проект «25 профессий будущего», как раз связанных с форсайтом компетенций, для того чтобы наши профессора могли передавать молодежи свои компетенции. И второй вопрос, который мы почти не обсуждаем, это этика. За рубежом это очень важный вопрос. Как технологии могут либо влиять на этику и социум, либо, наоборот, как этические ограничения могут влиять на технологии (все слышали про историю с двойняшками, которые генетически модифицированы в Китае). Мне кажется, что вот это вот направление, связанное с уходом технологий в том числе в социум, мы должны обсуждать.

Что может искусственный интеллект?

Бодрунов: Я, честно говоря, когда это слушаю, думаю, что очень важно понимать, что впереди у нас многие вещи перейдут в сферу искусственного интеллекта. Это то, что сегодня определяет глобальный, общий тренд развития. Все остальное как бы помогает эту тему развивать. Если рассуждать об этом, возникает вопрос, а что мы делаем здесь, на этом направлении? Я знаю, что даже на уровне президента планируется очередное совещание по тому, как искусственный интеллект может повлиять на нашу экономику. Что можно внедрить для того, чтобы изменить госуправление и так далее и тому подобное. Какие отрасли могут сделать при помощи искусственного интеллекта...

Боровков: Все очевидные примеры — у нас на слуху: начиная от победы искусственного интеллекта над чемпионами мира по шахматам и заканчивая распознаванием образов. И, безусловно, сейчас это и в области диагностики онкологических заболеваний, там суперкомпьютер «Ватсон», и так далее... Это все достаточно понятно, и все в этом направлении движутся. А вот с точки зрения попадания на высокие места в пятерку и так далее нужно системное влияние на промышленность. Должны возникнуть, и они уже есть, технологии-интеграторы, которые с определенными коэффициентами комбинируют технологии, искусственный интеллект, новые материалы, аддитивные технологии, машинное обучение, большие данные. И, конечно же, мы создаем продукты, в которых цифровое проектирование и моделирование — во главе угла, и такие технологии известны. Например, это так называемый цифровой двойник: когда мы создаем виртуальную копию, очень приближенную, высокого уровня соответствия реальным объектам и реальным процессам. И здесь вот искусственный интеллект включается на этапе проектирования, а ведь известно, что проектирование — это наиболее сложный, наукоемкий вид творческой деятельности человека. Сюда еще искус-

ИЗ БИБЛИОТЕКИ
ВЭО РОССИИ

Мартин Форд,

«ТЕХНОЛОГИИ,
КОТОРЫЕ
ИЗМЕНЯТ МИР»

ственный интеллект не добрался, но здесь уже всю активную действуют интеллектуальные помощники. И у нас уже в России есть примеры, когда они позволили решить задачи, которые годами не решались крупными компаниями по ряду причин — традиционные подходы применялись. А за 2–3 месяца они решаются.

Бодрунов: Скажите, есть ли какие-то кейсы, которые уже с искусственным интеллектом, которые уже работают?

Чулок: Я несколько примеров готов привести. Это даже не столько искусственный интеллект, я бы сказал, это пока только инфраструктура. По самым скромным оценкам, использование интернета вещей в сельском хозяйстве может принести порядка 470 миллиардов рублей к 2025 году. То есть благодаря эффекту базы мы получаем совершенно фантастические цифры...

Бодрунов: Порядки...

Чулок: Порядки... Очень много сейчас искусственного интеллекта применяется в финтехе. И многие банки, которые понимают, что они уже не банк, они уже хотят быть технологическими компаниями.

Бодрунов: Вот Сбер идет по этому пути.

Чулок: Например. И они понимают, что, по сути, они должны вести потребителя, как это, может быть, цинично ни прозвучит, от рождения до смерти.

Бодрунов: Сопровождать.

Чулок: Сопровождать. Мне кажется, что в таких секторах искусственный интеллект, технология искусственного интеллекта могут быстро заменить рутинный труд, мы можем получить очень большие прорывы: это финтех, это медицина, это проектирование, это агропромышленный комплекс. Ну вот в 2018 году вышли данные Всемирного экономического форума о том, что к 2022, 2023 годам порядка 70–75 миллионов рабочих мест исчезнут благодаря автоматизации. Правда, потом они мелким шрифтом пишут, что 133 миллиона появятся.

Бодрунов: В общем, сказка становится стремительно бьюлю. Но все-таки возникают такие вопросы, а можно ли поручить роботам, например, какие-то такие работы, которые они могли бы делать, но, я бы даже сказал, не столько по этическим соображениям, сколько по рискам, которые несут такие решения, позволить им это делать? И может быть, мы

ИЗ БИБЛИОТЕКИ
ВЭО РОССИИ

«ДОЛГОСРОЧНЫЙ
ПРОГНОЗ НАУЧНО-
ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ
РОССИИ 2030»,

издание НИУ ВШЭ

можем надеяться, что все-таки это можно сделать, потому что ошибок может быть меньше, чем у человека?

Боровков: Мы можем стремиться к таким 100-процентным решениям, скажем, как безлюдное производство, 100-процентная роботизация, 100-процентная постановка диагнозов или подготовка решений в суде. И это будут дорогие и, скорее всего, неэффективные решения в том смысле, что мы будем все время налаживать, исправлять и так далее. Вот найти гибрид между работой робота и сопровождением этой работы человеком — это будет 95% роботов. Причем есть ощущение и оценки экономические, что 95% роботизации будут стоить столько, сколько 5% экспертов-людей. Поэтому, конечно же, должны быть эксперты, которые трудятся, и робот является, условно, интеллектуальным помощником, который верифицирует, валидирует всё то, что он принял. Более того, к этим экспертам будут предъявляться очень высокие требования. Они должны накапливать свою экспертизу, уметь, скажем так, в кавычках, работать быстрее, чем этот робот. Вот это — вызов для экспертов, для человечества.

Чулок: Вот я живой пример вам могу привести. Мы в Вышке создали интеллектуальную систему анализа больших данных для поддержки аналитики. И там сейчас более 100 миллионов документов, представляете...

Бодрунов: Человеку это все перелопатить, попробуйте...

Чулок: Что мы делаем... Мы, если нам нужно тренды изучить, или рынки, или технологии, то, что в прогнозах обычно используется, мы это поручаем системе. Она может 24 часа работать или, там, еще больше, потому что действительно большие данные. Но она перелопачивает миллионы документов. Это вам не сделает ни один аналитик, ни один аналитический отдел. После чего она выдает соответствующие таблицы, графики и так далее, прогнозы, и мы уже лично начинаем их анализировать. Это вот те как раз 95%, про которые говорил Алексей Иванович. То есть мы очень сильно экономим на общей аналитике, но все равно рукой мастера главное решение принимает человек. И мне кажется, что пока именно весь мир так идет. Потому что Китай, США. В США, собственно говоря, целый год робот вместе с судьей принимал решения. И судья согласился со 100% соответствующих решений. Или в медицине китайцы идут параллельно, то есть они просто упрощают жизнь специалисту.

HOW TO USE INNOVATION AS A DRIVER FOR THE RUSSIAN ECONOMY

The Internet of Things, smart homes, smart cities, artificial intelligence — this is a list of modern technological innovations which is far from being complete. Are we lagging behind in those areas? The question is rather rhetorical. How can we use technological innovations as a driver for the development of the Russian economy?

СОБЕСЕДНИКИ

Alexei Borovkov,
Vice Rector for Prospective Projects of the Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, co-director of the Technet National Technological Initiative, a corresponding member of the Russian Engineering Academy, Ph.D.

Alexander Chulok,
Director of the Center for Scientific and Technological Forecasting, Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge, Higher School of Economics, Ph.D.

Professor Sergey Bodrunov
President of the VEO of Russia, President of the International Union of Economists, Chairman of the Vitte New Industrial Development Institute, Doctor of Economics

We don't need no innovation

Bodrunov: Colleagues, we can probably start with the fact that according to the May presidential decree (we often discuss this decree and the tasks arising from it for our economy) by 2024 Russia is supposed to join the world's top five economies which carry out research and development in areas determined by the priorities of scientific and technological development. Is this goal achievable at all?

Chulok: Look, colleagues, by the sheer number of researchers engaged in research and development Russia is already in fourth place.

Bodrunov: So, we don't necessarily need to make the top five after all...

Chulok: On the one hand, we don't. On the other hand, if we consider domestic expenditures on research and development in terms of purchasing power parity, we'll see we are only in 10th place. We spend about 40 billion, even a little less, 37-38; while the USA, for example, spends over 511, and China 450 billion. Unfortunately, after a decade we are still in the same 10th place. Expressed in current prices, the domestic research and development expenditures have almost doubled since 2010. But at the same time, the share of innovative companies has not increased by more than 10%. In fact, it is now 9.5-9.7%, i.e. it oscillates around the unremarkable 10% mark. That's what's happening: on the one hand, we spend more and more while our companies' rate of innovation remains the same. We are in the top ten, but we just can't move any further.

Bodrunov: So, maybe we are acting like Alice in Wonderland who had to run in order to simply stay in place...

Chulok: To stay in place at the very least. But, you see, as we are running (we are, and we've had some success) China and the United States, which have been sharing the first and second places for a while ...

Bodrunov: ... Are running a bit faster ...

Chulok: Not only are they running faster, they are racing. And the question is, can we try to find a niche of our own, or maybe a rabbit hole, to get a little ahead of them. And the problems largely lie in the fact that, despite the many efforts on the part of the government and business, innovation has not become a massive competitiveness-driving factor in this country.

Bodrunov: So, it's not driving the economy?

Chulok: It's not a survival factor, it's not a driver, as it is in many countries. Moreover, the most interesting thing is that in terms of user innovations or, in other words, DIY projects, with 9.6% we are ahead of Japan with their 2%, and the USA with their 5%. So, you see, we have 10% of innovatively active population, and 10%, of innovative companies. In other countries, the share of innovatively active population is 2 or 3%, 5-6% tops, while innovative companies account for 40, 50, 60%. That's efficiency for you.

Bodrunov: So, as you have said, innovation for them is a matter of survival.

Chulok: Absolutely, it is a matter of survival, while we have completely different factors, completely different sources of competitiveness. Although there are many success cases that certainly need to be highlighted and scaled up. But, in general, the situation is quite serious. We have only a few years until 2024, almost no time's left.

Bodrunov: Russian business is doing very well. Why would they need innovation...?

Chulok: You know, they have different views on what can serve as a source of competitiveness. But it seems to me that gradually, over the last few years, business has come to an understanding that it cannot survive without innovations, without forecasts, without foresights.

Bodrunov: So, they have been gradually coming to a realization.

Chulok: Gradually coming to the realization that such things are a must-have, as they say in English. But the question is, on account of what, and how. It is still necessary to first accumulate a certain quantity, and only then raise the quality. I believe we are yet to see a qualitative leap.

Package technology

Bodrunov: Alexey Ivanovich, I heard several of your speeches on this topic, you seem to have a fascinating point of view.

Borovkov: My point of view is related to the fact that technologies, advanced technologies, can really act as a driver, a driver for the economy and a driver for many of its components and, primarily, the high-tech industry, of course. As regards the

fact that our companies sometimes feel too comfortable and forego innovations, it is primarily due to the fact that for some reason they are absent from global high-tech markets, where the question of survival is relevant. You have to innovate, because you have to maintain your position. First, enter the market, win your market share, and then ensure sustainable development. And of course, cutting-edge technologies will play a key role, but not individual technologies. The Fourth Industrial Revolution primarily depends on how you mix and combine those different technologies depending on the market, depending on the industry, and ultimately depending on the company, its traditions and potential, and the existing infrastructure — that's what plays a key role. You cannot do it all at once. You will not be able to change the entire infrastructure overnight. We've already gone through the modernization phase. But we need to enter the global market without delay. It will require advanced technology.

Bodrunov: In fact, we are talking about what will the structure of the global economy be in the next 15-20 years.

Chulok: It's an interesting question, you know. First, competitiveness. It cannot be local; it is always global. This is very important. We must focus on international competition in the first place. Indeed, technologies must be considered in packages, the so-called technology packages. It's a conceptual thing, the President referred to them in his message to the Federal Assembly as end-to-end or platform technologies...

Bodrunov: That's right.

Chulok: They will determine the future of competitiveness. They include IT, advanced manufacturing technologies, biotechnologies, new energy technologies. If a country relies specifically on package technologies, it can use them to attain an altogether new level of added value distribution. The problem is that we tried to become a knowledge economy for a very long time, and all we did was talk about it. And as we tried, China did become an economy of action. Now, while we talk, China is already exporting goods to us. It exports, and we import. It is very important to understand that we also need to promote leadership, and, accordingly, develop those professions and competencies that will not only allow us to produce those package technologies, but also to incorporate them directly into the economy and quickly manufacture products with completely different properties, customized and tailored to the needs of the end consumer using big data.

The paradigm under which you came up with an invention and then heroically implemented it, is a thing of the past. You need to think systemically. Look at the value chains: it's clear that the distribution of margins is very uneven. They have been sidetracked, they went into design engineering, on the one hand,

and into end consumption, on the other hand. All the intermediate areas have been abandoned very quickly. This, they say, is a network economy, an economy of action, an uber-economy, and so on. But the meaning is still the same: the middleman is crowded out, only creativity is deemed to be of value. In this connection, I believe much groundwork has been done in Russia. Look, we have a lot of Olympics winners in mathematics, physics, sports programming. A very strong creative community is being formed. The question is, will we be able to subsequently integrate this creative community into our economic machinery, or we will be feeding the economic machinery of other countries...

Cadres decide everything

Bodrunov: Yes, I can say we take pride in how university and school students in St. Petersburg win international contests for mathematicians, programmers and so on. But if you try to follow those students' careers... It's good if they are still in the country. But it is more often the case that after a while those students end up at, say, Harvard as graduate students or researchers. We have a school in St. Petersburg called Information Technology, Mechanics and Optics University, maybe it's worth mentioning today, that has begun to amass talent, bring in gifted people, create labs for them. A lot is being done for this today. If such a practice were commonplace, that would be nice.

Chulok: You know, I take no less pride in Moscow (In fact I'm from Moscow myself). Last year, the president signed a decree on the establishment of an innovation cluster in Moscow. It is a very important initiative. As a matter of fact, it unites a bunch of breakthrough areas. The research areas Moscow will support are very important. They include advanced production technologies, smart transport systems, medicine, and biotechnologies, i.e. the cluster is aimed at giving young teams the opportunity to realize their potential here in Moscow.

Bodrunov: Yes, because otherwise people will leave for other countries, sooner or later.

Borovkov: I would note the following. They say, from knowledge to competencies, innovations, and so on, they say competency is knowledge in action, and action gets help from technology. Speaking of the efforts to repatriate specialists, I can say such specialists sometimes do not even leave the country being engaged in high-profile research for global companies in St. Petersburg. And now they are beginning to systematically influence various high-tech industries in Russia — Roskosmos, Rosatom, and engineering in the broad sense. Take, for instance, the Peter the Great Polytechnic University in St. Petersburg ...

Bodrunov: Another growth point.

Borovkov: A new model was proposed. Recently, the rector Andrei Ivanovich Ruts koy was received by the president, and he told the president about our approaches, ideas, how we can systematically influence the development of a high-tech economy. That we will be training teams of researches — as part of the Technopolis project — for new production technologies and have them solve certain problems together with specialists from the companies and industries. It is very important. And it should happen very quickly, from the outset at the global level, and the products that will be developed will be immediately introduced to the international marketplace.

Chulok: I would like to share my observations. For almost 20 years I have been asking youths from different social strata in Gorky Park where we read open lectures, or in the Bauman University, the same question: “What sectors of the economy will in your opinion determine the future of Russia in 20 years.” About 15-20 years ago it was basically the military-industrial sector, the oil industry, and mechanical engineering. About 7-10 years ago, they started mentioning IT and IT medicine. Now, when I ask the same question, the same question that is spread over the period of 20 years, everyone wants to work in the IT sector, everyone believes that advanced production technologies and, to a certain degree, space research will be the most important. But when I ask if they would like to work in the agricultural sector, everyone starts to cringe. Then I say: “Guys, who of you would like to work in a modern multinational corporation which cares about the environment, supplies people with healthy food, and is into IT?” All of them raise their hands. I say, guys, this is the modern agricultural industry.

Bodrunov: Well, they don't get it...

Chulok: There's a very profound idea that many of our traditional sectors need rebranding in the good sense of the word. It must be shown that they are also high-tech. Russia has a nice document called “Forecast of the scientific and technological development of the Russian Federation for the period until the 2030.” It was approved by the government back in 2014. Now it's being updated. I can tell you that many of the areas that are mentioned in it, — genetic engineering, advanced manufacturing technologies, are now commonplace. Any school student already knows what a 3D printer is. When 10 years ago we tried start a discussion on 3D printing in Russia, nobody knew what it was. They thought it was something otherworldly.

Technology does not develop in a linear fashion. In this sense, I think there are two points that are very important. The first is mentoring, i.e. the transfer of experience. For example, we

launched a project called “25 Professions of the Future” at the Higher School of Economics, which is about professions related to foresight competency, so that our professors can transfer their competencies to young people. And the second point, which we have barely discussed, is ethics. This is a very important issue abroad. How technologies can influence ethics and society, or, conversely, how ethical restrictions can affect technologies (everyone has heard about the story of the genetically modified twins in China). I think it is the issue of spreading technologies, particularly among members of society, that we should discuss.

What is artificial intelligence capable of?

Bodrunov: To be honest, when I listen to this, I think it is very important to understand that a lot of things will enter the sphere of artificial intelligence very soon. This is what today defines a global development trend. Everything else just helps to develop this topic. When we talk about this, the question arises: what is being done in this area in Russia? I know that even at the presidential level, a meeting is being scheduled on how artificial intelligence will affect our economy. What can be done in order to change the framework of state governance and so on and so forth? What the industries are capable of with the help of artificial intelligence ...

Borovkov: We are aware of all the obvious examples: from artificial intelligence winning the world chess championship to pattern recognition. And, of course, early cancer diagnostics, the Watson supercomputer, and so on ... This is all quite understandable, and everyone is moving in that direction. But from the point of joining the top five economies, and so on, a systemic influence should be exerted on industry. We need, and there already exist, integrating technologies that combine technology, artificial intelligence, new materials, additive technologies, machine learning, big data in certain proportions. And, of course, we create products in which digital design and modeling are at the forefront, and such technologies are known. For example, this is the so-called digital double where we create a virtual copy, which is very close to the original object or process. Then artificial intelligence enters the picture at the design stage (it is known that design is the most complex and high-tech type of human creative activity). Artificial intelligence hasn't reached the necessary level yet, but intellectual assistants are widely used in that area. And we already have examples in Russia when they helped us solve problems that had remained unsolved by large companies for years for a number of reasons, particularly because traditional approaches had been used. Now it took 2 or 3 months to solve those problems.

FROM THE VEO OF RUSSIA LIBRARY

Martin Ford,

THE LIGHTS IN THE TUNNEL: AUTOMATION, ACCELERATING TECHNOLOGY AND THE ECONOMY OF THE FUTURE

Bodrunov: Are there any successful cases that involve artificial intelligence?

Chulok: I am ready to give some examples. I would say, so far it's not so much artificial intelligence as infrastructure. According to the most conservative estimates, the use of the Internet of Things in agriculture can bring about 470 billion rubles by 2025. That is, thanks to the foundation effect we get absolutely fantastic results ...

Bodrunov: Orders of magnitude...

Chulok: Orders of magnitude... Artificial intelligence is being massively used in fintech. Many banks that understand they are no longer just banks now want to be tech companies.

Bodrunov: Sberbank has followed that path.

Chulok: That's a good example. They understand that, in essence, they must stay with the consumer, however cynical it may sound, from birth to death.

Bodrunov: Yes, they must accompany them.

Chulok: Accompany them. It seems to me that in sectors like fintech, medicine, design, and agriculture artificial intelligence, artificial intelligence technology can quickly replace routine labor, and we can achieve huge breakthroughs. The data published by the World Economic Forum in 2018 suggest that by 2022 or 2023 nearly 70-75 million professions will disappear due to automation. Of course, they add in small print that 133 million new professions will be created.

Bodrunov: So, a fairy tale is rapidly becoming a reality. Yet, certain questions arise like, for example, can robots be entrusted with certain types of work they are capable of doing which involve decision making based on ethical considerations? Perhaps there's hope it can be done because they will still make fewer errors than humans?

Borovkov: We could aim for such 100% solutions, such as unmanned production, 100% robotization, 100% medical diagnosis or preparation of court decisions. But those will be expensive and, most likely, ineffective solutions in the sense that they will be in constant need of adjustment and fine-tuning. We should look for a hybrid solution where the work of robots will be supervised by humans; robots should be doing 95% of the work. Moreover, there is a feeling, and there are economic estimates, that 95% of the work of robots will cost as much as the work of 5% of human experts. Therefore, we will certainly need

FROM THE VEO OF RUSSIA LIBRARY

LONG-TERM FORECAST OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT IN RUSSIA UNTIL 2030

published by National Research University, Higher School of Economics

human experts with the robots acting as intellect who would verify and validate everything that has been accepted. Moreover, a lot of responsibility will be placed on those experts. They will have to accumulate their expertise, they should be able to work faster than robots, in a manner of speaking. It's a challenge for experts, for human beings.

Chulok: Here I can give you a living example. At the HSE, we have created an intelligent Big Data Analysis system to support analytics. And now it has over 100 million documents, can you imagine ...

Bodrunov: No human being can sort through all of them, you just try...

Chulok: So, if we need to study trends or markets, or technologies, the stuff that is normally used in forecasts, we let the system do it. It can work for 24 hours or even longer, because the data are really big. It is shoveling millions of documents. No analyst, no analytical department could do this for you. After that, the system outputs appropriate tables, graphs, etc., in other words, forecasts, and we proceed to analyzing them. So, that is the 95% that Alexey Ivanovich talked about. In this way, we save a lot of costs on general analytics, but still the main decision making is done by humans. And I believe the whole world is going that way. In the wake of China and the USA. In the United States, a robot handed down judgements alongside a judge for a whole year. And the judge agreed with 100% of the judgements. The Chinese have followed suit in medicine, they simply make the life of the specialist much easier.

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В МЕДИЦИНЕ

Современные технологии стремительно меняют медицину. Роботы делают точные операции, по сосудам передвигаются мини-камеры, органы выращиваются в пробирках — чего только мы не слышим в последнее время. Какие технологии изменят лицо российской медицины? Что ждёт нас в недалёком будущем?

СОБЕСЕДНИКИ

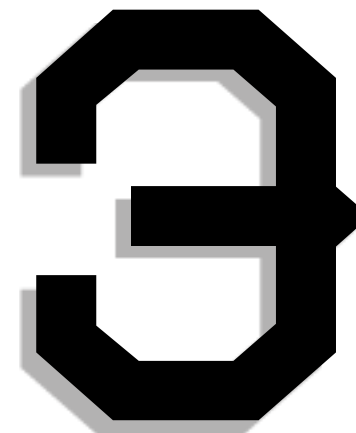
Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, президент Международного
союза экономистов, директор Института нового
индустриального развития им. С. Ю. Витте,
д. э. н., профессор

Александр Валерьевич Семёнов,
исполнительный директор
Отраслевого союза
«Нейронет»

Матвей Николаевич Малкин,
генеральный директор
компании
«Дистанционная медицина»

Экономная телемедицина

Бодрунов: Уважаемые коллеги, я хочу начать с того, что у нас стартовал проект по внедрению дистанционного мониторинга состояния здоровья в поликлиниках 25 регионов России. Матвей Николаевич, Вы — специалист, который занимается в том числе и телемедициной. Может ли этот проект изменить лицо нашего здравоохранения в стране?

Малкин: Действительно, я этим проектом занимаюсь очень давно. И наверное, и мы, и эксперты рынка уже видим, что должна пройти трансформация сферы здравоохранения при внедрении медицинских технологий. Чем это обусловлено — ключевой вопрос. Главное изменение, которое должно произойти, связано с тем, что сейчас решение о том, когда нужно лечиться, принимает сам человек. То есть у него заболело — он обратился к врачу. А когда у человека есть имплантированное либо неинвазивное устройство, то решение в первую очередь будет принимать врач, и принимать тогда, когда это нужно. Если виден риск того, что у человека не скорректирована лекарственная терапия или наступает какое-то экстренное событие, врач сам инициирует необходимый контакт с пациентом, вызывает его на прием либо посредством телемедицинского контакта корректирует ему ту лекарственную терапию, которая назначена. Этот переворот позволит, во-первых, сократить количество смертей, что на самом деле — самое важное, во-вторых, человек будет знать, что он под наблюдением и что ему не надо бояться за то, что что-то произойдет с ним. Мне кажется, это очень весомый момент. Плюс организационно все становится легче. Сейчас несколько миллионов человек ходят за рецептами. Ты не можешь его получить, не придя в клинику. А здесь, если тебя врач наблюдает и данные от тебя приходят постоянно, он видит, что происходит, не надо идти в больницу. Тебе сразу рецепт выписывают электронным образом, подают в аптеку.

Бодрунов: Ты приходишь и просто забираешь лекарство.

Малкин: Да, и все. Это колоссальная экономия времени как для системы, так и для пациента. Ну, естественно, деньги здесь, само собой, являются...

Бодрунов: Да, и здесь возникает вопрос доступности. Потому что далеко не все люди в зрелом возрасте, в очень зрелом возрасте могут ходить постоянно по этим поликлиникам, да и работающее население.

Малкин: Поэтому это вот та трансформация, которая как раз и необходима.

Бодрунов: Как Вы думаете, коллега?

Семёнов: Все большая цифровизация этих процессов, на самом деле, синхронизируется не только с медициной, но и вообще с тем, что человек работающий сможет больше времени посвящать работе, семье и сэкономит время.

Бодрунов: Но все-таки важнее то, что вот этот путь сокращения издержек времени приводит не только к тому, что мы повышаем возможности для человека тратить свое время на другие какие-то вещи, в том числе на работу, но и качество самого медицинского обеспечения.

Малкин: Самое главное — это своевременность. Это в любом деле самое главное...

Административный барьер

Бодрунов: Не дай бог, инфаркт, инсульт, там же счет на минуты... А какие факторы сейчас ограничивают доступ пациента к телемедицине в России? И как вы видите решение этих проблем?

Семёнов: Мне кажется, что первый ограничивающий фактор, коллега, я думаю, меня поддержит, — все-таки административный. Административное согласование, административные возможности размещения этих систем. Правовые основания, чтобы юридически врач мог дистанционно все это делать.

Бодрунов: То есть на самом деле такие системы, в принципе, наработанные есть, да?

Семёнов: Системы, я думаю, в большинстве своем готовы, опытно-конструкторские работы завершены. Большинство из них даже получают регистрационные удостоверения. Но главное — это административный барьер. С точки зрения научно-технической там проблем нет.

Бодрунов: Сейчас мы часто видим: врачебная ошибка, проблема врача в общении с пациентами приводит к тому, что врачи несут некую серьезную ответственность. Так что, конечно, должно быть как-то законодательно ограничено это все дело, определено...

Семёнов: Законодательно, да, но многие клиники частные что делают... Пациент, находясь на приеме у врача, получает второе, третье мнение от второго, третьего врача, которые не находятся в этом кабинете, но ему эти данные, эти анализы, объективные показатели отправляются. И он может в помощь этому врачу дать второе, третье мнение. Так сейчас делают в основном частные клиники, но и в государственных, наверное, тоже такая практика появится. Соответственно, здесь может уже на помощь прийти система искусственного интеллекта, когда она часть информации обрабатывает на основании опыта, которого у врача может не быть...

Бодрунов: Сформулировать консолидированное мнение многих врачей...

Семёнов: Да, которых он не видит, с которыми он точно не сможет общаться...

Бодрунов: В режиме реального времени практически, во время обследования?

Семёнов: В целом да. Здесь сложность, конечно, с данными, которые можно обрабатывать, потому что анализы, МРТ, ЭКГ — это данные, которые нужно обработать...

Бодрунов: Разные форматы...

Семёнов: Разные форматы, форматы не всегда стандартизированные. Но тем не менее это второе мнение уже в таком электронном виде очень полезно.

Бодрунов: Это лучше, чем ничего.

Семёнов: Абсолютно верно. И даже врач, будучи, например, специалистом с не самым большим опытом, может где-то ошибиться, объективно ошибиться, а здесь — дополнительная помощь.

Бодрунов: Вы знаете, это очень похоже на то, как работает военный летчик. Когда он может ошибиться в оценке цели, условно говоря, искусственный интеллект, та система подсказок, которая существует, уже заложена, эта база, она тут же в режиме реального времени ему подсказывает, и он может определить, что делать в этой ситуации, прав ли он или нет. По крайней мере, это возможность получить чье-то мнение дополнительное. Здесь, я думаю, важный аспект — это не только второе мнение по данной проблеме или третье мнение получить, но и комплексность. Условно говоря, исследуется один орган, но в организме все взаимосвязано. Допустим, кардиолог выработал свое мнение, но при этом нужен, например, специалист по почкам, а его нет. Но здесь искусственный интеллект тоже может помочь, подсказать.

Малкин: Да, но с искусственным интеллектом появляются три больших направления, которые помогут ситуацию поменять. Первое — это все-таки снижение количества врачебных ошибок, потому что количество врачей, которые по разным причинам принимают неправильные решения, высоко. Поэтому если будут созданы системы искусственных интеллектов, как сказал Александр, это будет в помощь врачу, которому система подскажет, а что здесь можно было бы, в принципе, сделать...

Бодрунов: По крайней мере, он сможет свое мнение сверить...

Малкин: Да, именно так. Второе — это вопрос подбора более эффективной, более правильной терапии или выбор того или иного направления дальнейшего обследования. В мире каждый день происходит огромное количество обследований человека, постановок диагноза и назначений лечения. И все эти случаи накапливаются.

Бодрунов: И результаты тоже оцениваются.

Малкин: И результаты оцениваются. То есть все это накапливается, искусственный интеллект анализирует то, что было накоплено, и врачу может подсказать прецеденты, которые есть в практике. Подобный пример был у человека: у него такой же возраст, такой-то симптом, то-то и то-то, в этой ситуации, скорее всего, нужно делать это и вот это. Это очень важный момент, когда огромный массив данных, прецедентов, которые обрабатываются, дают врачу подсказку не на основании его собственного опыта, а на основании опыта огромного количества врачей.

И третий, мне кажется, сценарий, очень интересный, это

как раз поиск взаимосвязей, как вы сказали, между различными системами организма. Сейчас врач принимает решение на основании того, что он видит в клинической картине. А если нужно посмотреть чуть шире, то система сможет ему подсказать, что с учетом вот таких-то фактических ситуаций, которые есть у человека, наверное, нужно смотреть, что процесс будет развиваться вот так-то. И, исходя из этого, ты корректируешь план лечения, корректируешь диагностику, чтобы человеку предложить более эффективный путь.

Бодрунов: Матвей Николаевич, мне представляется, что, если мы так нашу медицину реформируем через некоторое время, то мы получим огромный экономический эффект, социальный эффект и так далее.

Малкин: Однозначно.

Бодрунов: И те самые проблемы, которые поставлены президентом в Послании Федеральному Собранию...

Малкин: В национальных проектах...

Бодрунов: Да, в национальных проектах без этих подходов сегодня уже не решить поставленные задачи, без технологического обновления этой базы, в том числе медицины. Но я еще раз задаю свой вопрос, для того чтобы идти по этому пути, надо понимать, где кочки, какие препятствия есть? Что вы, как специалист, действующий специалист высокого уровня в этой отрасли, можете сказать? Что надо? Чего не хватает? Что мешает? Много вопросов, да.

Что нужно сделать?

Малкин: Я вижу, что как раз с точки зрения нормативной базы ситуация сейчас достаточно серьезно поменялась, в последнее время приняты необходимые нормативно-правовые акты, и, в общем-то, сейчас законодательно уже и телемедицина, и всё это позволяет нам это делать вполне легально. Другой вопрос, что есть некоторые ограничения, которые связаны в первую очередь с косностью врачей, врачи очень инертны. И поэтому переход на что-то новое для них — это целая большая проблема. Поэтому, если мы сможем доводить до врачей: давайте что-то делать, давайте двигаться вперед, не только сидеть на приеме и от звонка до звонка принимать. Надо все-таки что-то новое внедрять и этим новым пользоваться.

Второй вопрос, с точки зрения нормативной базы это проблема, — в том, что, чтобы человек получил медицинскую консультацию, он должен быть идентифицирован через единую систему идентификации, по-другому услугу оказать нельзя. А объективно процесс проникновения

в массы населения вот этих вопросов, связанных с госуслугами и цифровизацией процесса, он пока недостаточно высок. И поэтому это сдерживает немножко ситуацию.

Бодрунов: Как Вы думаете, национальный проект «Цифровая экономика» поможет решить эту проблему?

Малкин: Однозначно.

Бодрунов: Там есть такой раздел...

Малкин: Там все это заложено. Как раз, что важно, нацпроект, который сейчас есть, «Цифровая экономика» и то, что касается здравоохранения и социального обеспечения, там все ключевые вопросы поставлены. И что самое главное, видно, что понимание есть. И действительно, мне кажется, что уже в ближайшие годы, в течение года-двух, мы увидим изменения.

Медицинские технологии будущего

Бодрунов: Хочу перейти к технологической части. Я думаю, что это тоже очень важно сегодня обсудить. За какими технологиями будущее в медицине.

Малкин: Главное — это генетика, генетические обследования, когда мы сможем посмотреть, какие у человека есть тенденции развития заболеваний. Это очень важный аспект. Второе — то, о чем здесь отчасти сказано было, это гаджеты. В медицине важным трендом должны быть имплантируемые устройства, которые мониторят давление, сахар, кардиограмму...

Бодрунов: Не просто часы на руке, а где-то внутри...

Малкин: Именно имплантируемое устройство — оно должно быть маленькое, оно должно работать автономно, и — самый главный вопрос — чтобы человек его не замечал. Оно должно быть частью тебя — крошечное устройство, которое собирает сведения. Самое главное, чтобы своевременно передавались данные, что у тебя что-то не так, так как самые опасные — это срочные ситуации. Это те два ключевых тренда, о которых мы пока не упомянули. Клеточные технологии я тоже не оставлял бы за рамками — это регенеративная медицина, тоже достаточно перспективная, интересная тема...

Бодрунов: Все эти стволовые клетки и все, что связано с этим?

Малкин: Стволовые клетки, да. Это направление очень перспективное, по нему закон принят, сейчас уже идет лицензирование лабораторий, которые будут выпускать такие продукты. Это я бы назвал третьим направлением, очень крупным.

Бодрунов: А как Вы себе представляете будущее, Александр Валерьевич, как специалист в такой особой сфере нейросетей, нейроразвития...

Семёнов: Нейротехнологий, да.

Бодрунов: Скажите, ваши технологии для медицины что могут дать глобально?

Семёнов: Глобально я бы в этой части отметил то, что будет перспективно не только сейчас, но и через 5–7 лет. Здесь я бы выделил два направления. Первое направление — это реабилитация постинсультных пациентов и тех, кто получил травмы, переломы, может быть, еще какие-то нарушения производственные. Здесь направление активно развивается в последние где-то 7–9 лет. С чем это связано... Раньше, много столетий назад, если человек, например, сломал ногу, обычно так поступали: накладывали ему, соответственно, культю, делали поверхность, чтобы она держала контур ноги, и могли разрабатывать конечность, например, ногу в колене — просто ставили верёвочку и дёргали, конечность разрабатывалась. Потом появились микроприводные системы, позволяющие на тончайшем уровне разгибать, сгибать конечности, то есть появились экзоскелеты, экзоскелеты. Здесь очень много поднаправлений. Мы все знаем про компанию «Экзоатлет», которая занимается реабилитацией. Это одно из направлений. Они очень успешно развиваются и в России, и делают уже зарубежные филиалы. Это нейрореабилитация следующего поколения, следующих 10–15 лет. Экзоскелеты — это для тех, кто либо восстанавливает ходьбу после инсульта, после каких-то травм, либо для колясочников, в основном пока, скорее, после травм шейного отдела позвоночника, чтобы восстанавливать ходьбу, хоть как-то позволять мышцам генерировать движение, чтобы нервные окончания не забывали его, иначе появляются пролежни, иначе другая хирургия будет нужна.

Что еще там происходит. Отдельная разработка и верхних, и нижних конечностей. Например, ставится экзоскелетная конструкция на руку и можно разрабатывать движения в локте, в кисти, отдельные пальцы. Сверху — роботизированная конструкция, чтобы придать игровую форму этому процессу, чтобы, допустим, юному пациенту, да и пациенту в возрасте

было интереснее — перед ним ставят монитор с игрой. То есть он двигает рукой, а на экране какие-то предметы переставляет. Такая геймификация с помощью виртуальной реальности позволяет дольше человека удерживать за станком, соответственно, эффективнее работать. Реабилитация с помощью экзоскелетных роботизированных конструкций — это хороший тренд. Сейчас на рынке примерно 10–12 продуктов существует, есть и российские продукты. И это направление, наверное, первое. Есть еще несколько.

Будет ли ИИ принимать решение?

Бодрунов: Я хочу еще одну вещь затронуть — использование самых современных технологий в сфере, которая называется «искусственный интеллект». Мы немножко говорили о таких вещах, как подсказчик, помощник врача... Но, наверное, все больше и больше искусственный интеллект проникает и в другие сферы и области медицины. И мы подозреваем, что скоро будет хирург с искусственным интеллектом, который станет заниматься глазными операциями тонкими, функцией человека будет, скорее, мониторинг, контроль такого робота. Как Вы думаете?

Малкин: Я думаю, что отдать роботу принятие решений отрезать что-то или не отрезать или куда-то залезть, мне кажется, будет маловероятно. Все-таки врач, как оператор, всегда будет принимать решение о том, что можно, что нельзя...

Бодрунов: Окончательное...

Малкин: Окончательное...

Бодрунов: Я разговаривал с одним опытным водителем автомобиля. Он говорит, вот искусственный интеллект завтра будет нас заставлять что-то делать. Я почему обратил внимание, он меня везет — мы разговариваем. В это время вдруг раздается сигнал какой-то. Оказывается, он слишком приблизился к кому-то, и ему сообщают. Он говорит, что уже есть такие вещи: я еще не успел оглянуться, машина уже тормозит, и что это так мешает. Вы правильно говорите, что окончательное решение за человеком. Но, с другой стороны, где здесь граница? До какой границы можно допускать искусственный интеллект?

Малкин: Подсказка. Именно подсказка. То, что Вы сказали: Вы на машине опасно приближаетесь, она Вам начинает об этом сообщать за какое-то время...

Бодрунов: Но не должна тормозить сама...

Малкин: Не знаю, может быть, и должна, потому что, если видно, что расстояние сокращается слишком быстро, она должна тормозить, она понимает, что сейчас врежешься. Наверное, все-таки да. Но в первую очередь это подсказка.

Бодрунов: А если она тормозит, а Вы понимаете, что сзади кто-то не тормозит и гонит всюю, может быть, Вам лучше не тормозить, а свернуть влево, например. Если программа, которая управляет этим процессом, искусственный интеллект — это все-таки программа, набор программ, вдруг она не все учитывает...

Малкин: Решение все равно ты принимаешь. Допустим, все эти автоматические системы, которые стоят в машинах, по крайней мере, которые я вижу, они все-таки ориентируются на человека. Ты можешь ее отключить.

Семёнов: Я, наверное, поддержу коллегу, скажу, что искусственный интеллект на сегодня в определенной степени раздута тема, это все-таки система управления следующего поколения, одного из следующих поколений. И главная ее задача — это большой массив данных, который человек не может обработать, подготовить для этого специалиста и дать ему.

Малкин: Именно так.

Семёнов: А он уже примет решение.

Малкин: Показать ему те области, которые являются значимыми.

Семёнов: Можно привести пример не из медицины. Вот то, что происходит в сфере искусственного интеллекта по видеонаблюдению: можно отсматривать 15 часов видео службе безопасности, а можно разработать нейросетку, которая отсмотрит видео и по поставленной задаче сделает отчет. Например, найти людей, которые были в фуражке зеленого цвета, что они делали. Система посмотрела 15 часов видео, сказала, люди в зеленой фуражке были три раза на видео, они шли в сторону, там, красного дивана. Ну это же проще, да? Все равно человек потом примет решение. Может быть, это были не те люди... То есть я бы поддержал коллегу, давать возможность ИИ принимать решения — это пока все-таки опасно. Здесь важно вспомнить историю, два момента. Первый: искусственный интеллект как направление научное с точки зрения науки фундаментальной и прикладной развивается уже 60 лет. То есть это не новая исто-

рия, просто она обновилась, благодаря тому, что вычислительные мощности позволили обсчитывать эти данные. Второй момент — про авиацию. Помните, замечательный «Буран». По большому счету это был беспилотник, который успешно сам сел тогда, когда человек не совсем понимал все условия, в которых находится летательный аппарат. Вот — успешный пример.

Бодрунов: Но для того, чтобы человек окончательное решение принимал и мы были уверены, что эти решения более правильные, чем те, что принимает искусственный интеллект, мы должны понимать, какого уровня специалисты должны быть подготовлены и как ими пользоваться, этими благами.

Семёнов: Конечно.

Малкин: Однозначно. И причем очень важно, что при развитии искусственного интеллекта интеллектуальный уровень врачей, которые принимают решение, должен быть гораздо выше. То есть это не для рядовых: нельзя, чтобы произошла такая ситуация, когда врач будет считать, что есть машина, она все сделала, я ее включил — и все нормально. Вот как раз ситуация будет наоборот: квалификация должна повышаться, а не понижаться.

Бодрунов: Вот мы говорим о том, что, если гаджет поставили, он может анализировать, сигнализировать и так далее, связывать с врачом, врач может давать консультации. Я бы хотел, чтобы это была и обратная связь. Он мог давать консультации не только человеку через коммуникацию личную, но и через тот же самый гаджет.

Семёнов: Вы хотите, чтобы гаджет с Вами общался?

Бодрунов: Да, чтобы это был нейроинтерфейс, так сказать. Вот этой частью вы сегодня занимаетесь как-то, думаете об этом как специалисты?

ИЗ БИБЛИОТЕКИ
ВЭО РОССИИ

Эрик Тополь,

«БУДУЩЕЕ МЕДИЦИНЫ.
ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ —
В ВАШИХ РУКАХ»

Семёнов: В области нейроинтерфейсов есть и направление съема данных, и направление стимуляции, конечно же. Про съем данных могу кратко сказать, что источником информации может быть как головной мозг, то есть разность потенциалов электрических является признаком команды, и какие-то косвенные вещи, например, есть нейроинтерфейсные решения, которые снимают сигналы, например, с мочки уха. Или, допустим, можно поставить на очки и там снимать какие-то управляющие команды. И дальше можно интерпретировать и управлять чем угодно — роботом, каким-то элементом, элементом роботизированной системы, может быть, автомобиля. Но это должна быть управляющая команда верхнего уровня, к примеру, «вперед». А как вперед? Направо, налево, чуть-чуть — это уже нужно доруливать, иначе можно сильно ошибиться. Поэтому применение здесь — это в основном медицина, медицина для маломобильных групп населения. Например, у нас есть успешно реализующийся проект, когда силой мысли набирается текст, и можно переписываться обычному человеку...

Бодрунов: Это уже работает...

Семёнов: Это уже работает. Сейчас идет серийная подготовка производства. Обычному человеку это малоактуально, потому что это долго. Но человек, который не может говорить, ему один символ в минуту — это лучше, чем ничего.

Бодрунов: Вы знаете, вот это и есть сочетание всех современных технологий, которое позволяет нам изменить лицо медицины будущего. Клиентоориентированная, современная медицина, это ее будущее.

ТЕХНОЛОГИИ, МЕНЯЮЩИЕ БУДУЩЕЕ

Технологии меняют мир. В своё время плёночные технологии были заменены цифровыми, большие ЭВМ заменены персональными компьютерами. Существуют ли сейчас технологии, меняющие мир? И есть ли такие в России?

СОБЕСЕДНИКИ

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, президент Международного
союза экономистов, директор Института нового
индустриального развития им. С. Ю. Витте,
д. э. н., профессор

Игорь Рубенович Агамирзян,
вице-президент, заведующий кафедрой
менеджмента инноваций Высшей школы экономики,
профессор

Юсеф Джорджевич Хесуани,
управляющий партнер лаборатории
биотехнологических исследований
«ЗД Биопринтинг Солюшенс»

Технологии и... технологии

Бодрунов: Всякий раз, когда какие-то новые технологии появляются, не известно, это технология, которая слишком будет влиять на развитие общества, на развитие производства, на социальные инновационные решения или не очень. Может, она уйдет быстро, а может — станет вообще радикальной. Какие сегодня прорывные технологии претендуют на то, чтобы перевернуть экономику, изменить нашу жизнь, на ваш взгляд? Начнем с Вас, Игорь Рубенович.

Агамирзян: Во-первых, я не соглашусь с тем, что мир меняет конкретная технология. Как мне представляется, и в общем эта точка зрения разделяется многими экспертами, это пакет технологий...

Бодрунов: Пакет технологий, да.

Агамирзян: И технологии ходят, условно говоря, волнами...

Бодрунов: Да. Больше того, можно говорить о технологическом укладе, даже если иметь в виду пакет технологий в связке с другими инновационными решениями, социальными решениями и так далее, которые связаны с технологиями.

Агамирзян: Да, совершенно точно. И пример, скажем, с цифровой фотографией и вычислительными машинами, он как раз демонстрирует выборку из такого пакета. Цифровая фотография без вычислительных мощностей, без микроэлектроники, без аппаратной базы и программного обеспечения, потому что цифровой аппарат — это маленький специализированный компьютер, равно как и смартфон сегодняшний, имеющий камеру и позволяющий фотографировать и делать видеозаписи, — это компьютер...

Бодрунов: Как и завтрашний утюг...

Агамирзян: Кстати говоря, многие утюги сегодня тоже компьютеры, по крайней мере, тостеры точно. Есть много тостеров, в котором имеется USB-гнездо для того, чтобы его можно было перепрограммировать на другие режимы работы. Поэтому мы сегодня живем в новой технологической реальности, определяемой вот этим пакетом, комплексом технологий. И по моим оценкам, мы сейчас находимся как раз в середине длинного цикла технолого-экономического — если иметь в виду то, что принято называть Кондратьевскими циклами, длинными технологическими волнами. То есть глобальная цифровизация экономики началась лет 50 назад. Я это отношу примерно, не только я, многие эксперты, примерно к началу 1970-х годов, когда, собственно, появились первые микропроцессоры, стало развиваться программное обеспечение, причем программное обеспечение уже не как прилагаемое к вычислительным машинам. Вот разница между современной бизнес-моделью и тем, что было в эпоху мейнфреймов, — это то, что на IBM-мейнфреймах программное обеспечение поставлялось бесплатно вместе с вычислительной машиной, как приложение к ней. А как раз с первой половины 70-х годов начала развиваться модель, когда программное обеспечение стало существовать и развиваться как отдельный продукт, который, собственно, и определяет современный технологический ландшафт в определенном смысле. Вся современная экономика стоит на двух ногах: это микроэлектроника и программное обеспечение. Дальше этот кибернетический комплекс пересекается с реальным физическим миром. И все самое интересное сейчас происходит на пересечении информационных технологий, обеспечиваемых этим комплексом, и традиционных секторов, отраслей экономики: энергетики, транспорта, жилищно-коммунального хозяйства, медицины, биотехнологий в широком смысле и так далее.

Там получается громадная синергия на пересечении и новое качество, которого невозможно было достичь при старом индустриальном технологическом пакете. При этом, обратите внимание, любопытно, что, когда произошел переход к развитию направления информационных технологий в широком смысле, одновременно прекратились глобально в мире крупные индустриальные проекты. Вот все достижения индустриального мира произошли до 1970 года: атомные электростанции, крупнейшие в мире ГЭС, полеты в космос, трансатлантические авиалайнеры, полет на Луну — это все до 1970-го. После 1970-го — такое впечатление, что человечество повернуло на 90 градусов, сменило парадигму и пошло в другую сторону.

Массовое индивидуальное

Бодрунов: Юсеф Джорджевич, скажите, Вы в Вашей лаборатории имеете такие технологии, которые, по моим ощущениям и в моем понимании, могут действительно очень сильно повлиять на вот такого рода синергию, на появление новых технологий, формирование новых подходов в данном случае в медицине. Мы сможем надеяться на то, что это даст дополнительное качество жизни людей, увеличатся продолжительность жизни, длительность комфортной экономической деятельности, когда человек может не через силу работать, а в комфортной среде. Вот как это изменит будущее и экономику?

Хесуани: Я хотел бы вернуться к началу разговора и сказать, что, действительно, новые технологии лежат на стыке других технологий так же, как и новые научные открытия, научные достижения лежат в конвергенции наук, на пересечении наук, может быть, даже тех наук, про которые некоторое время назад считалось, что, в принципе, они пересекаться не могут.

Я бы хотел сказать еще о следующем, что с развитием ЭВМ, с развитием информационных технологий, компьютеров, человечеству стали доступны биты, биты информации в большом количестве за достаточно небольшие ресурсы. С развитием аддитивных технологий, так называемых 3D-принтеров, человечеству становятся доступны атомы. И система производства на сегодняшний день становится с каждым днем все более...

Бодрунов: То есть в информационной среде — биты, в физической — атомы...

Агамирзян: Недаром «3D Биопринтинг Солюшенс».

Хесуани: Абсолютно верно. То есть мы переводим цифровые модели в реально существующие объекты. И по сути дела, когда мы начинали пять лет назад, открывали нашу лабораторию, стоимость 3D-принтеров за эти пять лет существенно упала, и не только тех, которые печатают пластиком, но и тех, которые печатают металлом. А пять лет назад такого рода принтеры стоили миллионы долларов. На сегодняшний день они упали уже на порядок. И это происходит достаточно быстро.

Бодрунов: Это уже фактически очень сходно по цене с целым рядом обычных станков, с обычным оборудованием, вполне реальным, не сверхтехнологичным.

Хесуани: Абсолютно верно. Если 3D-принтеры использовались раньше как машины для прототипирования деталей, то на сегодняшний день используются уже и для производства деталей. Это принципиальная разница.

Бодрунов: Это вообще станок.

Хесуани: Это, вообще говоря, станок. И на самом деле, в каких областях они активно используются? Как раз-таки в областях, где вам нужно, с одной стороны, массовое производство, с другой — производство индивидуализированное. Медицинские потребности, вообще здравоохранение — именно та отрасль. Например, о чем я говорю, существуют на сегодняшний день 3D-принтеры, которые за один сеанс печати печатают капю absolutely для разных людей. То есть у вас, с одной стороны, массовое производство, с другой — индивидуализированные капю для каждого конкретного человека.

Бодрунов: Это очень важный момент, который вы подметили... Вообще, индустриальный процесс в свое время шел от индивидуального к массовому, а теперь тренд повернулся.

Хесуани: Он эволюционировал, когда мы можем индивидуальное производить массово.

Бодрунов: Массово делать индивидуальное — вот на это надо обратить внимание и телезрителей тоже. Мы живем в таком мире, где для человека, который живет сегодня, переход незаметен. Но если мы посмотрим на это, условно говоря, с историко-экономического холма, то увидим вот эту уникальнейшую ситуацию, которая в мире впервые складывается.

Хесуани: Да. И, собственно, упрощение и получение в распоряжение атомов приведет к изменениям в совсем разных отраслях. Например, мы можем говорить и о праве в том числе, потому что меняется сама идеология, допустим, патентного права. Один из примеров нашей лаборатории. Наш инженер создал 3D-модель пинцета, который ему удобно использовать. Он пинцет выкладывает в открытом доступе, потому что не хочет получать...

Бодрунов: Леня заниматься патентованием.

Хесуани: Нет, он просто не хочет, у него там уже несколько десятков тысяч скачиваний по всему миру вот этой 3D-модели. То есть мы можем сказать, что такие пинцеты уже...

Бодрунов: Объект пошел в мир.

Хесуани: Абсолютно верно. И здесь тоже лежат достаточно интересные процессы. И когда мы говорим об индивидуально-массовом производстве, на сегодняшний день 95% слуховых аппаратов, их внутренние части, производятся на 3D-принтерах, они производятся массово, но при этом индивидуальны. И конечно, таким венцом индивидуальных медицинских девайсов являются те медицинские девайсы, которые могут быть сделаны из собственных клеток пациентов. Здесь уже сложно придумать что-то еще более индивидуальное, чем создание конструктов из собственных клеток. Надо сказать, что, когда мы говорим о биопринтинге, первые патенты в аддитивных технологиях были получены в 1986 году, а первая работа по биопринтингу — 2000 год. Мы говорим про биопринтинг как про часть регенеративной медицины. Это и развитие клеточных технологий, и развитие химии, в том числе для создания определенного рода подложек для клеток, и развитие программного обеспечения, создание сложных трехмерных моделей и моделирование их поведения.

Агамирзян: Я хотел уточнить одну небольшую, скорее, терминологическую вещь. Значительная часть даже компетентных специалистов, скажем так, если не хайпом, то весьма активным обсуждением вокруг аддитивных технологий немножко путают, в чем, собственно, заключается аддитивность и в чем заключается 3D-технология. Это разные вещи. Условно говоря, 3D — это возможность провести какой-то инструмент по определенной траектории в трехмерном пространстве. А дальше, в каждой точке этой траектории можно выполнить какое-то действие. Это действие может заключаться в том, что мы что-то добавляем, может заключаться в том, что мы что-то убираем. И точно так же, как есть аддитивные технологии, традиционные, инструментальные технологии обработки, это субтрактивные технологии. И в принципе, станок с ЧПУ принципиально ничем от 3D-принтера не отличается. Он работает, более того, по той же самой программе на том же самом языке. Собственно, тот язык управления 3D-принтером, и который сейчас используется во всем мире, он был придуман в 60-е годы прошлого века для управления первыми ЧПУ-станками. А вообще, все совершенно правильно, печатать можно много чем.

Бодрунов: Это хорошо, что Вы, как специалист, пояснили некоторые нюансы. Но мы обычно уже подразумеваем устоявшуюся технологию использования — 3D-технологию — как принтинговую технологию, которая, как раз из 3D-технологий перевелась в аддитивные. Вот поэтому у нас такое некоторое пересечение. Сути дела это,

в общем, не меняет. Это просто для общего понимания.

Я бы хотел, по сути дела, задать Вам вопрос. Вы собираетесь туда, в космос, отправить принтер. И мне кажется, и технологически это будет все-таки новая, прорывная, может быть, вещь. Это может быть интересно и с точки зрения философской. Чего вы ожидаете от этого эксперимента?

Хесуани: В космосе принципиально новый подход. Почему? Есть у классического 3D-принтера, или биопринтера, который является частью, собственно, 3D-принтинга, абсолютно классические системы, если мы говорим о так называемых картезианских 3D-принтерах — это платформа, это форсунка, это может быть шприц с биоматериалом, с титаном, с чем угодно, с пластиком, но принцип остается тем же. Некоторое время назад нам в голову пришла идея, что можно управлять клеточными конгломератами с использованием магнитных и акустических волн. То есть не создавать поддержки химические, а создавать поддержки физические, создавать магнитные ловушки, создавать акустические ловушки. Прекрасно известен термин акустический пинцет, когда мы можем захватывать определенного рода объекты и передвигать. И мы решили использовать эту технологию для создания трехмерных конструктов. И такого рода конструкты, поскольку мы говорим о живых материалах, безусловно, содержатся в питательной среде, и когда они собираются, они левитируют, то есть они не соприкасаются со стенками той емкости, в которой они находятся. А если мы говорим о левитации объекта, мы прекрасно понимаем, что мы вынуждены бороться с земной гравитацией, если мы проводим эксперименты...

Бодрунов: Да-да, он же должен как-то висеть...

Хесуани: Да. Конечно, помогает сила Архимеда, которая выталкивает, поднимает немножко конструкты, но...

Бодрунов: Мы знаем ограниченность этих возможностей...

Хесуани: И более того, я скажу, что мы не используем никакие магнитные наночастицы в клетках и так далее. Мы, скорее, усиливаем свойства питательной среды, добавляя туда суперпарамагнетики.

Бодрунов: Даже другой подход.

Хесуани: И наш космический эксперимент на самом деле является частью большого эксперимента. То есть в земных условиях в нашей лаборатории мы используем высокие кон-

центрации суперпарамагнетиков, но можем делать это достаточно непродолжительное время, потому что эти суперпарамагнетики (эти суперпарамагнетики — это те препараты, которые используются в клинике, в любом МРТ-центре для контрастирования) в высоких концентрациях блокируют у клеток кальциевые каналы, и возникает токсический эффект. Второй принцип — это снижение на несколько порядков концентрации. Тогда нужны мощные магниты. И наша группа провела летом этого года эксперименты в Неймегене, в Голландии, в магнитном поле порядка 23 тесла. Это колоссально затратные эксперименты. Но вот в таких условиях нам тоже удалось собрать конструкты. И третий подход, когда у вас невысокая концентрация суперпарамагнетиков и не нужны мощные магниты — это, собственно, условия естественно микрогравитации.

Бодрунов: Да, это космос.

Хесуани: Поэтому мы и ставим этот космический эксперимент. И почему мы говорим здесь даже не об аддитивных технологиях... Потому что мы объекты собираем одновременно с разных сторон. И нам казалось, что это такая уникальная технология, пока я не открыл журнал «Техника — молодежи» 1953 года, в которой была статья, называлась «Космическая лаборатория». Там было написано, конечно, в такой советской риторике, что мы завидуем инженерам будущего, которые смогут использовать микрогравитации...

Бодрунов: Вот они эти инженеры и есть...

Хесуани: Которые смогут использовать условия микрогравитации как триггеры для создания принципиально новых объектов.

В чём мы сильны?

Хесуани: Поскольку мы начали с того, что основные сейчас мощные открытия и технологии возникают при конвергенции науки и конвергенции технологий, то, на мой взгляд, наиболее перспективная отрасль — там, где, с одной стороны, мы можем использовать сильные области страны: такие как лазерные технологии, космические технологии, атомные технологии, исторически мощные...

Бодрунов: Наши, так сказать.

Хесуани: Находя им принципиально новые точки применения. И вот я думаю, что наибольший потенциал — в таких областях, где, с одной стороны, достаточно мощная осталась школа, с другой — новый взгляд.

Агамирзян: Несколько слов на эту тему могу тоже сказать. По моим представлениям, в современной экономике вообще происходит очень интересный процесс, который как раз связан с тем самым переходом от массового к кастомизированному производству. В общем, массовое производство — это явление последней сотни лет. Таким образом организованная экономика, центр создания добавленной стоимости переходит от производственных мощностей к дизайнерским и инженерным. Это очень хорошо видно на примере микроэлектроники. На самом деле, вы наверняка согласитесь, что вся фармацевтика уже работает по этой модели. Заводы в каком-то смысле стали теми же самыми принтерами для разработанных лекарств. А и расходы, и доходы концентрируются в исследовательских лабораториях, которые...

Хесуани: Кстати, уже есть первые лекарства, прошедшие испытания, которые печатались на 3D-принтере.

Агамирзян: Совершенно точно.

ИЗ БИБЛИОТЕКИ ВЭО РОССИИ

Кэвин Келли,

«НЕИЗБЕЖНО.
12 ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ
ТРЕНДОВ, КОТОРЫЕ
ОПРЕДЕЛЯТ НАШЕ
БУДУЩЕЕ»

СТАНЕТ ЛИ «УМНЫЙ ГОРОД» ЦЕНТРОМ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ?

Несколько лет назад в среде урбанистов появилось понятие «умный город». На Западе это «смарт-сити». Мы примерно понимаем, что в умном городе будет все умно и высокотехнологично, экологически безопасно организовано. Что такое умный город для жителя города, для населения? Как сегодня, например, развивается умный город Москва? А именно на это претендуют столичные власти. Разберемся.

СОБЕСЕДНИКИ

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, президент Международного
союза экономистов, директор Института нового
индустриального развития им. С. Ю. Витте,
д. э. н., профессор*

*Максим Валерьевич Фёдоров,
директор Центра по научным, инженерным,
вычислительным технологиям «Сколтеха»,
профессор*

*Максим Леонидович Зябкин,
основатель проекта «Макситьюб»*

А

А что именно товарищ имеет в виду?

Бодрунов: Уважаемые коллеги, самый такой сложный вопрос. Умный город — первый и главный термин, встречающийся на нашем пути сегодня. Я впервые словосочетание «умный город» лично написал в 2009 году. Я был в то время председателем Комитета экономического развития Санкт-Петербурга, членом правительства Санкт-Петербурга и готовил документ, который назывался «План развития Петербурга до 2000-летнего года» в то время. Потом создавалась программа развития промышленности города и так далее. Так вот, когда я сказал слова «умный город», очень многие коллеги удивились: ты что, какой умный город, что за слово такое, глупости какие-то. И мои в то время аргументы о том, что в Англии и других местах люди начинают над этим работать, вызывали по меньшей мере недоумение. Вот сейчас это не вызывает ни у кого не только сомнений, все теперь настаивают на создании «умного города». Так что же такое умный город? Прощу Вас, Максим Валерьевич.

Фёдоров: Умный город — это комбинация многих факторов. То есть, вообще говоря, мое понимание города — это еда, вода, энергия, управление, жилищно-коммунальное хозяйство, безопасность, здравоохранение, экология. И город — это единый организм. На самом деле, все города были, есть и будут умными. Со времен зарождения городов они были умные.

Бодрунов: Во всяком случае, это умно организованное пространство.

Фёдоров: Да, это умно организованное пространство. И, соответственно, город как организм потребляет еду, потребляет воду, потребляет энергетические ресурсы,

в нем происходят различные процессы, дальше он работает с отходами, решает проблемы мусора и прочие экологические вопросы. И все это города делали со времен еще до нашей эры. Соответственно сейчас, когда мы говорим «умный», это значит внедрение технологии интернета вещей, технологии больших данных, технологии искусственного интеллекта, технологии широкополосной мобильной связи, интернет, 5G. На самом деле, это внедрение информационных технологий во все сферы. И как показала практика, довольно успешно это применяют сейчас и в нашей стране, и за рубежом. То есть, если мы какой-то сектор из обозначенных сделали умным, это значит, что мы способны реагировать в режиме реального времени на то, что происходит, мы собираем данные с помощью сенсоров, датчиков, их в режиме реального времени обрабатываем, принимаем решения, таким образом делаем этот сектор умным.

Бодрунов: Мне кажется, Москва — достаточно умный город. Но, однако, что касается транспорта, то, наверное, очень многие люди скажут, что нам не мешало бы поумнеть, потому что, наверное, вы сюда добирались не так просто даже в субботу, не говоря уже про другие дни. Там пробки, тут организация движения, там не хватает проездных мощностей, улицы где-то узкие, где-то нет мостов и так далее и тому подобное. Но очень важно использовать даже то, что есть, разумно. Скажите, у вас есть какие-то идеи по этому поводу?

Зябкин: Да, конечно. Сегодня мне повезло: доехал довольно легко и быстро благодаря тому, что была построена большая часть хорды северной. Она сегодня мне крепко помогла.

Бодрунов: Вот инфраструктурное решение.

Зябкин: Да, инфраструктурное решение. Конечно, умный город — это помощь гражданам, это поддержание их жизнедеятельности в хорошем смысле, это какие-то услуги и сервисы, которые оказывает город напрямую гражданам. Если мы говорим о транспортной инфраструктуре Москвы как таковой, то сегодня, конечно же, она очень сильно продвинулась вперед.

Бодрунов: Да, это заметно.

Зябкин: Это неожиданно. Это приятная такая неожиданность, не может не радовать. Но опять же я отличал бы строительство автодорог и запуск новых колец электрички от понятия умного города и от той ожидаемой всеми выгоды, которую дает именно «смарт-сити». В моем представле-

нии, логистика, которая относится к пониманию smart, это логистика, основанная на искусственном интеллекте, которая в онлайн может управлять светофорами, грузопассажирскими потоками, перенаправляя правильным путем, предотвращая некоторые события, прогнозируя...

Бодрунов: Пересчитал, ага, поток идет на той улице, через 10 улиц там будет пробка. Давайте перенаправим, светофоры переставим, что-то еще перевключим...

Зябкин: Совершенно верно.

Бодрунов: Я в свое время в Петербурге проходил эту историю еще очень давно, лет 18–20 назад, когда наши городские власти пытались включить Московский проспект в наполнение транспортом. Тогда не хватило для того, чтобы это хорошо реализовать, информационной составляющей — расчета, оценок и так далее и тому подобное. Сейчас технологический прогресс уже в состоянии нам позволить это делать. И конечно, даже, я ещё раз говорю, при той же инфраструктуре мы можем: а) с одной стороны, ее более эффективно использовать и разгружать город, если говорим о транспорте, и б) с другой — мы можем на основе больших данных рассчитать, что же в первую очередь нужно делать: где развязки, где пробки снимать, где перестроить что-то, где путепровод изменить и так далее, потому что это будет хорошо видно и легко рассчитать. Так что эта проблема решается с двух сторон. В общем-то, Москва растет в сторону «смарт-сити», мы видим, что это движение действительно есть. Хотя многие вещи пока еще в виде проектов. У нас есть все-таки в то же время понимание, что в мире есть и другие какие-то идеи, есть мировые тренды развития умного города. Скажите, пожалуйста, как вы понимаете, мы отстаем в развитии мировых трендов каких-то, которые мы не знаем еще, может быть, или которые у нас еще мало используются, или мы все-таки впереди планеты всей? Все-таки в Москве очень активно этим занимаются.

Коммуникативная труба

Зябкин: Есть идеи, как это может выглядеть в плане будущего развития городов в части транспорта. Я говорю про концепцию развития именно транспортных систем. Люди привыкли рассматривать транспорт как бы в 2D — как перемещение машин и автомобилей в городе по улицам.

Бодрунов: 2D — это как бы на плоскости...

Зябкин: Да, перемещение на плоскости. В мире существует уже много проектов, которые в той или иной стадии разработки, некоторые получили определенное развитие,

когда грузы перемещаются по отдельным трубопроводным магистралям. Илон Маск, помимо того...

Бодрунов: Да, Маск вообще говорит, давайте всю Америку, всех будем гонять по трубе.

Зябкин: Почему нет? То есть это удобно, выгодно, это комфортно для города.

Бодрунов: Я могу сказать, что такой проект мне в свое время как директору центра информационного приносили еще в советское время.

Зябкин: Безусловно, эта идея будет реализована рано или поздно, все к ней идут. Вопрос, кто первый подойдет, у кого лучше всех получится. И конечно, есть много городов уже, которые нацелены на создание новой среды, это Тяньцзинь (КНР. — Ред.), это Маздар (ОАЭ. — Ред.). Есть города, где транспорт только на электрической тяге. И мне нравится, когда проект городского транспорта постепенно, планомерно переходит на электрическую тягу, и в движение общественного транспорта, допустим, троллейбусы и трамваи, встраивают логистические цепи. То есть понятно, что у нас троллейбусы, трамваи, автобусы ездят по одним и тем же маршрутам. Почему бы сразу и не перевозить на них и грузы?

Бодрунов: Вообще-то интересная мысль. Идет трамвай, а в трамвае только грузчик и груз.

Зябкин: Голландцы на эту тему много работают, Амстердам близко к этому подошел, они это уже пытаются реализовать. В какой стадии сейчас, мне трудно оценить, но я думаю, что решение у них уже наверняка есть, даже, может быть, есть и испытания.

Бодрунов: Занимаются, во всяком случае.

Зябкин: Да, они работают над этим. Если мы сравниваем с Москвой, то, наверное, еще есть к чему стремиться.

У России свой путь

Бодрунов: Как вы думаете, какие технологии еще можно было бы здесь внедрить?

Фёдоров: Мы не отстаем и не догоняем, потому что у России свой путь развития в плане умных городов. Во мно-

гом благодаря тому, что у нас климат такой, которого больше нигде нет. У нас сотни миллионов людей живут при условиях холодной зимы, довольно толстого слоя снега и жаркого лета. На самом-то деле, если в Лондоне выпадет снег в одну снежинку толщиной, там все встает, вся транспортная инфраструктура встает.

Бодрунов: Не все, но многое.

Фёдоров: Я два раза опаздывал на самолет из-за того...

Бодрунов: Из-за того, что они увидели, что такой снег появился.

Фёдоров: Да-да. То есть, соответственно, большинство стран, которые сейчас участвуют в программах развития умных городов, они все-таки живут в несколько других климатических условиях, и, соответственно, нам нужно на это делать поправку и развивать технологии, которые учитывают наши климатические, географические особенности, особенности социальные и экономические. И касательно транспорта, мы сейчас в «Сколтехе» совместно с фондом «Сколково» создали центр умного транспорта. Дмитрий Машев, Шамхал Джабраилов со стороны «Сколтеха» его развивают. И там мы решаем проблемы, как раз связанные с внедрением электрического транспорта и умного транспорта в российских условиях. Тот же китайский опыт показал, что, например, такой вопрос, как заправка этого транспорта, вызывает кучу технических и юридических проблем. В том же Китае больше 20 различных адаптеров для заправки, и, в общем-то, это создает некоторые неудобства. А также есть масса вопросов, связанных с сертификацией заправок электрического транспорта для того, чтобы это было массово, для того, чтобы эти заправки можно было создать по всей территории России, по всей территории городов. То есть как это оплачивать, как страховать, там масса вопросов...

Бодрунов: Вопрос даже не столько иногда технический, сколько...

Фёдоров: Да, регуляционный, очень много нормативов. И здесь же нормативы, касающиеся этических аспектов. Сейчас очень много внимания уделяется этическим аспектам, культурологическим, социальным аспектам внедрения технологий умного транспорта, искусственного интеллекта в городской среде, умного дома и так далее. И IEEE — это общество инженеров, электронщиков и радиотехников — разработало большой документ, международная команда ученых и инженеров работала над этим, больше сотни человек. От нашей страны в основном участвовали сотрудники Курчатковского института во главе с Павлом Готовцевым.

Этот документ, много страниц, охватывает аспекты внедрения технологий искусственного интеллекта, внедрение технологий интернета вещей и всех вот этих прорывных технологий. А вот вопрос: умный город, умный транспорт — это дает возможность для массового контроля за населением, хотим ли мы этого? Там многие вещи, которые не очевидны.

Бодрунов: Вот та же безопасность, с одной стороны, хорошо, что видеокamer много, с другой — исчезает приватность жизни, которая вообще-то гарантируется конституционно. И возникает множество такого рода коллизий, правовых коллизий, которые в нашем обществе не разрешены, и не только в российском. Нигде в мире не решены даже институционально, на уровне понимания. А что же нам дальше с этим делать и как? Технологии уже позволяют сегодня отследить нашу жизнь вдоль и поперек. Мы пошли в магазин, заплатили за еду, уже все в мире могут узнать, что конкретный человек ест. Заплатил за какое-то лекарство, все знают, чем болеет, заплатил за поход с дамой в кино, все знают, с какой дамой пошел, сколько был в кино и так далее, и тому подобное.

Зябкин: Согласен.

Бодрунов: А с другой стороны, безопасно. От кого мы страхуемся? От самих же себя. Может быть, здесь вопрос вообще стоит в другом плане: такие технологии позволяют людям перевоспитаться, подумать, а как мы живем, а что мы делаем. А надо ли делать то, что мы делаем, или нет? Так что это огромные философские проблемы, на самом деле. Если мы не решаем эти философские проблемы, то темпы внедрения этих всех технологий «смарт-сити» могут привести в некотором роде иногда к обратному эффекту, потому что люди могут восстать и сказать, хватит, слава богу, у нас уже хватает.

Проект умный город

Бодрунов: Скажите, пожалуйста, как специалисты вот в этой большой программе. Кстати говоря, у нас есть огромная программа государственная, она, в общем-то, выдвинута не государством, но тем не менее поддержана Минстроем, замминистра Андрей Чибис курирует эту программу, называется она «Проект умный город». И там многие участвуют, она реализуется в рамках двух национальных проектов: «Жилье и городская среда» и «Цифровая экономика». В рамках этих двух проектов реализуется эта программа. Мне кажется, что она может быть реализована достаточно эффек-

тивно. Но мы можем подсказать, каких технологий нам не хватает.

Зябкин: Я бы хотел еще раз остановиться на такой, на мой взгляд, простой идее, что расстановка видеокamer в городе или розетка с вай-фаем, или остановка с вай-фаем — это все-таки не то, что я бы назвал умным городом. Если мы возьмем 30 крупных городов, оснастим их видеокameraми и скажем, что мы выполнили программу по смарт-сити...

Бодрунов: Они будут считать именно так, когда будут оценивать эффективность программы.

Зябкин: Нам, специалистам, хотелось бы верить в лучшее в отношении того, как может выглядеть город. Простой вариант развития — когда у города есть достаточно данных о том населении, которое живет. Скажем, мы можем знать, какое количество блондинок паркуются неправильно в городе Москве. Мы можем знать, какое количество блондинок больны диабетом, и можем ли мы помочь им, зная, что в какие-то определенные дни недели они менее внимательны и будут парковаться неправильно...

Бодрунов: Да-да, из-за болезни, это не шутка, на самом деле.

Зябкин: Давайте мы им будем присылать эсэмэс и говорить, что, ребята, вы неправильно запарковались, пожалуйста, обратите внимание на то, что вы встали не под тем знаком. У нас же немножко другое направление в понимании «смарт-сити». Мы расставляем кучу вариантов для того, чтобы брать штрафы...

Бодрунов: Контролировать и наказывать.

Зябкин: Контролировать и наказывать — это наше любимое...

Бодрунов: Не предупредить ситуацию.

Зябкин: Да. И вот здесь я бы разделял направления развития для городов.

Бодрунов: Больше того, вы знаете, Максим Леонидович, я недавно читал один обзор полицейской отчетности по этому поводу. И такая фраза там была, я деталей не помню, мы поставили столько-то камер, и они окупались за счет штрафов в течение столько-то месяцев. Вот, вы правы, что важно, когда мы начнем заниматься реализацией этих умных программ, поручая их людям, которые другие цели, другие задачи преследуют.

Фёдоров: Сейчас на базе «Сколтеха» создан центр компетенции НТИ «Интернет вещей», в котором урбанистика и приложения интернета вещей для городской среды занимают очень важное место. У нас группа под руководством Никиты Уткина занимается разработкой индексов умных городов. Они сейчас уже есть, публикуются отчеты по умным городам, сравнения...

Бодрунов: Главное, чтобы эти индексы были умно выстроены.

Фёдоров: Абсолютно верно, да.

Бодрунов: Не так, как с камерами.

Фёдоров: Да, но вопрос именно в том, что нужно разработать системный подход. Я уже говорил про аналогию с организмом: город надо рассматривать как систему. Если вы что-то меняете в этой системе...

Бодрунов: Надо понимать, как это отразится на другом элементе.

ИЗ БИБЛИОТЕКИ ВЭО РОССИИ

Коллектив авторов,
«УМНЫЙ ГОРОД»
XXI ВЕКА»

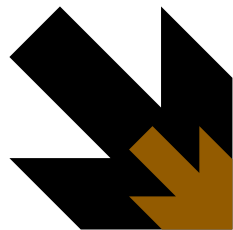
Фёдоров: Да, абсолютно верно. И соответственно, то, что мы сейчас делаем, мы работаем над цифровыми двойниками городов. То есть, используя современные суперкомпьютеры, мы можем создать...

Бодрунов: То есть можем смоделировать все это дело.

Фёдоров: Абсолютно верно. И в реальном мире — самое главное, что цифровой двойник — это не просто модель. Это модель, которая меняется в реальном времени.

Бодрунов: «Смарт-сити» — это жизнь, это жизнь города. И эти технологии, развиваясь, дадут нам гигантское преимущество, в том числе и экономические преимущества: экономия времени, экономия ресурсов, использование этих ресурсов более рациональным образом для развития других направлений и так далее и так далее. Это может дать тот эффект, который обеспечит наш рывок в будущее. То, о чем говорит президент России, это наша общая задача.

ЧАСТЬ III

ЭКОНОМИКА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ СПАСЕТ ЭКОНОМИКУ
КЛИМАТИЧЕСКИЕ РИСКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА
ЧТО НАС ЖДЁТ ЗА ЦИФРОВИЗАЦИЕЙ?
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БИЗНЕСА
В УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ СПАСЁТ МИРОВУЮ ЭКОНОМИКУ?

Презентация «Доклада о торговле и развитии 2019», ЮНКТАД
(Trade and Development Report 2019),
25 сентября 2019 года, Дом экономиста, г. Москва

СОБЕСЕДНИКИ

Александр Александрович Дынкин,
вице-президент ВЭО России,
президент ФГБНУ
«Национальный
исследовательский институт
мировой экономики
и международных отношений
имени Е. М. Примакова РАН»,
академик РАН, д. э. н.,
профессор

Владимир Станиславович Павинский,
заместитель директора
Информационного центра
ООН в Москве

Рикардо Готчалк,
ведущий экономист ЮНКТАД

Маргарита Анатольевна Ратникова,
вице-президент ВЭО России,
директор ВЭО России, вице-
президент, исполнительный
директор Международного
союза экономистов

Владимир Юрьевич Саламатов,
генеральный директор
исследовательского центра
«Международная торговля
и интеграция», заведующий
кафедры «Торговое дело
и торговое регулирование»
МГИМО МИД РФ и кафедры
«Международная коммерция»
РАНХиГС при Президенте РФ,
д. э. н., к. т. н., профессор

Александр Юрьевич Кнобель,
директор Института
международной экономики
и финансов ВАВТ, заведующий
лабораторией международной
торговли Института
экономической политики
им. Е. Е. Гайдара, к. э. н.

Дмитрий Евгеньевич Сорокин,
вице-президент ВЭО России,
вице-президент
Международного союза
экономистов, научный
руководитель Финансового
университета при
Правительстве РФ, член-
корреспондент РАН, д. э. н.,
профессор

Александр Александрович Широв,
член Правления ВЭО России,
заместитель директора
Института
народнохозяйственного
прогнозирования РАН, д. э. н.,
профессор

Руслан Семенович Гринберг
Вице-президент ВЭО России,
вице-президент
Международного союза
экономистов, научный
руководитель Института
экономики РАН, член-
корреспондент РАН, д. э. н.,
профессор

Николай Николаевич Калмыков,
директор Экспертно-
аналитического центра
РАНХиГС

Никита Иванович Масленников,
ведущий эксперт Центра
политических технологий

Михаил Владимирович Ершов,
член Президиума ВЭО России,
главный директор по
финансовым исследованиям
Института энергетики
и финансов, профессор
Финансового университета
при Правительстве РФ, д. э. н.

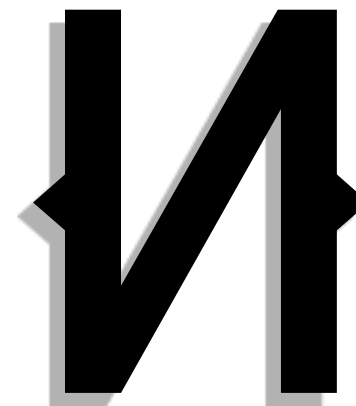

Алексей Павлович Портанский,
профессор Факультета
мировой экономики и мировой
политики Высшей школы
экономики, к. э. н.

Владимир Михайлович Давыдов,
директор Института
Латинской Америки РАН,
член-корреспондент РАН,
профессор

Ратникова: Инициатором проведения презентации доклада ЮНКТАД выступает Информационный центр ООН, с которым нас связывают долговременные партнерские взаимоотношения. И мы очень признательны руководству информационного центра за внимание к деятельности Международного союза экономистов и Вольного экономического общества. Сегодняшнюю презентацию организовали Международный союз экономистов, Информационный центр ООН и Вольное экономическое общество России. Хотела отметить, пользуясь случаем, что Международный союз экономистов, имеющий генерально-консультативный статус экономического социального совета ООН, сейчас реализует новые формы сотрудничества с ЮНКТАД. Мы надеемся, что это выведет нас на достаточно высокий КПД. Новый импульс развитию этих форм и направлений был дан во время визита доктора Мукисы Китуйи, генерального секретаря ЮНКТАД, в Москву. Отмечу, что это был первый визит за последние 55 лет генерального секретаря ЮНКТАД в Россию. У нас прошел совместный круглый стол, в ходе которого был достигнут ряд договоренностей, которые мы сейчас, будем надеяться, с вашей помощью в том числе, будем реализовывать.

Прежде чем мы начнем нашу презентацию, хотела представить сегодня представителя от ЮНКТАД, который презентует документ, одного из авторов «Доклада о торговле и развитии», ведущего специалиста ЮНКТАД, господина Рикардо Готчалка. Модерировать сегодня дискуссию будет президент Института мировой экономики и международных отношений имени Евгения Максимовича Примакова Российской академии наук академик Дынкин, он сейчас подъедет. Но прежде, чем начнется дискуссия, я хотела бы передать слово Владимиру Станиславовичу Павинскому, заместителю директора Информационного центра ООН для короткого приветствия.

Павинский: Добрый день, дорогие друзья, коллеги. Рад тепло приветствовать вас от имени представительства Организации Объединенных Наций в Российской Федерации и Информационного центра ООН в Москве. Должен сказать, что наше сотрудничество с Вольным экономическим обществом России и Международным союзом экономистов насчитывает уже много-много лет. И одним из примеров того, что у нас очень тесное взаимодействие, является то, что за текущий месяц это уже вторая презентация в этих гостеприимных стенах доклада конференции ООН по торговле и развитию ЮНКТАД. Мы очень рады тому, что нас гостеприимно встречает Международный союз экономистов, и рады, что эта презентация проходит именно здесь, что наше сотрудничество, таким образом, продолжается и крепнет.

Что касается сегодняшнего доклада, должен сказать, что впервые он вышел в свет в 1981 году и с тех пор издается ежегодно. Его публикация приурочивается к регулярным сессиям Совета по торговле и развитию исполнительного органа ЮНКТАД. В докладе анализируются текущие экономические тренды и ключевые вопросы политики, имеющие международное значение, а также содержатся рекомендации по решению этих проблем на различных уровнях.

На мировую экономику надвигается шторм, а угроза рецессии в 2020 году вполне реальна. Такая не слишком радужная перспектива обозначена ЮНКТАД в докладе о торговле и развитии за 2019 год. Мигающие огни предупреждают об опасностях торговых трений, валютных колебаний, корпоративного долга, брексита без сделки и перевернутых формах кривых доходностей. Но нет никаких признаков того, что политики готовы к предстоящему шторму. Глобальная экономика не одинаково служит всем людям. При нынешней конфигурации политики правил, динамики рынка и влияния корпораций, экономические разрывы, вероятно, возрастут. А деградация окружающей среды усилится, отмечается в докладе.

Авторы публикации предлагают новый вариант знаковой политики эпохи Великой депрессии в глобальном масштабе — глобальный зеленый новый курс, призванный послужить той основой, которая позволит полностью порвать с годами бюджетного аскетизма и стабильности после глобального финансового кризиса, что поможет добиться более справедливого распределения доходов и обратить вспять десятилетия деградации окружающей среды. В нем предлагается ряд мер по проведению реформ, направленных на то, чтобы заемное финансирование, капитал и банки работали на развитие и финансировали новый курс. А какие это меры, мы, как я надеюсь, услышим от нашего сегодняшнего докладчика со стороны ЮНКТАД, одного из авторов доклада, ведущего экономиста организации Рикардо Готчалка. Он уже не первый год приезжает в Москву представлять этот доклад. Ожидаем, конечно же, оживленной дискуссии по итогам презентации и рассчитываем, что будут, естественно, вопросы к докладчику. А теперь слово нашему презентеру.

Готчалк: Большое спасибо, большое спасибо за Ваше вступительное слово. Мне очень приятно быть снова в Москве для представления этого доклада. Тема доклада за 2019 год — финансирование глобального зеленого нового курса. Рассматриваются три главных вопроса. Первый вопрос — это проблема изменения климата и как можно было бы помочь справиться с этой проблемой. Вторая проблема — это хрупкость современной глобальной экономики, и предлагаются меры, которые направлены на то, чтобы ее сделать более инклюзивной и экологически устойчивой. И наконец, третья проблема — рост неравенства, проблема, о которой в последнее время много говорится.

Итак, вот эти три основных аспекта, а также глобальный новый зеленый курс, в значительной мере воспроизводят задачи, которые поставлены в целях устойчивого развития.

И я хотел бы теперь остановиться на главных, основных тезисах. Первый тезис касается нестабильности и хрупкости мирового экономического роста. Мы можем констатировать, что после кризиса экономика в мире растет медленно. Более того, темпы роста уменьшаются в ряде стран, и есть реальная опасность начала рецессии. Вот в этом контексте развивается мировая экономика. Это нерегулируемое движение капитала, это низкие налоги и низкая зарплата. Все это приводит к тому, что в развивающихся странах экономика по-прежнему зависит прежде всего от сырья и долга. И многие из них движутся к рецессии. Это осложняется нынешними тарифными конфликтами, тарифными войнами. Это приводит к уменьшению международной торговли, а все в целом приводит к очень хрупкому состоянию мировой экономики со слабым спросом, с недостаточным инвестированием. И можно сказать, что многосторонняя экономическая система не смогла дать ответ на эту ситуацию, и, в частности, на торговые трения и конфликты вокруг долга.

В этой связи в нашем докладе имеется ряд предложений, которые направлены на решение этих проблем. Они связаны, в частности, с фискальной экспансией, перераспределением доходов, мерами по решению проблемы задолженностей и по контролю движения капитала с тем, чтобы капитал направлялся в первую очередь в продуктивные капиталовложения. Необходимо также принять меры по пресечению незаконных финансовых потоков. Мы считаем, что в решении задач, связанных с зеленым новым курсом, большую роль должны сыграть государственные банки. Об этом много говорится в докладе.

Если вы посмотрите на этот график, то увидите, что, по нашим подсчетам, экономический рост становится медленнее как в развивающихся, так и в развитых странах. Причем восстановительный рост после рецессии был очень медлен-

ным. Даже сильные экономики, быстро развивавшиеся экономики, такие как Индия и Китай, сейчас показывают более медленный рост. И это проблематично, особенно в связи с Китаем, поскольку может иметь место эффект переноса более низких темпов роста на другие развивающиеся страны, которые связаны с Китаем глобальными и региональными цепочками создания стоимости и которые сильно зависят от Китая в плане импорта китайской продукции.

Вот в этом контексте ухудшающегося экономического роста мы рассматриваем экономику России. Вы знаете лучше меня, что Россия после того, как она побывала в состоянии тяжелого кризиса, особенно в 2015 году, имела восстановительный рост. Но сейчас темпы роста уменьшаются в части 2018, 2019 года. Причина этого — волатильность цен на нефть, слабый потребительский спрос и, я бы сказал, монетарная политика, которая представляется нам чрезмерно жесткой, особенно в свете того, что показатели по инфляции благоприятные. Но мы видим, что сейчас есть возможность и, может быть, она будет использована, более активной фискальной политики в России, которая будет содействовать стимулированию роста.

Так почему же мировая экономика находится в столь хрупком состоянии в течение всего периода после предыдущего кризиса? Отчасти ответ таков: усилия по обеспечению восстановительного роста экономики в основном имели монетарный характер. Это, прежде всего, использование процентных ставок, которые стали очень низкими, вплоть до нуля. И на протяжении периода после кризиса использовался инструмент количественного смягчения. И это привело к большому увеличению баланса центральных банков. Но этот подход, который все так же, прежде всего на инструментах монетарной политики, не оказался эффективным в плане восстановления эффективного устойчивого роста мировой экономики.

Если вы посмотрите на этот график, который показывает развитие мировой торговли после кризиса, то вы увидите, что это, в общем, плоская картина. В 2018 году было некоторое увеличение. Но сейчас опять идет уменьшение объема мировой торговли в результате слабого глобального спроса. Если вы посмотрите на потоки капитала в регионах, то здесь картина очень неустойчивая, большие колебания. Был период негативного роста в 2018 году и сейчас некоторое ослабление.

Далее еще одна долгосрочная тенденция — это быстрый рост задолженности, как вы видите на этих графиках: было 16 триллионов, стало 218 триллионов долларов. Это в основном частная задолженность. Однако вот такой рост задолженности не привел к аналогичному росту капиталовложений и экономики.

И еще одна долгосрочная тенденция — это накопленная задолженность. Если посмотреть на суверенный долг, то мы видим, что в основном произошел сдвиг из официального, государственного сектора в частный. Растет задолженность частного сектора.

На этом фоне — предложения по нескольким направлениям. Первое направление касается новых макроэкономических рамок.

Во-первых, мы считаем, что очень важно начать решать проблему перераспределения долга для того, чтобы бороться с растущим неравенством, а также для того, чтобы увеличить совокупный спрос.

Второе, мы глубоко убеждены, что необходимо повысить долю государственного финансирования. Это необходимо для того, чтобы обеспечить инфраструктурный рост, развитие физической инфраструктуры, экономической инфраструктуры, социальной инфраструктуры, зеленой инфраструктуры — все это для того, чтобы мы в итоге получили трансформационный рост. И в рамках этой новой макроэкономической структуры очень важно обеспечить переход к более прогрессивной шкале налогообложения с тем, чтобы обеспечить средства для решения этих задач и для реализации наших предложений.

И наконец, мы считаем, что очень важно направлять как внутренние, так и иностранные средства на продуктивную экономическую деятельность, на реальную экономику. И очень важно, чтобы деятельность в этом направлении велась при международной координации. Бессмысленно делать все это в масштабах одной страны. Необходимы коллективные действия, необходима международная координация. И для того, чтобы показать, что наша модель является жизнеспособной в макроэкономическом плане, мы провели расчеты этой модели. И расчеты показали, что вполне возможно обеспечить рост государственного финансирования экономики, что позволит обеспечить рост самой экономики и увеличить налоговые поступления и не вызовет каких-то макроэкономических шоков.

Кроме наших предложений макроэкономического характера, направленных на более активную роль государства, в докладе предлагается также несколько конкретных целевых направлений деятельности. Я скажу о трех.

В частности, мы предлагаем меры, направленные на то, чтобы бороться с незаконными финансовыми движениями, финансовыми потоками, которые связаны с налоговой оптимизацией, с налоговой выгодой. В настоящее время налоговый режим для транснациональных корпораций устроен так, что аффилированные с транснациональными корпорациями организации считаются независимыми единицами.

И таким образом доходы этих единиц переносятся из стран, где высокие налоги, в страны, где низкие налоги. И в результате очень трудно обеспечить справедливый режим налогообложения подобных бизнес-единиц.

Мы предлагаем отказаться от этой устаревшей системы и перейти к унитарной налоговой системе, которая позволит взимать налоги с транснациональных корпораций на глобальной основе и затем перераспределять налоговые поступления в соответствии с определенной формулой. Желательно, чтобы эта формула учитывала, сколько рабочих мест создают аффилированные компании в странах, где они работают. Далее мы считаем, что очень важно лучше контролировать капитальные счета, счета капиталов. Это позволит обеспечить направление средств иностранного капитала на продуктивные, а не на спекулятивные цели.

Еще одна проблема, которая будет лучше решаться, если усилить контроль капитала. Мы видим, что в настоящее время имеет место перераспределение ресурсов и средств из развивающихся стран в развитые. По нашим подсчетам, ежегодно таким образом перетекает до 480 миллиардов долларов в развитые страны. Конечно, это является результатом, в частности, того, что у развивающихся стран больше пассивов иностранных, чем иностранных активов. И соответственно, разница в доходности пассивов и активов. Мы предлагаем принять меры для того, чтобы изменить это. И такие меры, меры контроля капитала позволят уменьшить также непродуктивные резервы, которые имеются.

И еще одно направление, которые мы считаем очень важным, — это обеспечение более активной роли государственных банков. Сегодня диагноз ситуации такой: государственный сектор находится, так сказать, в фискальной смирительной рубашке. И поэтому для того, чтобы финансировать глобальные новые курсы и выполнение цели устойчивого развития ООН, необходимо опираться прежде всего на частное финансирование. Такова сегодняшняя система. Мы видим в этой ситуации и в таком подходе, по крайней мере, две проблемы. Во-первых, средств этих будет недостаточно для того, чтобы решить проблемы, связанные с целями устойчивого развития, с зеленым новым курсом. И во-вторых, широкое использование частного капитала создает проблемы для государственного сектора, потому что государство все равно должно давать определенные гарантии, оно должно субсидировать и так далее. И это создает для него риски.

Если мы посмотрим на ту роль, которую сейчас играют государственные банки, в большинстве стран система такова. Прежде всего, частные банки. Эти банки очень важны, разумеется, они дают кредиты бизнесу, они дают кредиты людям и семьям и дают рыночные кредиты. Но частные банки не идут, как правило, на финансирование

долгосрочного характера. В частности, инфраструктурное финансирование рассматривается ими как слишком рискованное. И поэтому важно усилить роль государственных банков в заполнении этих лагун, этих пробелов. Здесь особенно важна роль банков развития, потому что именно для этой цели они создаются. Банки развития очень хорошо подходят для решения долгосрочных задач, для проектов с длительным периодом вызревания. У них есть для этого соответствующий экспертный уровень для того, чтобы эти проекты разрабатывать, выполнять и мониторить их выполнение. Это банки, которые хорошо подходят для решения более сложных задач и для того, чтобы привлекать к решению этих задач также и частные банки.

Кроме того, очень важно, что государственные банки могут играть контрциклическую роль, которую не могут играть частные банки. В период кризиса частные банки действуют проциклично, а не контрциклично. А банки развития в состоянии предоставить кредит, в состоянии помочь в период, когда возникают трудности. Кроме того, мы считаем, что и центральные банки могут играть более активную роль в переходе к новой экономике, в решении задач зеленого нового курса через регулирование и через предоставление целенаправленных кредитов. Существуют региональные банки развития, роль которых тоже надо повышать. Они финансируют инфраструктурные проекты, они финансируют проекты региональной инфраструктуры. И примеры этого есть в разных регионах, в том числе и здесь. Это Евразийский экономический союз и Банк развития, который имеется в этом образовании. Он играет позитивную роль. Однако, надо отметить, что банк этот очень небольшой, и кредитует он очень мало. И поэтому необходимо сейчас, чтобы государство в эти региональные банки развития сделало инъекции капитала с тем, чтобы они могли больше кредитовать, больше давать с тем, чтобы таким образом они поддержали переход к новой экономике, и в частности — к зеленой экономике.

И наконец, резюмирую, вот меры, которые мы предлагаем.

1. Это финансовая экспансия и перераспределение доходов.
2. Это улучшение управления счетами капиталов, то есть контроль движения капиталов.
3. Это унитарное налогообложение доходов многонациональных предприятий.
4. И это поддержка зеленого финансирования центральными банками.
5. Мы считаем, что, кроме этого, необходимо разработать правила, которые касались бы суверенного долга, особенно для стран, которые находятся в особенно тяжелом состоянии, в состоянии финансового дистресса. Это предполагает определенные меры по списанию части долгов, иначе невозможно будет реструктурировать этот суверенный долг.

Вот на этом я хотел бы закончить свою презентацию и поблагодарить вас за внимание. Спасибо.

Дынкин: Господин Готчалк, большое спасибо за Ваше полное и профессиональное изложение последнего доклада Комиссии ООН по торговле и развитию. Я приношу свои извинения всем за то, что опоздал, но господин Готчалк все сделал очень вовремя. Потому что сегодня наступает эмбарго на публикацию этого доклада во всем мире. Поэтому мы не публикуем, а обсуждаем, и тем самым ничего не нарушаем.

Я хотел два слова сказать о контексте появления этого доклада. В докладе я нашел такую формулировку — «ремонт социального контракта». И, на мой взгляд, это такая важная констатация. И мы здесь в этой аудитории тоже не раз говорили о том, что социальный контракт, который был подписан в развитой части мира, условно говоря, где-то в середине 60-х годов, себя исчерпал. И это не удивительно, потому что этот контракт был подписан в неглобальном, доцифровом биполярном мире, когда не существовало таких вызовов, как климатические изменения, массовая миграция. И очевидно, что кризис 2008 года, по-видимому, поставил точку в этом долго успешно работавшем социальном контракте.

В чем была его суть... Если говорить коротко, то его суть заключалась в том, что каждое следующее поколение жило лучше родителей. И в этом была его основа. Вот этот кризис 2008 года все это дело поломал. Сегодня много статистики, которая говорит о том, что эта модель больше не работает. И в данном докладе я нашел цифры, которые говорят о том, что глобально доля оплаты труда в ВВП за последние 20 лет упала с почти 60–59,5 до 53%. На мой взгляд, это очевидное свидетельство исчерпания этого старого социального контракта.

Второе обстоятельство — это то, что мы, по-видимому, сегодня живем в преддверии новой мировой рецессии. Американская экономика растет уже почти 43 квартала. Это совершенно невероятная продолжительность экономического роста в послевоенный период. Но сигналы о том, что мы на пороге рецессии, приходят с самых разных направлений, скажем, и Организация экономического сотрудничества и развития, и Мировой банк существенно понизили прогноз темпов роста и на текущий год, и на следующий год. Скажем, Мировой банк понизил этот прогноз больше чем на 10%. Очень много признаков того, что немецкая экономика находится на пороге рецессии. И вот это как бы второе измерение доклада, с которым мы сегодня знакомимся.

На исчерпание социального контракта ответ был достаточно очевидный. Это избрание Трампа, это брексит, это приход таких популистских сил, которые дают достаточно простые ответы на сложные вопросы. Но тем не менее Соединенные Штаты провели, в общем, драматическую ревизию своей внешнеэкономической политики. Если с послевоенного периода суть этой политики заключалась

в минимизации экспортных пошлин с тем, чтобы призвать своих партнеров, контрагентов также минимизировать эти пошлины и вскрыть рынки партнеров, сегодня мы видим совершенно обратный тренд, когда американцы повышают тарифы, когда развернулась совершенно драматическая торговая война между двумя крупнейшими экономиками мира. И с моей точки зрения, опасно то, что, начавшись как тарифная война, она сегодня потихоньку переходит в валютную войну, которая угрожает дестабилизацией мировых финансов.

На мой взгляд, этот доклад очень силен в части диагноза того, что происходит в современной мировой экономике. Рецепты, которые предлагаются, скажем, декарбонизация, содействие развивающимся странам с точки зрения некой либерализации интеллектуальной собственности, патентного права с тем, чтобы, как сказано в докладе, эти страны могли перепрыгнуть тренд высокоуглеродной экономики, на мой взгляд, это все правильно. Я не хочу предварять все вопросы. Первый мой вопрос господину Готчалку. Какие политические силы в мире сегодня, по-вашему, поддерживают тот набор рекомендаций, которые вы нам сегодня изложили? На кого, как вы считаете, политически сегодня в мире можно опереться в реализации этого контракта? Потому что даже страна Бразилия, откуда Вы родом, пошла по треку, который советуют из более северной страны, чем Бразилия... Как бы Вы ответили на этот вопрос? Спасибо.

Готчалк: Спасибо Вам за то, что Вы так хорошо резюмировали главное в нашем докладе. И спасибо за Ваш вопрос. Действительно, это центральный вопрос, откуда получить политическую поддержку тех предложений, которые содержатся в нашем докладе... Я считаю, что соотношение сил, которое существует сейчас, может измениться. Оно не статично, мы живем в быстро меняющемся мире. И политическая конфигурация может измениться, причем даже довольно быстро.

Теперь, что касается Вашего вопроса, несколько подробнее скажу о моей стране, вы спросили о Бразилии. Действительно, она идет в направлении, противоположном тому, что мы предлагаем, и тому, что, я думаю, ожидает международное сообщество. Что я могу сказать... Конечно, это вызывает у меня большое разочарование. В тот период, когда особенно были сильные пожары в районе амазонских лесов, я был там. Меня спрашивали: «Вы видели сами пожары?» Нет, в том месте, где я был, пожаров не было. Но ситуация действительно тяжелейшая. И мне кажется, что вот нынешняя ситуация, вот этот вот популизм, является во

многим результатом того, что сломался тот самый социальный контракт, о котором Вы говорили. Но я надеюсь, что есть шансы, есть возможности изменения политической ситуации с тем, чтобы мы могли продвинуться вперед, с тем, чтобы политические силы, политики нас поддержали в решении этой задачи.

Дынкин: Конечно, я понимаю, что большого оптимизма в Вашем ответе нет. Мы все знаем, что у планеты как бы есть двое легких, парные органы — это амазонские и сибирские леса. И сегодня мы тоже являемся свидетелями невероятно пожара в Сибири. И опасно то, что это такой как бы снежный ком, потому что выброс углекислого газа, выброс пыли — все это предвещает повышение температуры на будущий год. И к сожалению, у нас в стране звучали такие голоса о том, что тушить эти пожары не рентабельно, что, с моей точки зрения, абсолютно возмутительно. Но если посмотреть на политический ландшафт мира, то действительно, пока не видно таких новых восходящих политических движений, кроме вот этой вот довольно странной, с моей точки зрения, девочки из Швеции, которые предлагали бы некие новые рецепты на смену вот этому популизму и изоляционизму. Если вы посмотрите на Францию, то Соцпартия французская практически перестала существовать. Немецкие социал-демократы терпят тяжелые поражения одно за другим. Там есть восходящие силы, зеленые, в Германии, конечно, помимо еще одной, многокоричневой силы. Но у зеленых достаточно узкая повестка, не касающаяся тех очень важных рекомендаций, которые сделаны в докладе ЮНКТАД.

На этом я обрываю свое выступление и прошу всех желающих включиться. У меня есть некоторый список. Первое, я попросил бы взять слово Владимира Юрьевича Саламатова, генерального директора исследовательского центра «Международная торговля и интеграция», заведующего кафедрой «Торговое дело и торговое регулирование» МГИМО МИД РФ и кафедрой «Международная коммерция» РАНХиГС при Президенте РФ, доктора экономических наук, кандидата технических наук, профессора.

Саламатов: Мне очень понравилось, что здесь идет разговор об основании глобальной зеленой экспансии. Через несколько десятилетий может быть катастрофа, если мы не сделаем серьезных усилий. И вы призываете и центральные банки, и государственные банки активно финансировать эти программы. Как специалист в области стандартизации технического регулирования, могу сказать, что международное сообщество предпринимает активные усилия для того, чтобы продвинуться в этой области. В 2012 году АТЭС приняло специальное заявление, декларацию, в которой призва-

ло создать безбарьерную среду, снижать таможенные тарифы для товаров, которые имеют экологическую серьезную составляющую. В 2009 году Европейская комиссия и Совет приняли соответствующую директиву, которая создает специальные преференциальные режимы для компаний, улучшающих экологию как при производстве своей продукции, так и при выпуске экологических товаров.

Но все это натывается на серьезный вопрос. Для того чтобы финансовые ресурсы, вложенные в экологическую программу, были эффективными, необходим широкий обмен, трансферт технологий, необходимо формировать активные цепочки добавленной стоимости. Потому что без этого, без объединения усилий в новых технологиях не сможем достичь существенного прогресса. Наряду с этим, мы видим, вчера член апелляционного органа ВТО Томас Грэхем сообщил, что он подумывает и, скорее всего, уйдет на пенсию. А это приведет к тому, что апелляционный орган ВТО фактически лишится возможности работать. То есть основная идея или одна из оставшихся идей, которая привлекает нас всех к этой организации, перестает функционировать. И на мой взгляд, это очень серьезный такой момент, который можно было бы отметить в докладе как одну из очень серьезных угроз. Потому что деструкция всей многосторонней системы договоренностей по регулированию торговли имеет настолько далеко идущие последствия, что сыграет и на финансовом, и на экологическом рынке. И самое главное, что может привести к невозможности реализации серьезных задач и проблем, которые были поставлены в докладе. Но я думаю, что, в общем, тот диалог, который сегодня идет в Европе о том, чтобы если ВТО начнет или прекратит свою эффективность вообще, то мы создадим в рамках ВТО новый дискуссионный клуб, который будет создавать новые правила, и мы будем их придерживаться — наверное, это один из выходов, которые есть. Но я бы эту проблему международной торговой системы ставил бы на уровень жизнеспособности Организации Объединенных Наций. В противном случае мы будем иметь очень серьезные последствия. Спасибо.

Дынкин: Спасибо большое. Коллеги, у меня довольно длинный список выступающих, поэтому я бы просил укладываться в 5–7 минут. Пожалуйста, Александр Юрьевич Кнобель, директор Центра исследований международной торговли РАНХиГС при Президенте РФ, директор Института международной экономики и финансов Всероссийской академии внешней торговли (ВАВТ), заведующий лабораторией международной торговли Института экономической политики им. Е. Гайдара, кандидат экономических наук.

Кнобель: Действительно, доклад в некотором роде новаторский, именно в том числе потому, что указывает на проблематику устойчивого развития и в особенности — проблемы зеленого роста. Я обратил внимание, что этот доклад высвечивает те серьезные проблемы или, скажем так, те серьезные вызовы, с которыми сталкивается мировая экономика, мировая торговая экономическая система. В частности, в докладе и в самом тексте, и в презентации было отмечено, что темпы экономического роста в мире снижаются. Но так же было отмечено, что группа развивающихся стран в XXI веке растет темпами существенно выше, чем группа развитых стран. Это подтверждает теорию догоняющего развития, до этого мы такого не наблюдали. То есть в послевоенный период в общем-то развитые страны росли не медленнее, чем развивающиеся, если рассматривать это в совокупности.

Это, собственно, привело к тому, что, если, скажем, в конце 80-х годов прошлого столетия соотношение валового продукта, производимого развитыми странами и развивающимися было 60 на 40%, то сейчас эта ситуация как раз зеркально поменялась и, наоборот, развивающиеся страны производят 60% мирового ВВП. Но, естественно, прежде всего это за счет бурного роста Восточной Азии — Китая и Индии, о чем было хорошо отмечено на презентации.

Кроме того, за последние годы наблюдался рост неравенства в распределении доходов, и это тоже было отмечено в докладе. Причем это неравенство наблюдалось как между собственниками капитала, между межнациональными корпорациями и, собственно, рабочими, так и внутри развитых стран между традиционными отраслями и новыми цифровыми отраслями. И при всем при этом, как господин Дынкин до этого отметил, несмотря на то что вот эти глобальные изменения произошли за последние десятилетия, правила игры, сформированные в 60-х годах, в проекции на торгово-экономическую систему были зафиксированы в середине 90-х годов прошлого века, когда сформировалось ВТО, остались прежними. То есть ситуация — существенно другая, расклад сил — существенно иной, а правила — те же. И в результате вот такой противоречивой ситуации, естественно, накапливаются противоречия, которые выражаются и в поиске странами различных форм скрытого протекционизма, и в формировании сложных межрегиональных торговых соглашений, которые не столько и не только либерализуют рынки взаимные, сколько ограничивают доступ иностранных конкурентов в эти образования. Естественно, проявляется это также в виде тарифных торговых войн, в поиске плюрилатеральных форматов взаимодействия, которые в последнее время несколько поутихли. Ну, вот, скажем, плюрилатеральное соглашение по торговле экологическими товарами активно обсуждалось еще несколько лет назад. Поэтому, действительно, сейчас мы стоим на пороге существенных решений.

Я думаю, что так или иначе события последних лет, которые показывали проблематику и вызовы, с которыми сталкивается мировая торгово-экономическая система, очевидны. Так или иначе передоговариваться о правилах игры нужно. И, на мой взгляд, доклад, который Вы сегодня презентовали, будет играть именно на пользу этой необходимости новой договоренности относительно правил функционирования мировой торговли в условиях современного, меняющегося мира. Спасибо большое за то, что этот доклад презентовали.

Дынкин: Спасибо, Александр Юрьевич. Следующий в списке у меня Дмитрий Евгеньевич Сорокин.

Сорокин: Я тоже присоединяюсь к высокой оценке этого доклада и комментариев, которые были даны. Хотя, конечно, понимаю тревожный контекст этого доклада. Но, честно говоря, возникает вопрос, насколько надежны индикаторы, которые показывают приближение, скажем так, глобального шторма. Потому что я вспоминаю 2007 год, и интересно, какие индикаторы в таком же докладе или в докладах МВФ, Всемирного банка показывали, что через год грянет мировой шторм. Наверное, на нас сейчас все-таки действует та история и мы сейчас любим видеть больше тревожное. Но это одна сторона дела.

И конечно, я разделяю позицию Александра Александровича, поставившего вопрос о том, кто будет реализовывать эти абсолютно новаторские предложения, которые можно только поддерживать. Я сразу вспомнил ответ академика Ивантера на Санкт-Петербургском нашем форуме, когда ему задали вопрос: «Ваши рекомендации для российской экономики Академии наук, их слушают люди, которые принимают решения?» Ивантер ответил: «Нас, конечно, слушают, но не слушаются». Вот здесь, боюсь, то же самое — слушают, но не слушаются.

Но я все-таки хотел бы еще кое-что о российской экономике сказать. Я понимаю, и все мы понимаем неизбежную зависимость любой национальной экономики от состояния мировой экономики. 11 сентября наш председатель правительства, говоря о перспективах экономического роста России, как раз сказал, на первое место поставил, я цитирую: «Очевидно, что на наше развитие влияет ситуация в мировой экономике. Мы видим, что происходит общее замедление темпов роста мировой экономики». Я вот взял статистику разных источников, в том числе источников, которые мы выпускали неоднократно с начала века, — разные цифры, тренд один, я взял усредненные цифры. Пожалуйста, 1930 и 1938 годы, резкое замедление темпов мировой экономики, резкое замедление темпов развитых стран. А Россия в границах СССР или Россия в границах Российской Федерации — резкий рост. И так далее. Оказывается, можно даже в усло-

виях мировой рецессии расти. А 2009 год... Когда вся мировая экономика рушится, а в этот же момент Китай, экспортно ориентированная страна, на 15% с лишним увеличивает внутренний розничный товарооборот и чуть ли не на 9% — ВВП. Конечно, мы зависим, но все-таки главные тренды наши зависят не от темпов роста мировой экономики. Можно от них, как говорится, абстрагироваться. Да, они влияют, но не решающе.

Вот сегодня с утра мы с Александром Шировым слышали доклад академика Филиппова, директора Института энергетических исследований РАН. И он сказал о том, что прогнозируется ими замедление темпов роста производства энергии в нашей стране. И объяснил почему. И одной из важнейших причин назвал то, что у нас идет сворачивание обрабатывающей промышленности. Я задал вопрос: и дальше так? Он пожал плечами. Конечно, если у вас будет сворачиваться обрабатывающая промышленность, что мы и видим сейчас, мы будем говорить о мировой экономике.

В этой связи, конечно, вызывает очень серьезную озабоченность заявления представителей некоторых наших экономических властей. В том же разговоре с премьером, когда зашел разговор об экономическом росте, премьер обратился к министру экономразвития — они отвечают за экономический рост. И тот перечислил, да, для нас надо в первую очередь снижать административные барьеры, вносить предложения по активизации работы инвестиционной и налоговой льготы, а также вовлекать большее количество людей в занятость. Это экстенсивный рост, мы это знаем. И в конце лишь он сказал, что да, конечно, не надо забывать про технологическое развитие. Вообще, указ президента 204-й майский начинается с чего: «В целях осуществления прорывного технологического развития...» «...По развитию искусственного интеллекта», — сказаны дальше слова. Ну да, если мы сделаем, как говорят, железнодорожники, умный рельс, тот, который сейчас лежит, то, извините, эти самые поезда «Сапсан» быстрее не побегут от того, что рельс будет умный. Им требуются другие рельсы. Если мы нынешние станки сделаем интеллектуальными, производительность труда тоже не вырастет. И будем зависеть от мировой экономики. Спасибо.

Дынкин: Спасибо. То есть Вы верите в естественный интеллект, а не в искусственный, я так понял...

Сорокин: Нет, я верю в искусственный, только для него база другая.

Дынкин: Пожалуйста, Александр Александрович Широв.

Широв: Я испытал смешанные чувства, прочитав этот доклад. С одной стороны, я примерно понимаю, как авторы пришли к выводам, которые там, и в том числе к выводам в отношении экономической политики. Но если говорить о том, а мог бы быть такой доклад сейчас опубликован в российской практике, то, я думаю, что, скорее всего, нет, потому что большинство предложений, которые там содержатся, я бы сказал, и экономическими властями, и значительной частью экспертного сообщества воспринимались бы как такие, отчасти даже маргинальные. Почему? Потому что большинство предложений прямо противоречат тому, что мы слышим про нашу экономику. И в этой связи вопрос Александру Александровичу Дынкину по поводу того, а кто же авторы вот этой стратегии. У нас в стране их точно пока нет. То есть там, можно сказать, есть такая партия, но у нас такой партии пока нет.

Понятно, из чего исходят эти предположения. Они исходят из простых оценок. У нас есть цели устойчивого развития. Достижение целей устойчивого развития требует определенных темпов экономического роста. И в докладе довольно подробно показано, что на самом деле достичь этих темпов при текущей конфигурации финансовой, денежно-кредитной политики в развитых и развивающихся странах практически невозможно. Отсюда выступает вот это предложение: давайте-ка мы немножко тут все поменяем. И с этим можно согласиться. Но мне не очень нравится история с тем, что вперед выдвигается термин «зеленая экономика».

Если мы посмотрим на тот набор целей устойчивого развития, который сейчас в мире принят Организацией Объединенных Наций, то климат — это только один из элементов устойчивого развития. Там есть бедность, там есть образование, здравоохранение, другие элементы. И если мы посмотрим, как понимают, в том числе ряд развитых стран, зеленую экономику сейчас, то, на мой взгляд, конфигурация мер экономической политики по достижению целей вот этой самой зеленой экономики может быть деструктивной для развивающихся стран. Определенный конфликт интересов явно присутствует. И вот как его уравновесить, в докладе действительно не сказано. Да, там сказано про то, что нужны новые фискальные меры, нужно увеличивать долю государства и его влияние на экономику. Но тут тоже есть масса вопросов. Например, уже есть общая тенденция: все говорят про то, что текущее налогообложение транснациональных корпораций является недостаточным, что в результате того, что произошло в мировой экономике, значительная часть доходов не доходит до тех людей, которые их должны были получать. Но мне почему-то кажется, что если такая

реформа налогообложения сейчас и возникнет, то инициирована она будет как раз развитыми странами. И основными бенефициарами такой реформы станут развитые страны, прежде всего, Соединенные Штаты, которые испытывают проблемы с финансированием внутренней экономики, с поддержанием уровня жизни среднего класса. И вот опять же — будут ли достигнуты цели устойчивого развития в данной связи, не вполне понятно.

А отсюда все-таки хотелось бы видеть большее понимание того конфликта, который сейчас существует между интересами развитых и развивающихся стран, и те меры экономической политики, которые позволят этот конфликт как минимум смягчить с точки зрения устойчивого экономического развития.

Дынкин: Спасибо, Александр Александрович. Вы знаете, некоторые Ваши мысли созвучны с моими. И я, выступая на Санкт-Петербургском экономическом форуме, дискутируя с директором ЮНЕСКО, говорил о том, что вот эта классическая ооновская формулировка «устойчивое развитие» не вполне отвечает современным реалиям. И в институте мы пытаемся продвигать идею ответственного развития, *responsible development*, которая включает те вопросы, которые Вы упомянули: и образование, и здравоохранение, и ответственность и личности, и семьи, и бизнеса, и государства. За порогом 2030 года вроде бы должны быть реализованы цели устойчивого развития, и я не исключаю того, что наша идея может стать весьма интересным дополнением. Пожалуйста, Руслан Семенович Гринберг.

Гринберг: Спасибо, Александр Александрович, за приглашение. Я только сейчас немножко прочитал этот доклад, и скажу, что, вообще-то говоря, философия мне близка. Но все-таки хочется некоторые такие моменты отметить, которые внушают, скорее, пессимизм, чем оптимизм. Возврат национального государства и протекционизма — это временный феномен или начало устойчивого тренда? Дело в том, что, кажется, мы все находимся в состоянии беспрецедентной непрогнозируемости дальнейшей ситуации, потому что мы видим: отказ от многосторонности, от мультилатерализма в пользу билатерализма начался, и, может быть, это предвещает конец ВТО, отказ от общих правил. А я вообще считаю, что это такая просто полная смута будет: и геополитическая смута, игра без правил и торговля без правил. И, конечно, все это ведет к резкому снижению международного товарооборота и рецессии, о которой говорилось уже. Может быть, гонка девальваций начнется. Я, правда, не очень уверен, что она будет такой долгой и разрушительной, как в 30-е годы. Но все-таки вот эта философия игры в соседа — все продавать и ничего не покупать — тоже может вполне быть реализуемой.

И еще очень важный момент, конечно: как должна вести себя Россия вот в этой ситуации. Похоже, что кончается время устойчивых региональных организаций, ситуативные интеграционные группировки начинают возникать и потом сразу же превращаются в дезинтеграционные. И мне кажется, общая идея доклада, что государство должно принимать более активное участие в хозяйственной активности для того, чтобы противодействовать вызовам, которые стоят, — она мне близка, с одной стороны. Но с другой — мы знаем, какие провалы бывают у государства. И вот я вижу здесь главную проблему. Как старый марксист, главное противоречие эпохи, перед которым мы стоим, это противоречие между свободой человека и его безопасностью. А если мы наблюдаем государственную активность, ничем не ограниченную и никем, когда исполнительная власть решающую роль играет, то, конечно, мы можем получить результаты, противоположные ожидаемым.

И последний пункт, самый важный, вот в брошюре пишется — Джон Мейнард Кейнс писал внучке о том, что будет через 100 лет. Это было практически письмо социалиста, где он говорил, что корыстолюбие уступит место человеколюбию и технический прогресс приведет к тому, что, собственно говоря, люди займутся в свободное время тем, чем они хотят заниматься. И надо сказать, что что-то указывает на то, что это действительно возможно при оптимистическом варианте, если не будет никаких геополитических и климатических катастроф. Потому что, действительно, научно-технический прогресс привел к тому, что можно вполне прокормить 8 миллиардов человек, которые живут на Земле. Но, другое дело, что, может быть, конечно, здесь есть свои трудности.

С другой стороны, вот эти идеи безусловного базового дохода, которые уже тестируются в нескольких странах, может быть, это будет единственный выход. Поскольку мы точно знаем, что многие профессии отомрут, и оптимисты говорят, что, когда многие профессии умирают, появляются новые, это уже было. Вот извозчики стали водителями, и в этот раз может то же самое произойти. Но похоже, что этого не произойдет. И эта идея безусловного базового дохода может реализовываться не только в развитых странах, но и по чисто прагматическим соображениям в странах менее развитых.

Так что, мне кажется, мы находимся, действительно, в таком положении, когда очень трудно предвидеть даже самое ближайшее будущее. И здесь есть одна только надежда, что есть G20. Это двадцатка, которая все-таки еще не дает полностью разрядиться вот этому потенциалу изоляционизма, протекционизма и, как бы сказать, впадения вот в этот самый жесточайший изоляционизм. Спасибо.

Дынкин: Спасибо, Руслан Семенович. Как я понимаю, Вы поддерживаете идею базового дохода. Очевидно, Вы — сторонник четырехдневной рабочей недели... Я прошу Николая Николаевич Калмыкова.

Калмыков: Уважаемые коллеги, спасибо большое за интересный доклад, который вызывал у меня как не у экономиста, а как у социолога много интересных вопросов, может быть, из-за того, что социологов не привлекали к подготовке этого доклада. В нем не учитываются многие изменения в обществе и то, как сейчас трансформируются взаимоотношения внутри общества с учетом как раз нового технологического уклада, с учетом цифровой экономики и так далее.

К сожалению, в докладе не прозвучало слово «ответственность». Коллега уже об этом сказал. Я первым пунктом себе пометку сделал — слово «ответственность», которое вообще отсутствует в этом докладе, к сожалению. Это серьезный вопрос, который у меня вызывает этот документ. Сейчас те заявления, которые мы видим, к сожалению, так же не учитывают проблемы, связанные с заинтересованностью крупных макроигроков, влияющих на экономику абсолютно через политические процессы, через владение экосистемами, где происходит взаимоотношение граждан, акторов, бизнеса и так далее. А это является намного большим активом, чем даже наличие самого капитала.

Сейчас много говорится о вопросах экологии, это очень популярная тема. Недавно буквально, гуляя по парку, встретил, наверное, человек 20, которые собирали петиции на этот счет, по поводу потепления, по поводу экологической безопасности и так далее. Но, к сожалению, нигде не указывается ответственность опять же за экологический ущерб, который наносится в том числе при развязывании различных военных операций иностранными государствами на территории третьих стран. Кто должен отвечать за восстановление экологической безопасности и решать эти вопросы, не сказано. Это является очень большой проблемой, потому что настоящая экологическая катастрофа сейчас у нас в арабских странах, и не только там.

Вопросы, связанные со стимулированием спроса... Коллега озвучил, что действительно, не только спрос должен быть, но вопрос, спрос на что? Наверное, нужно говорить не о государственном стимулировании самого спроса, а о корректировке и регулировании, на что этот спрос направлен, а не просто стимулирование потребления товаров массового потребления, которые мы сами не производим зачастую.

Если говорить о вопросах налогообложения по значительному экономическому присутствию, то это, наверное, в пользу богатых и явно не в пользу малых стран, не имеющих серьезного политического, экономического веса.

Наверное, неплохо было бы спросить еще и у жителей, и у граждан этих стран, в данном случае я говорю как социолог. Мне кажется, они будут против. Должны ли мы учитывать мнение граждан? Наверное, да.

Ситуация с унитарной системой налогообложения в связи с рабочими местами тоже вызывает серьезные вопросы по тому же самому принципу: богатые выиграют, бедные могут проиграть. Также, когда мы говорим о различных направлениях, мы не учитываем в данном случае, вот в этом докладе не прозвучало, вопросы, как раз связанные с совместным использованием тех или иных экономических благ и товаров. Каршеринг знаком уже каждому, коливинг и масса других таких же явлений, которые фактически переводят к новой социальной реальности, когда человек, в том числе молодежь, отказывается от владения различными материальными благами, в принципе отказывается, они не являются для них ценностью.

Другая проблема, которая также не озвучена. Сказано про цифровую экономику, про цифровые товары, замечательно. Но не поднимается вопрос обмена цифровых благ на другие цифровые блага, которые не переводятся в эквиваленты денежных средств вообще. То есть виртуальные блага на виртуальные блага, которые невозможно налогооблагать. Эта проблема никак не озвучена сейчас здесь, а также ряд других. Спасибо, коллеги, на этом все.

Дынкин: Спасибо, Николай Николаевич. Вы уверены, что коливинг — это абсолютно новое... Это не коммунальная квартира?

Калмыков: Нет, это не новое. Это абсолютно не новое, но это переход к трендам, которые сейчас развиваются.

Дынкин: Я понимаю. Это то, что называется sharing economy.

Калмыков: Да, абсолютно. Вот мы ее тему сейчас не поднимаем здесь практически.

Дынкин: Пожалуйста, Никита Иванович Масленников.

Масленников: Мне бы хотелось вначале сказать, что доклады ЮНКТАД всегда отличаются ясностью позиций, точностью и изяществом формулировок. И на сей раз, собственно, ожидания читателей оправдались. Александр Александрович меня подвиг к импровизации по поводу контекста, в котором важно понять этот самый доклад. Я думаю, что тут уже посыл сделан в первой фразе. Помните, 75 лет назад в прохладных горах Нью-Гэмпшира... и далее по тексту... Собственно, контекст такой, что система институтов

себя исчерпала и мировое хозяйство на наших глазах, весь глобальный экономический мир стремительно меняет свой облик, двигаясь к новой структуре. Какой она будет? Как она сложится? Каким образом это все вот происходит? Аналогия такая: в эпоху Великих географических открытий Австралию назвали Terra Australis Incognita, вот примерно так же и сейчас. Куда-то мы идем.

И в этом, повторюсь, контексте любые предложения сегодняшнего дня они содержат в себе очень высокие риски, возрастающие, усиливающиеся — разминуться, разойтись с будущей реальностью. Посмотрите, что происходит у нас в международной торговле. Стремительный рост темпов торговли услугами, опережающий — товарами на основе цифровых платформ и так далее и тому подобное. Торговля алгоритмами решения задач — огромные темпы. Обмен базами данных и так далее, и тому подобное. Распад старых цепей добавленной стоимости, создание новых, появилось новое понятие *minimultinationals*. Вот я бы хотел увидеть в докладе ЮНКТАД вот эти все новые сюжеты, новые реалии, новую субстанцию международной торговли.

Что происходит с финансовыми рынками? Конечно, они оторвались от реальных секторов, естественно. Это все понятно. Глобальный долг — вдвое больше, чем мировой ВВП. Но есть еще и более интересные вещи. На сегодняшний день, благодаря экоплатформам, под напором финтеха и так далее почти 40% финансовых транзакций в мировом хозяйстве проходят мимо участия коммерческих банков. Интересный поворот! И уж тем более это не тот капитализм, не то глобальное хозяйство, которое было в 2008–2009 годах еще, когда объем торгуемых бумаг с отрицательной доходностью, я имею в виду корпоративных и суверенных бондов, составляет примерно треть объема оборота всего торгуемого долга, по минимальным оценкам, 17 триллионов.

О валютной сфере. Недавно Джек Маккарнин на симпозиуме в Джексон-Хоуле сказал примерно следующее: многополярному миру нужна полицентричная валютная система, и давайте-ка вот все центральные банки, ведущие, по крайней мере, подумают, не запустить ли коллективную цифровую валюту? Между тем 40 центральных банков ведут конкретные серьезные оперативные разработки и эксперименты по поводу того, запускать, не запускать национальные криптовалюты. Вот это все — какой-то новый мир. Скажем, тот же самый банк Англии, другие, особенно скандинавы, начинают рассматривать вопрос о том, что в новую цифровую эпоху нужны другие центральные банки. Мы должны снабжать не только наших традиционных клиентов — вообще всех участников рынка, всех институциональных инвесторов. Вот, пожалуйста, один из путей, так сказать, реального финансирования зеленого курса. Но тут надо очень тщательно все взвешивать.

В докладе много говорится, что там, в глубине, неопределенные тенденции в мировом хозяйстве. Все хищники, которые жили в глубинах, они уже у поверхности плавают. Старение населения, которое торпедирует инфляцию, неравенство по всем азимутам, низкая производительность труда, наконец, торможение инвестиций в реальные активы. Сравните две цифры: в прошлом году все страны двадцатки в первом полугодии выросли по инвестициям в основной капитал на 5%, а в этом — только на 1%. Это, кстати, один из признаков того, что мы вползаем в какую-то новую ситуацию.

Возникает, естественно, вопрос, а каким будет the day after? Доклад выдвигает свою версию ответа. Двигаться надо по вектору целей устойчивого развития ООН до 2030 года, потому что других более-менее консенсусных параметров по поводу общих ценностей не существует. Конечно, в реальной экономической жизни очень трудно этим руководствоваться. У меня такая аналогия: это примерно как вот мы в своей нормальной, человеческой ежедневной жизни без запинки никогда не произнесем 10 заповедей. Но тем не менее они для нас тоже очень важны. И бывают вещи, которые действительно поражают. Недавно — это в контексте доклада, кстати, — наша известная компания «Н-плюс» предложила производителям алюминия раскрывать данные о выбросах углерода на Лондонской бирже металла. То есть вы что-то продаете и предлагаете вот этот низкоуглеродный сертификат. И начали. Конечно, не бесспорно, конечно, будет сопротивление. Но это уже, в общем, какая-то такая интересная подвизка в связи с зеленым курсом.

Но маршрут до 2030 года, конечно, будет очень ухабистым. Придется преодолевать вот эту самую новую мировую рецессию, в том числе спровоцированную, конечно, и вот этими хищниками на глубине, и торговой войной, которая, если они более-менее не договорятся, то проценты глобального ВВП в течение 12 месяцев мы потеряем точно по темпам роста. А это практически отбрасывает нас уже в 2008–2009 год. И такая вероятность, на мой взгляд, достаточно высока в конце 2020-го, в середине 2021 года. Причем продолжительность и глубина совершенно трудно предсказуемы.

Но что можно сегодня опять-таки в контексте доклада четко себе представить: любой кризис, особенно глобальный, дает некий толчок перезапуску регулятивных механизмов. Поэтому, когда говорится в докладе о том, что надо делать ставку на государство, я бы его увидел вот в этом самом перезапуске, новой синергии регулятивных мер:

и денежно-кредитной, и финансовой, и фискальной политики, с упором, конечно, на структурную политику. Потому что здесь начинаются и цели устойчивого развития, и вообще новый global governance как некая международная координация в новых координатах. Вот здесь надо внимательно на это все смотреть. Потому что, собственно говоря, марафон длительный, здесь я согласен с авторами доклада, что цели устойчивого развития и зеленый курс — это марафон. Нужен первый этап. И в этом году он совершенно очевиден. Это все-таки перезапуск Всемирной торговой организации. Потому что, если она остановится в декабре, тогда мало всем не покажется.

И один вопрос я все-таки позволю себе в заключение задать. Мне не очень понятно, как сочетаются курс на усиление государственного финансирования зеленого вот этого всего замечательного и в то же время посыл, что предстоит полагаться на ресурсы богатых людей и частных фининститутков. У меня вопрос, а вот эта ставка на государство предполагает, что государство несет ответственность за качество проекта, который оно предлагает некому частному инвестору? Я не против инвестировать в зеленую энергетику, куда угодно. Но кто мне докажет, что это интересный, правильный международно признанный сертифицированный проект? Вот с этим-то как быть? Это, кстати, вот вопрос уже пострецессионной повестки дня.

Дынкин: Спасибо, Никита Иванович. Пожалуйста, Михаил Владимирович Ершов.

Ершов: Очень полезно, на мой взгляд, что выводы в докладе, они немножко нестандартны, они как бы вне мейнстрима, поскольку они расширяют панораму традиционных взглядов и таким образом подсказывают, какие могут быть еще решения в этой непростой ситуации. Посмотрите, вы пишете в вашем докладе, что вот сейчас 10 с лишним лет прошло после последнего финансового кризиса, и экономика остается хрупкой. Совершенно верно. Сегодня прозвучал и в докладе отчасти звучал тезис, что нет четких индикаторов, что мы, в принципе, находимся перед кризисом или нет. Наверное, да. Но вот какие вещи настораживают, когда смотришь на то, что происходит вокруг. Посмотрите, сначала делаются заявления ведущими регуляторами, что политика будет ужесточаться, что ставки не будут снижаться и балансы будут нормализовываться, то есть ликвидность будет сокращаться. А потом мы видим, что ставки начинают снижаться, количественное смягчение остается прежним или даже продолжается, то есть ликвидность остается в экономике. Все меры поддержки, которые были, они скорее усиливаются, чем сокращаются, как было изначально анонсировано. Только за этот год прогноз перспектив роста экономики

трижды, как я вот насчитал, ухудшился. В январе они не знали того, что будет потом, что надо будет трижды ухудшать? ФРС впервые за 10 с лишним лет в этом году дважды, раз за разом, снизил ставки. Даже Трамп написал в своем твиттере, что, да, американцам нужны нулевые или отрицательные ставки. Лично у меня это вызывает, в общем, серьезную настороженность, что происходит нечто серьезное.

Центральные банки продолжают выкупать акции конкретных компаний в нарушение даже каких-то интересов. То есть реально поддерживают фондовый рынок. Это при том что формально экономики растут, индексы повышаются, инфляция минимальная и вроде все хорошо. Это вызывает, на самом деле, очень важные вопросы, которые ставите Вы в Вашем докладе, за что Вам большое спасибо, что таким же образом, если вдруг ситуация будет развиваться по не самому благополучному сценарию, а эта вероятность достаточно высока, будет понятно, как проблему решать. И чем больше будет предложено различных решений, в том числе нестандартных, включая те, которые предлагаются Вами, тем больше у регуляторов будет тогда решений, как к этой проблеме подойти...

Вот, например, 2–3 момента для иллюстрации. Вы пишете, что необходимо серьезно рассмотреть контроль за движением капиталов, за структурой капитала, который движется, и даже более того — на всем маршруте движения от самого начала формирования этого капитала до конечного его получения. Совершенно верно. Но при этом мы смотрим опять на реальный мир. В Соединенных Штатах есть такой комитет по иностранным инвестициям в США, который регулирует приток иностранных инвестиций в американскую экономику. Они ввели в последние месяцы очередные меры по ужесточению контроля за иностранными инвестициями — так, для справки. Комитет носит, казалось бы, сугубо экономический статус. Но в его составе около 10 человек, в числе которых два или три экономических министра, включая ФРС, а остальные семь или восемь — это силовые министры — министр обороны, министр национальной безопасности, министр национальной разведки, ФБР, госсекретарь, генпрокурор, ну и далее. И это экономический, по идее, орган, регулирующий экономические процессы.

И Вы совершенно правильно в Вашем докладе пишете, что такое ужесточение можно было бы попытаться смягчить или избежать его, если были бы правильные, более координационные шаги по взаимодействию всех участников.

Вы пишете опять, и мы все это знаем, что сейчас отмечается 75-летний юбилей создания Бреттон-Вудской системы. Естественно, мы все помним ту основу, которая валютной системе была положена 75 лет назад. Хотел бы еще напомнить,

что скоро, через два года будет 50-летний юбилей более печальной даты — краха этой самой Бреттон-Вудской системы. Хотелось бы, будем надеяться, что когда мы к этой дате два года спустя подойдем, те меры, которые сейчас предпринимаются экспертным сообществом, и регуляторами, и экономикой, и бизнесом на базе здравых решений, которые здесь и в других местах экспертами вырабатываются, все-таки мы будем более готовы к тому, чтобы тот юбилей, такой печальный юбилей, все-таки нами был отмечен с полной готовностью и с положительным пониманием, что мировая экономика стала гораздо более здоровой и имеет гораздо большие перспективы для своего развития. Наша дискуссия сегодня, Ваш доклад, который спровоцировал такую дискуссию, я думаю, будут являться важным шагом в этом направлении.

Дынкин: Спасибо, Михаил Владимирович. Коллеги, список записавшихся накануне нашего круглого стола у меня исчерпан. Два человека просили дополнительное слово. Я думаю, что дискуссия интересная, мы продолжим какое-то время. Я прошу взять слово Алексея Павловича Портанского.

Портанский: В своем коротком выступлении я бы хотел еще раз поднять ту проблему, которой коснулись, по крайней мере, несколько первых дискуссионтов — это состояние правовой базы современной международной торговли. Безусловно, те вызовы, те проблемы, на которых остановился докладчик, имеют большое значение для международной торговли. Но все-таки, на мой взгляд, состояние именно правовой базы, которая сегодня вызывает огромное беспокойство, можно, наверное, поставить на первое место.

В настоящее время без преувеличения можно сказать, что происходит эрозия правовой базы международной торговли. Речь идет о том, что с 1947 года, когда было подписано генеральное соглашение о тарифах и торговле, в течение нескольких десятилетий участники торговли вели сложнейшие переговоры, шли на невозможные компромиссы с тем, чтобы создать правовой пакет, правовую базу ВТО, на основе которой сегодня происходит, напомним, 97% мировой торговли. Сегодня вот эта правовая база находится под угрозой. Впервые за многие десятилетия государство, которое являлось лидером в переговорах по созданию этой базы — Соединенные Штаты, — ставит под сомнение правила и принципы международной торговли. Собственно, это открыто содержалось в докладе Роберта Лайтхайзера, нынешнего USTR, в марте 2018 года этот доклад был распространен среди членов конгресса. И там было четко совершенно сказано, что Соединенные Штаты могут себе позволить нарушить правила международной торговли, то есть

правила ВТО, если они сочтут, что правила противоречат национальным интересам. Собственно говоря, это уже случилось. И те ограничительные меры, которые были установлены в отношении, скажем, Европейского Союза, тарифы на сталь и алюминий, они уже были установлены в нарушение правил ВТО.

Почему? Я поясню. Потому что впервые Соединенные Штаты воспользовались для этого национальным законодательством, а именно законами 1960-1970-х годов для того, чтобы ввести эти тарифы. Но Соединенные Штаты, став членом ВТО в 1994 году, взяли на себя обязательства, и эти обязательства являются выше национальных законов, несмотря на все особенности применения национального международного права в Соединенных Штатах. Вот это было абсолютно явное нарушение. Я здесь не говорю уже о торговой войне с Китаем. Это немножко отдельная тема, и о ней можно очень долго говорить.

Так вот, на сегодняшний день есть соответствующие жалобы в орган по разрешению споров, который сегодня сам сталкивается с серьезными проблемами, об этом сегодня вкратце говорилось. И вот на основе хотя бы этого примера я хочу еще раз подчеркнуть, что эрозия правовой базы в международной торговле, каковой является база ВТО, на сегодняшний день представляет огромную опасность, несет огромные риски для ближайшего будущего. То есть, если действительно дальше этот процесс пойдет таким образом, если Соединенные Штаты продемонстрируют дальнейшие примеры нарушения правил международной торговли, то, соответственно, другие государства могут последовать этому примеру. Что дальше? Дальше это хаос в международной торговле, такой, которого, пожалуй, не было за последние десятилетия, по крайней мере, за весь послевоенный период.

Вот на этом риске, собственно, я хотел сосредоточить свое внимание. И если у докладчика найдется возможность, ответить, изложить свое понимание этой проблемы, я буду благодарен. Спасибо.

Дынкин: Спасибо, Алексей Павлович. Я прошу взять слово Владимира Михайловича Давыдова, пожалуйста.

Давыдов: Я думаю, что у нас есть основания говорить о том, что прослеживается некая генеральная линия к будущей организации мировой экономики, мировой торговли вот в этом докладе. И она увязывается с понятием устойчивого развития. И я согласен с ремарками коллег, это не просто устойчивое развитие, это, как принято сейчас в системе Организации Объединенных Наций, инклюзивное устойчивое развитие. И я согласен с Александром Александровичем, это должно быть ответственное инклюзивное устойчивое развитие.

Да, как говорил Александр Александрович, социальный контракт действительно исчерпал себя. И мы на какой-то опасной грани, потому что адекватной замены не видим. Я думаю, что это связано с тем, что разделены два понятия. Одно понятие — социальный контракт, а другое — социальный инжиниринг. Вот, скажем так, слабость традиционных левых, левоцентристских партий, демократических, широких демократических движений, она связана с тем, что при исчерпании социального контракта нет идеи социального инжиниринга. Хотя здесь можно было бы эту мысль продолжить и говорить о том, что у нас нет идеи экономического инжиниринга в современной системе. Мы на пороге или даже вступили в этот болезненный, переломный, переходный период, связанный с технологической революцией. Но мы не смогли в достаточной степени подготовиться концептуально к этому.

Я думаю, что здесь невольно возникла ремарка, и вот из уст нашего бразильского коллеги относительно того, что произошло в Бразилии. На прошлой неделе я вернулся отсюда. Я разговаривал со многими коллегами, крупными экономистами. И мне хотелось бы добавить некую долю оптимизма в ту ситуацию, которая сложилась. Дело в том, что правый популизм буксует не только в Бразилии. И это закономерно. Я думаю, что, скажем, та политическая система, которая ныне существует в Бразилии, она, слава богу, имеет серьезные тормоза и ограничения. И практика пребывания у власти нового президента свидетельствует о том, что серьезные коррективы с двух сторон вносятся: со стороны военного истеблишмента или военной элиты, которая корректирует президента в том случае, если он слишком радикальные делает действия и шаги. И второе, это парламентаризм, который действует, который ограничивает, который канализирует другие меры, которые назрели в современной Бразилии.

И еще одно. Правый популизм в той форме, в которой он сейчас реализуется в некоторых странах, как сказал Александр Александрович, немного коричневый, да, он имеет серьезные ограничения с точки зрения того, что у него тем более нет идеи социального контракта и социального инжиниринга. В гораздо большей степени, чем у других политических сил. И это, скажем так, позволяет нам рассчитывать на недолговечность этой тенденции. Она не может реализоваться, тем более в том превентивном и вульгарном виде, какой мы сегодня наблюдаем на политической сцене многих стран, не только латиноамериканских. Я думаю, крах режима правоцентристского в Аргентине, по соседству, который оказал очень сильное эмоциональное воздействие на политическую ситуацию в Бразилии, это серьезный аргу-

мент. Серьезным аргументом является и победа левого центриста на президентских выборах в Мексике. Так что на развалинах соцпартии Франции, на развалинах Социал-демократической партии Германии, я перебор допускаю, должны родиться новые конструкции. И я думаю, что это неизбежно.

Дынкин: И завершая нашу дискуссию, я хочу дать слово Ольге Бутуриной.

Бутурина: У меня один короткий вопрос, но до этого я хочу сказать еще огромное спасибо в Вашем лице ЮНКТАД за прекрасную базу данных, которой пользуются экономисты всего мира. И в России это одна из самых прекрасных, понятных, ясных баз статистических данных, откуда можно получить почти всё, что хочет здравомыслящий экономист. Вопрос такой: Вы говорили о списании долгов. Как Вы видите этот механизм, чтобы избежать повторения греческого сценария с заражением или кипрского с попыткой списать часть депозитов? И мы помним, чем все это кончилось... Я напомню коллега, что вливания в греческую экономику составили 150% ВВП. Все три программы помощи — это 300 миллиардов евро. Как Вы предлагаете списывать долги? Спасибо.

Дынкин: Спасибо. Коллеги, я думаю, что было интересно. Мы движемся к концу. Я хочу предоставить слово нашему докладчику господину Готчалку.

Готчалк: Спасибо большое за ваши замечания, комментарии, они дают огромную пищу для размышлений. Я понимаю, что здесь слышались ноты скептицизма. Я хочу сказать, что некоторые вопросы, которые здесь поднимались, затрагивались в наших предыдущих докладах. Например, вопросы, связанные с цифровой экономикой, с новой промышленной революцией, освещены в одном из предыдущих докладов. Я не могу прокомментировать буквально все, что здесь было сказано, все вопросы, которые были заданы. Поэтому я хочу лишь еще раз подтвердить главную мысль, главное направление нашего доклада. Мы активно выступаем за многосторонние подходы, за мультилатерализм, который сейчас, к сожалению, подвергается давлению.

Я убежден, что наши предложения могут быть эффективно реализованы только на основе международной координации. Если этого не будет, то существенных результатов мы достичь не сможем. И что очень важно, это то, что если мы посмотрим исторически, то радикальные меры по преодолению кризисов всегда принимались государством. Так было во время нового курса 30-х годов, государство лидировало. Так было после Второй мировой войны, план Маршалла.

И нам сейчас тоже необходимы радикальные меры. И лидером в инициировании, в осуществлении этих мер не может быть частный сектор. Необходимо, чтобы государство стало лидером, инициатором этих мер. Только оно может решить эту задачу. Стихийно это не получится. За счет лишь частного сектора это не получится.

И хотел бы ответить на самый последний вопрос. Он касается проблемы долга, списания долга, урегулирования долговой проблемы. Мы очень этим обеспокоены. Потому что нынешний, контрактный подход к этой проблеме не работает. Это очень серьезная проблема, серьезный вызов. Проблема долга очень сложна. Нужно разработать международные рамки реструктурирования долга, которые должны отличаться от нынешних, потому что процесс урегулирования долга, который сейчас идет так хаотично, приводит к экономическим и социальным проблемам, которые надо, как минимум, уменьшить. И спасибо вам большое.

Дынкин: Коллеги, я хотел несколько слов сказать в заключение. Очевидно, что если действительно мы стоим на пороге мировой рецессии, то причины ее не обычные. И причины эти не кроются в экономической плоскости. Эти причины все политические. Мы понимаем, что это по политическим мотивам возникла торговая война с Китаем, по политическим мотивам Великобритания переживает период тяжелого, тяжелого хаоса. К этим же политическим причинам я бы отнес блокаду Ирана, я бы отнес 71-й раунд американских санкций против России, 23 раунда европейских санкций. Естественно, политическая корректность ЮНКТАД не позволяет упомянуть эти причины, но как бы в подтексте, на мой взгляд, они абсолютно видны.

Еще один тренд мировой, который тоже мало оптимистичен, это тренд к однополярности. Этот тренд начал не Трамп, он начался раньше. Он начался в начале этого века, когда Соединенные Штаты вышли из договора по противоракетной обороне. Недавно они вышли из договора о ракетах средней и меньшей дальности. И параллельно с этим идет демонтаж всех институтов мировой торговли, включая ВТО, Транстихоокеанское партнерство, Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство и так далее. И в этом, конечно, очень большие вызовы для мировой экономики, и для России в том числе. И конечно, какие-то ответы на эти вопросы мы получим, наверное, через год, в ноябре 2020-го, когда произойдут известные события в Соединенных Штатах. До этого я не убежден, что 10 докладов ЮНКТАД могут как-то изменить эти тренды. К сожалению, такова реальность. Но то, что ЮНКТАД делает абсолютно профессиональную работу, которая помогает нам, это совершенно очевидно. И я Вам искренне признателен и лучшие пожелания Вашим коллегам.

WOULD THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT ECONOMY SAVE THE WORLD?

Presentation of the 2019 Trade and Development Report by UNCTAD, September 25, 2019, House of the Economist, Moscow

СОБЕСЕДНИКИ

*Alexander Alexandrovich Dynkin
Vice-President of the VEO of Russia, President of the National Research Institute for E.M. Primakov World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor*

*Margarita Anatolievna Ratnikova
Vice-President of the VEO of Russia, Director of VEO of Russia, Vice-President, Executive Director of the International Union of Economists*

*Vladimir Stanislavovich Pavinsky
Deputy Director of the UN Information Center in Moscow*

*Ricardo Gottschalk
Leading Economist, UNCTAD*

*Vladimir Yurievich Salamatov
General Director of the International Trade and Integration Research Center, Head of the Trading Business and Trade Regulations Department at MGIMO and the International Commerce Department at RANEPA, Doctor of Economics, Candidate of Technical Sciences, Professor*

*Alexander Yurievich Knobel
Director of the Institute for International Economics and Finance, All-Russian Academy of Foreign Trade, Head of the International Trade Laboratory at the Gaidar Institute of Economic Policy, Candidate of Economics.*

*Dmitry Evgenievich Sorokin
Vice-President of the VEO of Russia, Vice-President of the International Union of Economists, Research Director of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor*

*Alexander Alexandrovich Shirov
Member of the Board of the VEO of Russia, Deputy Director of the Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor*

*Ruslan Semyonovich Grinberg
Vice President of the VEO of Russia, Vice-President of the International Union of Economists, Research Director of the Institute of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor*

*Nikolai Kalmykov
Director of the Experts and Analytical Center, RANEPA*

*Nikita Ivanovich Maslennikov
Leading Expert of the Center for Political Technologies*

*Mikhail Vladimirovich Yershov
Member of the Presidium of the VEO of Russia, Chief Director for Financial Studies of the Energy and Finance Institute, Professor at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Economics.*

*Aleksey Pavlovich Portansky
Professor at the Faculty of World Economy and Global Policy, Higher School of Economics, Candidate of Economics.*

*Vladimir Mikhailovich Davydov
Director of the Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor*

Pavinsky: Good afternoon, dear friends and colleagues. I am glad to warmly welcome you on behalf of the United Nations Office in the Russian Federation and the UN Information Center in Moscow. I must say that our cooperation with the Free Economic Society of Russia and the International Union of Economists has continued for many, many years. Our very close relations can be confirmed by the fact that within these welcoming walls this is the second presentation in this month of the Report by the UN Conference on Trade and Development, UNCTAD. We are pleased that the International Union of Economists is welcoming us, and we are glad that this presentation is taking place here, and that, therefore, our cooperation continues and grows stronger.

As for today's report, I must say that it was first published in 1981 and has been published annually ever since. It is released during regular sessions of the Trade and Development Board of UNCTAD's governing body. The report analyzes current economic trends and key policy issues of international importance as well as recommendations for addressing those issues at various levels.

A storm is about to hit the global economy, and the threat of recession in 2020 is quite real. This not-too-bright prospect is highlighted in UNCTAD's 2019 Trade and Development Report. Flashing lights warn of the dangers of trade-related frictions, currency fluctuations, corporate debt, no-deal Brexit and inverted yield curves. But there is no hint of politicians being ready for the coming storm. The global economy does not serve all people equally. With the current configuration of market policies, regulations and dynamics, and corporate influence, economic gaps are likely to widen. And environmental degradation will intensify, the Report says.

The authors of the Report have proposed a new version of the iconic policy of the Great Depression era on a global scale — the green global new deal, designed to serve as the basis for breaking off completely with the years of budgetary asceticism and stability after the global financial crisis, which will help us to achieve a more equitable distribution of income and reverse decades of environmental degradation. It proposes a series of reforms aimed at ensuring that borrowed finance, capital and banks work for development and are used to finance the new course. I hope, we will hear from UNCTAD's Ricardo Gottschalk, one of the authors of the Report and a leading economist, what those measures are. It is not the first year he comes to Moscow to present the report. We expect, of course, a lively discussion of the presentation and we expect that, naturally, there will be questions for the speaker. And now, I give the floor to the presenter.

Gottschalk: Thank you very much, thank you very much for your opening remarks. I am very pleased to be back in Moscow to present this report. The theme of the 2019 report is the financing of the global green new deal. Three main issues are being considered. The first issue is climate change and how one can help to cope with this problem. The second issue is the fragility of the modern global economy and the proposed measures aimed at making it more inclusive and environmentally sustainable. And finally, the third issue is the growth of inequality, a problem that has been talked about a lot lately.

So, these three main aspects of the global green new deal reproduce, to a large extent, the tasks that have been set by the UN to ensure sustainable development.

And now I would like to dwell on the key points. The first point concerns the instability and fragility of global economic growth. We can say that after the crisis, the world economy has been growing slowly. Moreover, growth rates have been declining in a number of countries, and there is a real danger of a recession. It is in this context that the global economy has been developing. We see unregulated movement of capital, low taxes, and low salaries. All this leads to the fact that in developing countries the economy still largely depends on raw materials and debt. Many of those countries are moving towards a recession. This is complicated by the current tariff conflicts, tariff wars. It leads to a decrease in international trade, and, altogether, to a very fragile state of the world economy with weak demand and insufficient investment. It can be said that the multilateral economic system proved unable to address the situation and, in particular, the trade frictions and debt conflicts.

In this regard, our report contains a number of proposals that are aimed at solving those problems. They are associated, in particular, with fiscal expansion, redistribution of income, measures to solve the debt problem and to control the movement of capital so that capital is allocated primarily to productive investments. Steps should also be taken to curb illicit financial flows. We believe that in solving the problems related to the green new deal, state-owned banks should play a huge role. Much is said about it in the report.

If you look at this diagram, you will see that according to our estimates, economic growth is slowing down, both in developing and developed countries. Moreover, the recovery growth after the recession was very slow. Even strong and fast-growing economies such as India or China are currently slowing their growth. And it's a problem, especially in connection with China, since it may result in lower growth rates shifting to other developing countries that are linked to China by global and regional value chains and that are highly dependent on China in terms of imports of Chinese products.

It is in this context of slowing economic growth that we consider the Russian economy. You know better than me that Russia, after

experiencing a severe crisis, especially in 2015, had a recovery growth. But currently the growth rate has been decreasing, all through 2018 and 2019. The reason for this is the volatility of oil prices, weak consumer demand and, I would say, monetary policy which seems to us to be excessively tight, especially in light of the fact that inflation indicators are good. But we see that there is an opportunity (and perhaps it will be used) for Russia to pursue a more active fiscal policy which will help stimulate growth.

So, why has the world economy been in such a fragile state during the entire period after the previous crisis? In part, the answer is as follows: the efforts to ensure a recovery growth of the economy were mainly of a monetaristic nature. First of all, they included the use of interest rates, which became very low, almost zero. And during the post-crisis period, a policy of quantitative easing was pursued. It led to a large increase in the central banks' balance sheet. But this approach, which is still based on monetary policy instruments, has not been very helpful in terms of restoring effective sustainable growth of the global economy.

If you look at the diagram which shows the development of world trade after the crisis, you will see that this is, generally, a flat curve. In 2018, there was a slight increase. But now there is a decrease in global trade, primarily as a result of weak global demand. If you look at the capital flows in the regions, the picture is very unstable, with significant fluctuations. There was a period of negative growth, and there was a slowdown in 2018 and later.

Another long-term trend is a rapid increase in debt, as you can see on these diagrams; the debt was 16 trillion, then became 218 trillion dollars. This debt is mainly private. However, such an increase in debt did not lead to a similar increase in investment and the economy.

And another long-term trend is accumulated debt. If we look at sovereign debt, we see that, basically, there has been a shift from the official, public sector to the private sector. Private sector debt is growing.

In this context we have a number of proposals in several areas. The first area concerns a new macroeconomic framework.

Firstly, we believe it is very important to start solving the problem of debt redistribution in order to combat growing inequality and to increase aggregate demand.

Secondly, we are deeply convinced that it is necessary to increase the share of government funding. This is necessary in order to ensure infrastructural growth, the development of physical infrastructure, economic infrastructure, social infrastructure, green infrastructure — all of that in order to ultimately achieve transformational growth. And within the framework of this new macroeconomic structure, it is very important to ensure a transition to a more progressive taxation policy in order to provide funds for solving the problems and implementing our proposals.

And, finally, we believe it is very important to direct both domestic and foreign funds to productive economic activity, to the real sector of the economy. And it is very important that those activities be internationally

coordinated. It makes no sense to do all this on the scale of one country. What's needed is collective action and international coordination. In order to show that our model is viable in macroeconomic terms, we made calculations for that model. And the calculations showed it is quite possible to increase government funding for the economy, thereby ensuring the growth of the economy and tax revenues without causing any macroeconomic shocks.

In addition to our macroeconomic proposals aimed at a more active role of the government, the report also proposes several specific areas of activity. I will talk about three of them.

In particular, we propose measures aimed at combating illegal financial movements, financial flows that are associated with tax optimization and tax benefits. Currently, the tax regime for transnational corporations is designed in such a way that organizations affiliated with transnational corporations are considered independent entities. Therefore, those entities' income is transferred from countries where taxes are high to countries where taxes are low. And as a result, it is very difficult to ensure a fair tax regime for such business entities.

We propose to abandon this outdated system and move to a unitary tax system that will allow us to levy taxes on transnational corporations globally and then redistribute tax revenues in accordance with a certain formula. It would be advisable if that formula took into account the number of jobs created by such affiliates in the countries where they operate. Furthermore, we believe it is very important to tighten control over capital accounts. This will ensure that foreign capital is allocated to production, and not to profiteering.

Another problem that will be solved in a more effective way if capital controls are strengthened. Currently, we see a redistribution of resources and funds from developing countries to developed countries. According to our estimates, up to \$480 billion in resources and funds is being siphoned off to developed countries on the annual basis. Of course, in particular, it stems from the fact that developing countries have more foreign liabilities than foreign assets. And, accordingly, there's a difference between the profitability of liabilities and assets. We suggest taking steps to change this. Such measures, capital control measures, will also help reduce the available unproductive reserves.

Another area that we consider very important is to ensure a more active role of government-owned banks. Today the situation can be diagnosed as follows: the public sector is, so to speak, in a fiscal straitjacket. And therefore, in order to finance global new courses and the fulfillment of the UN's sustainable development goal, it is necessary to rely, first of all, on private financing. This is how the system works today. We see at least

two problems associated with this situation and this approach. Firstly, those funds will not be sufficient for solving the problems associated with the sustainable development goals, with the green new deal. And secondly, the widespread use of mostly private capital will create problems for the public sector, because the government should still provide certain guarantees, it should subsidize, and so on. And this will create risks for the government.

If we look at the role that government-owned banks are playing now, in most countries the system works as follows. First of all, private banks. Those banks are very important, of course, they lend money to business, they lend money to people and families and provide market loans. But private banks do not, as a rule, engage in long-term financing. In particular, they consider infrastructure financing as too risky. And therefore, it is important to strengthen the role of government-owned banks in filling those gaps. The role of development banks is especially important, because it is for this purpose that they are established. Development banks are very well suited to solving long-term problems, for projects that take a long time to mature. They have the appropriate level of expertise in order to develop, implement and monitor the implementation of such projects. Those are banks that are well suited for solving more complex problems and to induce private banks to become involved in solving these problems.

In addition, it is very important that government-owned banks are able to play a countercyclical role that private banks cannot play. During a crisis, private banks operate on a cyclical basis, rather than on a countercyclical basis. Development banks are able to provide loans, to provide help in difficult times. In addition, we believe central banks can play a more active role in the transition to a new economy, in solving the problems of the green new deal through regulation and the provision of targeted loans. There are regional development banks, whose role should also be increased. They finance infrastructure projects; they finance regional infrastructure projects. We can see examples in various regions, including this one. I mean the Eurasian Economic Union and its Development Bank. It plays a positive role. However, it should be noted that this bank is very small, and it lends very little. And therefore, it is now necessary for the government to inject capital into those regional development banks so that they could lend more, give more, so that they could support the transition to a new economy and, in particular, a green economy.

And finally, I will summarize the measures that we are proposing.

1. Financial expansion and redistribution of income.
2. Improving the management of capital accounts, i.e. strengthening control over the movement of capital.
3. Unitary taxation of the income of multinational corporations.
4. Support for green financing by central banks.
5. We believe that in addition to this, it is necessary to develop regulations concerning sovereign debt, especially for countries that are in especially difficult condition, in a state of financial distress. This implies certain steps aimed at writing off part of their debt; otherwise it will not be possible to restructure their sovereign debt.

This is where I would like to end my presentation and thank you for your attention. Thank you.

Dynkin: Mr. Gottschalk, thank you very much for your complete and professional presentation of the latest report of the UN Commission on Trade and Development. I apologize to everyone for being late, but Mr. Gottschalk did everything exactly on time. Because today an embargo will be placed on the publication of this report around the world. Therefore, we will not be publishing it, but we will discuss it without breaking any rules.

I would like to say a few words about the context of the appearance of this report. In the report, I found these words: “repair of social contract”. And in my opinion, it is a very important statement. Here, in this auditorium, we have repeatedly stated that the social contract that was signed in the developed part of the world somewhere around the mid-60s has expired. And it is not surprising, because that contract was signed in a non-global, pre-digital bipolar world when no such challenges as climate change or mass migration existed. It is obvious that the 2008 crisis, apparently, put an end to that social contract that had been successfully working for a very long time.

Essentially it was... In short, it was that each next generation should live better than its predecessors. That was the foundation it was built upon. The 2008 crisis broke this whole thing. Today, there is a lot of statistics that indicates that the model no longer works. And in this report, I found figures that indicate that globally the percentage of wages in GDP has fallen from almost 60-59.5% to 53% over the past 20 years. In my opinion, it is clear evidence of the expiry of the old social contract.

The second circumstance is that, apparently, we live today in anticipation of a new world recession. The American economy has been growing for almost 43 quarters. This is an absolutely

incredible duration of economic growth for the post-war period. But the signals that we are on the verge of a recession come from many directions; for example, both the Organization for Economic Cooperation and Development and the World Bank have significantly lowered their growth rate forecasts for the current year and the next year. The World Bank, for one, has lowered its forecast by more than 10%. There are many signs that the German economy is on the verge of a recession. And this, as it were, is the second dimension to the report we are familiarizing ourselves with today.

The answer to the expiry of the social contract was quite obvious. It was the election of Trump, and Brexit, and the arrival of populist forces that gave fairly simple answers to complex questions. Nonetheless, the United States has generally made a dramatic revision of its foreign economic policy. If ever since the post-war period that policy essentially consisted in minimizing export duties for encouraging our partners to minimize those duties too and to open up their markets, then today we see a completely opposite trend when the Americans raised tariffs and a dramatic trade war broke out between the world's two largest economies. The way I see it, what started as a tariff war has been slowly turning into a currency war which threatens to destabilize global finances.

In my opinion, this report is very strong in terms of setting a diagnosis of what is happening in the modern world economy. The recipes that are offered, like decarbonization, providing assistance to developing countries by way of liberalization of certain intellectual property and patent laws so that, as the report states, those countries could skip the high-carbon economy trend, are quite good in my opinion. I do not want to get ahead of myself with all the questions. My first question is to Mr. Gottschalk: what political forces do you think support the set of recommendations that you have presented to us in the world today? Who do you think can be politically relied upon in the implementation of this contract in the world today? Because even the country of Brazil, where you come from, has chosen a path on advice from a country to the north of Brazil ... How would you answer this question? Thank you.

Gottschalk: Thank you for summarizing the main points of our report so well. And thanks for your question. Indeed, this is the pivotal question: where to get political support for the proposals contained in our report... I believe that the balance of power that exists now may change. It is not static; we live in a rapidly changing world. The political configuration can change, and quickly.

Now, regarding your question, I'll say a few words about my country, because you mentioned Brazil. Indeed, it is moving in the opposite direction to our proposals and, I think, to the expectations

of the international community. What can I say...? Of course, it makes me very disappointed. I was there at the time of especially strong fires in the Amazon. I was asked if I had seen the fires themselves? No, there were no fires where I was. But the situation was really horrifying. And it seems to me that the current situation, the populism, is largely a result of the social contract you spoke about being broken. But I hope there is a chance, an opportunity for changing the political situation so that we can move forward and get political support for solving this problem.

Dynkin: Of course, I understand your answer is not very optimistic. We all know that the planet, as it were, has two lungs, or paired organs — the Amazon rainforest and the Siberian forests. And today we are also witnessing an incredible fire in Siberia. It's dangerous because everything will snowball, the emission of carbon dioxide, the emission of dust — all of this portends a temperature increase the next year. Unfortunately for our country, there were those who said that putting out those fires was not profitable, which I believe was absolutely outrageous. But, if you look at the global political landscape, in fact you won't see any brand-new political movements, except for that weird girl from Sweden, which would offer new recipes in place of populism and isolationism. If you look at France, the French Socialist Party has virtually ceased to exist. The German Social Democrats are suffering heavy defeats, one after another. The Greens are rising in Germany, in addition to one other, rather brownish, force. But the Greens have a narrow agenda which does not include the important recommendations provided in the UNCTAD report.

КЛИМАТИЧЕСКИЕ РИСКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Процесс принятия климатических документов противоречив, несет с собой и определенные положительные изменения, но мы остановимся именно на той его стороне, которая связана с климатическими рисками и вызовами экономическому развитию. Эти риски можно условно подразделить на две категории. Собственно природно-климатические угрозы жизни и здоровью населения, устойчивому функционированию хозяйственных систем, о которых хорошо известно и написаны горы литературы, включая, конечно, прежде всего доклады ИРСС. А есть вторая категория, о которой говорят мало или вообще не говорят. Это «климатически обусловленные риски» — принятие неэффективных решений в отношении изменения климата и их последствий.

По материалам семинара «Климатические риски экономического роста», организованного Международным союзом экономистов (МСЭ), ВЭО России при поддержке ЮНЕП, Информационного центра ООН в Москве, 19 марта 2019 г.

СОБЕСЕДНИКИ

Борис Николаевич Порфирьев, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН, член Президиума ВЭО России

Александр Александрович Дынкин, вице-президент ВЭО России, Международного союза экономистов, президент ИМЭМО имени Е. М. Примакова РАН, академик РАН

Владимир Валерьевич Кузнецов, директор Информационного центра ООН в Москве

Игорь Алексеевич Башмаков, генеральный директор «Центра энергоэффективности — XXI век»

Леонид Маркович Григорьев, главный советник руководителя Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации, ординарный профессор, научный руководитель департамента мировой экономики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Сергей Анатольевич Рогинко, руководитель Центра экологии и развития Института Европы РАН

Богоявленский Василий Игоревич, член Правления ВЭО России, заместитель директора Института проблем нефти и газа РАН, член-корреспондент РАН, д. т. н.

Семенов Владимир Анатольевич, заведующий лабораторией климатологии Института географии РАН, член-корреспондент РАН, доктор физико-математических наук

3

Порфирьев: За последние более чем 25 лет пройден большой путь, начиная от Рамочной конвенции, через Киотский протокол к нынешнему Парижскому соглашению. Мы видим разные результаты и последствия: большую озабоченность, которая выражается и на международном уровне, и главами государств и даже реальные протесты, которые происходят, скажем, во Франции, в связи с мерами, которые принимаются по решению климатической проблемы.

И в связи с этим я хотел бы остановиться, несмотря на то что этот процесс действительно противоречив и несет с собой и определенные положительные изменения, именно на той его стороне, которая связана с климатическими рисками и вызовами экономическому развитию. Эти риски можно условно подразделить на две категории. Собственно, природно-климатические угрозы жизни и здоровью населения, устойчивому функционированию хозяйственных систем, о которых хорошо известно и написаны горы литературы, включая, конечно, прежде всего доклады IPCC. А есть вторая категория, о которой говорят мало или вообще не говорят. Это то, что я называю «климатически обусловленные риски» — принятие неэффективных решений в отношении изменения климата и их последствий.

Хотелось бы обратить внимание на строчку в преамбуле к Парижскому соглашению. Если не ошибаюсь, это шестая позиция, на которую обычно никто не обращает внимания. Она звучит следующим образом: «Стороны могут страдать не только от изменений климата, но также от воздействия мер, принимаемых в целях реагирования на него». С моей точки зрения, эти риски наиболее существенны, потому что принятие неправильного решения, воздержание от принятия решения и, что не менее опасно, принятие неэффективного решения может привести к последствиям, гораздо более тяжелым, чем то, что мы имеем сегодня в связи с климатическими изменениями, и я постараюсь это в дальнейшем показать. Эти риски второй категории, собственно,

включают в себя действия, связанные как с внутренней, собственной политикой государств в отношении климатических изменений и их последствий для экономики, так и внешние факторы, связанные с климатической политикой других стран (речь идет о фактически центрах принятия решений).

Я уйду от вопроса, который в свое время ставил Герцен: «Кто виноват?» На эту тему прекрасно отвечают наши уважаемые климатологи, географы, специалисты по климату. Я хочу остановиться на вопросе Чернышевского, а именно: «Что делать?»

Что делать с последствиями самих климатических изменений и, главное, действий других государств и международного сообщества по этому поводу? Очевидно, что такой подход означает, во-первых, необходимость принятия неких комплексных решений, которые учитывают место климатических рисков в ряду других глобальных вызовов. Я напомним, что есть 17 целей устойчивого развития ООН, которые, по сути дела, и определяют те самые основные риски и вызовы. Правильно они выделены, неправильно — это другой вопрос, но в целом они сформулированы, и климат там занимает свое место.

кадровые. То есть, нужно сопоставлять цену климатического вопроса с другими проблемами и иметь в виду, во что это все обходится.

Сегодня мы имеем то, что я условно называю позицией климатического мейнстрима. Это совокупность взглядов, которые излагаются и в докладах ИРСС, и в огромном количестве публикаций. Речь идет о парадигме так называемого низкоуглеродного развития или — то же самое — доктрине новой климатической экономики. В чем суть?

Исходное положение заключается в том, что приоритет проблемы климатических изменений над всеми другими бесспорен, сопоставлений практически не бывает, презюмируется сугубо антропогенный характер происхождения этого климата.

МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ГРУППА ЭКСПЕРТОВ ПО ИЗМЕНЕНИЮ КЛИМАТА

(МГЭИК, англ. Intergovernmental Panel on Climate Change, ИРСС) — организация, созданная для оценки рисков влияния техногенных факторов на изменение климата.

Стратегическое решение этой проблемы: «объявлена борьба (или война) с изменением климата» (это выражение буквальное — цитата из международного документа). Главной целью заявляется стабилизация климата, не превышение к 2100 году порога 1,5 градуса (раньше фигурировали 2 градуса) по сравнению с доиндустриальной эпохой. Способ реализации — это переход к новой климатической экономике, на низкоуглеродный путь развития, критерий — темпы перехода, ключевой индикатор — максимальное снижение техногенных выбросов углекислого газа и других парниковых газов и сокращение их абсолютных объемов. Предлагаемый экономический механизм — это главным образом введение цены на упомянутые выбросы, на углерод, прежде всего, в виде так называемого углеродного налога. Это общая схема, на самом деле не все так жестко, но я хотел выделить основные позиции.

Вопрос заключается в следующем: решает ли такой путь, такая стратегия действия две главные проблемы? Первое: обеспечивает ли этот низкоуглеродный путь развития сам по себе решение проблемы стабилизации климата до конца XXI века? (Стабилизация определена через эти 1,5 градуса.) И второе: решает ли это проблему снижения, смягчения рисков для человека, для хозяйства? Потому что главный риск, связанный с климатом, конечно, не в том, изменяется температура или нет, становится ли влажность больше и т. д., — это вопрос условий жизни и условий хозяйствования. Главное, прежде всего, безопасность людей.

По первому вопросу ответ есть, он дан Межправительственной группой экспертов по изменению климата. Есть соответствующие расчеты, смысл которых заключается в том, что снижение выбросов не дает решения проблемы в полном объеме. Необходимо еще поглощение парниковых газов в размере примерно 10 миллиардов тонн в год, а также,

Цели в области устойчивого развития ООН

- ЛИКВИДАЦИЯ НИЩЕТЫ.
- ЛИКВИДАЦИЯ ГОЛОДА.
- ХОРОШЕЕ ЗДОРОВЬЕ И БЛАГОПОЛУЧИЕ.
- КАЧЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.
- ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО.
- ЧИСТАЯ ВОДА И САНИТАРИЯ.
- НЕДОРОГОСТОЯЩАЯ И ЧИСТАЯ ЭНЕРГИЯ.
- ДОСТОЙНАЯ РАБОТА И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ.
- ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ, ИННОВАЦИИ И ИНФРАСТРУКТУРА.
- УМЕНЬШЕНИЕ НЕРАВЕНСТВА.
- УСТОЙЧИВЫЕ ГОРОДА И НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ.
- ОТВЕТСТВЕННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ И ПРОИЗВОДСТВО.
- БОРЬБА С ИЗМЕНЕНИЕМ КЛИМАТА.
- СОХРАНЕНИЕ МОРСКИХ ЭКОСИСТЕМ.
- СОХРАНЕНИЕ ЭКОСИСТЕМ СУШИ.
- МИР, ПРАВОСУДИЕ И ЭФФЕКТИВНЫЕ ИНСТИТУТЫ.
- ПАРТНЕРСТВО В ИНТЕРЕСАХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ.

Во-вторых, учет временного фактора — существуют разные горизонты планирования экономических действий. Мы понимаем, что более-менее эффективные решения могут приниматься на горизонте 10, 15, 20 лет. А вопросы климата — это вопросы многих десятилетий, и учет этих обстоятельств — очень сложное дело, в том числе при моделировании, и это серьезный вызов.

Еще один момент, который нужно учитывать, — реальные возможности, финансовые, научно-технологические,

постольку-поскольку все равно имеют место остаточные риски, необходима адаптация, о которой я буду говорить отдельно.

Что касается проблемы безопасности, если сопоставить основные результаты климатических рисков, то ущерб, который связан с гидрометеорологическими, климатическими бедствиями, если сравнить его с загрязнением атмосферы вредными и опасными веществами, то разница по количеству погибших от бедствий и от загрязнений атмосферы — примерно два порядка, экономический ущерб — порядок в пользу загрязнения. (Это к вопросу о некоторых приоритетах.) Я не хочу из этого делать вывод о том, что климатические и гидрометеорологические бедствия не имеют значения, что с ними не надо работать. Человечество всегда этим занималось, просто надо понизить порядок чисел.

Есть другие данные. Недавно Всемирная организация здравоохранения опубликовала список 10 основных рисков для здоровья людей. На первом месте стоит загрязнение воздуха. Данные на 2018 год — 7 миллионов человек каждый год составляет преждевременная смертность от загрязнения воздуха. Есть и такие данные: если среднегодовой ущерб от климатических воздействий расценивается по долгосрочным прогнозам примерно от 0,2 до 2% мирового валового продукта, то совокупный среднегодовой ущерб от пандемий гриппа, которые происходили только за последнее время многократно (совокупного ущерба, подчеркиваю, — это не только от заболеваемости, а и от смертности, от потерь рабочих часов и так далее), достигает примерно 4% мирового валового продукта. Это данные Всемирного банка.

В связи с этим, когда смотришь на последний прогноз, оценку глобальных рисков в терминах, которые предлагает Всемирный экономический форум (это вероятность и тяжесть последствий), то обращает на себя внимание, что вверху отображаются экстремальные погодные условия и опасные природные явления, чуть ниже — природные бедствия, а загрязнение окружающей среды и связанные с этим бедствия располагаются существенно ниже. Как мы видим, приоритеты иные, и нужно все-таки выстраивать их по тем критериям, которые существуют. И когда говорят, что климатические бедствия — это самое опасное, я с этим не могу согласиться. Это, кстати, очень опасно для решения проблемы климата, потому что если мы ее неправильно будем оценивать, то мы неправильно ее будем решать. Речь идет не о недооценке проблемы климата, а об ее корректной оценке — я на этом хотел бы заострить внимание. Эффективность однолинейной модели, когда просто педалируется только низкоуглеродное развитие как таковое, вызывает, мягко говоря, большие сомнения.

Хотел бы дополнительно обратить внимание на вопрос: а что будет, если следовать этой модели по последнему докладу Межправительственной группы экспертов, который был представлен в 2018 году, в части соблюдения порога 1,5 градуса?

Расчеты, которые мы выполнили в институте, предположив, что эта модель применяется к нам в ее жесткой форме и в мягкой форме (в первом случае речь идет о 70% возобновляемых источников, которые включают только исключительно малые гидро-, солнечные и ветряные источники, а во втором случае мы предположили, что туда еще входят атомные станции), показывают, что до 2045 года потери темпов экономического роста у нас составят примерно четыре десятых процентных пункта в год, накопленные потери — 8% ВВП в жестком варианте, 5% ВВП — в более мягком варианте. С учетом ситуации с экономическим ростом в России этот путь для нас не подойдет.

Что же предлагается, о чем идет речь? Еще раз повторю, что, когда мы говорим об эффективном управлении климатическими рисками, речь должна действительно идти прежде всего о том, что мы эти риски рассматриваем в системе всех других вызовов и рисков. И тогда мы действительно понимаем, как эти проблемы лучше решать, как ими эффективно управлять. Должно быть комплексное решение, целостная климатическая политика, которая не ограничивается выбросами только парниковых газов, а низкоуглеродная стратегия педалирует именно снижение выбросов.

Я все-таки призвал бы обратиться к Парижскому соглашению, которое уравнивает проблему снижения выбросов с проблемой адаптации и с темой поглощения парниковых газов. Мне кажется, это абсолютно правильные, корректные положения, это очень принципиально, особенно для России, учитывая роль лесов, которые являются главным поглотителем, и учитывая проблему адаптации, которая для России в обозримом будущем будет стоять во весь рост, какие бы усилия по снижению выбросов мы ни предпринимали, тем более мы уже на это довольно здорово потратились.

Важный момент — это встраивание, интеграция решения климатических проблем в политику социально-экономического развития, такой подход есть в климатическом мейнстриминге, его специалисты хорошо знают, и, казалось бы, там все правильно сформулировано. Но только на самом деле получается наоборот: не климатическую проблему встраивают в социально-экономическую политику, а социально-экономические проблемы подгоняют под решение климатической проблемы. Говорят: «Вы знаете, если мы это сделаем, то это будет очень хорошо для климата. А если

**ПОЛИТИКА
КЛИМАТИЧЕСКОГО
МЕЙНСТРИММГА —
ДОЛГОВРЕМЕННАЯ
СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ
СТРАНЫ С УЧЕТОМ
ЦЕЛЕЙ БОРЬБЫ
С ИЗМЕНЕНИЕМ
КЛИМАТА**

мы вот это сделаем, то это тоже будет очень хорошо, это будет помогать в решении климатических проблем».

Пирамида должна быть перевернута, лошадь должна быть поставлена впереди, телега сзади. Все-таки в основном борьба с изменением климата должна быть встроена в решение проблем экономического развития — только тогда мы действительно получим эффективное решение. Речь не идет о том, чтобы отодвинуть климатический вопрос, не признавать его, речь идет о поиске эффективных механизмов решения этой проблемы. Это возможно только в рамках стратегии устойчивого социально-экономического развития, прежде всего экономического роста. Если нет экономического роста, то нет и доходов, не на что решать не только климатические, но и другие проблемы, я уже не говорю об обострении социальных проблем.

Прежде чем перейти к заключительной части, касающейся непосредственно России, я бы хотел привести очень яркий, на мой взгляд, пример Китая, которым нам в последние годы приходится довольно плотно заниматься, потому что Китай приводится в пример, и справедливо, как лидер в решении климатических проблем, один из мировых климатических лидеров. Это касается и снижения выбросов парниковых газов, и увеличения генерации и строительства новых возобновляемых мощностей. Это чистая правда, с этим никто не спорит. Штука только заключается в том, что Китай решает не климатические проблемы. Он заявляет, что он решает экологические проблемы, которые действительно остры. Когда 900 тысяч человек в год преждевременно погибают от загрязнения воздуха, когда 40 миллионов мужчин не могут воспроизводить детей, страна начинает серьезно этим заниматься. То, что Китай блестяще использует климатическую политику и климатическую карту, — нет сомнений. Но если мы посмотрим внимательнее, то реально там отдается приоритет прежде всего экологической, а также экономической политике, ведь Китай строит не только установки с возобновляемой энергетикой, он активно строит и атомные станции. По темпам роста атомной энергетики Китай опережает сегодня другие страны. Две новые конструкции атомных реакторов — китайские, и это понятно, потому что Китай озабочен вопросами стратегического значения, которые для нас имеют, мягко говоря, никак не меньшее значение.

Итак, речь идет не о каком-то отрицании, а о правильном понимании места климатической проблемы и правильных подходах к ее решению, потому что вызов действительно очень и очень серьезный.

Решение, как представляется, должно идти по двум взаимосвязанным направлениям. Первое: стимулирование экономического роста на основе модернизации с использованием наилучших доступных ресурсоэффективных технологий, которые — я хочу это подчеркнуть — обеспечивают лучшую производительность, лучшее использование ресурсов с точки зрения снижения издержек и, следовательно, оказываются и экономически более выгодными. По оценкам Минпромторга, спрос на такие технологии у нас — больше триллиона рублей в год.

Отдельно хочу коснуться развития атомной энергетики. Дело не только в климате и не только в экологии. Мы прекрасно понимаем, что это — часть военно-промышленного сектора, и отделяться не может. Кроме того, атомно-промышленный комплекс — это источник новейших технологий, которые крайне необходимы для того, чтобы решать вопросы стратегии нашего научно-технологического развития.

Теперь что касается институциональных мер. Сегодня, когда совершенно справедливо педалируется вопрос энергоэффективности, я хотел бы подчеркнуть, что речь идет, прежде всего, о снижении энергоемкости. Мне кажется, что для реального сектора на первое место должна быть поставлена проблема энергопроизводительности, то есть пирамида опять-таки должна быть перевернута. Первым должен решаться вопрос наращивания производства в расчете на единицу потребления топлива или единицу выброса, если это перевести в термины того, что можно называть карбоноэффективностью. Само по себе снижение эмиссии, как показывает опыт, например, России 90-х годов, мало что дает.

Если посмотреть по карбоноэффективности, то есть производству ВВП на килограмм выброса, в России он снизился с 1,31 доллара в 1990 году до 1,18 в 1998-м. Казалось бы, кризис, казалось бы, снижение выбросов, а на самом деле за счет того, что экономические показатели резко ухудшились, выигрыш был крайне небольшим. И в этом смысле, конечно, показатель карбоноэффективности, с моей точки зрения, должен бы быть положен в основу наших обязательств.

Я напомним, что Китай и Индия взяли на себя обязательства в рамках Парижского соглашения по снижению выбросов применительно к расчетной единице прироста ВВП. Соответственно, 65 и 35%. Но мы взяли на себя абсолютные обязательства, по сути дела, не связав их жестко с нашим экономическим ростом. Да, по всем моделям выходит, что мы точно выполняем эти обязательства по срокам — сомнений нет, но суть заключается в том, что если все-таки темпы экономического роста будут серьезно повышаться, то за пределами 2025–2030 года могут возникнуть проблемы. У нас жесткой привязки нет, поэтому, с моей точки зрения, такую привязку надо обязательно иметь.

Второе направление, по которому нужно действовать — это активная экологическая политика с приоритетом ограничения загрязнения воздуха. Акцент должен быть сделан именно на экологии. Через экологию, через снижение загрязнения опасными и вредными веществами нужно добиваться и снижения тех выбросов, в качестве положительной экстерналии, которые влияют на климат. По расчетам, вклад в парниковый эффект такого рода веществ, которые, кстати, в существенной степени связаны с углеродом (речь идет, конечно, прежде всего о таких веществах, как взвешенные частицы, как метан, который у нас отнесен к загрязняющим веществам), составляет примерно треть. То есть, если мы жестко их ограничим, то сделаем вклад и в решение климатической проблемы.

И конечно, нужно заострить внимание на наилучших доступных технологиях, о которых я уже упоминал. Из 4 триллионов рублей, которые выделяются на национальный проект «Экология», 60% идет на наилучшие доступные технологии. Охватывают они сегодня 29 отраслей промышленности и сельского хозяйства, поэтому это исключительно важный акцент. Есть расчеты, которые выполняло, в частности, Международное энергетическое агентство, показывающие, что благодаря таким технологиям в области энергоэффективности может быть обеспечено до 40% сокращения эмиссии CO₂.

И, естественно, должны быть предприняты институциональные меры: введены жесткие лимиты, нормативы выбросов.

В заключение хочу еще раз подчеркнуть, что, на мой взгляд, для решения очень важной климатической проблемы, которая действительно составляет один из глобальных вызовов, необходимо все-таки поставить телегу и лошадь на свои места: впереди должен идти экономический рост с соблюдением жестких экологических ограничений, и это позволит получить соответствующие ресурсы на решение климатических проблем. Как показывает опыт, такого рода программы действительно дают серьезный мультипликативный эффект.

Низкоуглеродная модель

Башмаков: Мир уже начал переход на низкоуглеродную модель роста. Две основные черты этого перехода: ускорение повышения энергоэффективности и резкий рост безуглеродных источников энергии, а также отставание в этом движении России и угроза ее технологической безопасно-

сти. По сырьевой модели у нас роста уже нет. Здесь была речь о том, что мы потеряем какие-то проценты в случае безуглеродного развития, но пока у нас роста просто нет. Нам нужны новые драйверы. Низкоуглеродные технологии могут быть одним из таких драйверов, и поэтому нужно на это смотреть с точки зрения интересов социально-экономического развития России. Процесс низкоуглеродной трансформации и повышения энергоэффективности происходит постоянно. С 1800 года энергоемкость глобального ВВП снизилась в четыре раза. Вдвое — в период с 1800 до 1975 года, и вдвое уже после этого, то есть темпы кардинально ускорились. Повышение энергоэффективности и темпы экономического роста связаны очень тесно. Чем выше темпы экономического роста, тем у вас динамичнее снижается энергоемкость. Здесь прямая и обратная двусторонняя причинно-следственная связь.

Нет мировой энергетической стратегии

Григорьев: Восторг насчет изменений я разделяю, но существует огромный разрыв между оптимистами среди зеленой профессуры и политиков в Европе и реалиями. Мои друзья-экологи из Германии регулярно сообщают, что в воскресенье летом 95% используемого электричества — из возобновляемых источников, забывая добавить, что в феврале во вторник — все наоборот, а в балансе все еще есть 40% угля. Что значит победное сообщение, что они прекратили использовать каменный уголь? Они сидят на грязном лигните из Бранденбургского бассейна — он же польский уголь. Так что у нас очень много разрывов между оптимистами в заявлениях и в реалиях, и прогнозы на 2040 год пока такие же. У нас нет единой мировой энергетической стратегии, которая увязывала бы решение проблем развития Индии, других стран и, с другой стороны, Африки, в которой более миллиарда населения прибавится, с совершенно неизвестными ресурсами.

Не стоит торопиться

Рогинко: Немножко скажем о ратификации, об инициативе нашего МПР ратифицировать соглашение к конференции в Сантьяго в 2020 году. Вопрос: а почему не в 2021-м? Ведь модальности соглашения еще полностью не согласованы, даже по оценкам WWF, достаточно оптимистичным, они согласованы на 80%. Остаток могут согласовать в Сантьяго, а могут перенести на потом. Вопрос ко всем присутствующим: вы бы подписали кредитный договор, напечатанный на 80%? Ответ понятен. Теперь по условиям участия России в соглашении. В свое время они были озвучены на высшем уровне. Давайте напомним, их два: участие в соглашении всех стран и адекватная оценка поглотительной способности российских лесов. «С участием всех стран» после объявленного выхода Соединенных Штатов, после объявленного выхода Бразилии и отказа Турции от ратификации вопрос ясен.

Вечная мерзлота не вечна

Богоявленский: Я хотел сосредоточиться на Арктическом регионе, поскольку известно, что именно в Арктике делается кухня погоды не только для Евро-Азиатского континента, но и в целом для планеты. Именно здесь происходит максимальное потепление в последние два десятилетия, и если говорить об этом регионе и о других субарктических территориях, в которых у нас примерно две трети площади страны, это районы повышенного риска с точки зрения потепления климата. Если будет потепление, то мы можем потерять, наверное, до трети площади полуострова Ямал. То есть может сильно измениться карта, и сейчас она постоянно меняется. Кое-где лед обнажается прямо у берегов, целые поселки оказываются на краю обрывов, происходит обрушение различных построек. Хочу отметить, что в замечательном в целом документе «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации», так уж сложилось, нет ни одного упоминания о многолетнемерзлых породах и о мерзлоте. Это, конечно, нонсенс. Это наша стратегия, а о существовании мерзлоты забыли.

Сезонный лёд в Арктике

Семенов: В климатической системе действительно существует цикличность на масштабах и нескольких десятилетий, и столетних циклов. Но все-таки происходящее антропогенное воздействие, по всей видимости, не даст глобальной и региональной температуре, в том числе в Арктике, в ближайшие десятилетия переломить тенденцию к потеплению, чтобы снова случился некий цикл похолодания. Уже сейчас мы совершенно достоверно знаем, что холодные зимы — это парадоксальным образом следствие потепления в Арктике. При дальнейшем сокращении льдов холодные зимы сменяются еще более, чем обычно, теплыми зимами. Арктический морской лед исчезает стремительным образом. Условно говоря, каждые три квадратных метра греет киловаттная плитка. Все это греет атмосферу, изменяет циркуляцию. Значительная часть моделей показывает, что уже к 2040 году арктический ледяной покров может стать сезонным, то есть на наших глазах существенно меняется климатическая система, и меняется качественным образом.

Избавиться от выбросов до 2050 г.

Кузнецов: Климатическая политика и меры по смягчению антропогенного воздействия на климат, прежде всего по сокращению выбросов парниковых газов, должны учитывать как неоднозначность последствий изменения климата, так и императивы экономического роста. По мнению Генерального секретаря ООН, нет более сложного вызова для мира сегодня и завтра, чем борьба с изменением климата. Угроза надвигается по четкой траектории: температура становится выше, темпы роста все быстрее, а последствия серьезнее. Совсем недавнее исследование продемонстрировало, что температура океана растет на 40% быстрее, чем предсказывали ведущие ученые мира всего пять лет назад. Антонио Гутерриш в своих предположениях исходит из того, что в течение десятилетия мы должны преобразовать нашу экономику в беспрецедентных масштабах для того, чтобы ограничить рост температуры до 1,5 градусов. К 2020 году в соответствии с Парижским соглашением государства-члены должны оценить достигнутый прогресс и принять новые обязательства, а к 2050-му мы должны полностью избавиться от выбросов газа.

В РАЗВИТИЕ ТЕМЫ

Торговые войны и кризис

Дынкин: Если посмотреть на мировую экономику, то в середине текущего года она побьет абсолютный рекорд — 120 месяцев последовательного позитивного роста, и это несмотря на известные турбулентности, связанные и с китайским фондовым рынком, и с проблемами в Евроне. Если посмотреть на длинные ряды, то за период с 2010 по 2018 год среднемировые темпы роста глобальной экономики составили 3,8%. Это довольно много, хотя и меньше, чем было в предкризисный период с 2001 по 2007 год, когда эти темпы равнялись 4,4%. В связи с таким длительным экономическим ростом, естественно, нарастают прогнозы о том, что вот-вот начнется серьезный кризис или спад.

Известно, что для кризиса нужны два элемента: накопление диспропорции, которая требует некоей фундаментальной коррекции, и триггеры. Что на сегодня есть? Самая очевидная диспропорция существует в Японии. У них государственный долг составляет 250% ВВП. Это, конечно, очень много, но, на мой взгляд, у держателей этого долга отсутствуют ключевые стимулы для того, чтобы одновременно сбросить эти долговые обязательства. Это пример того, когда диспропорция есть, а триггера нет, поэтому ждать кризиса с этой стороны, на мой взгляд, безосновательно. Любопытно, что самый известный в мире прогнозист жестокого кризиса Роберт Далио, который сейчас является основателем хеджевого фонда Bridgewater Associates, в конце прошлого месяца снизил свой прогноз вероятности кризиса в американской экономике с 70 до 35%. Такое драматическое понижение этой вероятности, конечно, говорит, скорее, о «серьезности» этого прогнозиста.

С моей точки зрения, наиболее тревожная вещь — это, конечно, торговые войны, которые сегодня существенно влияют на мировую экономику. Динамика мировой торговли уже ушла ниже роста мирового ВВП, что, в общем, достаточно редкий феномен. В основном это связано с тем, что Трамп, 45-й президент Соединенных Штатов, развернул руль регулирования экономики от открытости, которая раньше рассматривалась как залог американского лидерства. Сегодня открытость рассматривается как угроза, и поэтому мы с вами являемся свидетелями взрыва торговых войн по всем направлениям.

Любопытно, что такой пересмотр американской внешнеэкономической политики отчасти напоминает ту эрозию договорной базы в системе международной безопасности, которая началась еще при предыдущих администрациях — я имею в виду выход Соединенных Штатов из Договора по противоракетной обороне 2002 года. В этом году, 2 августа (круглый стол прошёл 20 марта 2019 г. — Прим. ред.), очевидно, закончит свою жизнь Договор о ракетах средней и малой дальности. Есть такой отчетливый курс на unipolarity (однополярность. — Прим. ред.), на лидирующую и диктующую роль Соединенных Штатов. На мой взгляд, это, конечно, вызывает обоснованную тревогу.

CLIMATE RISKS OF ECONOMIC GROWTH

Based on the materials of the «Climate risks of economic growth» seminar held by the International Union of Economists (IUE) and the VEO of Russia with support from the UNEP, the UN Information Center in Moscow. Moderator: Academician Alexander Dynkin.

Boris Porfiriev

Director of the Institute for Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences; Academician of the Russian Academy of Sciences; Member of the Presidium of the VEO of Russia

We've come a long way over the last 25 years, from the Framework Convention to the Kyoto Protocol to the Paris Agreement which is currently in force. We've seen various results and consequences: a significant concern has been expressed both at the international level and by the heads of states; even actual protests have taken place, for instance, in France in connection with the measures that are being implemented to solve the climate problem.

Despite the fact that the process is really controversial and carries with it certain positive changes, I would like in this connection to consider one of its aspects which is linked to climate risks and economic development challenges. Those risks can be divided into two categories. The first category encompasses those environmental and climate-related threats to the life and health of the population and the sustainable functioning of economic systems that are well known and widely discussed in literature, including, first and foremost, the IPCC reports. Then, there's a second category, which is often downplayed or hushed up. I call it "Climate-related risks" meaning poor decision-making in relation to climate change and its consequences.

for the economy and external factors related to climate policies of foreign countries (the ones considered as centers for decision-making).

I will not be pondering the question Herzen once asked: "Who is to blame?" Our esteemed climatologists, geographers, and climate experts have a pretty good answer. I'd like to examine the question posed by Chernyshevsky: "What is to be done?"

For that matter, what is to be done with the consequences of climate change and, most importantly, the actions of other states and the international community? Obviously, such an approach means, firstly, the need for comprehensive solutions that would call attention to the role

of climate risks against the backdrop of many other global challenges. You might recall the UN has formulated 17 sustainable development goals, which, in essence, define the very basic risks and challenges. Whether or not they are formulated correctly is another matter, but they

I would like to draw your attention to a line contained in the preamble of the Paris Agreement. If I am not mistaken, it's in the sixth paragraph which usually goes unnoticed. It reads as follows: "...Parties may be affected not only by climate change, but also by the impacts of the measures taken in response to it." The way I see it, those risks are the most significant, because making wrong decisions, refraining from making a decision or making a poor decision, which is no less dangerous, can lead to much more dire consequences than what we experience today due to climate change, which I will attempt to show later on. In fact, those second-category risks include actions related to both domestic policies pursued by governments with regard to climate change and its consequences for the economy and external factors related to climate policies of foreign countries (the ones considered as centers for decision-making).

I will not be pondering the question Herzen once asked: "Who is to blame?" Our esteemed climatologists, geographers, and climate experts have a pretty good answer. I'd like to examine the question posed by Chernyshevsky: "What is to be done?"

For that matter, what is to be done with the consequences of climate change and, most importantly, the actions of other states and the international community? Obviously, such an approach means, firstly, the need for comprehensive solutions that would call attention to the role of climate risks against the backdrop of many other global challenges. You might recall the UN has formulated 17 sustainable development goals, which, in essence, define the very basic risks and challenges. Whether or not they are formulated correctly is another matter, but they have been formulated, and climate plays a role there.

UN Sustainable Development Goals

- NO POVERTY.
- ZERO HUNGER.
- GOOD HEALTH AND WELL-BEING.
- QUALITY EDUCATION.
- GENDER EQUALITY.
- CLEAN WATER AND SANITATION.
- AFFORDABLE AND CLEAN ENERGY.
- DECENT WORK AND ECONOMIC GROWTH.
- INDUSTRY, INNOVATION AND INFRASTRUCTURE.
- REDUCED INEQUALITIES.
- SUSTAINABLE CITIES AND COMMUNITIES.
- RESPONSIBLE CONSUMPTION AND PRODUCTION.
- CLIMATE ACTION.
- LIFE BELOW WATER.
- LIFE ON LAND.
- PEACE, JUSTICE AND STRONG INSTITUTIONS.
- PARTNERSHIP FOR THE GOALS.

THE INTERGOVERNMENTAL PANEL ON CLIMATE CHANGE (IPCC)

is an organization established to assess the risks of impact of anthropogenic factors on climate change.

Secondly, we must take the time factor into consideration. There are different planning horizons for economic activities. We understand that decisions can only be planned more or less effectively for 10, 15, or 20 years in advance. In contrast, climate risks may persist for multiple decades, and taking such a long view, even by means of computer simulation, is very complicated, it's a very serious challenge.

There is one more thing that needs to be considered — real financial, scientific, technological, and employment opportunities. That means we need to compare the cost of the climate problem with other problems and keep in mind how much it will set us back.

Today we have what I may tentatively call the climate mainstream position. It's a set of views outlined in the IPCC reports and in a lot of publications. What I mean is the so-called low-carbon development paradigm, or, in other words, the new climate economy doctrine. What does it mean?

The starting point is that the problem of climate change has indisputable priority over all other problems, practically no comparisons are possible, and the purely anthropogenic nature of climate change should be assumed.

A strategic solution to the problem has been found in declaring “a war on climate change” (a literal expression directly quoted from an international document). The main goal is stabilizing climate and keeping the global temperature rise below 1.5 degrees (previously 2 degrees) until the year 2100 compared with the pre-industrial era. Implementation method: transition to a new climate economy, to a low-carbon development path. Implementation criterion: transition rate; key indicator: maximum reduction of technogenic emissions of carbon dioxide and other greenhouse gases, a reduction in their absolute volumes. Proposed economic mechanism: the introduction of carbon fees for the abovementioned carbon emissions, primarily in the form of the so-called carbon tax. It's a general arrangement; in fact, it's not as strict as it sounds, but I wanted to highlight the main points.

The question is: will such a methodology, such an action strategy, solve two main problems? First, will the trajectory of low-carbon development itself provide a solution to the problem of stabilizing climate until the end of the 21st century? (Stabilization means keeping the global temperature rise below the 1.5 degrees). And second, will it solve the problem of reducing, mitigating risks for man, for economy? Because the main risk associated with climate is certainly not whether or not the global temperature will change, or whether or not the humidity will increase, etc. It's a matter of living standards and economic conditions. First and foremost, it's the safety of people.

The first question has an answer, it is given by the Intergovernmental Panel on Climate Change. There are corresponding calculations, the meaning of which is that a reduction of emissions will not solve the entire problem. It is also necessary to absorb greenhouse gases at a rate of approximately 10 billion tons per year, and also, as long as there are

residual risks, adaptation is necessary, which I will discuss separately.

As for the safety problem, considering the main implications of climate risks, the damage associated with hydro-meteorological and climatic disasters, if compared against pollution of air with harmful and hazardous substances, results in fewer deaths than from air pollution by approximately two orders of magnitude, and the economic damage by an order of magnitude. (That's priorities for you). I do not say climatic or hydrometeorological disasters do not matter or should not be dealt with. Humanity has always been dealing with them, we just need to understand the true magnitude of the problem.

There are other data. Recently, WHO (World Health Organization) published a list of 10 major risks to human health. Air pollution comes first. By 2018, 7 million people were dying prematurely each year from air pollution. According to other sources, while the average annual damage from climatic impacts is estimated at about 0.2% to 2% of the global gross domestic product, the cumulative average annual damage from flu pandemics which occurred multiple times in recent years (and I emphasize, cumulative damage, not only caused by morbidity, but also by mortality, loss of working hours, and so on) is nearly 4% of the global gross domestic product according to the World Bank data.

In this regard, when you look at the latest forecast, an assessment of global risks in terms proposed by the World Economic Forum (the likelihood and severity of the consequences), you notice that the top positions are occupied by extreme weather conditions and dangerous natural phenomena with natural disasters positioned just below. Pollution and related disasters are positioned much lower. As we see, the order of priorities is different, and we still need to arrange them according to the existing criteria. And when they say that climatic disasters are the most dangerous, I cannot agree with that. As a matter of fact, it's extremely detrimental to solving the climate problem, because in the event of its incorrect evaluation we will also be solving it incorrectly. This is not about underestimating the climate problem, it's about correctly assessing it. That's the point I would like to draw your attention to. The effectiveness of the one-track model, which puts all emphasis on low-carbon development, is highly questionable, to put it mildly.

Besides, I would like to draw your attention to the following question: what will happen if we follow that model based on the latest IPCC report presented in 2018, where it relates to keeping below the 1.5 degree threshold?

The calculations which we carried out at the institute by considering the application of the model's hard and soft variants (the hard variant implies 70% of renewable sources, which include only small hydro, solar and wind sources, while the soft variant includes nuclear power plants) show that by 2045 the economic growth rate will be declining by four tenths of a percentage point per year, the cumulative loss will be 8% of GDP for the hard variant, and 5% of GDP for the soft variant. Given the situation with economic growth in Russia, it's not the way to go.

What is being proposed? What are we talking about here? Again, when we refer to the effective management of climate risks, what we really mean is that we should consider those risks side by side with all other challenges and risks. Then we would be able to really understand how best to address those problems and how to effectively manage them. There should be a comprehensive solution, a holistic climate policy not limited to greenhouse gas emissions (whereas the low-carbon strategy puts all emphasis on the reduction of emissions).

Still, I urge you to consider the Paris Agreement which puts on an equal footing the problem of reducing emissions, the problem of adaptation, and the issue of greenhouse gases absorption. It seems to me it's absolutely correct, and it's extremely important, especially for Russia, given the role of forests which absorb the most carbon, and given the adaptation problem, a problem which will be of paramount importance for Russia in the foreseeable future, no matter what we do to reduce emissions, the more so as we have already spent a lot of money on it.

An important point is the integration of solutions to climate problems into the socio-economic development policy. Such an approach has been used in the climate mainstream, experts are well aware of it, and it would seem it has been properly formulated. But it's really the other way around: it's not that the climate problem is being integrated into the socio-economic policy, it's rather that socio-economic problems are being tweaked in order to solve the climate problem. They say, "You know, if we do this, it will be very good for the climate. And if we do that, it will also be very good, it will help us solve the climate problems."

The pyramid should be turned upside down, the horse should be put in front of the cart. Still, basically, the war on climate change should be a part of solving the problems of economic development — only then will we really have a good solution. It doesn't mean postponing or denying the climate problem, it means finding effective mechanisms for solving that problem. It is possible only as part of a strategy of sustainable socio-economic development and, first and foremost, economic growth. If there is no economic growth, there are no revenues, no money to solve the climate problem or any other problems, not to mention the exacerbation of social problems.

CLIMATE MAINSTREAM POLICY IS A LONG-TERM STRATEGY FOR THE COUNTRY'S DEVELOPMENT, WHICH INCORPORATES THE GOAL OF FIGHTING CLIMATE CHANGE.

Before moving on to the conclusion, which directly concerns Russia, I would like to mention China which I consider a good example of what we've been dealing with in recent years. China sets an example, and rightly so, as a global leader in addressing climate problems, reducing greenhouse gas emissions, increasing power generation and constructing new renewable energy facilities. It is true, no one questions it. The thing is, it is not the climate problem that China is solving. China says it's solving the environmental problems that are really important. With 900,000 people dying prematurely from air pollution every year, with 40 million males being infertile, the country is bound to start seriously looking into the problem. There is no doubt China has been brilliantly using its climate policy and climate map. But if we take a closer look, we'll see that in fact priority has been mostly given to the environmental and economic policies, because China has not been building only renewable energy power plants, it has also been actively constructing nuclear power plants. In terms of nuclear energy, China is currently ahead of all the other countries. Both of the new designs of nuclear reactors are Chinese, and it's understandable because China has been concerned with issues of strategic importance, which are no less important for Russia, to put it mildly.

So, this is not about some kind of denial but about the correct understanding of the role of the climate problem and the proper approaches to its solution because the challenge is really very, very serious.

The solution seems to be lying in two interrelated areas. First: stimulating economic growth through modernization using the best available resource-efficient technologies which, let me emphasize it, provide better performance, better use of resources in terms of cost reduction and which, therefore, are also more viable economically. According to the Ministry of Industry and Trade estimates, the demand for such technologies is over one trillion rubles a year.

On a separate note, I would like to touch upon nuclear energy development. It's not only a matter of climate and ecology. We are well aware that it's an inseparable part of the military-industrial sector. Besides, the nuclear-industrial complex is the source of leading-edge technologies that are essential for addressing the strategic issues of our scientific and technological development.

Now for the institutional measures. Today, when the question of energy efficiency has rightly come to the fore, I would like to emphasize that, first of all, it's all about reducing energy consumption. I believe the real sector should prioritize the problem of energy productiveness, i.e. the pyramid must be turned upside down again. The most urgent task is one of increasing production per unit volume of fuel used or per unit of

emission volume expressed in terms of what may be called carbon efficiency. In itself, emission reduction does very little as Russia's experience of the 1990s has shown.

As for carbon efficiency, i.e. production of GDP per kilogram of emissions, in Russia it fell from \$1.31 in 1990 to \$1.18 in 1998. It would seem the reduction was due to the crisis, but in fact the result was insignificant because all the economic indicators sharply deteriorated. And in this sense, of course, carbon efficiency should be used as the basis of our commitments.

Let me remind you that China and India have made commitments under the Paris Agreement to reduce emissions per estimated unit growth of GDP. By 65 and 35%, respectively. But Russia has made its commitments in absolute terms without tying them in with our economic growth. Yes, all the models predict we will fulfill those commitments in a timely fashion, no doubt, but the fact is that if the rate of economic growth will be going up fast, we may face certain problems after 2025-2030. We have not established a strong connection between our commitments and economic growth, but I believe we must establish such a connection.

The second area is drafting an active environmental policy to prioritize reduction of air pollution. I believe the emphasis should be placed on environmental protection. Along with environmental protection, along with reducing pollution of air with hazardous and harmful substances, it is also necessary, as a positive externality, to ensure reduction of those emissions that affect the climate. According to calculations, such substances, which, by the way, are substantially carbon-related (of course first of all we are talking about the likes of suspended particles or methane, which is considered a pollutant), account for nearly 30% of the greenhouse effect. It means that by imposing strict limitations on them we will make a strong contribution to the solution of the climate problem.

And, of course, we need to focus on best available technologies, as I have already mentioned. Of the 4 trillion rubles that are allocated to the national project "Ecology", 60% will be allocated to best available technologies. Today they encompass 29 production and agriculture sectors, so focusing on them is extremely important. A number of calculations have been performed, particularly by the International Energy Agency, which show that up to 40% reduction in CO₂ emissions can be achieved through such energy efficiency technologies.

And, of course, institutional measures must be taken: strict limits and emission standards should be introduced.

In conclusion, I would like to emphasize once again that, in my opinion, solving the important climate problem, which really is one of the global challenges, requires properly positioning both the cart and the horse: priority should be given to economic growth subject to stringent environmental limitations, and it will provide adequate resources for solving climate problems. Based on experience, such programs can yield a serious multiplicative effect.

ЧТО НАС ЖДЁТ ЗА ЦИФРОВИЗАЦИЕЙ?

Презентация «Доклада о цифровой экономике 2019»,
(Digital Economy Report 2019) ЮНКТАД, 4 сентября 2019 года

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент Международного
союза экономистов, президент
ВЭО России, директор
Института нового
индустриального развития
имени С. Ю. Витте, д. э. н.,
профессор

**Владимир Валерьевич
Кузнецов**,
директор Информационного
центра ООН в Москве

**Анна Владимировна
Абрамова**,
заведующая кафедрой цифровой
экономики и искусственного
интеллекта МГИМО

**Сергей Александрович
Афонцев**,
заместитель директора,
заведующий отделом
экономической теории ИМЭМО
им Е. М. Примакова РАН, член-
корреспондент РАН, д. э. н.

**Владимир Борисович
Бетелин**,
научный руководитель
Научно-исследовательского
института системных
исследований РАН, академик
РАН, профессор, доктор
физико-математических
наук

**Евгений Александрович
Лифшиц**,
глава агентства
кибербезопасности, член
Экспертного совета при
Комитете Государственной
Думы по информационной
политике, информационным
технологиям и связи

**Дмитрий Николаевич
Мариничев**,
интернет-омбудсмен,
генеральный директор
компании «Радцус Групп»

**Татьяна Викторовна
Ершова**,
директор Национального
центра цифровой экономики
МГУ им. М. В. Ломоносова

**Алиса Егоровна
Конюховская**,
исполнительный директор
Национальной ассоциации
участников рынка
робототехники, член
правления International
Federation of Robotics, вице-
президент Global Robot Cluster

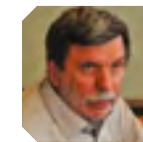
Сергей Юрьевич Малков,
научный руководитель
Центра долгосрочного
прогнозирования
и стратегического
планирования МГУ, д. т. н.,
профессор

**Михаил Владимирович
Ершов**,
член Президиума ВЭО России,
главный директор
Института энергетики
и финансов, профессор
Финансового университета
при Правительстве РФ, д. э. н.

**Иван Владимирович
Данилин**,
заведующий отделом науки
и инноваций ИМЭМО им. Е. М.
Примакова РАН, к. полит. н.

**Георгий Геннадьевич
Малинецкий**,
заведующий отделом
моделирования нелинейных
процессов Института
прикладной математики им.
М. В. Келдыша РАН, профессор

**Дмитрий Евгеньевич
Сорокин**,
вице-президент ВЭО России,
вице-президент
Международного союза
экономистов, научный
руководитель Финансового
университета при
Правительстве РФ, член-
корреспондент РАН, д. э. н.,
профессор

Бодрунов: Уважаемые коллеги, прошу вашего внимания. Сегодня у нас очень большое мероприятие в Вольном экономическом обществе и Международном союзе экономистов — презентация доклада ЮНКТАД, Конференции ООН по торговле и развитию, «Доклада по цифровой экономике 2019». Сегодняшняя презентация организована Информационным центром ООН в Москве, Международным союзом экономистов и Вольным экономическим обществом России.

Доклад о цифровой экономике именно сегодня презентуется во всех мировых столицах. И для нас, конечно, большая честь, что российская презентация проходит здесь, в Доме экономиста, в штаб-квартире Международного союза экономистов и Вольного экономического общества России.

Я рад приветствовать в нашем Доме экономиста, думаю, мы все к этому присоединимся, Олега Геннадьевича Духовницкого, руководителя Федерального агентства связи. Мы приветствуем генерального директора Информационного центра ООН в Москве Владимира Валерьевича Кузнецова, представителя Совета Федерации Федерального Собрания, Сергея Николаевича Рябухина, руководителя одного из ключевых подразделений — Комитета по финансам Совета Федерации. Приветствуем представителей Министерств иностранных дел, академической науки, уважаемых экспертов. Я рад вас всех видеть у нас здесь в Доме экономиста.

Материалы доклада о цифровой экономике, коллеги, безусловно, вызывают большой интерес у экспертного сообщества и широкой мировой общественности ввиду, конечно, актуальности его тематики. Нет сомнения, что цифровизация кардинально меняет рынок труда, пространственное развитие, здравоохранение, образование. Развитие цифровых технологий, безусловно, вносит серьезный, значительный вклад в решение таких проблем, как старение населения, социальное расслоение, экологические проблемы, изменение климата. Эти проблемы обострились в последнее время. И цифровизация — один из инструментов, который позволит многие проблемы здесь решать.

На мероприятиях у нас в Международном союзе экономистов, в Вольном экономическом обществе России мы часто поднимаем темы, связанные с цифровой экономикой, вкладом цифровизации в экономический рост России, ролью в различных сферах человеческой деятельности и т. д. Мы много времени уделили на Московском академическом экономическом форуме проблемам цифровой экономики. Мне кажется, важно, что эта тема вызывает острейшие споры, дискуссии, и в разрешении этих споров и дискуссий большое значение имеет в том числе и презентуемый сегодня доклад.

Пользуясь случаем, я хотел бы сказать, что у нас с ЮНКТАД наладились хорошие, добрые и серьезные деловые отношения. В апреле у нас здесь прошел круглый стол Международного союза экономистов и ЮНКТАД с участием Мукисы Китуи, который является генеральным секретарем ЮНКТАД. Это был первый за 55 лет визит руководителя ЮНКТАД в Москву. Господин Китуи выразил уверенность, что перемены, связанные с внедрением цифровых технологий, приведут к инклюзивному и устойчивому глобальному развитию только в случае консолидированных усилий правительств, частного сектора и гражданского общества, — это то, с чем трудно не согласиться.

Должен отметить также, что у нас происходит сегодня в стране. Россия входит в список перспективных стран по уровню развития цифровой экономики. Согласно рейтингу Всемирного экономического форума, в 2018 году Россия занимала — я приведу такую цифру — 43-е место среди 140 стран и 25-е место по направлению проникновения информационно-коммуникационных технологий. Вообще было отмечено, что это происходит в основном за счет активного использования мобильных телефонов, мобильных средств связи и широкого распространения оптоволоконного интернета.

У нас в стране есть некоторые успехи на пути к этому цифровому будущему. Я думаю, правильно было бы сегодня отметить, что обеспечение такого рода работы, обеспечение внедрения цифровых технологий в экономику, в социальную сферу — это одна из национальных целей развития, которая обозначена президентом Российской Федерации.

Есть страны — лидеры в этом направлении. Есть серьезные успехи в Соединенных Штатах, Китае, Великобритании, Германии, Японии. Но далеко не все страны могут сказать, что они находятся в состоянии перехода к цифровой экономике или широкого внедрения цифровых технологий. Тем более важен сегодняшний доклад, для того чтобы внести вклад в решение этих серьезных проблем.

Уважаемые коллеги, я с большим удовольствием предоставляю слово генеральному директору Информационного центра Организации Объединенных Наций в Москве Владимиру Валерьевичу Кузнецову. Прошу Вас, Владимир Валерьевич.

Кузнецов: Большое спасибо.

Уважаемый Сергей Дмитриевич, уважаемая Маргарита Анатольевна, уважаемые коллеги, друзья, Конференция ООН по торговле и развитию представляет сегодня свою новую публикацию — доклад о цифровой экономике за 2019 год, который содержит информацию о потоках данных и ресурсах мировой цифровой экономики. В документе — об

этом будет говориться более подробно во время презентации — рассказывается о потенциальных выгодах и возможных издержках прогресса, возникающих по мере того, как все большая часть мирового населения получает доступ к сетям, использует их для обмена информацией и осуществления покупок.

Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш подчеркивает в докладе, что без тесного сотрудничества не удастся преодолеть цифровой разрыв, при котором более половины мирового населения имеют лишь ограниченный доступ к интернету или не имеют его вовсе. Для того чтобы цифровая экономика работала на всеобщее благо (это цитата), она должна носить инклюзивный характер.

Правительства играют ключевую роль в формировании цифровой экономики, устанавливая правила игры, включая пересмотр существующих и принятие новых стратегий, законов и регулирующих положений во многих областях. В России, как известно, в 2018 году принята и действует программа «Цифровая экономика». Исходим из того, что будет осуществляться и дальнейшее развитие конкурентоспособного законодательства как одного из важнейших факторов развития производства в цифровой сфере, и оно будет осуществляться в тесном сотрудничестве с международными организациями, включая Организацию Объединенных Наций.

Для нашего информцентра презентация докладов ЮНКТАД является важнейшей формой работы в течение уже многих лет. В этом плане мы опираемся не только на своих коллег в штаб-квартире ЮНКТАД, которые приезжают к нам, но и приглашаем представителей научного независимого экспертного сообщества.

Не секрет, что такие документы, как доклады ЮНКТАД, доклад «Мировое экономическое положение и перспективы Секретариата ООН» и т. д., — все они рассчитаны не на самую широкую публику, а на сравнительно узкое профессиональное сообщество экспертов, ученых, которые, в свою очередь, используют эти материалы в своей работе и способны донести результаты этих докладов и этого обсуждения до более широкой публики. Свою задачу-максимум информцентр видит в том, чтобы сделать деятельность ООН понятной и ясной для большинства людей. В данном случае как раз, опираясь на научное экспертное сообщество, мы продвигаем цели и задачи Организации Объединенных Наций.

И здесь, на этом ответственном просветительском пути, нашими добрыми попутчиками и партнерами уже долгие годы выступают Международный союз экономистов и Вольное экономическое общество России, которое возглавляет Сергей Дмитриевич Бодрунов, которые объеди-

няют крупнейшие экономические умы и России, и даже зарубежья. Это гостеприимные хозяева нашей сегодняшней презентации, за что им особое спасибо.

Думаю, нет нужды говорить о значимости вклада Вольного экономического общества и Международного союза экономистов в представление важнейших ооновских экономических докладов. Сам факт присутствия здесь после курортного периода и затишья выдающихся, крупнейших экспертов и практиков экономической науки наглядно свидетельствует о самом высоком уровне сотрудничества, сложившегося между Организацией Объединенных Наций и Международным союзом экономистов.

Хотел бы еще раз здесь упомянуть о том, о чем говорил уже Сергей Дмитриевич, — о недавнем визите в Россию генерального директора ЮНКТАД Мукисы Китуи, который дал безупречную оценку работе Международного союза экономистов и ВЭО России и выразил надежду на дальнейшее продуктивное взаимодействие по продвижению и реализации целей устойчивого развития ООН и повестки-2030.

Я рад приветствовать сегодня нашего замечательного докладчика — заведующего кафедрой цифровой экономики и искусственного интеллекта группы компаний АДВ, доцента кафедры МЭО МГИМО Анну Владимировну Абрамову, которую рекомендовала штаб-квартира. Но одновременно очень рад видеть здесь и Сергея Александровича Афонцева, который представляет тоже дружественный информационному центру ООН Институт мировой экономики и международных отношений имени Евгения Максимовича Примакова, с которыми мы тоже проводим очень много важных мероприятий. Поэтому мы ожидаем, конечно же, интересных презентаций и оживленной дискуссии по итогам представления доклада.

Благодарю за внимание.

Бодрунов: Уважаемые коллеги, большое спасибо Владимиру Валерьевичу. Я буквально пару слов напомним о регламенте сегодняшнего мероприятия.

Мы работаем два часа по возможности. Презентация доклада ЮНКТАД — 20 минут, Анна Владимировна. Содокладчик Сергей Александрович Афонцев — 20 минут. И, уважаемые коллеги, по возможности, не превышая семь, но до десяти минут в крайнем случае — это те, кто записался в выступления в дискуссии. Если у кого будут какие-то вопросы, коллеги, то можно в письменном виде подавать мне, я озвучу что-нибудь из того, что будет подано, если это будет касаться всех. И вопросы к докладчикам, думаю, мы можем делать по ходу.

Спасибо большое. Приступаем к презентации доклада. Анна Владимировна, прошу Вас.

Абрамова: Я здесь выступаю в двух ипостасях — и как человек, номинированный на презентацию доклада, и как один из его соавторов. Поэтому, естественно, любые комментарии для нас очень интересны. Предваряя саму презентацию доклада, я должна сказать, что, когда мы готовили этот доклад и встречались на площадке ООН с экспертами из различных стран, сама дискуссия вокруг того, как он должен быть структурирован, какие должны быть затронуты аспекты, была очень жаркой. Была выработана единая позиция, отвечающая интересам многостороннего сообщества, но тем не менее некоторые спорные вопросы все равно остались.

Я должна отметить, что доклад по цифровой экономике первый раз выходит именно в таком названии — Digital Economy Report, но он наследует серию докладов, которые выходили каждые два года, — доклады по информационной экономике. То есть, следуя логике развития мировой экономики, доклад стал продолжением и отражает те тенденции, которые сформировались уже за последние два года.

В докладе отражено достаточно большое число очень сложных вопросов. Начинается он с актуальных тенденций в области развития цифровой экономики. В докладе отмечается, что цифровая экономика способствует по всем направлениям достижению целей устойчивого развития. В качестве основных технологий ЮНКТАД выделил расширенный список, он шире того списка, который в своем докладе о развитии цифровой торговли выделяла ВТО. Акцент сделан на тех технологиях, которые так или иначе способствуют тому, что появляются новые массивы данных и идет их трансферт в мировой экономике.

Интересны цифры, что с 1992 года объем информации, который циркулирует в мире, вырос несоизмеримо. Прогнозируется, что к 2020 году в мировой экономике будут циркулировать 150 000 гигабайт информации в секунду. Это значительный рост объемов информации, который ставит новые вызовы перед всем международным сообществом и требует выработки адекватных мер по реагированию на эти вызовы.

Доклад отмечает, что, к сожалению, на сегодняшний день существует диспропорция в развитии цифровой экономики. Совершенно четко выделяются два крупных лидера — это Северная Америка, Соединенные Штаты Америки и в Азии это Китай. Это основные центры. По оценкам ЮНКТАД, на эти две страны приходится до 90% капитализации крупнейших 70 цифровых платформ.

Для сопоставления, ЮНКТАД подсчитала цифры, которые относятся к российской экономике. В этой доле крупнейших 70 мировых платформ две крупнейшие российские — Mail.Ru и «Яндекс» — взяты для оценки, их доля составляла 0,2%. То есть потенциал у России очень большой,

рынок считается одним из наиболее инновационных и технологически развитых, но по уровню капитализации мы все-таки пока еще уступаем. Погоду, в том числе и технологическую, и регуляторную, во многом задают именно два крупнейших центра.

На эти страны — США и Китай — приходится до 75% блокчейна. По тем официальным данным, которые публикуются, до 50% затрат на развитие технологии «интернета вещей» тоже приходится на эти страны. И еще одна технология, которая имеет огромное значение для развития бизнеса, — облачная — более 75%. Это достаточно серьезная диспропорция в развитии цифровой экономики, указывающая на доминирование двух крупнейших экономик.

Отмечается, что цифровое неравенство сохраняется. Эта проблема не новая, она на повестке дня уже больше 20 лет. Более половины населения мира не пользуется сейчас интернетом.

Также в докладе отмечается гендерное неравенство. Акцент делается на том, что чем ниже уровень экономического развития, тем, к сожалению, уровень гендерного неравенства выше. Для развивающихся стран он находится на уровне 16%, для развитых — около 3%.

Один из центральных вопросов доклада — как должна, могла бы учитываться и должна учитываться стоимость, которая формируется в этой сфере. В докладе делается акцент на том, что самой большой ценностью на сегодняшний день, благодаря платформизации, растущему числу операций, которые проводятся через крупнейшие цифровые платформы, и расширяющемуся объему данных, которые циркулируют в мировой экономике, именно производство продукции и инновации становятся тем центральным элементом, который способствует тому, что формируется стоимость цифровой экономики, и она должна каким-то образом, желательно равномерно, распределяться и учитываться в мировой экономике.

В докладе также вводится новое понятие в развитии глобальных цепочек стоимости — «глобальные цепочки стоимости в области формирования данных». И говорится о том, что цифровой интеллект способствует тому, что данные могут эффективно монетизироваться. Что способствует тому, чтобы они эффективно монетизировались? Это в первую очередь все услуги, которые так или иначе могут быть оказаны с помощью крупных цифровых платформ. Крупнейшим рынком на сегодняшний день является интернет-реклама, ее доли значительно возросли, и прогнозируется дальнейший рост. По оценкам, более 60% всех затрат на рекламу как раз будет приходиться именно на онлайн-рекламу.

Важным аспектом является электронная коммерция. Все крупнейшие интернет-площадки становятся именно теми центрами,

которые способствуют тому, чтобы данные были монетизированы. И услуги, которые могут быть предоставлены с помощью IT-технологий и интернета, также ведут к тому, что расширяется поток данных и появляются новые бизнес-модели, которые позволяют их монетизировать.

Отмечается, что цифровизация ведет к тому, что появляются новые возможности по трансформации существующих секторов, существующих моделей бизнеса и индустрий. В принципе, не осталось уже почти ни одной индустрии, которая так или иначе не была затронута цифровизацией. Отмечается, что это имеет место не только в развитых странах, но в то же время и развивающиеся страны по отдельным направлениям активно включаются в данный процесс.

Одной из центральных проблем в цифровой экономике, это отмечается и на сессиях ЮНКТАД в том числе, становится оценка масштабов цифровой экономики и выработка политики в соответствии с этими масштабами. На сегодняшний день необходима коллективная деятельность в части выработки подходов при сборе статистики. Вне доклада я могу сказать, что ЮНКТАД активно проводит эту деятельность и пытается искать новые пути по оценке новых активов, потому что, если традиционные сетевые активы и инфраструктура все-таки поддаются оценке, те новые виды продукции и деятельности, которые появляются в цифровой экономике, сейчас находятся в стадии, скажем так, недооцененной, и требуется поиск новых подходов в дальнейшей оценке.

Сделана попытка оценить масштаб цифровой экономики. Был использован подход узкого определения и более широкого. Согласно узкому определению, глобальная цифровая экономика составляет около 4,5% ВВП. По более широкому определению, ее масштаб составляет до 15% мирового ВВП. Цифры также разнятся, если использовать оба эти подхода для США и Китая.

Для оценки использовался подход, в котором оценивался вклад сектора ИКТ: производство оборудования и услуги, телекоммуникационные, информационные и компьютерные услуги, цифровые услуги, услуги цифровых платформ и в более широком охвате это развитие электронной коммерции, использование ИКТ-технологий бизнесом и масштабы развития индустрии 4.0. Это позволило провести такие оценки. Но даже в рамках существующих статистических подходов можно оценить масштабы развития.

Была проведена оценка масштабов экспорта услуг, которые могут быть поставлены в цифровой форме. Также была проведена оценка по данным международной статистики экспорта ИКТ-услуг, компьютерных и телекоммуникацион-

ных, и также проведена оценка уровня занятости в секторе ИКТ, масштабы изменений за пять лет, за период 2010–2015 годов, то есть по тем данным, которые доступны сейчас для сопоставлений.

Что касается вопроса, связанного с созданием стоимости, ее выявлением и оценкой. Важным аспектом в докладе указывается платформизация. Тема платформизации вообще уже давно обсуждается на площадках ЮНКТАД в связи с электронной коммерцией, но в предыдущих исследованиях акцент ставился именно на масштабах развития электронной коммерции и роли крупных цифровых платформ. Сейчас акцент был перенесен уже на степень влияния цифровых платформ, на то, как развивается цифровая экономика. Выделены были в рамках анализа в том числе семь крупнейших платформ и показаны масштабы их влияния на развитие цифровой экономики.

Отмечается, что в цифровой экономике доля технологий и услуг резко возрастает. И были приведены цифры в сопоставлении с тем, насколько утратили свою роль, она стала менее значимой, сектора, относящиеся к категории добывающих отраслей, те сектора, которые в значительной степени в том числе определяют характер развития экономики развивающихся стран.

Оставаясь в логике роли крупнейших игроков развития цифровой экономики, были проведены сопоставления того, насколько два крупнейших на сегодняшний день технологических центра в цифровой экономике определяют развитие по ключевым технологическим направлениям. Как вы видите, по оценкам ЮНКТАД, до 90% всей индустрии поиска в интернете приходится на Google. Значительную роль в розничных продажах играет Amazon. И отмечается уже не в первом докладе ЮНКТАД, что такие крупные технологические платформы, как Amazon, eBay, играют важную роль в поддержке развития малого и среднего предпринимательства в развивающихся странах. Именно они становятся для предпринимателей тем ключом к доступу на международные рынки. Но вместе с тем, естественно, это несет тоже определенные сложности и ограничения для развивающихся стран.

В докладе отмечены факторы, которые способствовали тому, что цифровая экономика распространяется в таких масштабах, и почему платформы играют такую значимую роль. Выделяются сетевые эффекты, возможность создавать, контролировать и анализировать данные и достаточно высокая стоимость для потребителя в отказе от тех платформ в переходе на другие платформы, поскольку предлагается уже комплексный пакет услуг.

Как платформы достигают такого лидирующего или где-то доминирующего положения? Через слияния и поглоще-

ния с конкурентами, расширение спектра услуг, в том числе расширение цепочки услуг и товаров, которые дополняют друг друга. Традиционно инвестируют в исследования и разработки, причем со стратегическими целями на среднесрочную и долгосрочную перспективу. Это тоже один из важных элементов стратегии таких платформ. Плюс стратегические партнерства в традиционных секторах. В традиционных секторах партнерства сейчас принимают очень широкий охват, как на рынках развитых стран, так и на рынках развивающихся стран — это несет существенный вклад в развитие цифровой экономики.

Цифровые платформы тоже несут в себе определенные риски и вопросы. Один из центральных вопросов при таком уровне концентрации технологий в двух регионах — это концентрация рынков, создание как раз тех самых цепочек добавленной стоимости в области обработки данных, занятость и возможность предоставления работы в удаленном доступе, налогообложение и воздействие на традиционные сектора, которое не всегда бывает позитивным. Здесь в качестве примера влияния глобальных платформ на его развитие ЮНКТАД приводит кейс, связанный с развитием рынка рекламы, и наглядно показывает, насколько данная индустрия изменилась, переформатировалась в условиях цифровой экономики. Это уже реальность, это не прогноз на 2017 год, когда почти уже половина всего рынка рекламы — это реклама онлайн.

Проблемы для развивающихся стран. Одна из центральных проблем для развивающихся стран, это отмечается всегда в дискуссиях в контексте, связанном с выработкой данных, — это то, что развивающиеся страны могут стать исключительно источником этих данных, но упустить всю ту выгоду, которая связана с их анализом и последующим использованием для бизнес-целей. Это проходит красной нитью при обсуждении проблем, связанных с развитием цифровой экономики, на сессиях и в том числе в докладе.

Для развивающихся стран наибольшую выгоду цифровая экономика и платформы несут для микро-, малых и средних предприятий, позволяя им выходить на мировые рынки, поддерживая там, где это возможно, инновационную активность в традиционных секторах и, если это, возможно, способствуя в той или иной степени индустриализации в этих странах.

Но цифровое развитие в развивающихся странах очень неравномерно. Приведены примеры, насколько концентрировано цифровое предпринимательство в странах Африки, в странах Азии и Латинской Америки. Мы видим, что для Азии доминирующими центрами являются Китай и Индия, это тенденция уже достаточно долгосрочная. Для Африки активно расширяется роль Египта, Кении, Нигерии и ЮАР. В Латинской Америке традиционно уже несколько лет такими центрами выступают Бразилия

и Аргентина. Но все равно все-таки даже в регионах развивающегося мира цифровое неравенство и такое неравномерное распределение цифровых активов имеет место.

С какими проблемами сталкиваются предприниматели в развивающихся странах? Одна из главных проблем — это спрос, то есть ограничение спроса. В принципе, по тем исследованиям, которые проводились и для ЕАЭС тоже, мы можем отметить, что это одна из центральных проблем. Недостаточный уровень развития предпринимательских навыков, уровень квалификации рабочей силы. И последняя проблема — это недостаток финансовых средств и для развития инновационной активности, и для развития бизнеса на более поздних стадиях.

Я так понимаю, что я уже исчерпала свой лимит, да?

Завершающим разделом в докладе был вопрос, связанный с выработкой адекватной политики, которая позволила бы развивающимся странам получить максимальную выгоду от цифровой экономики и, соответственно, так или иначе сгладить диспропорции, которые возникают. Более детально, естественно, это отражено в докладе.

Спасибо.

Бодрунов: Спасибо большое, Анна Владимировна, за такую обстоятельную презентацию, которую Вы сделали по данному докладу.

Я хотел бы предоставить слово Сергею Александровичу Афонцеву, заведующему отделом экономической теории Института мировой экономики и международных отношений имени Евгения Максимовича Примакова Российской академии наук, члену-корреспонденту РАН, доктору экономических наук. Прошу Вас, Сергей Александрович, Ваши 20 минут.

Афонцев: Большое спасибо, Сергей Дмитриевич. Большое спасибо, коллеги. Естественно, что я попросил бы загрузить мою презентацию для показа, если это еще, кажется, не сделано.

Я представляю здесь сразу три института. Во-первых, мой родной Институт мировой экономики и международных отношений, где я с недавних пор занимаю должность заместителя директора, это экономический факультет МГУ имени Ломоносова, где я возглавляю кафедру мировой экономики, и МГИМО, где я являюсь профессором кафедры мировых политических процессов. Так что, надеюсь, в какой-то мере то выступление, которое я подготовил, будет отражать результаты работы и общения, обсуждения этих тем с большим количеством специалистов, включая специалистов из Всероссийской академии внешней торговли, где мы последние годы также занимались проектными разработками, посвященными прогнозированию развития мировой экономики.

Моя презентация делится на три проблемных блока. Первый — это видение глобальных трендов так, как они представлены в розданном нам докладе, и так, как видят эти тренды специалисты. Проблемы и парадоксы, связанные с анализом цифровой экономики. Здесь я концентрируюсь как на проблемах, видимых в докладе, так и на ряде других аспектов. И наконец, результаты уже самостоятельных разработок моих коллег и моих в том числе, связанных с оценкой вклада одного из аспектов развития цифровой экономики, а именно — индустрии 4.0, в глобальное экономическое развитие.

Что касается базовых трендов. Базовые тренды Анна Владимировна очень хорошо представила здесь. Цифры растут, скорости увеличиваются, доли секторов и видов деятельности, охваченных цифровыми технологиями, стремятся к 100%. Пожалуй, самая яркая тенденция, которой можно иллюстрировать развитие цифровой экономики, — это доля и объемы мировой торговли услугами, которая либо непосредственно относится к сектору цифровой экономики, либо может быть включена в круг отраслей, затронутых этим сектором, в ближайшем будущем.

Если мы посмотрим на ключевые показатели международной торговли, а именно — показатели торговли услугами, которые могут быть предоставлены в цифровом виде, это *digitally develop services*, и информационно-коммуникационными услугами, мы увидим, что по развитым странам первый показатель уже плотно перевалил за 50%, по второму показателю все группы стран стремительно приближаются к 10%. Причем что интересно и что важно — это действительно отсутствие среди каких-либо групп стран очевидных аутсайдеров. То есть, в принципе, то, что на самом деле относится к ядру торговли цифровыми услугами или, аккуратно скажем, ядру торговли услугами, относящимся к цифровому сектору, в равной мере затрагивает и развитые, и развивающиеся страны. Здесь, конечно, есть проблема, связанная со вкладом Китая, но это отдельная проблема, я бы хотел ее затронуть чуть-чуть позже.

Каковы сопутствующие тренды на фоне этого растущего и торжествующего взлета показателей цифровой экономики? Во-первых, это то, что уже было отмечено, — очень высокая концентрация по отраслям, странам, регионам, компаниям. Растущая доля платформ, которые также выглядят очень концентрированно. И здесь, я думаю, в ближайшее время мы будем свидетелями достаточно интересной дискуссии относительно того, в какой мере эта самая платформизация связана или не связана с концентрацией по странам. Потому что очевидно, когда мы смотрим на китайский рынок цифровой, мы четко видим, что китайские платформы обслуживают его достаточно плотно, и здесь привяз-

ка национального в платформах и национального в корпорациях достаточно четкая. Когда мы говорим о том, кого обслуживают Google или Amazon, здесь страновая принадлежность, если сейчас можно говорить о страновой принадлежности ТНК вообще, страновая принадлежность компаний и страновые границы рынка выглядят достаточно несвязанными между собой переменными.

Дальше два остальных тренда. Это значительный вклад в формирование ВВП и занятости населения стран и выраженный выигрыш по производительности по сравнению со средними показателями по экономике.

Цифры по 2018 году в базе данных по цифровой экономике ЮНКТАД еще не висят, поэтому я использовал показатели 2017-го, если нет 2017-го, то самого последнего доступного года. Мы четко видим, что доля вклада цифрового, в данном случае ICT-сектора в ВВП существенно превышает вклад соответствующего сектора в занятость. Мы четко видим, что это верно, по крайней мере, по занятости, считаемой по головам. Отдельная проблема, что у нас с занятостью, считаемой в человеко-часах. Здесь, к сожалению, у нас со статистикой не все хорошо, но, если считать занятость по головам, производительность этого сектора заметно превышает производительность в среднем по экономике.

Какие проблемы связаны с анализом цифрового сектора? Я не беру проблемы, которые связаны собственно с развитием цифрового сектора, многие из этих проблем были здесь проанализированы: и неравномерность, и лакуны с точки зрения предпосылок развития цифрового сектора в отдельных странах и группах стран — то, что в настоящее время представляет наибольшие проблемы для исследователей, которые занимаются цифровой экономикой.

Во-первых, неопределенность границ самого сектора. Анна Владимировна уже говорила о том, что оценки масштабов этого сектора гуляют больше чем в три раза, в зависимости от того, какую дефиницию мы берем. И, в общем, причины этой проблемы очень хорошо видны, потому что, когда мы пытаемся определить сектор через технологии, на которые он опирается, мы всегда получаем огромный статистический *trouble*.

Может быть, вы помните, в период с 2008 по 2012 год, когда у нас очень модно было развивать нанотехнологии и пытаться подсчитать, в чем же этот сектор заключается, каков объем его выпуска и как на него влияют те или иные новации в области экономической политики, точно так же было совершенно непонятно, каким образом вычленять из всего массива российской экономики именно те виды дея-

тельности и производства, где используются нанотехнологии. Я помню исследования о влиянии присоединения ВТО на сектор нанотехнологий, где коллеги просто взяли отрасли, в которые на протяжении ближайших лет, как они ожидали, будут внедряться нанотехнологии, и просто все эти сектора, целиком весь их выпуск считали за выпуск отрасли нанотехнологий. Понятно, что ничего кроме бурных дискуссий такого рода оценки породить не могли.

В данном случае, поскольку это все-таки международные усилия и проект, который опирался на те методологические разработки отдельных стран, которые уже внедрены в практику, очень хорошие там страновые кейсы по Филиппинам, есть о чем порассуждать и есть что рекомендовать для нашей статистической системы. Здесь, конечно, отчасти эта проблема снята. Но, повторяю, когда оценки гуляют в три раза и больше, есть о чем задуматься.

Второе — это показатели, связанные с различными аспектами деятельности сектора. Что четко видно и по докладу, и по другим исследованиям — это то, что есть показатели выпуска по добавленной стоимости, есть показатели объема продаж, сколько вообще продано, есть показатели масштабов использования — сколько компаний в каких секторах используют (в каких масштабах — мы не знаем) и есть показатели международной торговли. Не надо быть большим пророком, чтобы узнать, какие именно показатели имеют наибольшую статистическую фундированность и по каким показателям можно сделать надежные статистические ряды. Конечно, это торговля, палочка-выручалочка. Торговля всегда проходит через статистику. Соответственно, те ряды, которые я показывал, — это ряды торговли. Если мы посмотрим на данные ЮНКТАД по информационной и цифровой экономике, то там ряд, который доведен сейчас до 2017 года, я надеюсь, он будет после презентации доклада доведен до 2018 года, это ряд по торговле ICT-услугами и DD-услугами.

Но даже здесь есть большая проблема. Казалось бы, торговля, что там думать? И это третья проблема — аппроксимирование фактических показателей потенциальными. Даже если мы посмотрим на левый график и скажем «Ой, как много!», посмотрим на правый график — вроде как нормально, но не очень много. Если мы глянем, что же такое DD-услуги, то DD-услуги определяются как услуги, которые могут быть предоставлены в цифровом виде. Это совершенно не обязательно, что они предоставляются в цифровом виде. Соответственно, те показатели, о которых мы говорили — больше 50% торговли — это некие услуги, финансовые например. Может быть, они в форме электронной и цифровой, а может быть, и нет. В какой конкретно форме эти услуги в настоящее время предоставляются — это тоже вопрос, о котором как минимум надо думать.

Если мы посмотрим данные по сопоставлению показателей торговли отдельных стран, здесь объемы и доля соответствующего вида услуг в совокупной торговле услугами конкретной страны, эти данные тоже есть в базе данных ЮНКТАД, опять-таки до 2017 года, то мы увидим, что здесь, конечно, можно судить о каких-то трендах на уровне страновых групп, развитых и развивающихся стран. Но, например, по Китаю доля торговли ICT-услугами и вообще статистика ICT-услуг в торговле на сайте ЮНКТАД в базе данных отсутствует. Есть Китай — Гонконг, есть Китай — Макао, но Китая там нет.

Следующая проблема — это влияние цифровой экономики на ВВП и производительность. Опять-таки вечная проблема, почему этого влияния нет. Что случилось? Это парадокс Солоу, это созидательное разрушение... Кстати говоря, в докладе тема созидательного разрушения достаточно продуктивно обсуждается.

Мой любимый график, который Анна Владимировна тоже показала. Это правый график, который свидетельствует о том, что, собственно говоря, смотрите, почему не видно явного прорыва, потому что, когда мы развиваем цифровые услуги, разрушается сектор нецифровых услуг. Соответственно, в какой мере это замещение и в какой мере наблюдается ускорение роста — совершенно не очевидно. Пока я, по крайней мере, не видел для ключевых секторов сопоставления прироста и убытков.

Вторая проблема. Это слева. Это известная Smiling Curve, связанная с тем, что по мере цифровизации доли добавленной стоимости перераспределяются от сектора непосредственного производства к препродакшен и постпродакшен. Это дико интересная тема с точки зрения развития индустрии 4.0. Если мы просто рассматриваем индустрию 4.0 как сферу производства, то опять-таки — что мы приобретаем и что мы теряем? Мы можем получать в сфере услуг обслуживание этого на уровне инжиниринга, на уровне реализации — рост добавленной стоимости. Что происходит с добавленной стоимостью в производстве — это отдельная проблема, мы ее чуть-чуть затронули, но только чуть-чуть, я вам немножко покажу.

И наконец, цифровая экономика и занятость. Я здесь останавливаться не буду, чтобы не перерасходовать время. Каких-то четких трендов в поддержку алармистских прогнозов, которых была масса в последнее десятилетие, что вот сейчас какие-то целые профессии отомрут, сейчас какие-то люди просто перестанут получать заработную плату, доходы, все уйдет в цифру, само собой будет решаться, — пока этого нет. И, кажется, не будет. Если мы посмотрим на те исследования, которые были посвящены предшествующим этапам: роботизации, автоматизации и т. д., — там умирали функции, а не профессии.

Я очень люблю исследование Бессона, который показал, что за 60 лет с 1950 года в Соединенных Штатах Америки умерла только одна профессия. Знаете, какая это профессия? Это оператор лифта, который закрывал руками дверцы лифта. Вот когда появились автоматические дверцы, эта профессия умерла. Еще в старых американских фильмах можно видеть, что там люди заходят в гостинице в лифт и такой специальный человек эти двери закрывает. Вот эта профессия умерла. Все остальные живут и торжествуют, только функции поменялись.

И наконец, кейс с цифровизацией, индустрией 4.0. Это то, что мы делали в качестве оценок в рамках экзерсиса стратегического прогнозирования до 2035 года. Но до 2035 года — это совсем гадательные оценки, это то, что укладывалось в общую стратегическую линию, а вот до 2025 года оценки более-менее толковые.

Что мы сделали? Мы взяли виды деятельности в промышленности, которые могут быть затронуты пятью ключевыми технологиями в сфере цифровизации: обработкой информации, 3D-печатью (как коллеги шутят, это единственное, что точно относится к промышленности, все остальное надо по зернам на эту промышленность распределять), искусственным интеллектом, виртуальной реальностью и 5G-связью. Посмотрели виды деятельности, которые к этому относятся. Посмотрели опять-таки наши прикидки по соотношению эффекта создания стоимости и разрушения стоимости, наложили это все, с одной стороны, на текущие тренды, то есть мы посмотрели, какие у нас текущие тренды экономического роста в базовых группах стран и как мы можем спрогнозировать темпы роста в этих странах на будущее. И, соответственно, по сценариям, которые мы в последние три года отработывали с коллегами из Всероссийской академии внешней торговли, попробовали оценить, развитие индустрии 4.0 — какой вклад в рост экономик по группам стран оно реально может внести в зависимости от сценария развития мировой экономики.

Соответственно, у нас было четыре сценария. Базовый — это то, что называется у нас обычно «инерционный», пролонгация трендов. Сценарий повышенной волатильности — это если у нас в ближайшее время будет очередной глобальный кризис. Сценарий ускорения интеграции — это такой сценарий, при котором, предположим, у нас тренды в сфере глобализации и регионализации, которые были характерны до докризисного периода, до 2008 года, вдруг воскреснут, и опять у нас будет Транстихоокеанское партнерство, Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство, ВРЭП наконец-то сдвинется с мертвой точки, зона свободной торговли между Евразийским союзом и ЕЭС опять

будет на повестке дня и т. д. И сценарий нарастания конфликтности — это геополитический кризис.

Мы посмотрели с теми вводными, которые реально можно вытащить из данных, какой будет вклад индустрии 4.0 в совокупные темпы роста по группам стран. Оказалось, что, во-первых, этот вклад не превышает трети процентного пункта. Во-вторых, этот вклад практически одинаков по группам стран, по крайней мере, в длительном периоде. С 2019 по 2025 год там чуть-чуть лидируют все-таки развитые страны, а 2026–2030 — либо они идут ноздря в ноздю, либо при ускорении интеграции больше выигрывают развивающиеся страны. А в случае, если у нас продолжится тренд на нарастание конфликтности, торговые войны и т. д., то вклад индустрии 4.0 в мировой экономической рост будет не так чтобы совсем в пределах статистической погрешности, но сильно меньше, то есть еще меньше, чем те скромные оценки, которые мы насчитали. Это явно не то, что цифровой сектор ожидает от мировой политики.

О чем говорят эти цифры? Во-первых, надо четко сказать, что они очень предварительные, они основаны на тех данных, которые реально можно собрать из того, что сейчас есть. Этого совершенно недостаточно для того, чтобы делать надежные макроэкономические прогнозы. Поэтому надежность статистики — это ключевой приоритет, я думаю, и юнктадовский должен быть, и национальных систем статистики на ближайшие годы.

Второе. Чудес от индустрии 4.0 ждать не следует. То есть она не является той косичкой парика, за которую Мюнхгаузен вытащит сам себя, и мировая экономика сможет преодолеть какой-то кризис или существенно ускориться, даже по группам стран. Но тем не менее все-таки 0,25–0,35% роста мирового ВВП — это большие деньги. И если растущая часть этих денег будет доставаться нам, то это будет справедливо и логично. Это то, над чем нужно работать, и что, с моей точки зрения, имеет смысл учитывать при формулировке политики поддержки цифровой экономики.

Спасибо вам за внимание, коллеги.

Бодрунов: Большое спасибо за Ваш хороший, интересный и содержательный содоклад, Сергей Александрович.

Я думаю, что сейчас мы приступим к обсуждению. И первым хотел бы слово предоставить Владимиру Борисовичу Бетелину. Владимир Борисович Бетелин — научный руководитель Научно-исследовательского института системных исследований Российской академии наук, академик РАН, профессор, доктор физико-математических наук. Владимир Борисович — очень серьезный, один из крупнейших специалистов в этой области у нас в России, да и не только в России, сделал очень серьезный, фундаментальный доклад у нас на Московском академическом экономическом форуме в мае,

который мы проводили совместно с Академией наук. Вам слово. Прошу Вас, Владимир Борисович.

Бетелин: Спасибо. Добрый день, уважаемые коллеги. Собственно название моего доклада вы видите: «Выгодоприобретатели в цифровой экономике».

На самом деле это очень важный вопрос. Реально все говорят по информационным технологиям о триллионах, которые там когда-то появятся, но никто почему-то не говорит, а кто же их получит. Собственно, в документе, к сожалению, тоже этого анализа нет. То есть кто получит эти самые деньги и в каком количестве?

Вот смотрите, по определениям, по документу что бы мне на самом деле хотелось отметить. Первое. «Не имеет определения» написано ровно в преамбуле к этому самому докладу. «Отсутствует понимание этого явления». Я так вкратце говорю о том, что там написано. То есть это какое-то явление, про которое мы, вообще говоря, не понимаем, что это такое. Рабочее определение дают: робототехника, интернет вещей... Там четыре этих факта имеются.

Дальше констатируется: «Нелегко обеспечить справедливое распределение выгод. Есть различные варианты политики, есть несколько простых решений, однако еще меньше апробированных». То есть вообще, понимаете, нет определения, нелегко как-то обеспечить... Есть какие-то решения, которые тоже не апробированы. Тем не менее в конце дается рекомендация руководящим директивным органам развивающихся стран: «Принять к осуществлению в национальной стратегии программы цифрового развития». Как в этих условиях все-таки все это делать — мне лично непонятно.

Дальше, заметьте, тоже очень важный момент: интеграция донорской поддержки, то есть это инвестиции в управление государственными финансами — вот такие интересные вещи.

Так вот я хотел остановиться именно на выгодоприобретателях. Для этого вернемся несколько назад. Есть обзор, и начало цифровой экономики датируется где-то серединой 90-х годов — интернет и все прочее. На самом деле надо сказать, что в этот момент сформировалась некая новая модель производства — это массовое производство дешевых короткоживущих полупроводников. И это очень важный момент. То есть это, грубо говоря, высокотехнологичный ширпотреб. Вот это очень важный момент, массовое производство.

Заметьте, в США, 1998 год — 67 миллиардов — объем продажи полупроводников. Это половина мирового рынка в 132 миллиарда. Вот где денежки-то лежат, понимаете?

2000–2005 год. Глобальное информационное общество. Также с подачи ООН, естественно. Развивающиеся страны

опять, цифровое неравенство... Все те слова, которые сейчас произносятся, во всех документах были.

Но, однако, что интересно. У Комиссии по всемирной информационной инфраструктуре есть большой-большой документ. Кто там? Высшие чиновники ИКТ-компаний. То есть на самом деле реально что говорится? Давайте всем непременно обеспечим доступ. Это что означает? Значит, вложения на самом деле куда? В полупроводники, в радиоэлектронику и все прочее.

Результат. 2018 год, США — 208,9 миллиарда — объем продажи полупроводников. Увеличение в три раза, заметьте.

Россия. Что мы имеем с этого? Не имея ни производства полупроводников, ни радиоэлектроники, а только одни услуги, имеем импортозависимость. Услуги у нас на зарубежной IT-инфраструктуре. Вот, собственно, что мы имеем. И имеем еще интернет-зависимость молодежи, жуткую совершенно интернет-зависимость.

Теперь, что произошло дальше. Дальше очень умные и дальновидные люди обнаружили, что на самом деле массовое производство дешевых полупроводников — это здорово и дает большую выгоду, но еще лучше — массовые дешевые короткоживущие услуги — это реклама, это доставка продуктов — короткоживущие услуги, массовые, дешевые, на основе дешевых массовых цифровых технологий. Вот, собственно, основа. Модель развития та же самая, только для услуг.

Что у нас? Facebook, Google, Amazon и Apple. Вот эта «четверка дьявола», как их именует Скотт Гэллоуэй. Вот Скотт Гэллоуэй, рекомендую очень книжку, я о ней уже говорил. Почему ее нет в этом документе ООН и Гэллоуэя тоже нет? Хотя это американец, который плоть от плоти, который внутри все очень хорошо понимает, сам является профессором Нью-Йоркского университета и ко всему прочему еще сам явился автором и создателем компаний, которые эта самая четверка съела.

Там есть те самые цифры, о которых предыдущий докладчик говорил. Совокупная стоимость этой четверки — 2,8 триллиона. В 2017 году 29 миллиардов инвестировано в развитие Facebook и Google. Кто такие деньги может сейчас инвестировать у нас, например, хотя бы примерно? 250 миллиардов на зарубежных счетах Apple. Коллеги, это больше половины того, что мы собираемся за пять лет вложить в национальные проекты, от одной компании только. Мощь их какова!

Дальше он же приводит факты, что эти компании уничтожают конкуренцию, то есть покупают, удушают и т. д., уничтожают рабочие места, уходят от налогов, грабят таким образом средний класс Америки. На самом деле это фразы Гэллоуэя. То есть он говорит о несправедливом распределении выгод.

Вот Facebook. Давайте посмотрим: 1,2 миллиарда ежедневно пользователей, 50 минут ежедневно. То есть у одного Facebook 1,2 миллиарда. Какая часть населения? Одна из шести минут в интернете, одна из пяти минут в мобильном телефоне — это все Facebook. 150 раз в день открывается смартфон американца от 35 до 50 лет. Это что означает? Сколько людей из этих 1,2 миллиарда у нас в России?

Дальше смотрите: искусственный интеллект и большие данные. Зачем они нужны? Это им нужен интеллект, им нужно анализировать эти огромные массивы данных, которые они получают, и дальше выстраивать правильную работу со своими потребителями. То есть им — первое — надо не упустить, не уменьшить ту аудиторию, которая есть, и, соответственно, прирастить ее новой. Кстати, у Google, у Apple там тоже где-то 800 миллионов. На самом деле вчетвером они имеют сейчас, я думаю, половину населения мира под контролем.

Поэтому, я уже несколько раз выступал: давайте подумаем, нам-то что это даст? Где мы-то здесь? У нас нет ничего — ни того, ни другого, ни третьего. Разговор о том, что наш «Яндекс». «Яндекс» в 10 раз меньше Google по всем показателям. Еще неизвестно, кто им владеет, вообще говоря. Я попытался выяснить, но так и не понял. Не исключено, что его могли купить уже. Понимаете, на самом деле есть выгодоприобретатели всей этой истории — больших данных, ИИ и проч.

Дальше, поскольку под всем этим лежат те же полупроводники и радиоэлектроника, естественно, ИКТ тоже — выгодоприобретатель, для него — «интернет вещей». Вы напрасно думаете, что это плохо. Это очень хорошо. Они собираются подключать к интернету 50 миллиардов устройств, есть закон сената. Умножьте на десятку — это полтриллиона полупроводников. Это очень хороший на самом деле рынок.

Робототехника — то же самое, облачные вычисления — ровно та же самая история, блокчейны — это все реально в ту же самую копилку.

Понимаете, вот где выгода. Вопрос: а Россия что получит? Что мы получили из глобального информационного общества, я сказал. А что мы с этого получим? Когда мы уже имеем значительную часть молодежи под контролем буквально — это фейсбукианцы и гугломаны.

Так вот надо об этом, уважаемые коллеги, экономисты, подумать, что на самом деле эта новая модель дешевой короткоживущей услуги на этом работает. И они формируют сейчас эти услуги, подбрасывают их, естественно, потребителю и на этом живут. И удивительно что? Что их капитализация намного превышает капитализацию тех, кто производит промышленные вещи. Intel, например, если возьмете, это 107 000 рабочих мест, 146 миллиардов —

капитализация (или 164), где-то вот так. А Facebook — 448 миллиардов и 17 000 рабочих мест. Чувствуете, где собака зарыта? Так вот вопрос, как в этой самой цифровой экономике нам действовать.

Бодрунов: Спасибо большое, Владимир Борисович. Я предоставляю слово Евгению Александровичу Лифшицу, главе Агентства кибербезопасности, члену Экспертного совета при Комитете Государственной Думы по информационной политике, информационным технологиям и связи.

Лифшиц: Здравствуйте, коллеги. Я с предыдущим докладчиком во многом не согласился бы. Мы все должны понимать, что цифра на сегодняшний день стала оружием массового поражения и по-другому уже там никак. Именно через этот ракурс предлагаю посмотреть. Я, к сожалению, не готовил доклада, но своими словами скажу и, я думаю, буду как-то услышан.

Мы с вами послушали несколько докладов с экономического ракурса отрасли в первую очередь, а я бы хотел акцентировать внимание на сфере безопасности этой отрасли. Это тоже огромный аспект, он очень сложный и он очень большой, потому что, как правильно было отмечено, отрасль зачастую не имеет странового признака, компании стали трансконтинентальные. Находясь в одном информационном поле, она производит короткие и некороткие услуги, другой вопрос, и капитализируются в одном месте, а предоставляют услуги всему миру. И тут встает огромный аспект безопасности, потому что цифра стала таким оружием массового поражения, и мы наблюдаем, как с помощью цифры создаются революции, как с помощью цифры совершаются атаки. Мы с вами стали за последнее время свидетелями нового термина — «кибертерроризм». Мы с вами стали понимать, что это огромная проблема, которая может коснуться каждого. И когда цифрой управляются поезда, самолеты и наша жизненно важная, критическая инфраструктура, то мы становимся заложниками этой цифры, уже переходя в живую реальность. И мы понимаем, что неправильное управление этой цифрой может приводить к колоссальным жертвам уже в реальной жизни людей.

Тут как раз Организация Объединенных Наций, я думаю, должна работать с точки зрения стандартизации. Мы видим колоссальное расхождение подходов к хранению персональных данных среди стран. Различные абсолютно штрафы, различные абсолютно требования. Мы видим, что помимо формирования стоимости этого цифрового актива должны появиться понятия формирования безопасности профиля. То есть ваши персональные данные, помимо того, что они как-то имеют стоимость, должны иметь и безопасность.

И на сегодняшний день, когда это углубляется биоданными, вашими отпечатками пальцев, FaceID и другими вещами, это получает очередной новый виток к требованиям безопасности.

Здесь нужно работать над стандартизацией, потому что кибертерроризм и кибертерракты... Мы все, наверное, свидетели с вами в той или иной степени, как на протяжении двух лет идут эвакуации в торговых центрах из-за звонков из интернета, писем из интернета от неопознанных ботов, которые массово рассылают этот уже такой террористический спам, который наносит огромный урон экономике. Там цифры очень колеблются, но это сотни остановленных торговых центров, более 200 000 эвакуированных в течение года, и это остановка бизнеса на это время. Если это складывать и считать ущерб, причиненный экономике, мы будем видеть, что безопасность в цифре — это тоже некий ограничивающий фактор и развития цифры в том числе.

Развивать цифру нужно безопасно. Я бы огромный акцент и фокус сделал именно на безопасности, расценивая цифру и развитие цифровых услуг и как новую опасность для общества, и новый вызов обществу. Тут должны появиться совершенно новые уровни международных стандартов, международных договоренностей, потому что теракты в этой области могут расследоваться только при дружной работе множества стран. И наша система, которая позволяет по закону Яровой как-то сохранять трафик, анализировать его в дальнейшем на предмет каких-то преступных действий и расследовать киберпреступления, — этого недостаточно при отсутствии содействия других стран. Потому что тот же телефонный терроризм показал, что трассировка проходит через двадцатки стран, и только мгновенная реакция и стандарты работы спецслужб по раскрытию подобных инцидентов могут помочь их раскрыть. Мы с вами до сих пор не видим по этому телефонному терроризму ни наказанных, ни пойманных и т. д.

Это, к сожалению, большая проблема, которая касается нас непосредственно, наших детей, нашего безопасного будущего. И неважно, Google это или другие агрегаторы. Информация переместилась туда, большая часть нашей жизни переместилась туда, и опасность и преступность тоже перемещаются туда. Мы каждый год наблюдаем с вами колоссальный рост, он кратный, преступности в интернете. Даркнет растет колоссальными объемами. Именно там вы сейчас можете совершить любые незаконные операции. Вся преступность ушла в интернет, и именно над этим нужно слаженно работать всем странам.

Вот, я хотел бы сфокусировать внимание на этой проблематике. Спасибо.

Бодрунов: Спасибо большое, Евгений Александрович. Мариничев Дмитрий Николаевич, интернет-омбудсмен, представитель Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей в сфере интернета, генеральный директор компании «Радиус Групп». Прошу Вас, Дмитрий Николаевич.

Мариничев: Спасибо. Мне вообще понравился доклад и понравились выступающие. Всё правильно говорят, абсолютно как инь и ян: один — одно, другой — другое.

К сожалению, у меня точка зрения с годами становится совершенно иной. Я все больше и больше понимаю, что в словосочетании «цифровая экономика» оба слова лишние. Ни цифровой, ни экономики в нашем будущем быть не может. И как бы это парадоксально ни звучало, но статистические доклады — это очень хорошо для того, чтобы оглядываться в прошлое и анализировать будущее. Почему я так говорю? Потому что на самом деле существуют только информация и энергия. Вам необходимо какое-то количество энергии, чтобы разрушать информацию или хранить ее.

Отсюда возникает вопрос, что же такое деньги в наши дни и что такое экономика, чтобы померить то, чем мы с вами занимаемся, то, чем живем. И будущее всех этих графиков, которые мы наблюдаем, заключается в том, что деньги из нашей жизни должны будут уйти. И почему мы не можем цифровую экономику померить деньгами? Ответ банально прост: потому что в цифровой экономике денег нет, их не существует. И те же технологии больших данных, искусственного интеллекта либо блокчейна, криптовалют (все вокруг этих хайпов носятся) говорят ровно о том, что люди переходят в другую формацию. Они переходят в генерацию энергии и фактически в формирование информационного поля вокруг себя.

Если мы будем рассматривать всю экономику в этом ключе, то все становится на свои места, и никакой проблематики совершенно вообще нет — ни с отраслями, ни с профессиями, ни с чем-либо другим. Точно так же, как и с занятостью населения тоже проблем нет. Население ничем не будет заниматься, это очевидно.

Что касается того, кто выгодоприобретатель, какая страна или какой лично человек, это тоже утопия, потому что в мире будущего как раз, наверное, и задача ООН говорить о том, что не должно быть страновых границ и не должно быть стран. И, может быть, нам тяжело с этим согласиться сейчас, но объективно технологии нас приводят ровно к этому.

В чем проблематика двух центров информационного присутствия в экономике? России там очень мало. Основное — это Китай и Соединенные Штаты. Это тоже

банально просто: потому что люди — это существа биологические, соответственно, у нас есть свои культурные особенности, свой язык в первую очередь, менталитет, а это не что иное, как снова удержание информации.

Если мы рассуждаем в этом ключе, то мы четко понимаем, что Китай делает все правильно, управляет своей внутренней экономикой и населением абсолютно правильно, и ничего другого быть не может. Я не видел еще ни одного изобретения, сделанного на китайском языке с помощью иероглифов. Потому что, если вы что-то делаете новое, вы придумываете новый иероглиф и тратите огромное количество энергии на то, чтобы распространить информацию и знания об этом иероглифе. Поэтому все технологии идут на английском языке. Отсюда достаточно банальное решение: если вы разговариваете на иероглифах, то у вас культура пользования как в Китае и свои технологические гиганты. Все остальное распространяется на весь мир, в том числе и на Россию.

Но Россия со своими технологическими и математическими особенностями снова является уникальной страной, потому что это русский язык. Русский язык отличается структурно от английского или любого европейского языка. Поэтому и есть вот эта третья точка на карте с очень маленькой долей присутствия по отношению ко всему миру, но реально отдельная. Поэтому и есть «Яндексы», Mail.Ru, и ничего удивительного здесь не происходит.

Что касается снова экономики. Любая экономика заточена на бенефициара. И Владимир Борисович абсолютно правильно ищет правду: а кто, собственно говоря, выгодоприобретатель? Далеко ходить не надо — выгодоприобретателем является государство. Государство — это достаточно иерархичный, вертикально интегрированный исторически построенный институт, у него всегда есть наверху выгодоприобретатель, будь это парламент, правительство, либо царь, либо государь, либо президент. Не имеет значения, какое количество людей на вершине этой пирамиды. На сегодняшний день, наверное, слишком мало осталось стран, где выгодоприобретателем является конкретно единственный человек. Это касается и Соединенных Штатов, и Германии, и Франции, и России.

И здесь мы сталкиваемся с вами с точки зрения цифровизации и цифровой экономики с банальным парадоксом: собственно говоря, почему мы хотим жить в одном экономическом укладе, находясь в этом экономическом укладе, и как нам в него перейти?

Естественно, государство пытается обложить налогами кого? Бизнес, граждан. В цифровой экономике, как совершенно правильно в докладе было представлено, услуги предоставляются из облачного пространства, то есть они присутствуют везде и нигде, и непонятно у кого. Что здесь

сверхсекретного? Вообще ничего. Если вы вернетесь к энергетике, то четко поймете, где находятся эти услуги. Если вы вернетесь к людям, то вы четко поймете, в головах у кого они структурированы и кто является носителем.

В принципе, не имеет значения, чья компания «Яндекс» и кому она принадлежит, потому что это всего лишь навсего налогооблагаемый со стороны какой-либо юрисдикции опять же вертикально-интегрированного государства базис. Компания «Яндекс» находится в головах людей, которые могут создавать продукт, который может с помощью своей технологичности обрабатывать те горы информационного мусора, из которых можно что-либо сделать, для того, чтобы его использовать в народном хозяйстве и опять налогооблагать. Ничего в этом удивительного нет. Компетенции и знания — это единственная ценность, которая в информационном мире есть, никакой другой нет. Соответственно, если у вас есть возможность ее получить, то вы привлекаете людей, где бы они ни находились. И, конечно же, Facebook, Google и остальные информационные компании пользуются своим преимуществом и делают то, что должны делать.

Отсюда снова можно сделать достаточно простые, банальные выводы, что следующий социально-экономический уклад, в который должно передвинуться сообщество и чем должен заниматься ООН, — это децентрализованные системы управления в том числе и социумом, в том числе и людьми. Это говорит о том, что у каждого человека в данном случае экономика своя, информационное взаимодействие с аналогичными субъектами сложно выстроенное и нет бенефициара, который является выгодоприобретателем. Если этого нет, то важны только связи. Если важны только связи, то и денег нет, и мировой экономики в данном контексте тоже не существует.

Вот, собственно говоря, тренды. Если брать именно информационные тренды и новое понимание жизненных укладов, куда нам и нужно двигаться, то весь анализ, который мы просмотрели, я бы отнес к статистическому, хотя очень правильно сформированному.

Где место России? Оно, наверное, там, где будут люди, которые думают на русском языке, которые поддерживают связи с себе подобными и которых устраивает та культура, которая с рождения пропитана и впитана ими, не более того. Поэтому я хотел бы подчеркнуть еще раз свою мысль относительно того, что я не верю в жизнеспособность какого-либо государства, может быть, даже в недалеком будущем. Хотя тренд сопротивления со стороны государств новым технологиям и цифровой экономике очевиден. И если бы это было не так, то Германия, Франция не сажали бы в тюрьму руководителей доблестных цифровых компаний, которые в том числе были представлены в докладе, например, того же Uber, потому что это просто проблематика столкновения двух раз-

ных экономик. И люди, в принципе, много раз переживали это в своей истории: когда прекращался рабовладельческий строй, когда прекращалось крепостное право, когда прекращалась аристократическая модель феодализма и переходила в буржуазный строй, где мы деньгами и научились мерить услуги, товары, землю и все остальное.

Сейчас речь идет о том, чтобы мы переместились в иной уклад, где деньги в качестве меры в принципе не нужны. Они просто не нужны. Может быть, сейчас для вас голословно говорю, но я могу это показать на технологических примерах и на работе самой сети на базе технологии. В этом нет ничего сверхъестественного.

С точки зрения умирания профессий, я не знаю. Вероятно, они не умирают и никуда не деваются, они трансформируются. Но вспомните, что когда-то 80% было крепостных, какое-то количество ремесленников и совсем немного было тех аристократов, которые пользовались экономикой, включая царей. Могли ли мы представить, что эти крепостные неграмотные люди превратятся в средний класс, который сегодня обуваает американское правительство и информационные компании? Наверное, 100 лет назад еще вообще ни разу не могли. Кто был бенефициаром изменений с точки зрения обучения людей грамотности? В первую очередь сами государства с точки зрения конкурентного преимущества перед другими государствами.

Что сегодня должно произойти? Сегодня должно произойти, что механический труд мигрирует в какой труд? Да ни в какой. То есть люди должны из состояния средних, простых, обыкновенных людей мигрировать в состояние людей, которые просто связаны между собой информационными потоками и больше ничем. Это и есть генерация добавочной стоимости, которая ценна в информационном мире. И повторюсь, чем большим знанием обладает социум, тем легче он управляет энергией. А если он управляет энергией, то любые материальные блага — это не что иное, как просто последствия управления энергией. Вот, собственно говоря, то, к чему мы идем.

И децентрализованные системы, конечно, радикальным образом отличаются от централизованных. Понятно, что если мы представим страну с децентрализованной механикой взаимодействия, то она не будет похожа ни на что. Все, что мы говорим с точки зрения Facebook, Google, любой китайской компании, — точно так же нужно понимать, что это повторение централизованных классических офлайновых элементов взаимодействия внутри социально-экономического пространства — и субъектов, и людей, и граждан, и государства. Не что иное.

Если вы возьмете Китай, то он всегда априори будет централизованно вертикально интегрированным. Он сегодня является цифровой империей в классическом виде, в класси-

ческом понимании этого слова. Если взять Америку, то там несколько иная структура, но она все равно базируется непосредственно на вертикально интегрированной иерархической системе.

Децентрализация подразумевает в некотором роде цифровую анархию. И мы еще не сталкивались с тем, чтобы человечество научилось этим управлять и в этом жить, потому что директивные меры управления, к которым мы привыкли, там не работают, там работает только система управления вниманием, опять же структурой построения связей этого общего цифрового мозга.

Так что здесь мое мнение — нужно это брать и понимать, куда мы движемся и зачем мы движемся. И если мы как Россия, как люди в первую очередь, которые являются Россией, неважно, где мы живем, как Владимир Владимирович сказал, границ у России нет, она нигде не заканчивается (это правда, на сегодняшний день она нигде не заканчивается, как, впрочем, и любое другое государство), то наша задача — это быть флагманом с точки зрения идей, философии и построения на технологическом базисе этих идей. Россия и люди в России это могут делать. Тогда выгодоприобретателями будут именно наши дети, а именно этого мы и хотим, чтобы они жили долго, счастливо и в комфорте.

Спасибо.

Бодрунов: Спасибо большое. Очень интересный доклад, выступление. Наверное, если мы с Вами поговорим отдельно, то мы найдем очень много точек соприкосновения. Те книги, которые вышли только что у меня и наших коллег, во многом пересекаются с Вашими идеями и мыслями.

Мариничев: Это не идеи и мысли. Прошу прощения, что перебиваю. Это умозаключения, которые основаны на практическом опыте применения решений.

Кузнецов: Я прошу прощения, что беру слово, но по горячим следам, дабы внимание не рассеялось...

Упомянулось о том, что ООН должна или может поддерживать базовый тренд, что не должно быть границ и стран. В данном случае я хочу сказать, что ООН не будет здесь ни революционером, ни диссидентом, а ООН прежде всего является межправительственной, межгосударственной организацией стран-членов. И понятия «государство», «национальные границы», «национальный суверенитет» являются базовыми принципами, на которых строится Организация Объединенных Наций. Регуляторами и теми, кто принимает законы, по которым живет Организация Объединенных Наций, является по-прежнему национальное правительство.

Другое дело, что ООН действительно сейчас выступает за инклюзивный процесс. В частности, повестка устойчивого развития направлена на вовлеченность помимо государственных и национальных правительств в ее реализацию и других субъектов. Это, безусловно, бизнес. Это неправительственные организации. Это субъекты, это сами люди, ради которых и в интересах которых и должна реализовываться эта повестка-2030.

Смысл повестки — что никто не должен оставаться за бортом. И в этом плане, разумеется, ООН поддерживает разумную децентрализацию. Но эта разумная децентрализация идет через делегирование полномочий сверху вниз, от государств, которые являются субъектами международного права и субъектами права для Организации Объединенных Наций. Пока она существует, так и будет.

Мариничев: Все верно. Я ровно точно так же и сказал, что сопротивление с одной стороны и давление с другой должны находить баланс. Если будет очень быстрое перемещение, то это приведет к взрывной реакции, поэтому это не в наших интересах.

Бодрунов: Уважаемые коллеги, я думаю, что это абсолютно верное замечание с Вашей стороны, Владимир Валерьевич, но мне кажется, что это еще и такое четкое отражение той тенденции, о которой только что нам сказал Дмитрий Николаевич. Потому что на самом деле это действительно те явления, которые происходят в мире. И на уровне ООН вот эта инклюзивность — тоже некое проявление этого гигантского глобального тренда, слома сегодняшней системы и перехода к новой. Не знаю, какая это будет эпоха, но она напрямую связана с тем, что мы сегодня обсуждаем, — с цифровыми технологиями.

Татьяна Викторовна Ершова, директор Национального центра цифровой экономики МГУ имени Ломоносова. Прошу Вас, Татьяна Викторовна.

Ершова: Хотелось бы выразить благодарность Сергею Дмитриевичу за приглашение выступить и глубокое удовлетворение, как говорили раньше, фактом появления вот такого доклада, который сегодня Анна Владимировна и Сергей Александрович нам представили замечательным образом.

Потому что мониторинг, вообще любое отслеживание развития того или иного важного феномена, а цифровая экономика — это наша жизнь, это то, во что мы сейчас глубоко погружены, так вот мониторинг, анализ, отслеживание всего того, что происходит, — это основа управляемого развития: чтобы мы не шли на поводу у цифровых технологий, у их производителей, у транснациональных корпораций, как

малые дети за гамельнским крысоловом, а для того чтобы мы всю мощь этих технологий использовали на благо развития страны и каждого ее жителя. Поэтому это очень важная задача, и в России она уже тоже начала решаться.

Такие эскерсисы, Сергей Александрович сегодня употребил это редкое слово, производятся уже в России. И Московский государственный университет вместе с несколькими другими организациями участвовали в разработке пилотной реализации Национального индекса развития цифровой экономики.

Это изданная уже работа, ее можно посмотреть и на сайте той организации, под эгидой которой это все производилось, а это госкорпорация «Росатом», и на сайте Национального центра цифровой экономики в электронном виде, пожалуйста, вы можете посмотреть. Это достаточно солидная работа, которая была выполнена помимо сотрудников МГУ еще и сотрудниками Казанского приволжского государственного университета, Высшей школой экономики, акционерным обществом «Гринатом» (это дочерняя компания Росатома), акционерным обществом «Системный оператор ЕЭС», Федеральным бюро медико-социальной экспертизы и Институтом развития информационного общества.

В этой работе проанализированы факторы, которые влияют на развитие цифровой экономики, как цифровые, так и нецифровые. Цифровыми факторами являются развитие сектора информационно-коммуникационных технологий, сектора контента и СМИ и цифровая инфраструктура, разумеется. А так называемые нецифровые факторы — это человеческий капитал, это НИОКР и инновации, деловая среда, государственная политика и регулирование, информационная безопасность, о которой сегодня тоже уже говорилось. Также проанализировано использование цифровых технологий в сферах государственного управления, здравоохранения, бизнеса, а также использование обычными гражданами или потребителями, как мы говорим.

В этой работе обозначена необходимость анализа воздействия цифровой трансформации на развитие экономики. Эта сфера еще очень плохо изучена, нуждается в больших усилиях и исследователей, и практиков. И это то, чем Московский университет совместно со своими коллегами из других вузов и из академических учреждений намерен в дальнейшем заниматься.

Также в этой работе проведен краткий сравнительный анализ уровня цифровизации в 32 европейских странах. Именно потому что сопоставимые данные были доступны для нас, по крайней мере, в такой короткий промежуток времени, который Росатом нам выделил, по 32 странам.

Вы можете видеть так называемую тепловую карту, сейчас я вам ее покажу быстренько. Видите, здесь покрашено:

зеленым цветом — высокий уровень, и красным цветом — низкий уровень использования тех или иных цифровых технологий в различных секторах экономики.

Надеюсь, вы доберетесь до электронной версии этой работы, дальше я углубляться не буду. Скажу только, что в том докладе, который нам сегодня был представлен, меня очень порадовала одна вещь. Там утверждается, что движущей силой развития современной экономики являются цифровые данные. И позвольте мне здесь представиться еще в одном качестве. Я не только директор Национального центра цифровой экономики Московского государственного университета, но и директор Центра компетенций Национальной технологической инициативы по технологиям хранения и анализа больших данных. А это вещь, сегодня тоже многократно упоминавшаяся, потому что неструктурированные данные — это абсолютно ничто, они мало помогут нам развиваться и реализовывать наши цели и задачи. Здесь нужна высокая наука, высокая математика. Нам нужно учиться пользоваться этими данными, применять технологии больших данных и искусственного интеллекта совместно, для того чтобы действительно это приносило пользу.

Очень актуальные проблемы для развития цифровой экономики, которыми Московский университет начал последнее время активно заниматься, даже включил это в темы государственных заданий для своих сотрудников.

И еще две вещи. Важно формирование универсального понятийного аппарата. Все, кто занимаются цифровой экономикой профессионально, понимают, что эта тема сейчас важна. Даже самого устоявшегося и закрепленного, как говорится, высеченного в камне определения цифровой экономики до сих пор не существует, поэтому в этом направлении нужно работать. Научные проблемы здесь связаны в первую очередь с тем, что сама эта сфера находится в состоянии бурного развития, цифровые технологии применяются в различных областях человеческой деятельности и каждая эта область трактует те или иные явления по-своему. Поэтому здесь нужен какой-то консенсус, какое-то, обязательно, взаимодействие ученых не только в стране, но и во всем мире, для того чтобы со временем понятийный аппарат сформировался и мы могли бы с вами разговаривать на одном языке в области цифровой экономики.

И, конечно, вторая проблема, которая тоже сегодня упоминалась, — это развитие человеческого капитала, развитие необходимых компетенций для успешного развития в условиях цифровой экономики. Здесь выполнена серьезная работа и ведется серьезное исследование в Московском университете именно с точки зрения вот этих самых компетенций. Мы это делаем для того, чтобы включать подобные ком-

петенции в учебные курсы и для наших студентов, и для студентов других вузов. И мы говорим не просто о навыках для работы, каких-то деловых, коммуникативных, информационных, цифровых или технических, но и надпрофессиональные навыки здесь чрезвычайно важны: развитие новых способов мышления, способов работы и т. д.

Вот, уважаемые коллеги, я призываю вас еще поучаствовать в одном важном мероприятии, которое Московский университет проводит 28 и 29 октября. Это форум «Цифровизация». Уже второй форум, который будет открывать лично Виктор Антонович Садовничий и которому мы придаем очень большое значение. Милости просим на форум, где мы с вами обменяемся мнениями и дальше будем обсуждать проблемы развития цифровой экономики.

Спасибо.

Бодрунов: Спасибо большое, Татьяна Викторовна. Очень хотелось бы, чтобы на этом форуме также прозвучал если не в целом доклад, то, по крайней мере, значительная часть информации из этого доклада тоже была бы на форуме озвучена и представлена в выступлениях участников. Думаю, что эта задача по плечу МГУ.

Уважаемые коллеги, я предоставлю слово Алисе Егоровне Конюховской. Она — исполнительный директор Национальной ассоциации участников рынка робототехники, член правления International Federation of Robotics, вице-президент Global Robot Cluster. Прошу.

Конюховская: Уважаемые коллеги, я доклад не готовила, но коротко скажу о позиции России в новой технологической области — в робототехнике, и вообще что такое робототехника как часть цифровой экономики.

У нас в стране зачастую робототехнику рассматривают как одну из сквозных технологий. Это в том числе накладывает некоторые негативные эффекты на развитие данного технологического направления, потому что в целом, когда мы рассматриваем все технологии одинаково, пускай даже разные, пусть 5G, искусственный интеллект, робототехнику, когда мы им даем одинаковые меры поддержки, зачастую они не работают эффективно на все технологии, которые есть у нас в стране, рассматриваемые как сквозные.

Если мы посмотрим на рынок робототехники, то он делится на два ключевых сегмента. Первый сегмент — это промышленная робототехника, это все, что используется у нас на предприятиях. И второй сегмент — это сервисная робототехника. И так получается, что в промышленной робототехнике мы уже совсем упустили возможности развития производства данного класса технологий.

Сейчас в России из роботов, которые устанавливаются в год, только 4% — это роботы, произведенные у нас в стране. Если посмотреть на объемы рынка, то у нас в стране устанавливается 1000 роботов год. В Китае — 130 000 роботов в год. И наши объемы рынка совершенно не сравнимы с зарубежными странами. Здесь нужен какой-то другой подход по развитию данного направления.

Если мы посмотрим на показатель плотности роботизации, это количество используемых роботов на 10 000 рабочих, в Южной Корее — это 700 роботов на 10 000 рабочих. В США, Германии, Японии это порядка 300–400 роботов на 10 000 рабочих, в Китае 100. У нас, как вы думаете, кто знает, сколько роботов на 10 000 рабочих?

Реплика: Три.

Коноховская: Четыре. Но тем не менее. Это показывает вообще уровень развития нашей промышленности, роботизации, автоматизации. О какой цифровой экономике мы можем говорить, когда собственно базис у нас не цифровизируется и данные технологии не используются?

Если мы посмотрим на другой сегмент робототехники — сервисную робототехнику, то здесь у нас даже сейчас нет вообще статистики по поводу того, а сколько у нас в стране этих роботов производится и какой вклад в экономику осуществляется. У нас нет учета того, сколько конкретно людей занято сейчас в данном сегменте экономики. У нас нет оценок того, какой будет эффект на экономику при внедрении роботов, допустим, для нужд сельского хозяйства. А это одна из перспективных тем для нашей страны.

Сейчас в целом задача, которая стоит перед нами там как представителями технологического сообщества и экономистами, — это вопрос того, как мы можем подсчитать эти эффекты и простимулировать, допустим, использование данных технологий фокусно в отдельных отраслях.

Какие у нас сейчас стоят вообще задачи? У нас в целом сейчас даже нет ОКВЭД, по которым мы могли бы замерять и отмечать, что у нас есть такие робототехнические компании, вообще какой у них есть объем выручки, какой у нас есть объем этих новых рынков. У нас неизвестен вклад в экономику, вклад в развитие отдельных регионов. У нас неизвестно число занятых и как нам нужно дообучать людей, менять образовательные программы, для того чтобы мы готовили людей для новых технологических областей применения данных технологий.

У нас есть вызовы политики. Потому что сейчас, если мы посмотрим на страны, которые являются лидирующими в области робототехники, это Китай, США, Южная Корея и Япония. Это те страны, которые где-то 5–10 лет назад сде-

дали фокусные меры поддержки развития и продвижения робототехнической отрасли. Не только разработки, но и применения данных технологий, пускай даже когда они зарубежные.

Что мы сейчас наблюдаем? Мы активно общаемся с нашими зарубежными коллегами из Китая, из США, из других стран и видим, что в целом у нас вполне может через 15–20 лет произойти технологическая колонизация, такая же, которая у нас произошла в сфере смартфонов и компьютеров. Мы будем так же использовать роботов, которых производят где-нибудь в Китае или Южной Корее. Это вполне реально. Сейчас в области промышленной робототехники это произошло.

Что мы видим, что нужно сейчас делать? Корректировать существующие меры поддержки, рассматривать новые рынки и делать фокусные меры поддержки. Не в целом как набор сквозных технологий, как у нас есть сейчас, а, допустим, для того, чтобы у нас развивался рынок промышленной робототехники, нужно поддерживать модернизацию производства и выдавать льготные кредиты. Сейчас даже по инструментам поддержки Фонда развития промышленности зачастую на проект использования роботов, внедрения роботов в промышленность инструменты недоступны, потому что совершенно не те суммы выдаются фондам, которые нужны для проектов роботизации.

В целом это основной месседж, который у меня сейчас есть. Хочу, чтобы робототехника заняла достойное и объемное место в повестке развития цифровой экономики. И надеюсь, что дальше мы будем сотрудничать, в том числе в вопросах экономической оценки того, как робототехника будет влиять на экономику нашей страны.

Бодрунов: Спасибо большое. Сергеевич Юрьевич Малков, научный руководитель Центра долгосрочного прогнозирования и стратегического планирования МГУ, доктор технических наук, профессор. Прошу Вас, Сергей Юрьевич.

Малков: Уважаемые коллеги, мне бы хотелось остановиться на следующем: мы рассматриваем проблемы информатизации и цифровизации достаточно локально, что происходит здесь и сейчас, но, наверное, представляет большую важность посмотреть на этот процесс глобально.

Что я имею в виду? В принципе, то, что происходит цифровизация, — это второй этап того глобального перехода, который начался 200 лет тому назад во время промышленной революции, которая заключалась в замене ручного труда машинным. Человек передавал функции по производству машине. Что происходит сейчас? Сейчас происходит завершающая стадия этого перехода, а именно — замена человеческого интеллекта машинным, в смысле компьютерным интеллектом, искусственным интеллектом. А что это

такое? Это, по существу, отказ человека от выполнения важной функции, которая до него была монопольной, принятия решений. Принятие решений — сначала для процессов достаточно стандартизированных, а дальше процессы, естественно, будут более сложными. Эти процессы будут управляться машиной. То есть человек, с одной стороны, будет в этом уже не нужен, а с другой — будет разучаться принимать решения. А вот это действительно вещь очень серьезная, потому что отсутствие тренировки в принятии решений неизбежно приведет к деградации. Этот аспект нужно обязательно иметь в виду и его обсуждать.

Второе, что я хотел бы сказать, что еще происходит одновременно с процессами глобализации, которые идут здесь и сейчас. Глобализация — это объединение всего нынешнего мира новыми технологиями. Какими? Экономика стала глобальной — информационные технологии, связь. То есть человек может сейчас одним кликом на компьютере переместиться в любую точку мира. Такого не было никогда. А это что означает? Это означает, что вот эта связность, которая происходит, меняет сознание, меняет политики, меняет поведение людей, меняет в том числе и образ будущего.

А какой будет образ будущего неизбежно? Образ будущего будет очень простой — мир будет един. Это как есть Россия, у которой много регионов, очень разнородных, которые населены разными народами, но тем не менее мы все ощущаем себя частицами единого организма. Вот неизбежно это же будет и в масштабах всей планеты. А это что такое? Когда это может быть? Это может быть только в том случае, когда будет сформирован единый код.

Так вот цифровизация, которая сейчас происходит... Сейчас много говорилось о том, что происходит монополизация и что, да, действительно, там «большая четверка» и т. д. А давайте задумаемся, если мы идем к обществу, к миру-организму, то код-то должен быть единым, он должен быть монопольным. Другое дело, что этот монопольный код как единый генетический код в обычном биологическом организме должен быть не под контролем структур, которые являются частными и основаны на извлечении прибыли, а должен быть общим в интересах всех людей, которые находятся на Земле. И здесь, естественно, такие организации, как ООН, должны этот процесс брать под контроль.

И еще один момент, который мне хотелось прокомментировать. Здесь говорилось о том, что Россия на этой карте цифровизации является маленькой точкой, которая еле видна, поскольку наш вклад очень мал, но на самом деле, как мне представляется, эту роль можно достаточно сильно увеличить.

Приведу исторический пример. За счет чего Соединенные Штаты стали технологическим лидером? За счет того, что еще в XIX веке второй-третий технологический уклад оказался очень адекватен потребностям Соединенных Штатов в освоении огромных территорий, которые оказались в их распоряжении. То есть это двигатель внутреннего сгорания, дороги. Без них Америка просто не смогла бы существовать, они были там востребованы. Если в Европе автомобиль был средством роскоши, то в Америке это была насущная необходимость, развитие автомобильной промышленности.

В этом смысле, если посмотреть на нынешнюю Россию, здесь тоже очень любопытная вещь. У нас единственная мировая область, которая является цивилизационной пустышью. Это огромное пространство Сибири и Дальнего Востока, которые имеют огромные совершенно богатства и которые очень мало заселены. Почему очень много заселены? Там жить трудно. Просто физически людям сложно жить, потому что зимой холодно и все остальное прочее, а летом жрет мошка. Так вот это, пожалуй, единственный великолепный полигон для развития роботизированных производств, где основную роль должен играть именно искусственный интеллект. Если мы, во-первых, сами это дело все спланируем и предоставим мировому сообществу эту площадку для развития технологий шестого и седьмого технологического уклада будущего, то капиталы, инвестиции пойдут сюда и мы станем лидерами этого процесса. Поэтому я всех к этому призываю.

Бодрунов: Спасибо большое. Уважаемые коллеги, я сказал, что мы работаем два часа. Я давал слово тем, кто записался в порядке поступления заявок. У нас впереди еще четверо выступающих. Я бы сейчас предоставил слово Михаилу Владимировичу Ершову, он идет у нас следующим в списке. Уважаемые коллеги, есть из тех, кто записался, настаивающие на своем выступлении? Если есть, мы дадим слово. А если нет, то тогда мы... Есть, да?

Реплики: Есть.

Бодрунов: Хорошо, коллеги, двигаемся дальше. Михаил Владимирович. Но прошу тогда секундочку внимания: обязательно попадать в регламент. Михаил Владимирович всегда в регламенте у нас.

Ершов: Добрый вечер уже, наверное, уважаемые участники. Спасибо, во-первых, Вольному экономическому обществу и спасибо ЮНКТАД за как всегда крайне интересное и крайне актуальное обсуждение. Спасибо докладчикам за то, что дали нам повод для серьезных обсуждений. Я внимательно посмотрел материалы, которые нам были представлены, и, конечно, под экономическим углом зрения кое-

какие вещи приходят на ум. Они будут разрознены, но, на мой взгляд, интересны.

Первое, что приходит на ум по прочтении текста и комментариев в тексте. В докладе говорится, что вследствие перехода на цифровую экономику разрыв между развитыми и развивающимися странами будет возрастать. А далее — говорим мы и они отчасти — означает, что будут нарушаться возможности равной конкурентной среды. А далее, говорим мы вновь, и в докладе тоже об этом говорится, в приложениях на английском языке, в специальных текстах, которые были получены нами через рассылку: прецеденты в контексте ВТО, о ВТО идет речь, которое обеспокоено тем, что для всех участников рынка должна быть равная конкурентная среда. Так вот, прецедент начала еще 2000-х годов, когда, я напому нам всем, европейское сообщество представило иск в рамках ВТО к Соединенным Штатам о том, что американские компании, как считали европейцы, нарушают конкурентные условия посредством всяких вторичных условий улучшения своей бизнес-среды — налоговая оптимизация и прочие вещи имелись в виду. И в итоге ВТО приняло решение в пользу европейских компаний.

Это означает, что в нашем контексте, если опять будет некая неравная конкурентная среда между теми, кто имеет меньший доступ, и теми, кто имеет больший доступ, предвосхитить или предположить, что, возможно, в контексте ВТО и других механизмов будут иски с точки зрения выполнения равной конкурентной среды для всех участников. Пока об этом речь не идет, но прецеденты уже были, надо просто иметь в виду.

Дальше. Цифровые технологии (это более фундаментальный, такой, скорее, геовывод) — это ведь, по сути, открывание национальных экономик в качественно иной технологической среде. Проблема «открытости экономики» или «закрытости экономики» посредством цифровых технологий решается достаточно эффективно, когда иностранные операторы или какие-то не национальные операторы могут влиять на процессы и активы национальной экономики. А это очень важный момент. Это уже означает, что какие-то специальные регулирующие меры национальными регуляторами должны быть предприняты, чтобы, по крайней мере, эти риски иметь в виду. Потому что какая-то среда откуда-то извне, из облака вдруг — бам! — и у тебя фондовый рынок обваливается. И что дальше? Ты говоришь: «Обвалился». Ну и? Это пока только вопросы, я предложений никаких не обозначаю, я обозначаю проблемы, которые надо иметь в виду.

Дальше. Очень интересная, совсем системная вещь, касающаяся мировой архитектуры. Совсем недавно президент Банка Англии сказал, что возможно использование

валюты Libra в качестве замены доллару, потому что с долларом связано много рисков, доллар — плохая и не очень устойчивая валюта. И если мы взамен доллара, например, используем криптоинструмент в виде Libra, то это может быть новый прообраз новой финансовой системы. А отсюда следуют серьезные такие геополитические и геоэкономические выводы. Может быть, в эту сторону ветер дует?

Еще один момент в рамках оставшихся двух минут. Здесь в марте 2018 года, когда мне было предоставлено слово, я имел удовольствие сказать, что криптовалюты и финансовые инновации затрудняют эффективность денежно-кредитной политики. Полгода спустя глава Канады сказал, по сути, то же самое. Я его процитирую: «Цифровые технологии затрудняют проведение денежно-кредитной политики для центральных банков». Опять есть над чем подумать.

И совсем в завершение. Да, крипто тема и электронные деньги, очевидно, сопряжены с огромными возможностями. Одновременно надо иметь в виду, что есть не меньшие по своему масштабу и риски. Более того, сегодня отчасти это звучало, есть много вещей, которые более глубинно пока неясны, помимо естественного развития, эволюции, прогресса и т. д. На самом деле, кто стоит и стоит ли за этими всеми инициативами, которые, мы видели, были начаты год, два или сколько лет назад?

Это что — естественное развитие или не только естественное? Первый вопрос. Они все риторические. Какие реальные цели у этого процесса? Конечно, помимо повышения, обеспечения того-то, того-то. Но что-то такое, может быть, еще, кроме этого?

Какие есть операционные и не только операционные задачи? Операционные — более-менее понятно. Но могут быть геоэкономические и геополитические задачи. И вот чем больше мы будем на все эти вопросы пытаться найти ответы и найти решения, как их все правильно реализовать, тем более эффективными будут наши подходы. Поэтому доклад и сегодняшнее обсуждение — это важный шаг на пути правильного решения всех этих вопросов.

Большое спасибо.

Бодрунов: Спасибо большое, Михаил Владимирович. Иван Владимирович Данилин. Заведующий Сектором инновационной политики, сотрудник подразделения отдела науки и инноваций ИМЭМО РАН, кандидат политических наук.

Данилин: Здравствуйте. Спасибо. Только я уже заведующий отделом год как. Но все равно приятно вернуть молодость год назад.

Бодрунов: Видите, какие данные у меня здесь.

Данилин: Вы знаете, коллеги, у меня был в этом смысле определенный гандикап сегодня, потому что я уже как два месяца готовлюсь к нашему ученому совету, который через неделю произойдет, где выступаю с темой «Компаративный анализ цифровой экономики США и Китая». Поэтому было, конечно, особенно интересно послушать некоторые выводы, некоторые совпали, некоторые не совпали, так же как и нашу сегодняшнюю дискуссию.

Прежде всего позволю себе категорически не согласиться с мнением людей, которые говорят, что не существует цифровой экономики, не согласиться, что нет ни того ни другого. Как раз анализ и китайского, и американского кейсов, да, кстати говоря, и российского, показывает, что есть экономика, очень даже живая, мы ее можем посчитать, мы ею пользуемся каждый день, которая реализуется в некотором смысле новыми способами. И этим определяется как раз значительная часть тех проблем, с которыми мы сталкиваемся при анализе цифровой экономики. Грубо говоря, либо это старые, традиционные рынки, которые на новых технических основах обеспечивают свое функционирование, например, тот же ретейл.

Если мы возьмем Amazon или Alibaba, кажется, что это такое новое все. А если мы возьмем более длинную эволюцию, от семейного магазина до Walmart и т. д., это уже не кажется чем-то совершенно выделяющимся из ряда. Это следующий логический шаг в развитии. Или это в некотором смысле эволюционное развитие самой экономики, то есть это новые рынки высокотехнологичных, высокомаржинальных услуг, что мы видим на примере баз данных, поиска, такого как Google, Baidu или «Яндекс» и т. д. То есть здесь в этом смысле все очень четко различается.

Это же определяет на самом деле то, что очень высокая национальная специфика у цифровой экономики. Когда мы говорим это волшебное словосочетание, нам кажется, что мы говорим об одном и том же, а это совершенно разные феномены в разных странах.

Если, например, в тех же самых США или частично в России мы видим основную реализацию в виде перераспределения благ в сторону потребителей — я не говорю про население в целом, заметьте, а я говорю про потребителей. Цены на интернет-площадках где-то от 1,4% ниже, чем в обычном ретейле. Не монетизируются практически напрямую услуги поиска, хотя высоко оцениваются всеми потребителями, такие замеры тоже есть и т. д.

А если мы возьмем Китай, это совершенно другая история. Каждый человек, который был в Китае и сталкивался

там с цифровой экономикой, начиная от «деревень Таобао» и заканчивая невозможностью — это моя личная трагедия — купить кофе ни за наличную, ни за карточку, потому что везде WeChat Pay или AliPay, просто по-другому вообще никак, он понимает, что это компенсация провалов рынка услуг. То есть цифра закрывает то, чего не было, то, что не поспевает за ростом. И, соответственно, это реализация текущих трендов на диверсификацию роста экономики. То есть приходит куда-нибудь Alibaba и говорит: «Я тебе даю возможность выйти на мировой рынок». И здесь начинается рост промышленности и всего остального, чего нет в США в принципе. Если куда-то приходит Amazon, то там дальше, знаете, как в постапокалиптических фильмах, только голубые экраны горят, все остальное в тиши, потому что никому больше ничего делать не надо, что здесь тоже уже говорили.

Почему же это так происходит? Давайте задумаемся. Потому что мы как-то сознательно убегаем от этого вопроса.

Здесь была очень хорошая картинка у Сергея Александровича. Помните, кривая Ши, она же Smiling Curve, она же Исаев, она же Штирлиц. Про то, как современный мир постепенно за счет модуляризации — помните такое волшебное слово — открытой архитектуры... Мы как-то о нем всегда забываем, о материальном производстве, которое стремится все стандартизировать. Как только мы что-то стандартизируем, вы можете это оцифровать. Сложно оцифровать «Мону Лизу», а производство стандартизированных компонентов оцифровать и платформизировать очень легко.

Вот здесь я в свое время произвел интересный эскерсис. Никто не смотрел данные, кому принадлежат цифровые гиганты? Кто собственник акций? Не смотрели?

Вот! Да. Это же на самом деле финансовый капитал. Причем если вы думаете, что Baidu, Alibaba и Tencent — это китайские компании, вы чудовищно ошибаетесь. Это американско-японские корпорации на самом-то деле. Так же как и наш «Яндекс» не совсем российский. Это, конечно, российская компания, но почему-то с голландской пропиской.

Но это другой вопрос. Зачем в такие мелочи влезать? Это очень хорошо иллюстрируется бедой, которую коллеги из Росатома, где я работал, в свое время в полной мере ощутили в Шанхае. Как вы знаете, у китайцев некоторая слабость к переработке алкоголя, они становятся откровенными. И там человек вышел и говорит: «Посмотрите, мы всё же здесь в мире делаем, а все деньги на Уолл-стрит и в Калифорнии. Ну как же так? Вот почему же так?» Да потому что кривая Ши. И вот цифровая экономика — это в каком-то смысле не то чтобы апогей, но следующий шаг в этом развитии. Именно поэтому Amazon вымывает промышленность из США, а Alibaba пока ее примвывает к себе.

А теперь самый главный вопрос. Мы поняли, кто примерно благоприобретатели. Мы как-то все время думали, что это цифровые платформы, а оказывается, что не совсем так. Это те, кто держат деньги посередине и передают их дальше по цепочке. А теперь самый интересный вопрос: вообще что делается и что нам делать, для того чтобы как-то гуманизировать это, что ли, и т. д.?

Здесь такой интересный момент. Может быть, Вольное экономическое общество поднимет этот флаг. Вообще никто не знает, что делать. Более того, у меня есть очень сильное подозрение по просмотру американских и китайских документов (в переводе, я по-китайски не читаю, но есть люди, которые умеют это делать, в принципе), так же как и законодательных мер и т. д., что не все даже понимают, что вообще цифровая экономика разная. Есть такое очень сильное ощущение. И что она по-разному совершенно в разных странах реализует себя.

Есть совершенно стандартный рецепт, он никогда не подводит экономистов, мы все это знаем, — это сказать «структурные реформы». Произнесли это слово — и сразу всем всё стало понятно. Непонятно, правда, что делать.

А второй самый главный момент — пойти от эффекта к какому-то целевому состоянию. Когда сейчас Трамп воюет с Amazon, это очень красиво звучит, я прям вижу, как толпы избирателей с полыхающим сердцем смотрят на этот процесс. А что, собственно говоря, это даст США? Ну хорошо, ну добьет он Amazon, ну придет Alibaba... С новым губернатором все в новом цвете станет, правда, все прям поменяется?

В каком-то смысле у нас здесь действительно есть некоторый маневр в том плане, что мы же гибридная страна. То есть у нас целый ряд показателей по цифровой экономике ближе к развитым странам, например, по кадровому потенциалу, по технологическому. У «Яндекс» тот же самый, и прочие компании появились раньше, чем в Китае, и набрали силу раньше. А с другой стороны, по объему рынка и т. д. — поэтому, кстати, я всегда не люблю этот пример про технологические уклады — мы как раз ближе к другой половине стран. Но кто-то видит стакан наполовину полным, кто-то — наполовину пустым. Я предпочитаю первое. У нас много проблем, которые мы, по крайней мере, можем монетизировать через цифровые платформы, как раз через цифровой бизнес.

Другой вопрос, что если мы будем заниматься этим только в пределах нашей замечательной родины, которую я очень люблю, я живу здесь, работаю, вы даже не представляете, пишу что-то иногда, то мы обречены. В том плане, что ни одна страна, которая развивает цифровую экономику, пока не смогла это сделать в пределах исключительно своего

рынка эффективно и исключительно на базе собственного капитала. То есть, когда мы говорим о примере Китая, 1,5 миллиарда человек все-таки, в 10 раз больше, чем нас. И то, если сейчас посмотреть на динамику BAT (Baidu, Alibaba, Tencent), внутри очень большое беспокойство, что будет, когда кончится внутренний рынок. У китайцев на этот вопрос четкого ответа нет. У нас есть еще время подумать. С чем я вас и поздравляю и передаю слово дальше.

Спасибо.

Бодрунов: Спасибо большое. Очень серьезное высказано замечание и интересное наблюдение. Думаю, что по этому поводу можно будет организовать еще у нас в Экономическом обществе очень серьезную дискуссию. Действительно мыслей много.

Георгий Геннадьевич Малинецкий, заведующий отделом моделирования нелинейных процессов Института прикладной математики имени Келдыша, профессор. Прошу Вас, Георгий Геннадьевич.

Малинецкий: Спасибо. Дорогие коллеги, я хочу от всемирных масштабов, от всепланетных, от доклада ООН перейти к нашим российским палестинам, потому что основная часть всего ооновского доклада не имеет к нам ровно никакого отношения. Давайте посмотрим на наше скромное место.

Вот это карта мировой экономики. Мы занимаем 1,8%, чуть меньше, чем остальные. Мы не входим в первую десятку. Почему мы это делаем? Тоже понятно — потому что у нас произошла инновационная катастрофа: всего 9% российских компаний внедряют инновации. Посмотрите, как в это время идут дела в Германии и т. д. Поэтому на самом деле масса рекомендаций, которые есть в этом докладе, они просто не про нас. Сейчас мир движется от Маркса к Беллу, движется очень быстро, происходит гуманитарно-технологическая революция.

Давайте посмотрим. Мы все учились по Ленину, и Ленин говорил, что политика — это концентрированное выражение экономики. Но давайте посмотрим дальше. Ведь на самом деле экономика — это просто массовое использование технологий и использование их образованными людьми.

Коллеги, да у нас никогда не будет никакой цифровой экономики. Мы находимся в четвертой десятке по уровню образования, например, по тесту PISA. Наши школьники не тянут, честно говоря. Причем не только по физике и математике, но и по родному языку. Академия наук разгромлена в 2013 году, то есть у нее нет институтов. И более того, вишенка на торте — ей запрещено заниматься наукой, она

не является научной организацией. Сейчас по Беллу происходит переход от индустриальной к постиндустриальной реальности. И здесь значение людей и технологий принципиально.

Только что коллега из Московского университета говорил относительно подготовки кадров. Коллеги, мы не готовим массы людей, которые нужны для этого. И когда об этом заходит речь с деканом ВМК (факультет вычислительной математики и кибернетики) и с уважаемым Виктором Антоновичем, они говорят: «А зачем? У нас и так отличный конкурс».

По сути дела, сейчас топ отраслей, которые связаны с экономикой, — это Алферов против Гайдара. Мне в свое время довелось довольно много обсуждать с Жоресом Ивановичем вопросы цифровой экономики. И, по мнению Алферова, прежде всего в России (не вообще в мире, не в межпланетном масштабе, а в России) она должна быть в сфере промышленности. Нам нужна новая индустриализация, и цифра-то нужна там.

По мнению нашего классика Егора Гайдара, ситуация обратная: все, что надо, купим. Вот это то, что мы покупали в 2013 году, по данным Росстата. Это не так много, но мы этого не делаем. То есть сейчас ситуация такая: одни дикари носят бусы и очень гордятся, что они носят бусы, а другие бусы умеют делать. Одни люди умеют делать мобильные телефоны, а другие по ним только говорят. И при этом принимают программу цифровой экономики, где, вообще говоря, никакой производящей части нет, а наука никоим образом не должна быть к этому причастна, эффективные менеджеры всё разрулят.

А теперь давайте посмотрим вот на эту картинку. Это данные из государственного доклада Минсвязи. Показано, сколько у нас программного обеспечения используется импортного. Коллеги, мы просто ничего не создаем на этом фоне. Что это означает? Это означает, что мы лишаемся массы конкурентных преимуществ, вся наша экономика, и она вся голая, она вся открытая. Контролируется всё, начиная с производства зубчатых колес, поскольку все станки подключены к интернету. Более того, даже вопрос о том, что нам надо по крайней мере научиться это делать, не встает. Поэтому, по-видимому, одно из важнейших направлений... Специалисты говорят об этом так: дай бог всё уметь, но не всё делать. Но мы пока не стараемся даже научиться.

Вот мы смотрим на эту картинку, мы смотрим на Amazon, мы смотрим на Google, действительно капитализация — триллион. Но что за ними стоит? За ними стоит прежде всего сильная экономика — сильная экономика Китая, сильная экономика США. Когда слабенькие страны пытаются делать

что-то в области цифровой экономики, как в Беларуси, она самая открытая страна в области блокчейна, получается грустно и смешно. И вот сейчас по этому грустному и смешному пути мы пытаемся идти. Поэтому я напомнил бы здесь русскую поговорку «Куда конь с копытом — туда и рак с клешней».

Спрашивается, а можно ли что-то сделать? Вот у Сергея Дмитриевича Бодрунова один из важных тезисов: у нас не будет большой экономики, если не будет малого и среднего бизнеса.

У нас есть сейчас в России достаточно большой, масштабный проект, это так называемая универсальная цифровая биржа, которая позволяет, так же как Alibaba, выйти нашему малому и среднему бизнесу на мировые рынки, прежде всего сельскохозяйственного бизнеса. Здесь как раз показано, что происходит с мешком муки: посредники увеличивают цену в 10 раз. Тут я бы напомнил Николая II. Когда его спросили: «Кто же правит Россией?», он сказал: «35 000 столоначальников». Этот проект пока не может пройти наших столоначальников.

Далее. «Кто будет главным выгодополучателем?» — спрашивал академик Бетелин Владимир Борисович. Я расскажу, кто будет. Будут те люди, будут элиты, которые контролируют государство. Это не экономическая вещь, это социальная вещь, это инструмент для тотального социального контроля.

В Китае, благодаря опять же развитию цифровой экономики, введена система социального рейтингования. Каждый человек получает каждый день оценку. Каждый человек! В частности, в результате этого внедрения всех этих цифровых экономик и всего прочего — это данные на прошлый год — 11 миллионам человек запрещено летать на самолетах, 4 миллионам — на высокоскоростных поездах. А вот эта красивая девушка утаила налогов на миллион долларов и сейчас должна выплатить 100 миллионов. Поэтому, на мой взгляд, надо хорошенько подумать о социальных последствиях этого.

И еще одна важная вещь, которая тоже не может пробить наших столоначальников. Одно из важнейших направлений цифровой экономики — это то, что связано с геномом человека. Это персонализированная медицина, это новый уровень национальной безопасности, это новый уровень фармацевтики. Каждый доллар, вложенный в эту сферу, приносит 200 долларов прибыли. Но мы этим просто не занимаемся.

И, пожалуй, последняя картинка. Известна притча. Человек приходит в церковь и говорит: «Господи, я бедный, хромой, немой, никак не могу я заработать. Давай я куплю билет и выиграю миллион». Проходит три месяца. В конце концов священник спрашивает Господа, который стоит в кресте: «Так как же... Ну, дай, помоги этому несчастному!» А Господь ему с креста и говорит: «Так пусть он хоть лотерейный билет купит!»

Так вот России пора покупать лотерейный билет. Понимаете, нам надо заниматься действительно новой индустриализацией, электроникой, элементной базой, своим программным обеспечением, а не только рассказывать о том, как это важно.

Спасибо.

Бодрунов: Спасибо большое. Завершающее выступление, пять минут. Дмитрий Евгеньевич Сорокин. Дмитрий Евгеньевич — вице-президент ВЭО России, научный руководитель Финансового университета при Правительстве России.

Сорокин: Я продолжу два последних выступления. Хорошо, цифровая экономика — это нужно, тут сомнений нет, и нужны средства. Правда, куда в первую очередь вкладывать средства — в развитие медицины или в цифровую экономику? Средства всегда ограничены. Я тут с московской медициной столкнулся и подумал, что делается не в Москве. Причем на всех уровнях, от Управления делами Президента до обычной нашей муниципальной больницы — и там и там.

Я просто хотел бы обратить внимание, что, уделяя внимание цифровой экономике и говоря о ее развитии, опасностях и прочем, мы должны помнить, что экономика — это все-таки единая система, и нельзя вырывать одно и забывать о другом. Поэтому очень важно найти место цифровой экономики в общесистемных изменениях.

В данном случае я хочу напомнить, что уже больше года прошло с указа №204 (май прошлого года), который начинался словами «В целях осуществления прорывного технологического и социально-экономического развития». И так далее. Там и цифровая экономика тоже была.

Мы ежегодно в Финансовом университете проводим большой форум в последнюю неделю ноября. Так вот, у нас прошлогодний форум, так как каждый форум имеет свой слоган, имел слоган, соответствующий этому указу: «Как попасть в пятерку?» Только что мы буквально утвердили слоган форума, который будет у нас в конце ноября — 26, 27, 28 число. Слоган такой через год: «Рост или рецессия: к чему готовиться?» Сегодня актуальный вопрос вот этот: то, что мы собираемся развивать цифровую экономику, даст нам сегодня, в ближайшие год-два-три прорывное технологическое развитие? Сюда ли надо вкладывать? Конечно, надо. Но зададимся вопросом — об этом тоже коллега из ИМЭМО говорил — оцифровывать что будем? Ту технологическую базу России, которую Российская академия наук относит к четвертому технологическому укладу?

Старые токарные и прочие фрезерные станки? Потому что информацией сыт не будешь, вообще сначала надо поесть. Материальное производство — основа жизни. Ну, оцифруем их. Что будет результатом? Произведем на них конкурентоспособную продукцию, на этом оборудовании?

Так вот. Требуется не вообще оцифровка, а оцифровка с переходом к новому укладу. Только он осуществляется... Я пойду в очередной раз на выставку импортозамещения, через неделю она открывается. Сходите, посмотрите на наше станкостроение, оно там представлено на импортозамещении.

И второй момент. Коллеги, мы все это проходили. Я по базовому образованию получил специальность «инженер-экономист по обработке экономической информации на базе электронно-вычислительных машин». АСУ. Помните такое? У меня дипломная работа «АСУ морского флота». Только тогда были аналоговые, а сейчас цифровые машины, которые быстрее, объем информации и все. И сколько было тогда, старшие товарищи помнят: «АСУ страны создадим!» И все будет. И академика Глушкова все же помнят, мы это в Академии наук всё помним.

Только ничего не пошло, провалилась идея. Хотя все правильно было. Сейчас ведь, по сути, то же самое мы говорим. А почему не пошло тогда? А потому что мы пытались, но не поняли или не захотели понять те, кто принимает решения, что если вы хотите внедрять АСУ, то ее нельзя накладывать на сложившуюся систему и структуры управления. А мы на сложившиеся функции, структуры всей системы — вот эти машины. Не пошло.

Насколько цифровая экономика соответствует сложившемуся управлению? Мы собираемся ее менять, сложившуюся структуру управления экономикой? Я только экономику затрагиваю. Правда, экономика там все остальное тянет за собой. Она с ручным управлением совпадает? Поэтому я за цифровую экономику, но за то, чтобы ее мероприятия проходили системно, памятуя, что это один из элементов системы. О чем сегодня здесь и говорилось.

Спасибо.

Бодрунов: Спасибо большое, Дмитрий Евгеньевич. Уважаемые коллеги, мы на этом прекращаем дискуссию. Но я хотел бы тем не менее несколько слов буквально в завершение сказать.

Сегодняшний доклад из нового мира немножко, из того, куда мы должны попасть. Он — о цифровой экономике, о цифровых технологиях. Этот новый мир, сегодня коллеги об этом говорили, не завтра наступит, а уже стучится в двери. Это не далекое будущее, а достаточно близкое.

Коллега здесь выступала, говорила, что ее порадовало в этом докладе многое. Действительно очень достойный доклад. Но все-таки, как всегда, хотелось бы немножко еще в эту бочку меда добавить соли. Я не буду говорить «дегтя».

Мы здесь выступаем в роли неких экспертов все-таки. Очень важно в будущих докладах, может быть, как раз по этой теме более системно, более глубоко отразить роль таких институций, как, например, государство, как оно меняется, как финансовая система меняется, как они взаимосвязаны и связаны с этим самым развитием цифровых технологий, что на что влияет и как.

Это на самом деле очень важно. Почему? Потому что, сегодня коллеги говорили, мы действительно переходим даже не столько в новый технологический уклад, весь мир с разной степенью отставания друг от друга, а мы переходим вообще в новое состояние общества по большому счету, и мы должны это четко осознавать. Правильно и Дмитрий Евгеньевич сказал, и другие коллеги, что, да, это должно быть отражено и накладываться на роль государства, на структуры управления государства, на взаимоотношения государств.

Действительно правильно, что каждое государство сегодня живет в юридической парадигме своих границ, юридической системы, однако ментально, культурно, информационно оно далеко за своими границами. Эта тенденция расширения нашего пространства очевидна, наблюдаема, и мы это не можем не учитывать.

Я хотел бы сказать, что это будущее впереди, в это будущее мы идем. Но это процесс, который сегодня отталкивается от той точки, в которой мы находимся. По пути, как говорили, помните, в советское время, к коммунизму никто кормить не обещал. То есть надо жить сегодня, жить в сегодняшней ситуации.

Да, я с Вами полностью согласен, в одной из моих книжек написано, что экономики в будущем не будет. Когда я об этом заявил однажды на конференции в Плехановском университете, посвященной экономической науке, коллеги с некоторым недопониманием отнеслись к моему заявлению. Пришлось книжку написать, чтобы пояснить.

Я согласен также с тем, что это будущее надо ковать сегодня. Сегодня мы идем куда? В технологическое будущее в первую очередь. Мы не можем обойтись без изменения технологического уклада, технологического пространства. А технологии — это сегодня в первую очередь цифровые технологии, информационно-коммуникационные технологии на базе цифровых и т. д. Здесь, безусловно, нам необходимо думать о том, в каком месте, на каком уровне мы будем находиться через 10, 15, 20 и далее лет.

Правильно один из выступавших сегодня коллег сказал, что в таком движении, которое сегодня началось, разрыв между лидерами и отстающими не сокращается, а увеличивается. Хотя шансы у России есть.

Сегодня мы понимаем, что многократно нами декларируемые требования реиндустриализации на новой технологической основе, тех технологиях, которые сегодня рождаются, которые мы обозначали здесь, в Экономическом обществе, еще 10 и 15 даже лет назад, эти идеи постепенно завоевывают так или иначе умы тех лиц, людей, которые принимают решения в государстве. Мы видим многие подвиги, в том числе в национальных проектах, в сторону того или иного технологического совершенствования и улучшения. По крайней мере, на ментальном уровне и на словесном, разговорном уровне появились программы, появились задачи, начинают выделяться деньги, ресурсы, какие государство может, на эти темы, на эти задачи. Появляются такие институты, как Национальная технологическая инициатива и т. д. Это хорошо, что эти вещи у нас есть.

Я думаю, очень важно, что это есть, но в то же время — сегодня коллеги это подтвердили — этого мало. Этого очень пока мало. И об этом тоже нам напоминает доклад, который сегодня мы послушали. Я думаю, что в этом докладе обозначены и для нас, и для России в том числе те тренды, которые наблюдаются, которые мы должны учитывать. И те задачи, которые мы сегодня обсуждаем, на самом деле вызваны жизнью, и нам надо это обязательно учитывать.

Я еще раз благодарю всех собравшихся сегодня за серьезное, я бы сказал даже, бурное в некоторых местах обсуждение доклада. Тема живая, тема очень важная, и я благодарю ЮНКТАД за такой очень серьезный, очень взвешенный доклад. А докладчикам особое *my pleasure*.

Спасибо большое. Всего доброго!

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БИЗНЕСА В УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ

**Международный круглый стол
«Роль бизнеса в обеспечении целей устойчивого развития.»**

Дом экономиста, г. Москва, ул. Тверская, д. 22а

Организаторы:

Международный союз экономистов (МСЭ),
Вольное экономическое общество России (ВЭО России) при
участии Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД),
Министерства экономического развития Российской Федерации,
Информационного центра ООН в Москве.

СОБЕСЕДНИКИ

Доктор Мукиса Китуйи,
генеральный секретарь
ЮНКТАД — Конференции
Организации Объединенных
Наций по торговле
и развитию

**Сергей Дмитриевич
Бодрунов,**
президент Международного
союза экономистов,
президент ВЭО России,
директор Института нового
индустриального развития
им. С. Ю. Витте, д. э. н.,
профессор

**Александр Васильевич
Мурьев,**
член Президиума ВЭО России,
исполнительный вице-
президент Общероссийской
общественной организации
«Российский союз
промышленников
и предпринимателей»,
председатель Совета
Ассоциации региональных
банков России (Ассоциация
«Россия»), д. э. н., к. ист. н.

**Алексей Владимирович
Кузнецов,**
заместитель директора по
научной работе,
руководитель Центра
европейских исследований
ИМЭМО РАН, член-
корреспондент РАН, д. э. н.,
профессор

**Александр Александрович
Широв,**
член Правления ВЭО России,
заместитель директора,
заведующий лабораторией
Института
народнохозяйственного
прогнозирования РАН, д. э. н.,
профессор

**Михаил Владимирович
Ершов,**
член Президиума ВЭО России,
член Координационного
совета Международного союза
экономистов, главный
директор по финансовым
исследованиям Института
энергетики и финансов,
профессор Финансового
университета при
Правительстве РФ, д. э. н.

**Татьяна Борисовна
Крылова,**
руководитель отдела
развития
предпринимательства
ЮНКТАД

Я

Бодрунов: Я сегодня рад приветствовать всех на очередном мероприятии Международного союза экономистов. У нас сегодня в гостях очень важный специалист — доктор Мукиса Китуйи, генеральный секретарь ЮНКТАД — Конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию. Я рад его приветствовать в наших стенах.

Уважаемые друзья, символично, что наша встреча проходит здесь, в Доме экономиста. Это штаб-квартира Международного союза экономистов и штаб-квартира Вольного экономического общества. Международный союз экономистов образован 27 лет назад, в настоящее время он объединяет экономистов 48 стран мира и имеет генеральный консультативный статус экономического, социального совета Организации Объединенных Наций. Вольное экономическое общество России — первый институт гражданского общества страны, старейшая общественная организация мира, которая учреждена указом императрицы Екатерины Великой еще в 1765 году. История нашей ВЭО России измеряется более чем двумя с половиной веками. Каминный зал Дома экономиста, в котором мы проводим сегодня круглый стол, это знаковое, историческое место. Здесь мы разместили галерею портретов президентов Императорского Вольного экономического общества России. Уважаемые коллеги, я вам могу сообщить, что мы только что, встречаясь с господином Мукиса Китуйи, презентовали ему нашу книгу, где как раз вот эта самая портретная галерея представлена с описанием деяний наших президентов Вольного экономического общества во все времена, на английском языке.

И об истории наших организаций можно говорить, конечно, очень долго. Но, к сожалению, регламент у нас очень сдержанный, не позволяет нам подробно об этом говорить, но те издания, которые мы сегодня презентовали господину Китуйи, надеюсь, позволят составить мнение о том, чем мы занимаемся и сколько сил тратим на то, чтобы экономическое сообщество России было признано и было известно.

Уважаемые коллеги, тема сегодняшнего круглого стола, которую нам совместно с ЮНКТАД и Министерством экономического развития предложено сформулировать — «Роль бизнеса в обеспечении целей устойчивого развития». Эта тема не случайная. Развитие предпринимательства трансформирует экономику, вносит большой вклад в создание социальных, экономических инноваций, которые лежат в основе устойчивого развития, о чем говорит нам президент России, о чем говорят многие специалисты в мире и о чем не раз говорил господин Мукиса Китуйи. В майском указе нашего президента поставлена задача возобновления экономического роста России. До 2024 года нам необходимо войти в число пяти крупнейших экономик мира, в два раза снизить бедность, увеличить производительность труда на несырьевых, подчеркнутых, предприятиях. Это непростая, комплексная задача. Осуществить ее без усиления роли бизнеса в экономическом развитии не представляется возможным.

Посмотрим на общую картину того, как сегодня обстоят дела с предпринимательством в России? Мы часто поднимаем эту тему на мероприятиях, которые проводят Международный союз экономистов и Вольное экономическое общество России. В частности, мы много говорили об этом на Всероссийском экономическом собрании, которое мы проводим в Кремлевском дворце, как правило, ежегодно, подводя экономические итоги года. Это удачно происходит в ноябре, в дату рождения Вольного экономического общества России — 11 ноября, которое правительством России обозначено как День экономиста России. В этом году мы так же будем проводить собрание, подводить итоги.

Ежегодно об этом говорим на наших экспертных сессиях, мы говорим об этом так же и в наших передачах, которые ведем на телевидении, на радио и так далее, популяризируя наши задачи. И собираемся об этом говорить подробно, детально говорить на Московском академическом экономическом форуме, который пройдет у нас 15–16 мая этого года в главном здании Академии наук. Это будет центральная площадка. И еще будут 28 региональных площадок в ведущих вузах и академических центрах страны, где также пройдут слушания по волнующей всех теме — устойчивый экономический рост России, экономическое развитие России, вклад науки в это большое и серьезное дело.

Ситуация в российской экономике сегодня неоднозначная. С одной стороны, справедливости ради я должен сказать, что в последние годы многое изменилось у нас к лучшему. Если говорить о состоянии бизнеса и его участия в экономическом развитии страны, то можно сказать, что еще семь лет назад Россия занимала 120-е место в рейтинге

Всемирного банка Doing Business. Параметры его демонстрируют успешность реформ, направленных на облегчение условий ведения бизнеса. Наш президент тогда поставил задачу — войти в первую двадцатку-тридцатку этого рейтинга. Сейчас мы уже на 31-й позиции, то есть шаги очень большие и колоссальные. Недавно президент, встречаясь с французскими предпринимателями, сказал о том, что мы уже на одну позицию выше, чем Франция, в этом Doing Business. В этом плане, я думаю, мы идем верным путем. Это нужно отметить — сделано много. Но я бы коротко сказал, что этого, конечно, далеко не достаточно для того, чтобы бизнес наш чувствовал себя уверенно, строил и реализовывал долгосрочный план развития.

Проблемы есть. Этих проблем немало. Как отмечают многие наши российские специалисты, наши предприниматели, эксперты Вольного экономического общества, общий инвестиционный климат в стране нужно продолжать улучшать. Проблем много: это высокая налоговая нагрузка, это конкуренция с теневым сектором, который еще достаточно велик, это административные барьеры, которые надо снижать, сложности в получении кредитов и многие другие проблемы, которые мы открыто обсуждаем для того, чтобы найти выход из сложных ситуаций, в которые попадают наши предприниматели.

Настроения крупного бизнеса, в общем-то, не очень хороши. Предприниматели боятся рисковать, сокращают горизонт стратегического планирования своих предприятий. Это ведет к стагнации производства, делает невозможным экономический рывок, о котором мы говорим, который как задача стоит в майском указе президента.

Как показало исследование Высшей школы экономики, подготовленное на основе опроса более 24 тысяч топ-менеджеров в промышленности, каждое второе предприятие в производственном секторе пока не имеет долгосрочных планов по капитальным вложениям в развитие бизнеса. То есть инвестировать в долгую, развивать проекты со сроком более 10 лет, готовы только около 5% предприятий. Так что, как видите, уважаемые коллеги, проблемы глубоки, они куда глубже, чем может показаться на первый взгляд. Они требуют комплексного подхода. И если их не решать, встает вопрос, а сможем ли мы достичь тех целей, которые были обозначены в указе президента и вообще стоящих перед нашей страной?

Полагаю, что наш международный круглый стол — это прекрасный повод обменяться мнениями, предложениями по трансформации делового климата в России. Тем более что в ЮНКТАД накоплен огромный опыт в области политики, направленной на поощрение структурной трансформа-

ции с помощью предпринимательства. И поэтому, уважаемые коллеги, я с удовольствием передаю слово доктору Китуйи, генеральному секретарю Конференции Организации Объединенных наций по торговле и развитию. Прошу Вас, господин Китуйи.

Китуйи: Большое спасибо, господин президент. Дамы и господа, позвольте мне для начала поблагодарить вас за эту возможность выступить перед вами. Я уже сказал господину президенту, что моя организация, ЮНКТАД, которая была основана в июне 1964 года, отмечает свое 55-летие. И я первый генеральный секретарь ЮНКТАД, который приехал в Москву. Это было настоящим преступлением с нашей стороны — не приехать, мы должны были, конечно же, приехать гораздо раньше. И я уверен, что все те, кто будут приехать после меня, будут обязательно приехать в Москву, в этот важный исторический город.

Меня попросили кратко поговорить о роли бизнеса в обеспечении целей устойчивого развития, о том, что может бизнес, что могут сделать предприниматели для достижения устойчивого развития. Расскажу о той работе, которой мы в настоящий момент занимаемся, о трендах в бизнесе, о трендах, которые сейчас существуют в прямых иностранных инвестициях, о тех вызовах, которые стоят перед предпринимателями сегодня. Глобально мы видим те тренды, о которых очень много говорили на встречах МВФ и Всемирного банка две недели назад. Сейчас, к сожалению, восстановление глобальной экономики все еще остается очень хрупким. Это очень ясно видно на примере прямых иностранных инвестиций. Они все еще не вернулись к докризисному уровню. Мы очень четко видим глобальную тенденцию к снижению прибыльности прямых иностранных инвестиций. И это происходит во многих странах.

Следующий тренд. Сейчас мы видим политику протекционизма, которую в основном прорабатывают США и Китай, а также существует нестабильность из-за автоматизации производства. И это ведет к тому, что многие задумываются о том, стоит ли инвестировать в производственные компании.

В-четвертых, сейчас очень четко прослеживается тренд к тому, что в глобальных производственно-сбытовых цепочках очень большое внимание начинает уделяться препроизводственным процессам и постпроизводственным процессам, то есть проектированию продуктов, логистике, транспортировке произведенных товаров. Этим секторам уделяется внимание больше, чем непосредственно производству. Также мы видим, что, с одной стороны, протекционизм, а с другой — развитие технологий серьезно влияют на производственно-сбытовую цепочку. Она становится

короче. Сейчас путь от производителя к конечному потребителю намного короче, чем он был 10 лет назад. Это те тренды, которые очень важно подчеркнуть.

Еще один тренд, который мы сейчас видим, это, конечно же, бремя корпоративного и государственного долга. На встрече МВФ две недели назад было сказано о том, что сейчас долговое бремя угрожает очень серьезно экономикам развивающихся стран и экономикам в переходном статусе. Это означает, что те из нас, кто говорил о необходимости внедрения механизмов, которые были призваны бороться с долговым бременем, должны сегодня вновь говорить о такой необходимости для того, чтобы не повторить того, что происходило во многих странах, например, того, что происходило в Аргентине, когда они столкнулись с очень серьезным долговым кризисом, и страна действительно существенно пострадала от этого.

Что еще нас волнует с глобальной точки зрения? Это хрупкость многосторонних институтов, хрупкость многосторонних связей, в особенности в торговой сфере. Сейчас мы видим, что международная торговля страдает от недостатка стабильности, от недостатка предсказуемости. Мы должны иметь стабильные институты, стабильные организации, которые будут работать с целым рядом проблем в торговле. Многие сейчас призывают к реформе ВТО, многие говорят об опасности торговой войны между США и Китаем, многие говорят об опасности новой холодной войны между Америкой и Россией. Вы видите, что действительно факторов риска много. Но я напомним, что Всемирная торговая организация была учреждена как международный институт, который будет бороться за процветание стран в сфере торговли. Сейчас мы очень часто слышим критику, что в ВТО все только работают с тем, чтобы сделать так, чтобы чей-то голос был слышен громче, чем голос других стран, что это все конъюнктура, а не реальная борьба за процветание. Многие говорят о все возрастающей роли БРИКС, о том, что мало внимания уделяется развивающимся экономикам.

В июле уйдет на пенсию один из арбитражных судей Всемирной торговой организации. А в последнее время постоянно блокировались попытки заменить судей, которые сидят в Арбитражном суде ВТО. И если США не изменит такой позиции, то весь механизм просто перестанет работать, поскольку один из судей уйдет на пенсию.

Тем не менее, я считаю, что важно поговорить также и о тех позитивных изменениях, которые происходят, а не только о негативных изменениях.

Итак, что же мы видим сегодня позитивного?

Мы видим, что Россия возвращается во многом на свои позиции. Только на протяжении последних трех лет торго-

вые обороты Российской Федерации растут. Они выросли очень серьезно за три года. Кажется, что цифры, которые сейчас мы видим на статистике, не настолько большие, не настолько впечатляющие, но важна траектория, важен тот факт, что Россия действительно вернулась на путь роста.

Следующий позитивный момент, который мне хотелось бы отметить, — это те новые возможности, которые сегодня возникают в сфере цифровой экономики. Моя организация видит своей задачей публикацию информации, докладов по цифровой экономике. И часть трендов, которые относятся к цифровой экономике, имеют действительно большое значение.

Во-первых, электронная торговля растет на 15% в год. На нее приходится 13 триллионов долларов США. Важно понимать, что обычная экономика растет не так быстро, почти в четыре раза меньше ее рост. Это означает, что торговля в интернете, цифровая торговля действительно имеет большой потенциал. И поэтому очень важно, чтобы международные институты, которые занимаются вопросами регулирования торговли, занимались также вопросами регулирования цифровой экономики, занимались вопросами ИКТ для того, чтобы гарантировать защиту прав потребителей в цифровой торговле, для того, чтобы делать системы электронных платежей более безопасными не только на территории своей страны, но и в трансграничном преломлении.

Важно понимать, что сейчас электронные платежи становятся очень важными для мировой экономики. И поэтому наш экономический дискурс должен строиться не только на вопросах и проблемах прошлого, но и на вопросах, которые ставит перед нами новая экономика — проблема цифрового разрыва, конечно же, не может не затрагивать нас. Вопрос соотношения цены и качества того, что продается в цифровом пространстве, также является очень важным вопросом, который мы должны рассматривать, когда мы говорим об устойчивом развитии.

Еще один феномен, который я не могу не отметить, самым прямым образом связан с теми проблемами, которые вынесены в тему нашего сегодняшнего обсуждения. Это, конечно же, цели устойчивого развития. Недавно в Нью-Йорке на встрече ЭКОСОС была запущена инициатива по устойчивому бизнесу. Вопрос был такой: как мы можем напрямую говорить с представителями бизнеса, с предпринимателями, как мы можем мотивировать их на то, чтобы они вносили свой вклад в устойчивое развитие? Нашим модератором был Financial Times в США. Каждую неделю Financial Times будет публиковать новую колонку под названием «Этическая экономика». Но здесь все крутится не вокруг этических вопросов в бизнесе, а вокруг того, как биз-

нес может вносить свой вклад в устойчивое развитие, потому что сейчас потребители услуг, продуктов будут больше и больше внимания обращать на то, старается ли бизнес вести себя более экологично, вносить вклад в социальное процветание стран и мира, потребители будут смотреть на то, старается ли компания сделать что-то хорошее, помимо того, чтобы просто зарабатывать деньги. Поэтому, конечно же, предпринимателям, компаниям важно осознавать, что растет их ответственность в достижении устойчивого развития.

Когда в 2015 году обсуждалась повестка-2030, принятая ООН, было очень много вопросов. Политики выступали с заявлениями, рассказывали деловому миру о том, что у вас, господа предприниматели, есть обязанности перед вашими акционерами, но у вас есть обязанности и перед обычными людьми. Но буквально через некоторое время после той знаковой встречи в 2015 году мы поняли, что действительно бизнес должен играть лидирующую роль, потому что не важно, сколько мы, представители международных организаций, представители государств, будем говорить о том, что у бизнеса есть ответственность не только перед своими акционерами, не только перед своими партнерами, но и перед миром, — они сами должны это понять. Поэтому вопрос, который стоит перед нами сегодня, будет звучать так: каким образом мы можем построить новую бизнес-модель, которая позволит нам поставить на одну линию интересы акционеров и обычных людей, интересы мира, интересы развития. Менеджмент каждой компании не должен разрываться перед вопросом: стремиться ли к прибыльности или стремиться к тому, чтобы играть свою роль в сфере достижения устойчивого развития.

Сейчас эксперты в области бизнеса должны начинать разрабатывать новую бизнес-модель, которая приведет в гармонию вопрос получения прибыли и вопрос выполнения своей социальной роли. Важно призвать к решению этой задачи науку, бизнес и таким образом снизить негативное влияние на экологию, и все это выйдет за пределы пиар-акции, все это выйдет за пределы корпоративных решений.

Таким образом, мы сможем гарантировать большую роль женщин в экономике, мы сможем гарантировать более достойную жизнь тем людям, которые живут в зоне добычи ресурсов, но мы организуем это таким образом, чтобы компании также получали прибыль и показывали, насколько они стабильны, насколько они привержены идее устойчивого развития.

Мы в ЮНКТАД уже проводили начальную работу по этому вопросу. Например, мы взаимодействовали со школами управления, с бизнес-школами различных университетов

и предлагали поработать с их учебным планом. Мы пытались проработать с ними вопрос, что на самом деле является их целью? Мы понимаем, что страта бизнес-лидеров, которые идут впереди всех, которые ведут за собой бизнес, все-таки уязвима, поскольку перед ними действительно стоит тяжелый выбор. Алан Джоуп, генеральный директор Unilever, он также был главой Агентства по устойчивому развитию в ООН, работал с целым рядом венчурных инвесторов, которые хотели получить себе Unilever, потому что все цели, направленные на достижение устойчивого развития, которые преследовала компания Unilever, больно ударили по прибыльности компании. И они хотели получить, таким образом, компанию Unilever. Но вмешалось правительство Нидерландов, вмешалось правительство Британии и не позволили этим венчурным инвесторам сделать это.

Важно говорить о том, что если генеральный директор единолично примет цели устойчивого развития, но акционеры не будут понимать их важности, то менеджменту компании всегда придется метаться между двух огней. И это очень непростая для них ситуация. Поэтому очень важно установить такие механизмы, которые позволят нам защищать людей, которые будут настоящими пионерами устойчивого развития и которые будут действительно стараться, работая в своих компаниях, поддерживать цели устойчивого развития, защищать их от тех людей, которые по-прежнему мыслят узко, которые по-прежнему думают о прибыли в очень старом ее формате.

Говоря об устойчивом развитии, о целях устойчивого развития, о целях компаний, которые они должны преследовать в этой связи, нельзя не упомянуть о малых и средних предприятиях. Конечно же, практически в любой экономике именно малые и средние предприятия создают больше всего рабочих мест. Но для них вызовы — такие же серьезные, как для больших компаний. Для них следование целям устойчивого развития может быть еще более сложным, чем для больших компаний, поскольку у них меньше ресурсов. Например, давайте представим, что большая компания решает проинвестировать в реорганизацию своего производства с тем, чтобы стать более экологичной, более энергоэффективной, более передовой компанией. Для большой компании это легче, чем для маленького или среднего предприятия.

Нельзя просто спихивать эту ответственность на корпоративный сектор. Государства должны создать условия, в которых малые и средние предприятия смогут оставаться жизнеспособными. Но в тот же момент смогут внедрять новые методы производства, передовые методы производства, смогут внедрять новые технологии, смогут брать на себя более важную социальную роль, в особенности в работе с уязвимыми социальными группами.

Я хотел бы поблагодарить Вас, господин президент, и выразить признательность Вам и вашей организации за то, что вы готовы обсуждать эту важную цель, за то, что Вы готовы стать нашими партнерами и идти вперед вместе. Я бы хотел, чтобы Вы больше участвовали во встречах высокого уровня, которые мы каждый год проводим в Женеве и других городах мира. Сейчас для многосторонних процессов настали сложные времена. И мы будем очень рады видеть Российскую Федерацию в наших рядах в борьбе за многосторонние институты, за многостороннее общение. И мы также надеемся, что сможем привлечь корпоративный сектор, лидеров экономического сектора, чтобы они могли рассказать, какими, с их точки зрения, являются решения этих задач. Большое спасибо за внимание.

Бодрунов: Уважаемый г-н Китуйи, спасибо за этот, я бы не побоялся этого слова, феноменальный анализ ситуации в мире, когда действительно обстановка сложная и для мирового бизнеса, и для мировой политики, и для развития мировой экономики. Мы входим в новый технологический период, в новый технологический уклад. Это вызывает огромные экономические потрясения, изменения экономических взглядов и решений. И поэтому, безусловно, устойчивость в этой ситуации — это чрезвычайно важная вещь для экономики. Я хотел бы, чтобы сегодня по этому поводу высказались наши коллеги, которые присутствуют здесь и со стороны ЮНКТАД, и со стороны Международного союза экономистов, представляющих многие наши общественные организации и научные организации и бизнес. Первым слово я хочу предоставить Александру Васильевичу Мурычеву, он член Президиума нашей организации и исполнительный вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей, крупнейшей предпринимательской структуры России, одновременно он — председатель Совета директоров Ассоциации российских региональных банков. Я прошу Вас, Александр Васильевич.

Мурычев: Спасибо, Сергей Дмитриевич, большое за возможность выступить. Господин Китуйи, я Вас рад приветствовать от лица Российского союза промышленников и предпринимателей. Для нас это большая честь — Вас пригласить. На всех площадках мы очень активно сотрудничаем со всеми структурами Организации Объединенных Наций, в том числе, Вы знаете, наверное, о роли российского бизнеса в сотрудничестве с такими важными организациями международными, как Международная организация труда, где мы являемся постоянными членами, Международная организация работодателей. Президент РСПП, Александр Николаевич Шохин, на днях принимал участие во встрече с президентом России Путиным

Владимиром Владимировичем в Санкт-Петербурге, где также шел разговор о координации наших усилий по созданию глобального устойчивого развития в мире. Эта тема фактически является ключевой для крупного бизнеса, а РСПП представляет крупный бизнес, который в совокупности дает более 50% валового внутреннего продукта Российской Федерации. И конечно же, от поведения, от настроения этого бизнеса зависит формирование бюджета, устойчивость как таковая в российской экономике.

Когда мы говорим об устойчивом развитии, конечно же, мы прежде всего должны говорить о качестве жизни людей. И если мы говорим о жизни, значит, мы должны анализировать, насколько регуляторика, насколько программа развития носит социально-значимый характер, адекватный этому главному целевому ориентиру — созданию условий для более качественной жизни наших граждан.

Я хотел бы сказать тут про несколько тенденций, которые сейчас действуют в экономике, в бизнес-среде Российской Федерации.

Вы знаете, что Российская Федерация находится под жестким санкционным давлением со стороны Соединенных Штатов Америки прежде всего. Но при этом я хотел бы сказать, что текущее состояние экономики характеризуется как стабильное, и об этом говорят все макропоказатели как по ключевой ставке, так и по инфляционной составляющей, по росту ВВП (хоть незначительный, но рост ВВП есть). У нас заявлено много программ, связанных с приоритетными национальными проектами, в которые активно включен бизнес России. Они, прежде всего, направлены на создание прогнозируемых долгосрочных условий, которые отвечают требованиям устойчивого развития. Это приоритетные направления, которые напрямую касаются граждан Российской Федерации. И формальные показатели, конечно же, говорят о росте как промышленности, так и сельскохозяйственной индустрии, росте добычи нашего традиционного экспорта — газа, нефти, других природных ресурсов. Это неплохая динамика, большие контракты, запросы на многие годы вперед.

В стране происходят, я бы сказал, кардинальные в историческом даже плане изменения, связанные с изменением структуры экономики Российской Федерации. Мы за последние годы все в меньшей степени зависим от цены на нефть. Бюджет пока пополняется, прежде всего за счет этого классического нашего экспортного направления, но зависимость резко снизилась за счет включения программ инновационного характера. Это программы, связанные с ракетно-космической индустрией, информационной безопасностью, информационными технологиями как таковыми. Реализуется программа «Цифровая экономика в Российской

Федерации». Россия является передовой страной в области создания цифровых показателей предоставления государственных услуг населению. В России практически нет проблем с предоставлением государственных услуг. Проблемы решаются быстро, оперативно, без очередей, начиная от поликлиник, больниц и заканчивая предоставлением услуг, непосредственно связанных с коммунальными платежами, пенсионными выплатами и так далее.

При этом у нас очень низкий уровень долговых обязательств — самый низкий среди развитых стран мира, и крупный бизнес это чувствует. Вы знаете, что в России накоплены огромные золото-валютные резервы, которые составляют уже около 500 миллиардов долларов США. Это очень значительный показатель. С учетом рисков, которые возрастают, и с учетом санкций, это вполне верный шаг, который бизнес поддерживает, со стороны финансовых властей — мы уходим от долларовой зависимости. Мы фактически ушли из трейдерис и по итогам 2018 года фактически опустились до уровня 14 миллиардов долларов США. Если мы имели около 100 миллиардов США в бумагах Федерального казначейства США буквально год тому назад, то фактически на порядок снизили эту зависимость. При этом вы знаете ситуацию сейчас с золотом как таковым. Мы своевременно реструктурировали наши резервы и сильно увеличили в резервах золото. За последний год мы — первая страна в мире, которая в самых больших объемах вела закупки золотого запаса на мировых глобальных рынках. У нас рекордное количество золота за 2018 год — около 100 тонн золотого запаса мы добавили. Сейчас у нас более 2 тысяч тонн золота примерно. Если брать золото в международных резервах, то это составляет уже 18%. Вы знаете, сейчас цена на золото — это конъюнктурная цена, она колеблется. Но тем не менее спрос на золото растет. Вы знаете, что многие страны избавляются от хранения золота в Соединенных Штатах Америки и вывозят золотые запасы в свои страны для минимизации этих рисков. В России такая проблема не стоит, так как золото изначально хранится в структурах Центрального банка.

Что касается финансовых рынков, то я хотел бы сказать, что за последние годы, понимая, что банки — это важнейшие игроки наших экономик, работа которых напрямую касается настроения граждан Российской Федерации, да и, собственно, всех стран, в этой связи у нас регулятор очень активно поработал за последние годы по расчистке системы. Несколько сотен банков за последние пять лет потеряли свои лицензии, они ушли с рынка. Сейчас у нас в стране где-то порядка 480 кредитных организаций, которые работают на рынке. При этом показатель ухода с рынка снижается. Это говорит о том, что значительная доля банков, которая не

очень прозрачна была для регуляторов, с рынка ушла, а здоровая часть банковского сектора осталась на рынке. Это тоже внушает оптимизм в связи с тем, что банковская система будет чувствовать себя более устойчиво: каких-то кризисов в ближайшие годы я лично не наблюдаю в системе. Это очевидный факт, с учетом того, что все банки докапитализированы или докапитализируются, сейчас требования регулятора очень сильно выросли. Россия, к сожалению (я отмечу, не к счастью, а к сожалению), одна из первых, которая выполняет в полном объеме требования Базельского комитета по резерву, по капиталу. Может быть, и в ущерб развитию кредитования. Но тем не менее это факт, который говорит о том, что банки достаточно капитализированы и устойчиво работают.

Если говорить об устойчивом развитии, то российский бизнес сейчас ведет важную программу, связанную с созданием условий для подготовки высококвалифицированных кадров. У нас происходит сильная реструктуризация, как я уже сказал, экономики, и возникает большая потребность в специалистах инновационного направления. И в этой связи в стране запущен проект, связанный с развитием квалификаций. Проект находится под контролем президента Российской Федерации. Создана «Национальная система профессиональных квалификаций» во всех сегментах нашей экономики. Мы с Вольным экономическим обществом совместно сейчас начинаем трудиться в том числе над реализацией этой очень важной, на наш взгляд, программы.

Я хотел бы проинформировать Вас, господин Китуйи, что бизнес европейский, американский, несмотря на не очень позитивный внешний фон, очень активно продолжает инвестировать в российскую экономику. У нас прямые иностранные инвестиции европейцев за последние два года не упали. Это говорит о том, что бизнес живет все равно по своим законам. У России есть огромные возможности, проекты долгосрочные и очень перспективные, и здесь есть на чем зарабатывать и как зарабатывать. Прибыль для бизнеса — это все-таки ключевой момент, и бизнес прежде всего оценивает эти возможности.

Риски есть. Мы о них постоянно говорим и с властью работаем. Но проинформирую Вас, что сейчас принимается закон о поощрении и защите инвестиций в Российской Федерации. Этот закон очень важный с точки зрения того, что на политический цикл шесть лет вводится фактически стабилизационная оговорка. После заключения соглашения с государством бизнес может чувствовать себя уверенно, так как регуляторика меняться не будет с налогами, с тари-

фами и другими составляющими, что сильно влияет на настроение бизнеса в среднесрочной перспективе. Стабилизационная оговорка вводится в законодательство Российской Федерации. Это, мне кажется, обеспечит движение в сторону создания более доверительной среды. Это будет влиять на создание прогнозируемого устойчивого развития в России. Спасибо.

Бодрунов: Спасибо большое за такой подробный, детальный анализ сегодняшнего состояния экономики. У нас сегодня еще выступают коллеги, которые могут дополнить и развить эту тему. Я хотел бы предоставить слово Алексею Владимировичу Кузнецову, заместителю директора по научной работе, руководителю Центра европейских исследований Российской академии наук Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук, члену-корреспонденту Российской академии наук. Алексей Владимирович, Вам слово.

Кузнецов: Уважаемые коллеги, я выбрал в качестве темы роль транснациональных корпораций постсоветского пространства и Восточной Европы, чтобы показать роль этого сегмента бизнеса в достижении целей устойчивого развития. Это данные ЮНКТАД конца 2017 года. Вклад стран постсоциалистического блока не очень велик. По большому счету одна Россия является заметным инвестором, есть еще несколько стран, которые вкладывают за рубежом некоторое количество инвестиций. И в этой связи встал закономерный вопрос: а зачем рассматривать именно эту группу компаний, их вклад в устойчивое развитие.

Я показал маленькие страны-инвесторы, типа Словении и Хорватии, которые сконцентрировались в основном в соседних странах, и это общая черта очень многих постсоциалистических стран — инвестировать друг в друга. Если мы говорим о вкладе, то здесь уже роль российского капитала, с учетом того, что делается через офшоры, выше, и можно увидеть достаточно большую роль постсоветских стран, в меньшей степени стран Центральной и Восточной Европы, в инвестировании друг в друга.

И поэтому, когда мы говорим о роли инвестиций из постсоциалистических стран в устойчивом развитии, мы можем увидеть, что в определенных регионах их вклад очень большой, особенно когда речь идет об инвестировании в менее развитые страны либо бывшие страны социалистического блока, когда российские компании инвестируют в страны Центральной Азии, или ведущие восточноевропейские страны инвестируют на Балканах, или, когда мы говорим об отраслевой структуре, не секрет, что большинство постсоветских стран попадает в число крупных инвесторов, если

у них есть ресурсные компании. А ресурсным компаниям, им как бы сам бог велел влиять на цели устойчивого развития.

И наконец, еще один момент, тоже немаловажный, связан с тем, что, когда мы говорим о компаниях постсоветского периода, постсоветского региона, мы смотрим на то, что они действительно имеют много общих черт с транснациональными корпорациями развивающихся стран, но при этом больше ориентируются на бизнес развитых стран, потому что не хотят себя признавать развивающимися. И многие компании даже не скрывают, что они начинают преследовать цели устойчивого развития ради пиара. Что в этом плохого, если компании действительно, пусть и ради пиар-мотивов, начинают делать вещи, которые заложены в целях устойчивого развития? При этом, на мой взгляд, это может стать образцом для большого массива ТНК развивающихся стран, которые тоже прекрасно понимают, что они отличаются от компаний западных стран. Когда они видят компании из развивающихся постсоциалистических стран, они тоже могут за этим следовать. Что любопытно, вот эти ведущие российские нефинансовые ТНК по итогам 2017 года, вся тройка лидеров, они все очень активны в целях устойчивого развития. И это началось еще до появления этого документа. Эта деятельность началась не только у Лукойла, Газпрома и Роснефти, но и у других компаний. В 2017-м примерно году и «Лукойл», и «Газпром», и «Роснефть» попытались интегрировать ооновские цели устойчивого развития в свои стратегические документы. Если мы возьмем «Лукойл», то весь его отчет об устойчивом развитии, выпущенный в 2017 году, уже восьмой по счету, пронизан этими целями: 11 из 17 у них есть.

Конечно, любопытно, что сгруппировав четыре свои стратегические цели вокруг целей устойчивого развития, одну из целей они, на самом деле, к ооновским целям не привязали. То есть они добавили доходность капитала, возврат инвестиций, непрерывное создание акционерной стоимости, посчитав это тоже устойчивым развитием для себя. Но при этом три остальные цели — социальная ответственность, достойный вклад в развитие общества, конкурентоспособность и промышленная экологическая безопасность — это четко сгруппировано вокруг нескольких целей. Некоторые цели отсутствуют, хотя могли бы быть тоже включены, но это, видимо, традиционно вещи проблемные. Например, проигнорировано гендерное равенство в этом документе. Что касается нищеты и голода, наверное, понятно, что нефтяная компания, действующая в основном в странах, где с этим благополучно, не стала про это говорить.

«Роснефть» также провела большую работу, приняла стратегию «Роснефть-2022». И тоже вокруг целей устойчивого развития. Они указали все 17 целей в своей деятельности,

но выделили приоритеты: хорошее здоровье и благополучие, недорогостоящая чистая энергия, достойная работа, экономический рост, борьба с изменением климата и партнерство в интересах устойчивого развития.

И наконец, «Газпром». Он в меньшей степени продвинулся. То есть если «Лукойл» с пятого, «Роснефть» с восьмого года делают отчеты об устойчивом развитии, у «Газпрома» пока вот в такой явной форме только дочки делают, например, «Газпромнефть». Тем не менее это показательно, что не важно, государственная или частная компания, но, к сожалению, пока это все удел нефтегазового бизнеса, он — пионер. Если мы посмотрим на металлургию, там делаются определенные отчеты, есть определенная деятельность, но она в меньшей степени представлена. До сих пор есть крупные компании, у которых есть только разделы на сайте, но нет специальной деятельности.

Кстати, в этом отношении и некоторые, всегда считавшие себя более продвинутыми коллеги из Восточной Европы, типа польских и венгерских компаний, тоже часто ограничиваются только отчетной позицией на сайтах или в общих отчетах.

В любом случае, я считаю, очень хорошо, что этот процесс пошел и что этот процесс при грамотном пиар-сопровождении, поддержке со стороны собственного правительства и отражении в международных документах, будет стимулировать и другие компании постсоциалистического региона к поощрению целей устойчивого развития, поскольку масштабы этого бизнеса свидетельствуют о том, что они действительно могут оказать ощутимый вклад в достижение этих благих целей человечества. Спасибо.

Бодрунов: Спасибо большое, Алексей Владимирович, за Ваше подробное выступление, анализ документов. Я хотел бы предоставить слово Александру Александровичу Широу, члену Правления нашего экономического общества, заместителю директора и заведующего лабораторией Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук. Прошу Вас, Александр Александрович.

Широв: Уважаемые коллеги, очень приятно сегодня присутствовать на этом заседании. Я хотел бы поделиться своим опытом в области исследования вопросов устойчивого развития. Хотя я и являюсь в основном практикующим макроэкономистом, так получилось, что последний год вместе с моими коллегами на экономическом факультете Московского университета мы пытались организовать специальный курс по устойчивому развитию и формированию экономической политики по достижению целей устойчивого развития

в России. И надо сказать, что это было не очень просто, потому что есть некоторый разрыв между пониманием целей устойчивого развития на уровне Организации Объединенных Наций, специалистов, которые непосредственно работают в этой области, и людей, которые имеют дело с макроэкономической политикой, которые ее формируют и в конце концов определяют, как будут достигаться те самые цели устойчивого развития. Хотя мы знаем, что и крупные российские компании, и Правительство декларируют в своих программных документах достижение целей устойчивого развития. Простое задание для студентов — соотнести текущие меры экономической политики, например, государственные программы Российской Федерации с целями устойчивого развития. И студенты не всегда находили ответ на этот вопрос. Когда мы как преподаватели обсуждали это между собой, то всегда отмечали, что разрыв существует.

Цели устойчивого развития ООН — это такие ориентиры для всего человечества, а правительство оперирует конкретными макроэкономическими индикаторами в качестве своих целей и распределением сумм на определенные направления действий. И если пытаться между собой эти цели устойчивого развития и элементы экономической политики объединять, то может быть неплохой эффект. Например, я могу сказать, что магистрам давались задания, допустим, проанализировать кейсы по достижению целей устойчивого развития в отношении образования, здравоохранения в различных российских регионах. И к концу курса мы могли уже сформулировать, какие меры экономической политики, реализуемые в рамках тех или иных региональных программ, являются сопоставимыми с целями устойчивого развития, а какие — нет, и что нужно изменить.

Но мне, еще раз, как макроэкономисту кажется, что между реальной экономической политикой и целями устойчивого развития пока еще есть вот этот самый разрыв, который необходимо чем-то заполнить. Возможно, это может быть политика бизнеса, потому что все-таки российский бизнес пока рассматривает цели устойчивого развития как некоторую галочку, которую нужно поставить, но не как реальное направление своей деятельности. Да, все должны вроде бы сделать в своих стратегиях реверанс в сторону целей устойчивого развития, но их достижение не является приоритетом пока, к сожалению. И мне кажется, что одно из ключевых направлений — это взаимодействие бизнеса и государства в достижении целей устойчивого развития. А второе — это сближение тех целей устойчивого развития, которые приняты на уровне Организации Объединенных Наций, и тех целевых показателей развития экономики, которые есть в каждой стране. Спасибо.

Бодрунов: Спасибо большое, Александр Александрович. Я хотел бы предоставить слово Михаилу Владимировичу Ершову, члену нашего Президиума Вольного экономического общества и члену Координационного совета Международного союза экономистов. Он главный директор по финансовым исследованиям Института энергетике и финансов и профессор Финансового университета при Правительстве России. Михаил Владимирович, прошу Вас.

Ершов: Спасибо большое. Спасибо, доктор Китуйи, за Вашу презентацию. Коллеги, роль бизнеса, о которой мы сегодня говорим, тем более важна, когда неопределенность на внешних рынках достаточно высока. ЮНКТАД об этом совершенно справедливо говорит в своем докладе, отмечая, что краткосрочные риски растут. Это может существенно затормозить экономическую активность. В таких условиях тем более настораживает, что и в докладе ЮНКТАД, и в других материалах говорится, что у большинства из стран, которые анализируются, главный драйвер роста — это внешняя торговля, та самая, которая, как ожидается, будет испытывать особые риски. Таким образом, получается, что рост будет достаточно хрупким. С моей точки зрения, это очевидно. И мы знаем, что только у некоторых стран, согласно опять-таки материалам ЮНКТАД, важнейшую роль играет внутренний спрос. Там приводится Китай, приводятся Соединенные Штаты, приводится Канада — ограниченное число стран.

(Я, с Вашего позволения, Вам подарю потом журнал «Вопросы экономики», серьезный, юбилейный номер, 90 лет «Вопросам экономики». Там есть моя статья, где я ссылаюсь на материалы ЮНКТАД.)

Так вот, возвращаюсь к нашему обсуждению: мы понимаем, что чем больше внутренний спрос, тем больше возможности национального бизнеса формировать основы развития своей экономики. Мы помним и подходы в недалеком прошлом — акцент на внутренние приоритеты, это была международная линия поведения. Но очевидно, что для этого необходима и соответствующая экономическая среда. Если мы посмотрим на те страны, которые вы справедливо указываете в Вашем докладе как имеющие драйверы внутреннего развития, они ведут максимально комфортную денежно-кредитную политику. У них — минимальные процентные ставки, налоговые послабления. Китай, мы помним, снизил НДС, что, естественно, стимулирует рост и улучшает качество этого роста. У них максимальная доступность ликвидности и длинные деньги, что создает для бизнеса очень комфортные условия функционирования.

В этой связи механизмы, которые мы рассматриваем, должны играть важнейшую роль для того, чтобы бизнес подключился к экономическим программам. Мы знаем, кстати,

что в мировой практике в тех странах, о которых Вы говорите в Вашем докладе, существует даже механизм подключения бизнеса к низкоэффективным региональным программам, в которые они сами бы не пошли. Но создаются условия, которые делают для них это целесообразным. У нас уже многие годы существует ЧПП — частно-государственное партнерство, предполагающее взаимодействие бизнеса и государственных органов управления. И очевидно, что в этом двустороннем взаимодействии заинтересованы обе стороны: и государство, и бизнес, потому что чем сильнее государство, тем больше возможностей у бизнеса. И наоборот, чем сильнее бизнес, тем более мощным является его вклад в формирование экономических основ для государства. Поэтому если на таких путях будет идти развитие взаимоотношений бизнеса и государства, то от этого выиграют все: и регуляторы, и бизнес, и частный сектор в целом, и потребитель, сектор домашних хозяйств. Вот такое взаимодействие я хотел бы предложить поддержать. Спасибо большое.

Бодрунов: Спасибо большое, Михаил Владимирович. И я хотел бы в качестве завершающего эксперта сегодня представить Татьяну Борисовну Крылову, руководителя отдела развития и предпринимательства ЮНКТАД. Прошу Вас, Татьяна Борисовна, нам очень важно Ваше мнение.

Крылова: Спасибо большое за предоставленное слово, за возможность выступить. Передо мной поставлена вполне конкретная задача — представить программу, которая называется Entrepreneurship Development («Развитие предпринимательства». — Прим. ред.), которая развивает тему, здесь уже поднятую, — о роли малого бизнеса в экономическом развитии вообще и в достижении целей устойчивого развития в частности. Конечно, эта задача, эта тема чрезвычайно актуальна. Она является одним из разделов в целях устойчивого развития, где говорится о необходимости создания качественных рабочих мест в плане того, какую роль здесь играет малое предпринимательство. С другой стороны, конечно, это напрямую относится к двум национальным проектам России: по развитию малого бизнеса и по созданию рабочих мест — занятости и самозанятости.

Поэтому в этой связи я хотела бы просто коротко сказать не только о роли малого бизнеса, потому что, в принципе, об этом уже говорилось, сколько предложить некоторые решения для того, чтобы повысить роль малого бизнеса и вообще, и в России в частности. В этой связи буквально короткая такая презентация по поводу программы ЮНКТАД, которая направлена на формирование устойчивых и конкурентоспособных предприятий малого сектора в целях усиления их инвестиционной привлекательности, эффективности расширения возможности в области торговли и экспорта.

Программ по развитию малого бизнеса большое множество, поэтому я хотела бы здесь вполне конкретно сказать о том, в чем состоит отличие этой программы от всех других программ. Прежде всего, эта программа основана на поведенческом подходе. Это гарвардская методология, разработанная в середине 60-х, но внедренная в практику в конце 80-х, которая как раз нацелена на формирование предпринимательского менталитета. Почему это важно. Во многих обсуждениях касательно малого бизнеса очень много всегда приводится различных проектов и мер по развитию, по содействию малому бизнесу, но почему-то везде это создает очень большую проблему и меры эти не имеют того эффекта, на который рассчитано, как правило. Опыт ЮНКТАД говорит о том, что, в принципе, одним из существенных компонентов изменения этой ситуации является изменение того, как формируются предприниматели. Это аспект, который нацелен именно на формирование культуры предпринимательства и предпринимательского менталитета. Другие, чисто организационные аспекты программы EDP — это международная сеть центров, которые созданы ЮНКТАД по всему миру, которые координируются организацией из Женевы. Программа нацелена на любые целевые аудитории, поскольку речь идет именно о поведенческом подходе.

Суть программы заключается в диагностике уровня развития предпринимательской компетенции среди участников и внедрении методики, на основании которой эти предпринимательские компетенции развиваются. Программа ведется с 1988 года. В настоящее время мы приближаемся уже к 450 тысячам участников. Программа работает в 50 странах и демонстрирует успешные результаты в течение уже 30 лет, что является уникальным для любой программы технического содействия. Программа работает очень активно в Латиноамериканском регионе, в Африке, также присутствует в Европе, включая Россию, где она ведется с 2011 года. Я хотела здесь подчеркнуть: хотя ЮНКТАД нацелен на оказание технического содействия развивающимся странам и странам с переходной экономикой, тем не менее мы ведем пилотные курсы и в развитых странах. Семинары были реализованы в Швейцарии, Испании. Методика разработана в Соединенных Штатах Америки, и она применялась в Соединенных Штатах тоже. То есть она действительно имеет универсальный характер и оказывает воздействие на любые целевые аудитории, вне зависимости от того, какой уровень экономики они представляют и даже какой уровень образования имеют участники.

Приведем пример влияния программы на участников. В Бразилии прибыль до и после программы, годовой доход и даже возможность нахождения работы участниками программы демонстрирует очень убедительные результаты в течение всего периода ее реализации. Участники програм-

мы произвели почти на 80% больше налоговых отчислений после того, как они прошли эту программу.

В России было проведено 24 семинара и подготовлено более 500 предпринимателей.

На целях программы я не буду подробно останавливаться. Я хотела бы здесь подчеркнуть, что и для собственников бизнеса, и для корпоративных работников, которые занимаются аспектами развития бизнеса, и для органов государственного управления, и для малых поставщиков эта программа доказала свою эффективность. Малые поставщики крупных компаний — это тоже малый бизнес, поэтому для них работают те же самые механизмы по формированию предпринимательского менталитета, как и для малого бизнеса в целом. ЮНКТАД работал с крупными компаниями в рамках программы по развитию малых поставщиков, и это взаимодействие имеет очень большой потенциал для того, чтобы воздействовать на качество местных поставщиков, на повышение их эффективности и таким образом на вклад в экономическое развитие, устойчивое развитие, в частности. Спасибо за внимание. Подробности можно посмотреть на сайтах и на русском языке, и на английском. И я хотела бы еще раз поблагодарить организаторов круглого стола за эту возможность представить программу для того, чтобы посмотреть на возможности взаимодействия и сотрудничества по дальнейшему продвижению в России.

Бодрунов: Спасибо большое, Татьяна Владимировна. Вы великолепно представили эту программу. Это не удивительно, такой уровень компетентности. Потому что кто не знает, но Татьяна Владимировна в прошлом — один из ведущих сотрудников KPMG в России...

Крылова: Я партнером была.

Бодрунов: Поэтому в этом плане, я думаю, что лучше не найдем специалиста, который может так представить эту программу и практическое, реальное участие ЮНКТАД в содействии устойчивости мировой экономики через поддержку малого бизнеса, который во многих странах представляет собой большинство бизнесменов, большую часть активного бизнес-населения. Я думаю, что сейчас мы предоставим слово для небольшого заключительного комментария нашему уважаемому гостю господину Китуйи. Я предлагаю пару слов сказать о том, что сегодня для Вас важно, что сегодня Вы могли вынести из нашего круглого стола и что пожелать.

Китуйи: Большое спасибо, господин президент. Еще раз мне хотелось бы сказать о том, насколько опыт общения с членами вашей организации для нас важен. Если говорить

о тех выводах, которые я сделал, я хочу, чтобы мы работали более тесно. Хотелось бы также, чтобы вы читали наши публикации. Это доклад о мировых инвестициях, доклад о цифровой экономике. Также хотелось бы призвать молодых студентов, выпускников российских вузов присоединиться к программе стажеров ЮНКТАД в Женеве. Мы считаем, что это предоставит им новые возможности для карьерного роста после того, как они завершат свое обучение в магистратуре.

Конечно же, нельзя не отметить, что мы должны предпринимать конкретные шаги для того, чтобы формализовать диалог между людьми, изучающими экономику и практикующими экономистами для того, чтобы понять, как достичь в среднесрочной и долгосрочной перспективе устойчивости для бизнеса. Сейчас мы находимся в том моменте времени, когда экономика меняется очень сильно, и государства отстают от компаний в понимании новых технологий для того, чтобы внедрять новые эффективные законы — этот момент очень важен для того, чтобы бизнес мог комфортно существовать.

Вы знаете, в Кремниевой долине очень многие считают, что государства вообще не должны играть никакую роль. Рынок должен регулировать сам себя. Но давайте посмотрим, что случилось в 2008 году с финансовым кризисом. Роль регулятора нужна. Поэтому государства, правительства должны играть ответственную роль в развитии бизнеса. И, конечно же, научное сообщество также должно вносить свой вклад. Это будет очень важно для устойчивого развития. И я очень ценю ту роль, которую ваше общество играет и будет дальше играть в этой ситуации, в особенности принимая во внимание тот факт, что сейчас Россия более амбициозную роль играет на международной арене. Мы надеемся на более частые встречи в будущем.

Бодрунов: Надеюсь, коллеги присоединятся к тому мнению, которое я сейчас выскажу. Мне кажется, что мы сегодня услышали из Ваших уст, из уст наших коллег, которые обсудили поставленные Вами вопросы, четко обозначенный приоритет устойчивого развития мировой экономики. И сегодня в наших сложных условиях, когда мы строим новый мир XXI века, а может, и на будущее закладываем основы мироустройства, очень важно сохранить эти цели, не сорваться, что называется, с орбиты. Очень важно сохранить устойчивое развитие нашей мировой экономики, и в том числе экономики России.

Я благодарю наших коллег за адекватность анализа, который сегодня был сделан. И могу уверить господина

Китуйи, что мы читаем документы ЮНКТАД, обязательно их исследуем. И тот материал, который Вы сегодня увидели, это лишь одно небольшое доказательство того, что это так. Мы всегда заинтересованы в этих материалах, мы очень благодарны, что они выходят, потому что у нас есть возможность проанализировать вашу точку зрения и сравнить ее с тем, как мы понимаем мировое и российское экономическое развитие.

И лично от себя я хотел бы сказать, что, когда я слушал господина Китуйи, я думал, насколько сильно совпадают наши точки зрения на то, как надо на самом деле развивать экономику мировую, экономику России, как эти цели можно сопрягать. Вы знаете, в моей биографии был длительный эпизод предпринимательства, когда я был крупным предпринимателем в России и возглавлял в том числе и предприятие, в котором работало 44 тысячи человек. Так что это понятно мне и с точки зрения предпринимателя. В то же время мне приходилось работать и возглавлять комитет экономического развития крупнейшего мегаполиса России — Санкт-Петербурга в сложные времена, кризисные времена. Поэтому с этой точки зрения у меня тоже есть возможность взглянуть на ситуацию. Я также как ученый писал много разных документов, книг, возглавляя конгломерат специалистов, экспертов, которые занимаются экономическим развитием как ученые. Это тоже точка зрения, которая позволяет мне сформировать более адекватное мнение. Мне кажется, со всех точек зрения я поддерживаю господина Китуйи в том, что нам необходимо действительно четко понимать: экономическое развитие должно быть устойчивым. Это сегодня залог того, что люди, которые в этой экономике живут, получают высокое качество жизни. И это общая задача.

И здесь, конечно, нужно сопрягать и задачи бизнеса, который хочет получить свою прибыль, но и, как справедливо сказал господин Китуйи, должен думать и об этических проблемах. Я могу сказать, что один из важнейших документов, который был принят Российским союзом промышленников и предпринимателей — это хартия российского бизнеса, где прописаны в том числе и зеленая тема, и экология, и ответственность бизнеса перед населением, и так далее. И я был в числе тех людей, будучи в свое время в правлении этой организации, которые принимали это решение, разрабатывали его. Я считаю, что это очень важное направление, которое сегодня Вы, господин Китуйи, затронули. Жизнь очень сложна, и люди — это не только предприниматели. И мы — ученые, предприниматели, специалисты в сфере экономики должны обеспечить им хорошую, устойчивую, спокойную, нормальную жизнь. И на это мы должны направить свои усилия.

Я благодарен Вам за приглашение участвовать в совместных встречах. Я согласен абсолютно, что нам нужно чаще встречаться и сверять свои часы, чтобы понимать, как нам двигаться вместе дальше. Я благодарен за приглашение участвовать в женеvской площадке и других площадках ЮНКТАД. Мы с удовольствием воспользуемся Вашим предложением и надеемся, что наши контакты продолжатся.

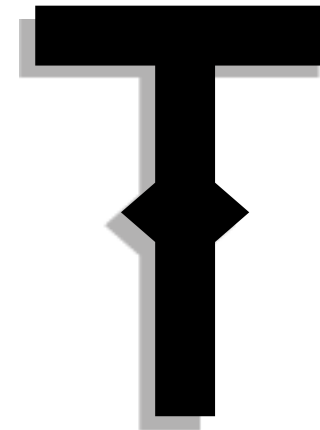

RESPONSIBILITY OF BUSINESS

How to increase the role of companies in achieving the goals of sustainable development

House of Economists, Moscow, 22A Tverskaya str., 04/25/2019

Negative crisis trends

The global economic recovery is still very fragile. This is clearly evidenced by foreign direct investments which still have not returned to the pre-crisis level. We see very clearly the global trend towards a decrease in the profitability of foreign direct investment. And this is happening in many countries.

The next trend: we see the deployment of a protectionist policy, which is mainly used by the United States and China; in addition, there is instability of income due to automation of production, and it leads to the fact that many are wondering whether it is worth investing in manufacturing companies.

The next point. Now, there is a very clear tendency for pre-production and post-production processes to play a major role in global supply chains, that is, in product design, logistics, and transportation of manufactured goods. These sectors are given more attention than production itself. We also see that protectionism, on the one hand, and the development of technology, on the other hand, have a serious effect on value chains. They are getting shorter. Now the path from the manufacturer to the final consumer is much shorter than it was 10 years ago.

The important challenge that we highlight is, of course, the burden of corporate and public debt. The IMF has emphasized that the debt burden is posing a very serious threat to the economies of developing countries and transitional economies. It means that those of us who spoke about the need to introduce mechanisms to combat the debt burden should return today to upholding such a need so as not to repeat what happened in many countries, for example, in Argentina, when they faced, and were hit hard by, a serious debt crisis.

Instability of international institutions

What else is disturbing from a global perspective? It is the fragility of multilateral institutions, the fragility of multilateral ties, especially in the trade sector. We see how international trade suffers from a lack of stability, from a lack of predictability. We need stable institutions, stable organizations that will work with a number of problems existing in trade. Many are now calling for a WTO reform, many are talking about the dangers of a trade war between the US and China, and many are talking about the dangers of a new Cold War between America and Russia.

As you can see, there are many risk factors, but I recall that the World Trade Organization was established as an international institution that will fight for the prosperity of countries in the field of trade. Now we often hear criticism about the fact that everyone in the WTO is busy making particular countries' voices heard louder than the voices of other countries, that it all boils down to political posturing, not a real struggle for prosperity. Many talk about the increasing role of BRICS, and that little attention is being paid to developing economies.

An important technical point. In July, one of the World Trade Organization Appellate Body judges retired, but recently the US has been constantly blocking attempts to replace judges of the WTO Appellate Body. And if the United States does not change this position, the entire mechanism will simply stop working, since one of the judges has retired, and there will be three of them by September, and just a single one by December.

Not everything is lost.

Nevertheless, I believe that it is important to talk about positive changes as well. So what do we see today as positive?

We see that Russia is in many respects returning to its positions. Over the past three years, the trade turnover of the Russian Federation has been growing, it has grown very seriously in three years. It may seem that the numbers we currently see in statistics are not very high or very impressive, but what's important is the trajectory, and the fact that Russia has really returned to the growth path.

The next positive point that I would like to note is the new opportunities that arise in the field of digital economy. My organization sees it as its task to publish reports on digital economy since a number of digital economy trends are really important for trade.

First, e-commerce is growing at the rate of 15% per year. It accounts for 13 trillion US dollars. It is important to understand that ordinary economy is not growing so fast, almost 4 times slower. This means that online trading, digital trading has great

potential, and therefore it is very important that international institutions that are engaged in trade regulation should also deal with regulating digital economy, with ICT issues in order to guarantee consumer protection in digital trade, make electronic payment systems more secure not only in their own countries but also across the border. Electronic payments are currently becoming more important than ever for the global economy; therefore, our economic discourse should be based not only on the issues and problems of the past but also on the issues that the new economy poses before us, and therefore the problem of the digital divide, of course, cannot be avoided. The issue of the price-quality ratio of what is being sold in the digital space is also a very important issue that we must consider when talking about sustainable development.

Business and Sustainable Development

Another phenomenon that I cannot help mentioning is directly related to the problems of the impact of business on sustainable development. Not so long ago, a sustainable business initiative was launched at the ECOSOC meeting in New York. The question was: how can we talk directly with entrepreneurs, how can we motivate them to contribute to sustainable development? Our moderator was the US Financial Times. Each week, the Financial Times would publish a new column called Ethical Economy. But in this case everything revolves not around ethical issues in business, but how business can contribute to sustainable development, because consumers of services and products will pay more and more attention to whether the business is trying to behave more environmentally friendly, contribute to the social prosperity of individual countries and the world as a whole, consumers will look at whether a company is trying to do something good in addition to just making money. Therefore, of course, it is important for entrepreneurs and companies to realize that their responsibility is growing.

When the UN Agenda 2030 was discussed in 2015, there were a lot of questions. Politicians made statements and told businessmen that along with their responsibilities to shareholders they also had responsibilities to ordinary people. But soon after that momentous meeting in 2015 we realized that business should play a leading role because it doesn't matter how much we, representatives of international organizations, representatives of states, will keep telling businessmen they have responsibility not only to their shareholders, not only to their partners, but also to the world — they themselves must understand it themselves. The question that confronts us today will be as follows: how can we build a new business model that would allow us to align the interests of shareholders and ordinary people, the interests of the

world, and the interests of development. The management of each company should not be torn apart by a dilemma: either to seek profitability or to try playing a role in achieving sustainable development.

At present, business experts should begin developing a new business model that will harmonize profit making and the fulfillment of one's social role. It is important to call on science and business to solve this problem, and thus reduce the negative impact on the environment; only then will it go beyond a simple PR campaign, beyond some corporate decisions.

As a result, we will be able to guarantee a greater role for women in the economy, and a more dignified life for those people who live in the resource extraction zone, but we will organize it in such a way that companies will also be making profit and showing how stable they are, how committed they are to the idea of sustainable development.

We at UNCTAD have already carried out the initial work on this issue. For example, we interacted with management schools, with business schools of various universities and offered to work with their curricula. We tried to work with them on the question of what their real goal was. We understand that the stratum of business leaders who are ahead of everyone else, who lead the business community, is still vulnerable because they face a difficult choice. Alan Jope, CEO of Unilever, who also headed the UN Sustainable Development Agency, worked with a number of venture investors who wanted to take over Unilever, because all of Unilever's sustainable development goals hit the company's profitability hard. And they wanted to take over the company in order to optimize it. But the Dutch government intervened, the British government intervened and did not allow those venture investors to do so.

Importantly, if the CEO alone adopts the goals of sustainable development without the shareholders understanding their importance, the company management will always be caught between two fires. And this will be a very difficult situation for them. In this regard, it is very important to create mechanisms that will allow us to protect the pioneers of sustainable development, who will try, while working in their companies, to support these goals, protect them from those who still think narrowly, who think about profit in a very outdated paradigm.

Speaking about the correlation of sustainable development goals and companies, one cannot help mentioning small and medium enterprises. Of course, in almost any economy, it is small and medium-sized enterprises that create the most jobs. But for them the challenges are as serious as for large companies. For them, pursuing sustainable development goals can be even more difficult than for large companies as they have fewer resources. For example, let's imagine that a large company

decides to invest in the reorganization of its production in order to become more environmentally friendly, more energy-efficient, more advanced — it will be easier for it than for a small or medium-sized enterprise.

You can't just push this responsibility onto the corporate sector. Governments must create conditions in which small and medium-sized enterprises will be able to remain viable and, at the same time, introduce new methods of production, new technologies, to take on a more important social role, especially in working with vulnerable social groups.

ЧАСТЬ IV

ГЕОЭКОНОМИКА

РОССИЯ И КИТАЙ: СТРАТЕГИЯ ПАРТНЁРСТВА
РОССИЙСКАЯ АРКТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ИНТЕРЕСЫ
«ТЕМНЕЮЩИЕ НЕБЕСА» МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ РОССИЙСКИХ ЭКОНОМИСТОВ
НЕСТАБИЛЬНЫЙ МИРОПОРЯДОК

РОССИЯ И КИТАЙ: СТРАТЕГИЯ ПАРТНЁРСТВА

На последних встречах лидеров России и Китая объявили о повышении уровня связи двух стран до всесторонних отношений стратегического взаимодействия. По мнению китайского посла, только ускоряя стыковку национальных стратегий развития двух стран, мы сможем формировать взаимодополняемость и достичь общего развития и процветания. Какие есть за и против у такой впечатляющей инициативы?

«Абалкинские чтения» ВЭО России, 12 сентября 2019 г.

СОБЕСЕДНИКИ

Дмитрий Евгеньевич Сорокин,
вице-президент ВЭО России,
научный руководитель
Финансового университета
при Правительстве РФ, член-
корреспондент РАН,
профессор, д. э. н.

Сергей Геннадьевич Лузянин,
директор Института
Дальнего Востока РАН, д. и. н.,
профессор

Сергей Юрьевич Глазев,
вице-президент ВЭО России,
советник Президента
Российской Федерации,
академик РАН, д. э. н.,
профессор

Чень Чжиган,
генеральный директор
Российско-китайского бизнес-
парка

**Сергей Вячеславович
Калашников,**
член Президиума ВЭО России,
первый заместитель
председателя Комитета
Совета Федерации ФС РФ по
экономической политике,
д. э. н., профессор

**Сергей Александрович
Луконин,**
заведующий сектором
экономики и политики
Китая, сотрудник
подразделения Центра
азиатско-тихоокеанских
исследований ИМЭМО им.
Е. М. Примакова Российской
академии наук, к. э. н.

**Андрей Николаевич
Спартак,**
директор Всероссийского
научно-исследовательского
конъюнктурного института,
заведующий кафедрой
международной торговли
и внешней торговли
РФ ВАВТ, заслуженный
деятель науки, член-
корреспондент РАН,
профессор, д. э. н.

**Сергей Феликсович
Санакоев,**
председатель Правления
Российско-Китайского центра
торгово-экономического
сотрудничества, президент
Российско-Китайского
аналитического центра

**Юрий Вадимович
Тавровский,**
руководитель
Аналитического центра
«Русская мечта и китайская
мечта» Изборского клуба

Владимир Ремыга,
ведущий научный сотрудник
Центра исследований
международных
экономических отношений
Финансового университета
при Правительстве РФ,
д. э. н., профессор

**Сергей Дмитриевич
Бодрунов,**
президент ВЭО России,
президент Международного
союза экономистов, директор
Института нового
индустриального развития
им. С. Ю. Витте, д. э. н.,
профессор

**Александр Владимирович
Бузгалин,**
вице-президент ВЭО России,
член Президиума
Международного союза
экономистов, директор

Института социэкономии Московского
финансово-юридического университета
МФЮУ, заслуженный профессор МГУ
им. М. В. Ломоносова, д. э. н.

Василий Богоявленский,
член Правления ВЭО России,
заместитель директора
Института проблем нефти
и газа РАН, член-
корреспондент РАН, д. т. н.

Георгий Клейнер,
член Президиума ВЭО России,
заместитель научного
руководителя, руководитель
научного направления
«Мезоэкономика,
микроэкономика, корпоративная
экономика» ЦЭМИ РАН, член-
корреспондент РАН, д. э. н., профессор

**Максим Александрович
Спасский,**
председатель «Дома
Российско-Китайской
дружбы»

**Татьяна Борисовна
Уржумцева,**
директор центра изучения
Китая и стран АТР Санкт-
Петербургского
государственного
экономического университета, глава
российского секретариата Российско-
китайской ассоциации экономических
университетов, член Мировой ассоциации
китаистов

Сорокин: Для сегодняшней темы наших чтений «Китай и Россия: стратегия партнерства» есть два повода. Один из них — в том, что Вольное экономическое общество не могло остаться в стороне от тех мероприятий, которые проходят в связи с очень серьезной датой для Китайской Народной Республики, которая разворачивает стратегическое партнерство с Россией, — 70-летием Китайской революции, образованием Китайской Народной Республики.

Есть и практический повод. Вот передо мной наша правительственная «Российская газета», которая вышла 16 августа, и в ней новый посол господин Чжан Ханьхуэй опубликовал свою первую программную статью. Так вот, в этой статье в самом начале он говорит, что и председатель КНР Си Цзиньпин, и Президент Российской Федерации вместе объявили о повышении уровня связи двух стран до всесторонних отношений стратегического взаимодействия. И дальше он пишет, что он, лично посол, будет продолжать поддержку высокого уровня этих отношений стратегического (еще раз повторяю) взаимодействия и выдвигает следующую идею, уже в конце статьи: только ускоряя стыковку национальных стратегий развития двух стран, мы сможем формировать взаимодополняемость и достичь общего развития и процветания.

То есть речь идет о том и мы подумали о том, что если поставлен вопрос о стратегическом взаимодействии, то, во-первых, должна быть стратегия такого взаимодействия. Не сиюминутное принятие решений, а опирающееся на некие концептуальные стратегические установки — это первое. И второе: обратите внимание, мы долго думали, с китайскими коллегами проводить этот круглый стол или без. Вы видите, здесь присутствует наш друг Чень Чжиган — китаец, но российский гражданин. Я потом его представлю, он будет выступать. Я хотел бы задать угол зрения для этого круглого стола.

Здесь — экспертное сообщество. Я прошу в ваших выступлениях прежде всего сосредоточиться на вопросе, что мы можем предложить российской законодательной и государственной власти. Как, по мнению экспертного сообщества, вот эту стратегию выстраивать? Китайскому не надо давать советы, а нашим коллегам — дать. Причем я прекрасно понимаю, что по этому поводу могут быть самые разные точки зрения. Те, кто принимает решения, должны видеть всю палитру этих знаний. Поэтому прошу высказываться откровенно, потому что это — прежде всего для наших товарищей, которые принимают решения. До них, как вы знаете, это будет доведено.

Вот этим я хотел бы предварить дискуссию и сказать о том, что сегодня, коллеги, жесткий регламент, потому что дальше у нас — заседание Президиума ВЭО, там большая повестка дня, и члены Президиума останутся по работе, поэтому мы должны максимум без десяти пять поставить точку.

Бодрунов: Да, у нас следующее заседание.

Сорокин: Иначе Президиум закончится вообще к утру. Основной докладчик — это директор Института Дальнего Востока Российской академии наук Лузянин Сергей Геннадьевич. Спасибо большое, что согласился. 5–6 минут. Вот песочные часы. Коллеги, не обижайтесь. Главное, основное, что, вы считаете, надо сделать России для того, чтобы это было действительно стратегическое партнерство, или, наоборот, чего не надо делать.

Лузянин: Уважаемые коллеги, во-первых, большая честь выступать в столь авторитетном сообществе в рамках «Абалкинских чтений». Во-вторых, я сразу хотел бы обратить внимание уважаемого сообщества, что не являюсь экономистом, это будут некие рассуждения политолога, историка, но свои взгляды на текущее и на будущее российско-китайских отношений я выскажу.

Первая очевидная вещь. Дмитрий Евгеньевич уже справедливо отметил, что юбилейный характер этого года — и 70 лет КНР, и 70 лет дипотношениям — накладывает оттенок, соответственно, и на официальные, и на экспертные, и на культурно-гуманитарные мероприятия. Вторая вещь тоже общая, очевидная: нынешнее партнерство развивается в условиях нарастания факторов неопределенности, эти факторы касаются и глобальной, и региональной безопасности, эти факторы неопределенности касаются некоторой формализации многих институтов глобального управления и много чего еще. Но мейнстримом в этих факторах неопределенности является трек обострения торговых, пошлинных китайско-американских противоречий, хотя все прекрасно понимают, что речь идет о более серьезном, масштабном противостоянии, носящем геополитический характер. Это отдельная большая тема, я сейчас затрагивать ее не буду. И на этом фоне складывается картина наших отношений со стратегическим партнером Китаем.

На сегодняшний день, учитывая высокий уровень отношений, неформально, неофициально идет поиск их оптимальной модели. Официально стратегическое партнерство — это понятно, но многие в СМИ пишут о союзе, о дальнейшем сближении, о некоей формализации. Я напомним, что вообще за 70 лет у нас история имеет два документа, принципиально важных для наших отношений, один исторический, от 14 февраля 1950 — «Договор о дружбе и союзе», который в силу определенных причин канул в Лету, и второй, по которому мы живем, — это документ от 16 июля 2001 года — Договор о дружбе и сотрудничестве, который оформил стратегический формат отношений. Между этими датами была эпоха и союзничества, и конфронтации, и нормализации отношений. Но сегодня идет такая дискуссия, часть участников которой даже выступает за союз, но понятно, что мы определяем приоритеты с российской точки зрения. Здесь, конечно, речь идет о том, что формализация, на мой взгляд, союзнических отношений, сегодня нежелательна, несмотря на всю остроту ситуации, и сам характер стратегического партнерства позволяет насытить повестку и без этого. Другое дело, что мы, да и китайская сторона тоже, согласны на диверсификацию договора 2001 года, в частности статьи 9, которая предполагает только режим консультаций в случае угрозы одной из сторон. Я думаю, в этой части, когда через год будет пролонгация, здесь, конечно, будет сближение.

Исходя из поставленной задачи, вытекает, конечно, углубление военно-стратегической повестки двух стран. Вы знаете, что США определили Россию и Китай как главных стратегических противников в конце 2017-го, а в начале 2018 года — в качестве главных партнеров. В ближайшее время, видимо, в течение этого месяца, будет заключено российско-китайское военное соглашение взамен соглашения 1993 года. Я не буду сейчас подробно рассказывать об этом. Что нового? Китай сегодня осознает, что находится на пороге гонки ядерных вооружений в Азии. Речь идет уже не о ПРО, а о размещении американских систем наземного базирования — ракет средней и меньшей дальности. Это новый виток гонки вооружений, поэтому, конечно, российско-китайская кооперация приобретает дополнительное значение.

Не мне в этой аудитории объяснять, что такое Евразия, Евразийский экономический союз и китайская инициатива «Один пояс, один путь». Есть два крупных проекта, главных: ЕАЭС, и китайская инициатива «Один пояс, один путь», у которой, кроме континентальной, есть и морская версия, и даже северная, но в данном случае речь идет, конечно, о евразийской версии китайской инициативы. И для России, и для Китая это стратегическая вещь, стратегические проекты. Причем я напомним, что до 8 мая 2015 года, до совмест-

ного заявления между ЕАЭС и КНР о сопряжении, на экспертном уровне в Китае рассматривали инициативы тогда еще Евразийского сообщества как конкурентные, недостаточно комфортные. Но сейчас у нас есть совместное заявление — это политический консенсус де-факто и де-юре, предполагающий развитие обоих проектов на территории Евразии. Другое дело, что, конечно, для России политическая часть — более продвинутая, мы в экономической части пока отстаем, в транспортных, инфраструктурных, инвестиционных проектах и так далее. Понятно, что инвестиционные ресурсы, да и вообще объем экономики Китая значительно сильнее, и здесь у него больше возможностей. Это тоже отдельная тема, я сейчас не буду подробно ее касаться. Но в любом случае де-факто и де-юре признание равноправия. У нас с Китаем нет преференциальных соглашений, сотрудничество ЕАЭС с Китаем, я имею в виду, не преференциальное, но это понятно, китайцы пока и не настаивают.

Следующий тезис — это российская стратегия в международной и региональной повестке. Я не буду ее раскрывать подробно. Это общность подходов и совпадение позиций с Китаем и по корейскому полуострову, и по Афганистану, и по Ближнему Востоку, и по Латинской Америке, и много чего еще. Это отдельная большая тема. Здесь, конечно, совершенно четко проявляется новое качество влияния двух стран на региональные процессы. Кстати, Россия и Китай стали инициаторами расширения ШОС до восьми постоянных членов, включая Индию и Пакистан, и БРИКС тоже. Кстати говоря, в формате международной региональной повестки для России, но больше для Китая, серьезным вызовом стало «формирование четырех демократий», то есть Японии, Австралии, Индии и США — это так называемый Индо-Тихоокеанский регион, или концепция Индо-Тихоокеанского региона, которая, конечно, направлена прежде всего против Китая. Это новый достаточно сложный трек, фактически вызов позициям Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Что касается российской стратегии. Самая сложная для нас опция — это двусторонняя российско-китайская торговля. Здесь противоречивая картина. Я думаю, коллеги тут знают этот вопрос, может быть, не хуже меня. С одной стороны, с 2017 по 2018 год — резкий скачок на 27%, до 107 миллиардов, за счет и повышения в том числе цен на энергоносители, и увеличения российского экспорта минерального топлива, сырья и так далее, и сельхозпродуктов, но при этом — сокращение российского машинотехнического экспорта в Китай до 1%, при этом — увеличение китайских машинотехнических поставок в Россию. Хотя у нас уже даже положительное сальдо в размере где-то 4 миллиардов в этой 107-миллиардной торговле. Рост будет и дальше, но сама структура этой модели — она асимметричная, то есть минеральное топливо и сырье в обмен на машинотехническую

продукцию. Эта модель сложилась давно, в 1990-е годы, она отражает объективные вещи, асимметрию экономических потенциалов России и Китая и структуру экономик, это не сегодня и не вчера возникло, и это объективная реальность. Другое дело, что Россия должна проводить оптимальную политику в этих объективных структурных условиях торговли. Конечно, пока не очень радуют инвестиции, но тоже, повторяю, это отдельная тема.

Переходя к поставленной Дмитрием Евгеньевичем задаче по выработке стратегии, я бы выделил для обсуждения четыре проблемы.

Первое — оптимальная форма отношений. Мне кажется, что российская стратегия должна исходить из насыщения военно-стратегической, вообще двусторонней повестки в рамках данного партнерства. Некоторые эксперты называют это квазисоюзом, то есть союзом без обязывающих формальных документов на основе политического консенсуса, то, что как раз писал в «Российской газете» новый посол Чжан Ханьхуэй. Кстати говоря, важно, что уже нынешнее качество этого партнерства, без союзнических отношений, является сдерживающим для американцев. Фактически в этом условном треугольнике Россия — Китай — США сложилась стратегическая определенность, американцы сегодня чувствуют это мощное сдерживающее влияние, повторяю, без формализации отношений между Россией и Китаем.

Второе — евразийская стратегия России. Это непростое направление. Понятно, что Россия — объективно ядро континента, у нее есть возможности и определенные непростые вызовы. «Один пояс, один путь» тоже дает возможности и ставит определенные вызовы. Конечно, здесь, как мне представляется, может быть, пока рано говорить о зоне свободной торговли ЕАЭС и Китая, но китайцы и не настаивают, насколько я знаю, на этом. Другое дело, что ЕАЭС активно диверсифицируется. Есть проекты зон свободной торговли — Сингапур, Вьетнам, Монголия и так далее.

Третья очень важная вещь — это внутренняя сбалансированность российско-китайских отношений. Нам, конечно, экономическую дистанцию между Россией и Китаем ликвидировать невозможно, это объективная реальность на сегодняшний и на завтрашний день. Все-таки разница потенциалов велика. Но дело в том, что как раз главное для Китая — это реальное равенство. А в чем оно может быть? На мой взгляд, оно может быть в том, что Китай в этом партнерстве — экономическая ведущая держава мира, по ВВП по ППС они вышли на первое место сегодня, а Россия — это великая стратегическая ядерная держава. То есть в рамках российско-китайского тандема есть совокупный потенциал разного качества и разных измерений, это и дает, на мой взгляд, реальное равенство на долгие времена. Китайцы — прагматики, у них все четко расписано.

И исходя из этого — четвертый, итоговый тезис. Мы знаем тысячелетний менталитет Поднебесной. В его основе лежат прагматизм, жесткость, реализация своих собственных интересов в первую очередь. Российский интерес тоже базируется прежде всего на собственных интересах. Но наличие «параллельных» интересов России и Китая не является противоречием, это, собственно говоря, нормальное явление и это не создает напряжения. Есть лейтмотив или мейнстрим во взаимной российско-китайской повестке, которая включает в себя ключевые параметры: общую безопасность, глобальную и региональную, взаимное право на развитие и равноправное сотрудничество, основывающееся на этом балансе.

Сорокин: Спасибо большое! Ну что, коллеги, переходим к нашей работе уже в режиме, как мы говорим, мозговой атаки. Я предоставляю слово академику Сергею Юрьевичу Глазьеву.

Глазьев: В продолжение того, что сказал Сергей Геннадьевич, начну с равенства, которое к нам относится, исходя из потенциала держав, только с одной репликой, что наше преимущество в этом равенстве — это наследие Советского Союза. За 30 лет мы не сильно преуспели в подтверждении этого статуса, в то время как то, что имеет сегодня Китай — это результат как раз последних 30 лет. Поэтому вопрос, насколько долго это равенство может продолжаться во взаимной заинтересованности, я бы сказал, риторический.

Что касается внешнеторгового оборота, мы хвастаемся большими достижениями, рапортуем о том, что выполнили поручение главы государства на 100 миллиардов взаимной торговли, но это очень скромно. Вообще, доля России во внешнеторговом обороте Китая почти незаметна на самом деле на фоне их огромного товарооборота с соседними странами — США и тому подобными. Поэтому эти 100 миллиардов — отнюдь не высокий результат с точки зрения равенства наших экономических возможностей.

Каковы узкие места? Прежде всего, у нас за торговлей не стоит кооперация. Практически нет совместных предприятий, нет научно-технологической кооперации по созданию цепочек добавленной стоимости, почти нет совместных инвестиционных проектов, а те, которые есть, — Ямал и СПГ — это что такое? Это импортное оборудование, поставка российского газа, вклад в российский экономический рост близок к нулю. Этот проект абсолютно незаметен для России с точки зрения экономического роста. Вся рента достается либо западникам, которые поставляют оборудование, либо Китаю в той мере, в которой они задействованы.

Хотя торговые структуры у нас друг друга дополняют, но главное узкое место — это, конечно, деградация российского экономического потенциала.

Российская экономика стремительно отстает от Китая. Мы начинали одновременно. Наши стартовые возможности были выше. Сегодня мы в 5 раз меньше Китая. По объему ВВП мы отстали в 8 раз. Но, самое важное, мы отстали по объему инвестиций практически в 25 раз. Это объясняет наше различие в мировой экономике. Почему мы отстали по инвестициям? Потому что у нас нет кредитов. Здесь тоже видно, что кредиты реальному сектору экономики в России сегодня — в 100 раз меньше, чем было в советский период, а в Китае — в 30 раз больше. О чем можно говорить? Центральный банк загнал нас в феодализм, в архаичную систему отсутствия кредитов.

И когда мы рассуждаем сегодня о причинах слабости нашего партнерства в экономике, то главная причина — в нашей системе управления, деградации нашей экономики, нашей неспособности финансировать совместные инвестиции. Инвестиционных проектов — сотни, которые одобряются на политическом уровне, а реально осуществленных — единицы. По той причине, что, в отличие от Китая, который обеспечивает своих экономических агентов безграничным объемом инвестиций, наши банки этого не обеспечивают. Я думаю, что банк типа нашего Сбергательного банка в Китае просто не имел бы никакого права на существование, поскольку он вообще не занимается инвестициями. Доля инвестиций в активах наших банков составляет менее 5%. А в Китае вся система управления настроена на рост инвестиций.

В завершение, какие у меня главные мысли?

Очевидно, что Китай создал новую систему управления. Ее можно назвать конвергентной, как раньше было модно говорить, сочетающей план и рынок. Мы называли это интеграционным мирохозяйственным укладом, имея в виду, что китайская система управления интегрирует целеполагание в интересах общества, социалистическое, прямо скажем, целеполагание: экономика ради благосостояния, когда интересы всех хозяйствующих субъектов основаны на почве общей выгоды. То есть бенефициарами китайской экономической модели является, во-первых, все общество в целом, во-вторых, государственный и частный бизнес, который получает неограниченный объем кредитования и доступ к материальным ресурсам для наращивания производства, и, конечно, само руководство, властвующая элита Китая, которая ощущает себя сегодня первой в мире и скромно называет себя второй.

До тех пор пока мы не построим аналогичную систему управления... Я не говорю о возможности копирования, это, наверно, исключено, потому что после декоммунизации мы

не можем скопировать китайскую модель, но я замечу, что система интегрального мирохозяйственного уклада имеет очень большое разнообразие. Индия, которая сегодня вышла на первое место в мире по темпам экономического роста, реализует похожую модель в рамках демократической политической модели. Там совсем другая политическая система, но конвергенция и интеграция присутствуют. Государство и вся система управления ориентированы на максимизацию инвестиций.

Вывод такой: если мы будем дальше держаться архаичных рекомендаций МВФ, жить без кредитов, то мы обречены на периферийное существование между новым центром экономического роста — Китаем на Востоке и старым — Европейским Союзом на Западе, с разрывом всей нашей экономики на обслуживание этих двух центров. И второй вариант — кардинально менять систему управления, пытаясь создать свою модель опережающего развития, к чему призывает Путин, совершения рывка, но без инвестиций это нельзя сделать, а инвестиции без кредитов невозможны. То есть мы возвращаемся к тому, что многократно здесь обсуждали, — к необходимости кардинальной смены политики в макроэкономике, в денежно-кредитной сфере и так далее.

Сорокин: Спасибо, Сергей Юрьевич. Конечно, экономика — фундамент, и коль скоро говорилось о проблемах экономических дисбалансов, я думаю, очень правильно, что мы поставили следующим выступающим человека, который первый раз присутствует на нашем круглом столе — коллегу Чень Чжигана. Он генеральный директор российско-китайского бизнес-парка. Скажите, Чень, о Вашем видении, в чем дело?

Чень Чжиган: Спасибо большое нашему Комитету национальной политики, который мне, китайцу, как представителю национального меньшинства России, дал выступить в такой аудитории.

Только что прошел Второй российско-китайский финансовый форум. Из докладов председателя Общества дружбы Китая и России, посла Китая в России мы сделали единодушный вывод, что Китайская страна стала намного смелее, стала открытой. Это у нас всеобщее ощущение.

В этом году в июне на 23-м экономическом форуме в Петербурге у меня был доклад на круглом столе на тему «2019 год: год изменений и уверенности». Говоря «год изменений», я имею в виду, что вначале стартовали большие мировые конструктивные изменения, и действительно с этого времени у Китая был очень тяжелый период, и был сделан вывод, что действительно — это большие мировые конструктивные изменения. Под уверенностью я имел в виду отношения России и Китая. С этого года начинается открытое, без смущения, общение, дружба, структурные

конструктивные связи. И действительно, по объему торговли, инвестиций, у Америки и Китая большой объем. В прошлом году мы проводили диалог, в котором я тоже принимал участие, и у Сергея Юрьевича была видеоконференция с китайскими товарищами, и уже через год, даже меньше года, ситуация в двусторонних отношениях претерпела очень большие изменения. Действительно, с китайской стороны стали более оперативно начинать свое движение навстречу. У нас есть план солидарности, представители здесь находятся, поэтому на это направление Россия идет более активно, более конструктивно.

Но и с китайской стороны сейчас мы чувствуем большую инициативу. Действительно, надо начинать уже думать о том, что мы — всегда самые основные инициаторы многополярного мира. Именно из-за этого принципа мы временно периодически страдаем. Китай проводит политику, за которую на Китай оказывают давление. Россия — непобедимый великий дух и характер, поэтому происходит то же самое. С этой точки зрения у нас уже историческое товарищество, мы будем поддерживать этот мир. И действительно, строится по-настоящему многополярный мир. Что касается структуры партнерства, возможно даже стандартизовать финансовое направление, сотрудничать в области науки, технологий, потому что, хотим мы этого или не хотим, нас начали изолировать, придется совместно разрабатывать технологии.

Мы буквально несколько дней назад приехали из Китая, куда возили большую делегацию от российских предприятий в сфере науки и технологий. И здесь мы уже чувствуем, что союз России и Китая создается. Действительно, Китай — лидер и прекрасно это понимает. Следующий год там объявлен годом науки и технологий. Не только на прикладную науку, но и на базовую науку в Китае начинают обращать большое внимание, в том числе и в России, потому что в советское время математика, физика, компьютеры развивались стремительными темпами и Россия имеет свое большое преимущество. Поэтому Китаю и России уже пора разрабатывать свои стандарты, в этом направлении придется уже исторически начинать двигаться.

Я из Санкт-Петербурга. В Петербурге есть Китайский деловой центр, созданный при участии Университета экономики Санкт-Петербурга, крупных российских предприятий, в том числе «Газпрома». Руководителем общества являюсь я, россиянин, поэтому Китайский деловой центр, Российско-китайский бизнес-парк — это чисто наша российская, самостоятельно разработанная площадка, которая очень активно работает. Хочу, пользуясь случаем, пригласить всех присутствующих наших уважаемых академиков, профессоров, специалистов к нам в Петербург. На этой площадке мы успели в течение нескольких лет существования провести несколько интерес-

ных форумов. У нас там проходит Российско-китайский деловой форум, ежегодная научная конференция «Сопряжение», имеется в виду Большое евразийское пространство и «Один пояс, один путь», у нас есть Научный форум ЕАЭС, руководителем и организатором которого является Сергей Юрьевич Глазьев. Очень интересно, что в этом году прошел 23-й Санкт-Петербургский экономический форум, и два из трех наших форумов вошли в него как круглые столы. Очень хотим, чтобы все наши научные руководители имели возможность приехать к нам, посмотреть и поддержать нас. Спасибо.

Сорокин: Контакты Вольное экономическое общество с Вами установит. Спасибо. Калашников Сергей Вячеславович, первый заместитель председателя Комитета по экономике Совета Федерации. Подготовиться коллеге Луконину.

Калашников: Я бы в этом контексте добавил, что я еще являюсь вице-президентом Торгово-промышленной палаты Великого шелкового пути, базой которого является Гонконг.

Коллеги, у меня такое впечатление, что количество экономических мифов в отношении России и Китая просто не имеет аналогов. Основой этих мифов являются многие источники. Один из них — это различные политические процессы, которые идут между Россией и Китаем и в мире. Но самое главное, на мой взгляд, они заштриховывают ту реальную экономическую и ситуацию, и перспективы, и источники понимания процессов, которые идут в России и Китае.

Пользуясь указанием Дмитрия Евгеньевича о том, чтобы поговорить о России по отношению к Китаю? Что для нас Китай и какие у нас перспективы? Я хотел бы коротко на этом остановиться.

Вопрос достаточно общий: кто Россия по отношению к Китаю? Если умозрительно взглянуть в будущее, то это, наверно, один из самых важных геополитических и экономических вопросов, на который нужно ответить. Сегодня мы можем однозначно сказать, что Россия стала младшим братом Китая в экономическом плане. Это первое. Второе: а что будет через 20 лет? И здесь вопрос очень неоднозначный. Китайская экономическая политика — она как китайская шкатулка или, по-русски сказать, китайская матрешка. Она имеет много слоев, которые проходят как по целям, так и по времени.

Приведу один маленький пример. Все слышали о Великом шелковом пути. Это действительно фундаментальная на сегодняшний день экономическая и политическая матрешка Китая. Небольшая справка: наверно, мало кто знает, каким образом на сегодняшний день осуществляется организация деятельности Великого шелкового пути, в том

числе и его финансирование. Мы все знаем о саммитах на высоком уровне, где обсуждают, как это хорошо, какая это замечательная идея. Но я вам напомню, что вообще-то учредителем Торгово-промышленной палаты Великого шелкового пути (а это единственный и основной орган управления этой концепцией, а это именно концепция) является общество продвижения китайской культуры, которое стало одним из основных учредителей вместе с потом уже присоединившейся Торгово-промышленной палатой Китая. Коллеги, я хочу обратить внимание, что в Великом шелковом пути как экономической программе продвижение культуры Китая на всем земном пространстве является одной из метацелей и, пожалуй, главной целью. Просто отметьте себе это как факт.

Где место России в Великом шелковом пути? В Великом шелковом пути сейчас уже почти 70 стран, но России в Великом шелковом пути места нет. Хочу обратить ваше внимание. Железная дорога пойдет через Казахстан, Каспий и на Турцию. Никакой железной дороги по Транссибу не будет. Я не хочу в это вдаваться, но тут мы сами виноваты. Это первое. Второе: та автомобильная дорога, которую на сегодняшний день предполагается строить через Казахстан и Белоруссию на запад — это чисто российский коммерческий проект, с очень, на мой взгляд, сомнительными последствиями, в том числе и политическими. Возникает вопрос: а что нас в Великом шелковом пути связывает? Ответ: России там, как я уже сказал, просто нет.

Являемся ли мы соперниками Китая? К сожалению, самый показательный пример — Африка. Мы на сегодняшний день открываем свои широкие возможности для африканских стран. В ближайшее время на высоком уровне состоится соответствующий саммит. Однако Китай уже практически все места в Африке занял. Имейте это в виду.

И еще момент: а мы Китаю нужны? Да, мы Китаю нужны. Мы нужны Китаю прежде всего как сырьевой придаток. И все, что сейчас делается в инвестиционном плане, — это попытка выйти на наши ресурсы. Причем это относится как к мегаинвестиционным проектам, так и к каким-то частным движениям, связанным с индивидуальным предпринимательством. Да, мы на сегодняшний день являемся сырьевым придатком Китая. Сергей Юрьевич хорошо это показал. И особых перспектив нет. Это не означает, что нет политических перспектив.

Совершенно правильно сказал наш китайский коллега о том, что на сегодняшний день геополитическая ситуация и Россию и Китай толкает во взаимные объятия. Здесь есть много нюансов, я не хочу их называть, но суть одна — что мы действительно на сегодняшний день политически очень заинтересованы друг в друге. Причем, я подчеркиваю, взаимно. Вопрос: этот политический интерес будет реализован

экономически или нет? Я вам скажу даже больше: на сегодняшний день Китай даже не очень-то заинтересован и в наших научно-технических разработках. На сегодняшний день по передовым технологиям в лучшем случае мы можем подарить миру только идеи. Реальных ноу-хау, к сожалению, мы не производим. И Китай с таким же успехом в Европе и Америке скупает все передовое технологическое, но у нас скупает только то, что еще осталось из Советского Союза.

Подытоживая, я хочу сказать следующее: надо воспользоваться сегодняшней ситуацией для того, чтобы действительно стать не просто младшим партнером Китая, сырьевым придатком, а для того, чтобы выстроить совместные эффективные формы взаимодействия.

И возвращаясь к тому же Шелковому пути: я сказал, что Шелковый путь — это матрешка. Одна из целей замечательной концепции «Два пояса, один путь» заключается в том, что Китай провозгласил: наступает новая система конкуренции между странами. Не экономика одной страны с другой конкурирует, а все страны должны объединиться для отражения тех вызовов, которые нам несет цивилизационный перекресток. То есть, другими словами, те проблемы, которые возникают из научно-технического прогресса, из четвертой революции, — они должны отражаться всем человечеством. И в этом плане Китай берет на себя роль интегратора этих общих усилий по освоению совершенно новой технологической и экономической реальности. Можем ли мы встроиться в эту концепцию? Безусловно, можем, но для этого нужно предпринимать усилия. Спасибо.

Сорокин: Спасибо. Как я уже объявил, Сергей Александрович Луконин, заведующий сектором экономики и политики Китая ИМЭМО. Все мы знаем эту аббревиатуру. Сергей Александрович, пожалуйста. Подготовиться коллеге Спартаку.

Луконин: Так как мы обсуждаем Китай, поэтому, товарищи, здравствуйте. Когда мы говорим о стратегии сотрудничества с Китаем, сначала нужно понимать, какая стратегия развития российской экономики есть у нас. Мы про нее не знаем. Поэтому и предъявлять претензии к китайской стороне бесполезно, они сами не понимают, чего мы хотим, и поэтому не могут предложить нам какие-либо преференции.

К сожалению, из года в год за Россией закрепляется статус поставщика природных ресурсов. Несмотря на то что, по разным оценкам, до 108 миллиардов долларов вырос торговый оборот, 70% — это энергоресурсы. Китайских инвестиций на нас приходится, по разным оценкам, менее 1% с тенденцией к снижению. Качество в российско-китайской

торговле с российской стороны низкое. У Китая все замечательно. Российская Федерация традиционно занимает девятое, десятое, одиннадцатое места по торговле с Китаем. Выше этого места не поднимались никогда.

Несмотря на всю риторику в СМИ и у дипломатов, санкции повлияли на российско-китайские отношения. Китайские компании не хотят вкладывать в Российскую Федерацию, не хотят с нами работать, опасаются. До сих пор для китайских компаний рынок США и рынок Европейского Союза гораздо важнее. США являются и источником финансов, и источником новых технологий. Россия пока, к сожалению, не производит ничего, что бы могло заинтересовать Китай, а то, что производит, — производит в недостаточных количествах. Даже спрос Китая на сельскохозяйственную продукцию мы не можем удовлетворить. А тот разрекламированный факт, что увеличивается доля российской сельскохозяйственной продукции, не соответствует действительности — она у нас сократилась по итогам 2018 года, совсем чуть-чуть, на шесть десятых процента, но все-таки сократилась. Поэтому здесь главный вопрос — а чего мы хотим-то, как развивать российскую экономику? И только после того, как у нас будет цель, тогда мы сможем полноценно сотрудничать с Китаем.

Продвижения в рамках сотрудничества «Одного пояса, одного пути» практически нет. Очевидно, почему — потому что у Китая «Один пояс, один путь» — это программа экспансии и во многом программа противоречий. Мы хотим модернизации экономики, Китай хочет модернизации экономики. Модернизация экономики предполагает производство высокоинновационных продуктов. Высокоинновационные продукты нужно куда-то продавать. Поэтому Россия может выступать как покупатель китайских продуктов. В том числе история с 5G. Здесь просто нам предложен выбор: вы хотите использовать китайский стандарт связи пятого поколения либо не хотите? И вот в такой ситуации нам приходится маневрировать.

По поводу сотрудничества в политике. Да, в политике у нас все хорошо, но, мне кажется, политика является отражением экономики, и пока не дошло до серьезных противоречий в экономике, в политике останется все нормально, но потом возникнет противоречие. Но главное противоречие (я немножко упрощу) — когда вы даете человеку займы 100 рублей и он не отдает, вы прекращаете с ним общаться и говорите, что человек нечестный; а когда вы человеку даете миллион рублей и он вам не возвращает, то все пацифистские заявления и разговоры о том, что мы не вмешиваемся во внутреннюю политику, могут быть отложены в сторону. Здесь тоже есть определенная опасность.

Все, что я сказал, — это не претензии к Китаю. Китай идет своим путем и очень успешно. Это претензии в основ-

ном к российской экономике. Пока у нас нет цели развития (это не должен быть сбалансированный или профицитный баланс, это должно быть развитие), то и к Китаю предъявлять претензии бесполезно. Спасибо большое.

Сорокин: Спасибо. Андрей Николаевич Спартак, член-корреспондент РАН, директор НИИ института конъюнктуры и так далее. И подготовиться коллеге Санакоеву.

Спартак: Тема очень емкая, и везде возникают вопросы и развилки. Обострение отношений между Китаем и Соединенными Штатами. Некоторые считают, что надо попытаться воспользоваться этой ситуацией и до предела заместить поставки сои на китайский рынок. Другие считают, что это все очень непростая ситуация, и если мы будем зависеть в своих поставках определенных товаров очень сильно от китайского рынка, это как раз может приблизить определенные риски и экономические противоречия между странами. Для нас есть также определенные риски чрезмерного увеличения поставок китайских товаров, для которых оказался закрыт американский рынок, и на российский рынок, и на рынки стран Евразийского Союза. Сейчас ситуация, честно говоря, не очень мониторится, не доходят руки, но за этим тоже надо смотреть, потому что это тоже может создать определенное напряжение в двухсторонних отношениях.

Я сейчас последовательно по некоторым другим болевым, на мой взгляд, вопросам пройду. Первое: зачем Россия Китаю. Понятно, что это сырьевой придаток, но Римский клуб оказался не совсем прав, когда считал, что наступит глобальный дефицит ресурсов. Его нет. Сейчас можно маневрировать. Россия, на мой взгляд, нужна Китаю со своим сильным бойцовским духом. И в неформальных беседах я слышал: что мы, китайцы, можем торговать, а вы можете отстаивать свою позицию. И в этом плане тандем России и Китая достаточно прочный, и об этом директор Института Дальнего Востока, в принципе, говорил.

Еще один момент — это китайский «Пояс и путь». Китайцы действительно все время говорят, и за этим тоже есть своя правда, что эта инициатива направлена на соразвитие, сосуществование в позитивном ключе. Но на самом деле происходит достаточно жесткая привязка к китайским целям развития других стран, и жесткая финансовая привязка, и с точки зрения поставок китайского оборудования, и специалистов. И по Центральной Азии, когда я в неформальной обстановке задал вопрос, что у России там тоже есть свои интересы, они говорят, Китай — это их выбор, выбор Таджикистана, выбор других стран Центральной Азии. Сами эксперты из того же Таджикистана говорят, что

мы перешли с баланса России на баланс Китая. И надо так и воспринимать эту ситуацию. Как в этой ситуации работать? На самом деле непросто. И китайское руководство чувствует эти линии напряжения, поэтому на последнем форуме лидер Китая сказал о перезагрузке Шелкового пути, о большем учете потребности стран в создании новых рабочих мест, учете локальных интересов и так далее.

По интеграции. На мой взгляд, Китай сегодня с точки зрения, может быть, методологии и теории интеграции — это крупнейший препятствующий фактор, потому что Китай готов к интеграции ради чего? Ради кооперации, взаимной поставки частей, компонентов, отдельных видов работ. Но Китай может это всё предложить. Хочешь готовую продукцию — возьми, хочешь части — возьми, хочешь отдельные работы — получи. В этом плане, конечно, для евразийской интеграции это очень серьезный вызов. И это подтверждается тем, что в рамках сопряжения Китая с Евразийским экономическим союзом у нас почти нет многосторонних проектов. Даже там, где вроде бы есть евразийские транспортные коридоры, там тоже каждый сам по себе строит. Характерно, что Казахстан взял для себя изъятие по вспомогательным транспортным услугам, по инжиниринговым услугам, по строительным услугам, то есть он хочет оставить за собой все дивиденды от роли главного подрядчика для Китая, поскольку все основные маршруты проходят через него. Это к тому, что наше сопряжение пока как сопряжение не работает. Из достижений сопряжения — это пока достаточно рамочное соглашение между Евразийским Союзом и Китаем, но это лучше, чем ничего, потому что Китай в двухсторонних отношениях делает по большому счету что хочет, а тут, по крайней мере, какая-то рамка есть.

Что еще я хочу сказать? Кстати, на мой взгляд, интеграция по всему миру сейчас в значительной степени тормозится, потому что есть фактор Китая. В том же Евросоюзе он сейчас перетягивает на себя существенную часть интересов Восточной Европы, да и в других регионах мира, в Латинской Америке и так далее.

В отношении того, как выстраивать отношения с Китаем на практике. У нас есть идея формирования большого евразийского партнерства, и она пока в плане конкретики материализуется только в переговорах между Россией и Китаем по Евразийскому экономическому партнерству. Это двухстороннее соглашение, которое в идеале должно дополнить неpreferенциальное соглашение между Евразийским Союзом и Китаем. Там будут и preferенции по услугам, по инвестициям, некоторые дополнительные вопросы. Пока информации практически нет. Минэкономразвития, соответствующий департамент ведет эти переговоры, но по соглашению практически нет информации, но это могло бы быть кирпичиком формирования вот этого большого парт-

нерства. Если Китаю в России удастся договориться по рамочным вещам, причем по серьезным, не по тем, по которым, в принципе, договариваешься на базе международных принципов и правил, а что-то в плюс к этому, можно было бы положить это на стол Шанхайской организации сотрудничества и попытаться попробовать, по крайней мере, двинуться на пути формирования вот этого более широкого пространства сотрудничества. Почему я об этом специально говорю? На мой взгляд, в принципе, сегодня уже можно ставить вопрос о том, что нам надо постепенно, не отказываясь от цели региональной интеграции, переходить к макропродвижению идей макрорегиональной интеграции в Евразии, потому что это касается и взаимодействия с Европейским Союзом и с Китаем. Если мы создадим более-менее приемлемую общую рамку, тогда, может быть, нам удастся как-то решить наши проблемы с Молдовой, Украиной, со странами Центральной Азии.

Совсем практический вопрос. Мы сейчас вместе с министерством занимаемся подготовкой плана увеличения товарооборота, поставлена задача — до 200 миллиардов. Получается, но, правда, с российской стороны получается, в основном добрать до этой цифры за счет тех же минеральных продуктов — «Силы Сибири», Амурского газоперерабатывающего, «Ямал СПГ», «Арктик СПГ-2», по рудам черных металлов, по некоторым цветным металлам, по продовольствию.

Подытоживая, я хочу сказать, что сейчас определенный момент истины. Если Китай серьезно настроен углублять экономические отношения с Россией, пытаться найти сферу взаимодействия за пределами сырьевого сектора, то мы это очень скоро увидим. Сейчас он стал открывать рынки для сельхозпродукции. Буквально в последние месяцы серьезно открыл. Посмотрим, что будет с защитой интеллектуальной собственности и отказом от принудительного трансфера технологий, потому что, как говорят наши машиностроительные кластеры, по-прежнему покупаются опытные партии, 12 станков, 15, дальше дело тормозится. Если будут подвижки, наверное, можно думать, как говорили коллеги, о некотором виде технологического партнерства. Спасибо.

Сорокин: Спасибо. Сергей Феликсович Санаков, президент Российско-китайского аналитического центра, заместитель председателя Общества российско-китайской дружбы. Приготовиться коллеге Тавровскому.

Санаков: Благодарю Вольное экономическое общество за возможность выступить на «Абалкинских чтениях». Я лично был знаком с Леонидом Ивановичем через Аркадия

Ивановича Вольского. И тогда, когда мы в 90-е годы обсуждали возможность того, что Россия и Китай совместными усилиями когда-то спасут человечество, многие отцы-основатели Вольного экономического общества над нами смеялись. Но тем не менее время прошло, и, как видите, все это оказалось правильным. И тогда уже создали Российско-китайский центр торгово-экономического сотрудничества. Я 14 лет его возглавлял. Сейчас мы его переформатировали по совету Евгения Максимовича Примакова уже в Российско-китайский аналитический центр, и поэтому, наверное, имеем возможность проанализировать эту большую стратегию, о которой вы говорите.

Все-таки у нас действительно произошел очень значительный рост торговли, с 1990 года, когда было всего 5 миллиардов долларов годового оборота, и, конечно, это значительный рост. Но гораздо важнее то, что мы все-таки выработали за эти годы именно взаимную совместную стратегию, о которой вы как раз задавали вопрос. И эта стратегия, она как раз, кстати, заложена еще с 1990-х годов — это стратегия многополярного мира. Это основная нить, на которой мы выстраиваем наши взаимоотношения. И почему-то, видимо, американцам кажется, что мы дружим против них, но на самом деле это совсем не так. И здесь как раз смысл не в том, чтобы заменить одного существующего гегемона на нового, на Китай, как говорил Сергей Вячеславович, такой задачи не стоит. У китайцев речь идет именно о создании полицентричного мира с тем, чтобы процессы в мире были по-настоящему правовыми и демократическими.

При этом, обратите внимание, я не буду отнимать хлеб у Юрия Вадимовича по поводу стратегии «Один пояс, один путь» — он, конечно, скажет больше. Нет такой концепции «Великий шелковый путь», есть концепция «Один пояс, один путь». И мы говорим о сопряжении строительства Евразийского экономического союза с этой концепцией. И, между прочим, в интеграционном клубе при председателе Совета Федерации этот процесс уже назвали интеграцией интеграций. Это очень важный момент, потому что мы фактически объявляем, что мы открываем сотрудничество для всех стран, даже, если хотите, и для США, в то время когда наши западные партнеры, наоборот, пытались выстроить Транстихоокеанское партнерство, Трансатлантическое инвестиционное партнерство, с прямым указанием — участие России и Китая. Так что эта стратегия, безусловно, есть, и у нас есть свое место.

Я абсолютно согласен с предыдущим оратором, что здесь очень важное значение имеет наша политическая воля, наша сила. Необязательно говорить о сегодняшнем экономическом состоянии. При этом нет каких-то заблуждений насчет того, что Россия сильна или нет, в Китае. Они прекрасно знают, что Россия — очень сильная страна и с огром-

ными ресурсами, но просто, может быть, сегодня — неправильная форма управления всеми этими ресурсами, но это поправимо. И здесь я согласен с Сергеем Юрьевичем, что для того чтобы опять встать на одинаковую, по крайней мере, трассу с Китаем, нам нужно вернуться к социалистическим системам, к социалистической народной системе управления, и тогда мы сможем достичь больше.

И два слова по поводу стратегии «Один пояс, один путь» — по поводу того, что это является некой такой экономической экспансией Китая. Ничего подобного. Там три принципа: это совместное обсуждение, совместное строительство, совместное использование каждого отдельного проекта. Ничего не навязывается. Вся эта концепция идет в полном сотрудничестве, взаимодействии с идеей о строительстве сообщества единой судьбы. Это тоже очень серьезная вещь, которую, я надеюсь, тоже Юрий Вадимович больше развернет. И поэтому, конечно же, мы должны полностью взаимодействовать с этой инициативой. Что касается маршрутов. Не то чтобы Транссиб исключен, а три из пяти основных маршрутов «Один пояс, один путь» выходят на Транссиб. Ну как это исключен? Я напомним, что Россия названа самым главным партнером в инициативе «Один пояс, один путь». Это слова председателя Си в присутствии президента Путина. Поэтому ни в коем случае речь не идет о том, что Россия должна как-то отходить от этого процесса. Наоборот, мы должны максимально взаимодействовать.

И перспективы мы в этом видим прежде всего в Северо-Восточной Азии. Это уникальный регион, из которого я недавно вернулся, где в городе Чан-Чунь принимал участие в 12-м Экспо «Китай и Северо-Восточная Азия». Там участвуют и Монголия, и Япония, две Кореи, Россия и Китай. И у нас открываются широкие перспективы в том числе по экономическому коридору «Россия, Монголия, Китай», который возрождает традиции чайного пути. Это и поставки сельскохозяйственных продуктов на китайский рынок, это и строительство крупных объектов при помощи китайских строителей и с участием китайских банков. Так что в этом регионе у нас фактически начинается большой прорыв в области экономических отношений.

Вот коротко то, что я хотел сказать. Спасибо.

Сорокин: Спасибо. Юрий Вадимович Тавровский, руководитель Аналитического центра «Русская мечта и китайская мечта» Изборского клуба. Юрий Вадимович, пожалуйста. И подготовиться коллеге Ремыге.

Тавровский: Скоро мы будем отмечать 70-летие Китайской Народной Республики, 70-летие установления дипломатических отношений между Москвой и Пекином. И сейчас очень много материалов, выступлений по поводу

того, что было за эти минувшие 70 лет. Мы в Изборском клубе решили поступить иначе и заглянуть в будущее. Мы решили заглянуть на 30 лет вперед. Почему именно 30? Потому что долгосрочная программа Си Цзиньпина, которая называется «Китайская мечта о великом возрождении китайской нации» рассчитана именно до 2049 года. И на следующей неделе у нас будет мозговой штурм, специалисты по Китаю, по России попытаются заглянуть в это время и посмотреть, как же будут сопрягаться или не сопрягаться наши стратегические пути развития.

Я буду докладывать про Китай. Мне проще всего. Я знаю, что будет в Китае в 2049 году. А вот те, кто будут докладывать про Россию, что будет в 2049 году? Им придется очень и очень трудно, потому что никакой стратегии развития у России нет и не предвидится в ближайшие годы. Поэтому как мы пойдем — параллельными путями или наши пути будут расходиться, — совершенно непонятно.

Что будет в Китае в 2049 году — ясно. Китай будет могучей, демократической, социалистической державой. В том, что это будет так, можно убедиться на том, как Китай проходит реперные точки на этом пути. Сказали: в 2020 году будет искоренена бедность в Китае; она будет искоренена в будущем году. В 2035 году должно быть 700 миллионов человек среднего класса — так и будет; в этом году — уже 440 миллионов средний класс. Их движение может быть замедлено из-за американцев, но в том, что они дойдут до 2049 года с блестящими результатами, никаких сомнений не возникает.

В июне в Москве побывал Си Цзиньпин, и они с Путиным подписали декларацию, в которой сказано, что наши отношения стратегического, всеобъемлющего партнерства вступили в новую эпоху. Можно подумать, что это очередная словесная эквилибристика наших литераторов из МИДа или из Администрации Президента, которые все время добавляют всякие прилагательные к одному и тому же термину «стратегическое партнерство». Я склонен считать, что это не так, что действительно наступила новая эпоха. Причем наступила она не для нас, а для китайцев, потому что Трамп за один год зажал им некоторые части тела до такой степени, что они уже посинели и им уже стало очень больно. И они, во-первых, немножко поуменьшили свою заносчивость, в которой были отмечены в последние годы, и стали оглядываться по сторонам, на кого бы им опереться. Как справедливо говорил один из коллег, они рассчитывают использовать наш боевой дух. По-китайски это называется «боевитая нация». Или они еще говорят: «поставить русскую боеголовку на китайскую ракету». И вот провозглашена новая эпоха.

Я думаю, что именно в рамках новой эпохи сейчас китайские ведомства получают новые указания снимать торговые ограничения, упрощать финансирование, очень сильно

сдвинулось вперед наше военное сотрудничество. Буквально через несколько недель после провозглашения новой эпохи было совместное патрулирование стратегических бомбардировщиков России и Китая вместе в одном строю, рядом с американскими базами в Южной Корее и Японии. Сами понимаете, что это такое.

В то же время я считаю, что наши отношения не имеют прочного фундамента. У нас нет фундамента в общественном мнении русских и китайцев. Есть такое понятие — коллективное бессознательное. Коллективное бессознательное русских о Китае какое? Вы, наверно, все согласитесь, что китайцы хотят отнять у нас Сибирь и Дальний Восток. Правильно? Здесь присутствуют дальневосточники, и они знают, что китайские туристы, приезжающие в Иркутск, например, даже записи в музейных книгах оставляют: «Эти наши земли, и мы еще их заберем». Поэтому они так относятся к Байкалу, к лесам и так далее и так далее. То же самое во Владивостоке, откуда я вернулся 10 дней назад, неделю назад. Какое коллективное бессознательное китайцев о нас? Русские отняли у нас полтора миллиона квадратных километров китайских земель, и они должны их вернуть, потому что прошло время национального унижения с опиумных войн и наступила пора для великого возрождения китайской нации.

Нам предстоит скоро годовщина договора, исполнится 20 лет, нам надо этот договор пересмотреть и прописать там нерушимость нашей российско-китайской границы, потому что в 2001 году граница не была полностью установлена, только в 2004 году был подписан протокол. Так вот, теперь нужен договор, в котором раз и навсегда было бы покончено с этим.

Сорокин: Спасибо.

Глазьев: Вы ставите вопрос ввести слово «нерушимость» и тем самым подвергнете сомнению весь договор. Нерушимость. Он и так предполагается, что он нерушимый.

Тавровский: Не прописано.

Глазьев: Рискованно трогать эту тему.

Сорокин: Мы в своем экспертном кругу имеем право. Пусть там размышляют. Владимир Николаевич Ремыга, главный научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений Финиуниверситета. Пожалуйста. И подготовиться коллеге Бузгалину.

Ремыга: Уважаемые коллеги! В прошлом году мне удалось дожить до даты 50-летия начала работы на китайском направлении, и, мне кажется, что кое-какие итоги этой работы я готов доложить.

Что, пожалуй, сейчас самое главное? Впервые у нас наметились очень доверительные отношения с китайским научным сообществом. Мы достаточно откровенно обсуждаем как проекты, так и перспективы нашего дальнейшего развития. И не всегда они доброжелательные для нас, и не всегда мы высказываем доброжелательное отношение к китайцам.

Обобщая очень коротко то, что китайское научное и экспертное сообщество декларирует: в современном мире все уже поделено достаточно четко, но остались три сферы, которые еще возможно можно было бы поделить. Какие это сферы? Это Мировой океан и в первую очередь Северный Ледовитый океан. Второе — это космос, в особенности дальний космос. И третья позиция — это интернет. Стержень всего этого — научно-техническое развитие. И мы выступили инициатором того, что 2020 и 2021 годы названы уже официально перекрестными годами научно-технического и инновационного сотрудничества. В науке и инновациях в этом процессе на два года есть достаточно большое поле для деятельности. Понимая это, в апреле 2020 года мы предполагаем провести уже четвертую научно-практическую конференцию в Санкт-Петербурге по теме сопряжения в области научно-технического сотрудничества. Приглашаем вас принять участие в этом мероприятии. У нас есть информационное письмо, можно получить, ознакомиться.

Я бы остановился еще на одном направлении, которое сегодня и завтра мы будем обсуждать с нашими китайскими коллегами-финансистами. О чем идет речь и очень жестко? Пора уходить от гегемонии доллара. Пока ничего совершенно четкого в этом направлении не делается. И мы сделаем такое предложение. Народный банк Китая в настоящее время разрабатывает или изучает, и очень подробно изучает, возможности использования кредитования. Это одно из базовых направлений ухода от долларовой гегемонии. Понимая это, мы проделали большую двухлетнюю работу очень профессиональными специалистами, и в июле этого года в Беларуси открылась биржа криптовалют на очень серьезном основании, для нее подготовлена основательная юридическая база, и в ближайшее время большая китайская делегация приезжает в Беларусь для того, чтобы запустить процесс открытия этой биржи. Спасибо за внимание.

Сорокин: Спасибо большое. Александр Владимирович Бузгалин, профессор. И подготовиться коллеге Богоявленскому.

Бузгалин: Уважаемые коллеги! Я выступаю в данном случае еще и в качестве профессора Пекинского и еще двух других китайских университетов, поэтому, наверно, буду говорить не о глубокой политэкономической теории, а именно о той проблеме, которая здесь поставлена.

Прежде всего, я хотел бы подчеркнуть, что все участники нашего сегодняшнего круглого стола пришли к выводу, что проблема стратегии сотрудничества наших двух стран упирается в отсутствие стратегии развития у России. Я бы пролил это зафиксировать. Это очень важно.

Второе, что мы для себя, наверно, можем и должны отметить: китайская модель развития — это модель развития. Развитие — это качественные изменения. Это относится к вопросу о том, какой будет торговля, и даже в каких пространствах и как мы будем делить геополитэкономическое влияние. Это вопрос о том, какие качественные изменения произойдут за несколько десятилетий в Китае и в мире. Когда ты в Китае, это очень чувствуется. Они по-другому смотрят на этот мир. Для них вопрос, какую культуру сформировать, есть первый вопрос, а при помощи какой торговли и какого баланса сил в практических вещах — второй, если речь идет о стратегии.

В чем проблемы? С российской стороны я перечислять не буду. Сергей Юрьевич и остальные коллеги очень хорошо об этом сказали. Проблемы есть и с китайской стороны, потому что такая постановка вопроса во всех официальных документах и в большой стратегической логике находится в глубоком противоречии с практиками многих, я бы сказал, большинства китайских корпораций, с одной стороны, и с формированием общества потребления в Китае, с другой стороны.

Одна из главных проблем и, на мой взгляд, трагедия китайского общества, которую они отчасти видят сами, — это то, что новое поколение является таким же продуктом глобального фиктивного рынка симуляторов, как и поколение в Америке и как поколение в России. Маленький смешной аспект. Я спрашиваю китайских студентов: «Какой китайский фильм вам больше всего понравился?» Это было больше года назад. «Восьмой выпуск “Звёздных войн”», — отвечают они. «Где вы хотите провести свое время?» В огромном количестве ответов это будут мегамоллы. Сможет ли Китай сформировать культурную, образовательную и так далее альтернативу — это огромный вопрос. Они, с одной стороны, во всех университетах создали факультеты марксизма, но с другой — философия, социология и экономика преподаются по американским учебникам почти без адаптации. И разрыв между экономической практикой и официальной идеологией напоминает разрыв между антисоветскими песнями Гайдара и его компании на экономическом факультете МГУ в пору моего студенчества и клятвами верности Коммунистической партии на партийных собраниях. Это огромная проблема, которая очень хорошо и легко видна изнутри.

И здесь для России и для всех нас есть неожиданный вариант движения к сотрудничеству по этому пути. Мы

можем им предложить, используя наш огромный трагический и позитивный опыт, формирование другого мира. Общество новой единой судьбы — это очень важно. Мы можем предлагать другую культуру. Если мы будем предлагать им интересную культурную программу вокруг этого пути, так, чтобы эти дороги были насыщены другим миром, это будет огромный экономический проект. Китай мыслит по-другому. Для него культурный проект — это экономический проект. Это правильно. Это огромные инвестиции. Мы просто так не мыслим. Если мы предложим им другую модель образования, не построенную на американской тестовой формальной модели натаскивания специалистов, но на формировании творческой развивающейся личности, это будет другой путь. То же самое касается науки, то же самое касается человеческих отношений, то же самое касается очень многих аспектов. То есть предлагать другую стратегию, другие отношения — это мы можем, и там есть заказ на это. Есть понимание, что надо бы что-то такое.

То, что я сейчас сказал в течение четырех минут, там я проносил на многих форумах в форме длительных лекций. Поэтому еще разочек. Первое: главный вопрос — цели. Не средства, не деньги, не металл, не сырье. Цели. Второе: в качестве методов не только торговля и взаимовыгодные, по сути дела, рваческие для частных фирм модели создания тех или других хозяйственных проектов, а плановое сотрудничество, создание совместной собственности и многое другое. Здесь было справедливо сказано: если занял миллиард, я бы сказал, а не миллион, то тебя могут завоевать, если ты не отдашь. Если ты вложил совместно несколько сот миллиардов, то ты практически будешь обязательно завязан на долгосрочное сотрудничество. Бросить это будет очень глупо.

Поэтому либо мы вкладываем огромные ресурсы в большие стратегические проекты под культурные, образовательные и какие-то цивилизационные цели, это последняя фраза и последние песчинки, либо мы оказываемся действительно в положении сырьевого придатка с весьма печальными перспективами. Спасибо.

Глазьев: Все это здорово, но китайцы понимают, мне кажется, что мы можем им предложить только то, что у нас есть в наличии. Не в смысле в голове у интеллектуалов, а в смысле в государстве, потому что они не верят в то, что есть в голове у мыслителей, но не реализовано на практике в государстве. Это неубедительно.

Бузгалин: Сергей Юрьевич, там кроме прагматиков, которые делают бизнес, есть еще и политики, которые мыслят совершенно другими моментами. Прагматически 5000 факультетов марксизма для них вредны.

Глазьев: Но это внутренние отделы.

Бузгалин: Нет, это не внутренние отделы. Это стратегия.

Богоявленский: Для нас 2019 год, который является юбилейным, как мы сегодня уже говорили, стал действительно началом сотрудничества между нашим институтом и рядом институтов Китая. Мне впервые довелось по приглашению китайской стороны побывать в Пекине. Не вдаваясь в детали, скажу, что Пекин мне невероятно понравился, и то, что я о нем слышал много негативного, в том числе о смоге и прочем, — ничего этого я не заметил. Я заметил сплошной позитив, в том числе невероятно зеленый город.

Есть очень интересные слова Си Цзиньпина, что самое главное — у нас совершенно единое понимание стратегического значения китайско-российских отношений. Об этом сегодня разговор уже идет. И я очень кратко коснусь, наверное, того, в чем это понимание. Я сделал целый ряд докладов, главным образом по арктическому направлению, которое у Китая вызывает колоссальный интерес. Они ежегодно проводят уже по несколько экспедиций в Арктику, строят дополнительно новые ледоколы, и я не сомневаюсь, что они преуспеют не только в Арктике, но они уже и в Антарктиде достаточно активно развивают свою деятельность. За предыдущие лет пять у меня вышел целый ряд публикаций на китайском языке, причем китайская сторона была инициатором, в том числе была издана книга «Арктический регион», трехтомник. И некоторые статьи у меня в России вышли, в частности «Газовая революция в Китае». Я года 3–4 назад здесь выступал на эту тему и немножко со злорадством сказал: «Видите, слева здесь показаны графики, внизу три цветные линии — это тот сценарий, по которому, экономисты считали, все будет развиваться, а красная линия, она идет внизу — это то, как по факту все развивалось, то есть ниже пессимистического базового сценария».

И вот за прошедшие четыре года мы видим следующую картину, что после 2014 года, когда был мировой кризис, произошел колоссальный скачок роста потребления углеводородов, как нефти, так и газа, но вместе с тем производство в Китае по газу и нефти, производство углеводородов очень сильно отстает от потребления. Они вынуждены искать рынки и практически уже во всех рынках присутствуют, в том числе и Африки, и России, и других стран. Вот произошел рывок, и опять ни один экономист не спрогнозировал, что оно так будет. И сейчас потребление выше, чем все прогнозы, которые были. Я думаю, что этот график уйдет в прошлое.

Сегодня Сергей Юрьевич уже упоминал «Ямал СПГ». Я бывал в этом месте с начала строительства уже около 10 раз, в последний раз — 14 августа. Мы проводили там достаточно серьезную экспедицию. И хочу сказать, что был удивлен, как активно строился и раньше сроков был построен этот завод. 30% — доля Китая здесь. В другом проекте — уже 20-процентная доля Китая. Конечно, Китай ищет, где покупать сырье, и он пошел уже во многие другие проекты, которые не так афишируются, может быть. В частности, Ванкорское месторождение — одно из самых крупных, Китай тоже туда вошел.

Вместе с тем в Китае есть колоссальные ресурсы. Американцы посчитали, что Китай является абсолютным лидером в мире по ресурсам сланцевого газа, с большим отрывом от Соединенных Штатов. И я был по приглашению в лаборатории, которая занимается именно сланцевыми делами. Это колоссальная лаборатория. Весь институт — 2 с половиной тысячи человек. А наш институт — 150, то есть в 10 раз, даже в 15 раз, получается, меньше. Естественно, силы брошены на это и другие направления, абсолютно иные. Плюс у них, я вынужден отметить, есть такая черта, которую я бы назвал педантичностью и, может быть, самопожертвованием. То есть они работают колоссально, и за счет этого достигаются основные результаты. В 2017 году был сюрприз, когда китайцы обошли японцев по изучению и началу освоения газовых гидратов, то есть их результаты оказались лучше, чем у японцев. Это был сюрприз для всего нашего нефтяного мира, и они нас теперь приглашают присоединяться, хотя мы в прошлом были лидерами в этом направлении.

Спасибо за внимание.

Сорокин: Спасибо. Георгий Борисович Клейнер, член-корреспондент РАН, заместитель научного руководителя ЦЭМИ РАН. Подготовиться коллеге Спасскому.

Клейнер: Дорогие коллеги, у меня сложилось такое впечатление, что наша аудитория разделилась как бы на две группы: одни говорят о нашей неполноценности по сравнению с Китаем и выражают вопросы, что мы можем дать Китаю, кроме, может быть, ресурсов; другие говорят о комплексе превосходства или даже не говорят, но предполагают комплекс превосходства. Мне кажется, что очень важно занять сбалансированную позицию. Не младший брат или младшая сестра, поскольку все-таки Россия женского рода, а Китай — мужского в русском языке, и не старший брат, а страна, которая обладает чрезвычайно большим потенциалом, чрезвычайно высокой культурой, чрезвычайно талантливым народом. Причем это относится и к России, и к Китаю.

Тут говорилось о том, что цепочки добавленной стоимости, в которые были бы встроены российские и китайские предприятия, слабо просматриваются — есть, конечно, но в массовом порядке этого пока нет. Но мы, господа, ученые, и нам с вами, скорее, можно говорить о цепочке добавленных знаний. В этом отношении тут уже звучала мысль о важности научного сотрудничества с Китаем и с китайскими учеными — вот это мне представляется одним из магистральных путей нашего совместного развития.

Три дня назад мы в Центральном экономико-математическом институте подписали договор о создании центра системных исследований экономической политики и инноваций, Россия и Китай — Китайский институт науки и развития Академии наук Китая и Центральный экономико-математический институт РАН. В этом центре будут изучаться системные основы экономики. Более или менее общим является представление о том, что мейнстрим в его западном выражении, такие теории, как неоклассика, даже отчасти неинституционализм и так далее, уже не удовлетворяют потребностям реальной экономики ни в России, ни в Китае. Они не дают ни общих макроэкономических подтвержденных рекомендаций, ни микроэкономических рекомендаций о том, как должно управляться предприятие в России и в Китае. И вот на встрече с руководством Института науки и развития Китая мы говорили об этих проблемах.

Что можно было бы почерпнуть России из этих обсуждений? Я хочу сказать, что основной проблемой, системной проблемой российской экономики является ее несистемность и основным достоинством экономики Китая является ее системность. Можно долго говорить о том, в чем это выражается, но, во всяком случае, там не принимаются решения, одновременно направленные в разные стороны, как у нас в России. Там ведется последовательная работа. Между периодами там тоже идет согласование. Горизонт планирования включает в себя не просто несколько десятилетий, а полувековые периоды. И вот эта системность, как можно видеть на конкретных примерах, и определяет то, о чем говорилось в начальном докладе, о темпах роста и так далее.

Вопрос о государственном вмешательстве в экономику — критический вопрос для многих экономических теорий. Что может государство? Оно может производить реформы, оно может вводить госрегулирование, оно может строить инфраструктуру, оно может заниматься стратегическим планированием. И когда мы посмотрим на то, каким образом эти инструменты государственных интервенций применяются в России, мы увидим бессистемность, просто хаотичность, наложение одного на другое с противоречащими целями и инструментами.

Если же мы посмотрим на то, что происходит в Китае. Я сейчас не имею возможности подтвердить это примерами. Можно найти это в публикациях, в моих в том числе. Но именно та последовательность в применении этих инструментов — она-то и гарантирует, что после каждого этапа проведения реформ их результаты не теряются, не растворяются, а закрепляются в стратегическом планировании, подкрепляются строительством инфраструктуры и обеспечиваются государственным регулированием.

Спасибо за внимание.

Сорокин: Спасский Максим Александрович, председатель Дома российско-китайской службы.

Спасский: Спасибо большое. Очень приятно выступать перед такой аудиторией. Я хотел поднять проблему взаимодействия российских регионов с китайскими регионами. К сожалению или, наверное, к счастью, Россия находится не только в рамках кольцевой дороги и Санкт-Петербурга, но есть и куча других регионов, которые тоже настроены на работу с Китаем.

Предыдущие докладчики обозначили очень большие проблемы, и самое главное, наверное, то, что говорили сейчас, — это отсутствие системной работы и отсутствие нормальной стратегии. Стратегию может создать научное сообщество. У нас политика, наука и бизнес живут в совершенно разных плоскостях, и вот это самая главная проблема. Я человек от сохи, я работаю с китайцами, работаю с бизнесом. Одна из моих компетенций — это диджитал-маркетинг Китая. Так вот, я скажу, какая самая главная проблема у нас: мы не умеем строить мифы о России. Формирование мифа о России — это очень важная тема. Китайцы же сформировали миф, что они инвестор номер один в мире. Кто-то реально пробовал получить инвестиционные деньги у китайцев? Я пробовал, мы закрывали какие-то проекты, но это ведь адова работа.

Поэтому вопрос в следующем. Мне казалось, у научного сообщества одна из главных целей — обобщив вот эти материалы, все-таки заставить региональную власть читать эти материалы, потому что читать никто не любит, все сейчас любят смотреть картинки, а власть мыслит клиповым мышлением: посмотреть быстро презентацию на трех страницах и закрыть эту тему. А отношения с Китаем, к сожалению, намного сложнее, чем презентация на трех страницах. Я продающих презентаций для китайцев наделал сотни и знаю, что это такое.

Второе — это самая главная проблема — с китайцами надо как-то попроще. Когда научный мир разговаривает между собой — это одно, а когда разговаривают предприниматели — это совсем другая тема. И вот им надо попроще, и нужны простые легенды. Есть сказка «Золотой ключик»,

она очень классная. Помните, поле чудес в стране дураков и на нем дерево. И вот 90% китайцев воспринимают Россию так, что это поле дураков, куда они воткнули палку, полили, а утром пришли и собирают доллары. Потому что мы общаемся с реальными предпринимателями, которые приезжают и хотят куб леса купить за полторы тысячи рублей. Так это так же, как мы за iPhone в Пекин ездим и думаем, что они стоят там дешевле.

Первое — это формирование мифа о России как о стране, где можно заработать. Это очень важная, мне кажется, тема, которой надо заниматься. Это тема чистого маркетинга. А вторая тема — говорить правду. Мы анализировали сейчас рынок поставки русских товаров. Хорошие отношения с Китаем на самом деле ставят подножку бизнесу, потому что все твердят о том, что все хорошо в экономике, а цены на российские продукты на границе за год упали в полтора раза — вы не знали. Никому там наше масло не нужно. Мне все знакомые говорят: «Давай мед в Китай продадим». Я говорю: «У тебя одна возможность тонну меда продать: бери вот эти клетчатые сумки, иди через мост, вперед, и торгуй на рынке». Мне говорят: «А почему ты так грубо?» Я говорю: «Так я не грубо, я просто хочу разрушить все ваши иллюзии». Зайти в китайские торговые сети с товаром стоит 150–200 тысяч долларов, а мы рассказываем о том, как нас там ждут. Так вот, хотел сказать: мы научились готовить хорошую информацию. У них хороший сайт с хорошей, полезной информацией, но продавать мы не научились.

Я хотел подчеркнуть следующее: нужна интеграция между политиками, которые в силу своих обязанностей должны рассказывать о том, как все хорошо, наукой, а третье: надо помочь простому бизнесу. Эти олигархи, которые продают нефть и газ, — они без нас как-то сами разберутся. Давайте маленькому бизнесу поможем. Вот как-то так. Спасибо большое.

Сорокин: Уржумцева Татьяна Борисовна, Санкт-Петербургский государственный университет.

Уржумцева: Благодарю, во-первых, за то, что пригласили. Приехала специально. Хотела говорить о роли университетов, но думаю, что не нужно тратить на это время, все прекрасно это знают. В нашем университете работает уже целый центр, который готовит специалистов для экономики со знанием китайского языка. Здесь еще много говорили о том, как культура, как сопрячь культуры. Я просто хотела подарить вам книгу, которая уже и олицетворяет этот процесс, мы начали это делать. Прошу принять от нас подарок. К 200-летию Тургенева была сделана книга. Двуязычная книга — перевод стихов Тургенева в прозе на китайском, с иллюстра-

циями. Это продукт российского образования, это сотрудничество российских и китайских университетов.

Международный союз экономистов является членом Российско-китайской ассоциации экономических университетов. И я напоминаю, что неплохо было бы нас не забывать. Мы нуждаемся в партнерстве, мы нуждаемся в общении. Спасибо большое.

Сорокин: Спасибо. Спасибо за подарок.

Бодрунов: Я благодарю Вас и за подарок, и за выступление, за краткость выступления и тем не менее его важность.

Уважаемые коллеги, подвожу кратко итоги сегодняшней дискуссии. Мне она кажется очень важной. Мне кажется, она важна с точки зрения нашего обмена мнениями о том, куда же нам все-таки двигаться в наших отношениях с Китаем.

Наверное, из всех здесь присутствующих у меня наибольший практический опыт работы с китайскими коллегами в плане производства, машиностроения. Я длительное время возглавлял одну из крупнейших российских корпораций, где было много заводов, конструкторские бюро. И то, что в Китае сегодня есть самолеты, похожие на Су-27, — это потому, что выполнялся огромный российско-китайский контракт в свое время, где пришлось очень много работать: от уровня слесаря до уровня генеральных директоров КБ. Это сложные партнеры, это партнеры, знающие свое дело, знающие свои цели и, я бы подчеркнул, систематически работающие над их достижением.

В этом плане я бы хотел сказать следующее. На одной из конференций, которая была в то время, 10–12 лет назад, китайский коллега из бизнеса говорил: «Вы знаете, мы очень хотели бы дружить с Россией. Мы видели бы сотрудничество с Россией очень понятно и правильно: Россия поставляет нам ресурсы, а мы поставляем России нашу технологическую продукцию». Я тогда, будучи директором технологической компании, подумал: «Ребята, вы, наверное, не о том говорите. Мы вам поставляем такого уровня технологичную продукцию». В то время мы еще не поставляли в таком количестве нефть, газ и все остальное в Китай. У них были другие приоритеты, где все это брать, поэтому тогда мне и многим нашим коллегам казалось, что это вообще какие-то нереальные вещи. А сегодня мы говорим, что это уже произошло. Мы видим, какой процент машиностроительной продукции, мы видим, что китайские коллеги с успехом освоили то, что было им необходимо для собственного оборонного комплекса, авиации и так далее. Я могу сказать совершенно откровенно: они сделали это, опираясь на наши достижения. Где-то мы не доработали над интеллектуальной собственностью, мягко говоря, но тем не менее они как могли, так сделали, систематически и четко.

Почему произошло то, что произошло? Потому что в те же самые времена ваш покорный слуга и многие другие коллеги написали соответствующую книгу, она лежит у меня здесь на столе, о реиндустриализации. У нас была деиндустриализация. Мы ничего не могли более того, что предлагали, предложить Китаю. И сейчас мы толком не можем ничего предложить. Поэтому, когда мы говорим о стратегии наших взаимоотношений с Китаем, мы должны понимать, что, если там есть выстроенная стратегия о том, что нужно делать и как, мы должны понимать, что в стратегию нашего развития мы должны заложить те вещи, которые позволят нам быть действительно равными в наших партнерских отношениях. Иначе, как говорится, не будет ни младшего брата, ни старшего, будет четкая и понятная китайско-российская действительность. И это может быть не очень плохо, это может быть очень хорошо, но, если мы говорим о равном партнерстве, мы должны работать над собой в первую очередь, чтобы наша стратегия соответствовала этому партнерству. Спасибо.

Сорокин: Мы заканчиваем сегодняшний круглый стол. Спасибо всем экспертам. Я думаю, получив стенограмму, нашим коллегам, принимающим решения, будет над чем подумать. Я хочу еще сказать о чем. Год назад, в ноябре 2018 года, прошел Четвертый ежегодный форум Финансового университета. Каждый форум имеет свой слоган. Прошлогодний форум имел слоган: «Как попасть в пятерку?» Понятно, этот слоган вытекал из задач, поставленных в том же майском 204-м Указе Президента. 26–27 ноября пройдет Пятый форум. Слоган этого форума: «Рост или рецессия: к чему готовиться». Спасибо за внимание!

RUSSIA AND CHINA: PARTNERSHIP STRATEGY

During the latest summits, Russia's and China's leaders announced a further rapprochement between the two countries which led to the establishment of all-encompassing relations in the field of strategic interaction. According to the Chinese ambassador, only through accelerating the alignment of the countries' national development strategies will we be able to attain complementarity and ensure development and prosperity for the both countries. What are the pros and cons of such an impressive initiative?

Abalkin Readings, VEO of Russia, September 12, 2019

PANELISTS:

Dmitry Evgenievich Sorokin,
Vice-President of the VEO of Russia, Research Director of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Doctor of Economics

Sergey Gennadyevich Luzyanin,
Director of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor

Sergey Yuryevich Glazyev,
Vice-President of the VEO of Russia, Advisor to the President of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Chen Zhigang,
General Director of the Russian-Chinese Business Park

Sergey Vyacheslavovich Kalashnikov,
Member of the Presidium of the VEO of Russia, First Deputy Chairman of the Council of Federation Committee on Economic Policy, Doctor of Economics, Professor

Sergey Aleksandrovich Lukonin,
Head of the Sector of China's Economy and Policy, employee of a division of the Center for Asia Pacific Studies of the Primakov IMEMO of the Russian Academy of Sciences, Candidate of Sciences

Andrei Nikolaevich Spartak,
Director of the All-Russian Research Institute of Market Studies, Head of the Department of International Trade and Foreign Trade of the Russian Federation, All-Russian Foreign Trade Academy, Honored Science Worker, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Doctor of Economics

Sergey Feliksovich Sanakoev,
Chairman of the Board of the Russian-Chinese Center for Trade and Economic Cooperation, President of the Russian-Chinese Analytical Center.

Yury Vadimovich Tavrovsky,
Head of the Analytical Center "Russian Dream and Chinese Dream" of the Izborsk Club

Vladimir Remyga,
Leading Researcher, Center for Research of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor

Sergei Dmitrievich Bodrunov,
President of the VEO of Russia, President of the International Union of Economists, Director of the S.Yu. Witte Institute of New Industrial Development, Doctor of Economics, Professor

Alexander Vladim Buzgalin,
Vice-President of the VEO of Russia, Member of the Presidium of the International Union of Economists, Director of the Institute of Socioeconomics of the Moscow Finance and Law University, Professor Emeritus of the Lomonosov Moscow State University, Doctor of Economics

Vasily Bogoyavlensky,
Member of the Board of the VEO of Russia, Deputy Director of the Institute of Oil and Gas Problems of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Technical Sciences

Georgy Kleiner,
Member of the Presidium of the VEO of Russia, Deputy Research Director, Head of the Research Field "Mesoeconomics, Microeconomics, Corporate Economics", CEMI RAS, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Maxim Aleksandrovich Spassky,
Chairman of the House of Russian-Chinese Friendship

Tatiana Borisovna Urzhumtseva,
Director, Center for Chinese and Asia-Pacific Studies, St. Petersburg State University of Economics, Head of the Russian Secretariat of the Russian-Chinese Economic Universities Association, Member of the World Association of Sinologists

Luzyanin: Dear colleagues, first of all, it's a great honor to speak before such a prestigious community as part of the Abalkin Readings. Secondly, right off the bat I would like to draw the attention of the distinguished community to the fact that I am not an economist. I will be offering my arguments as a political scientist, and a historian; yet I will express my views on the present and the future of Russian-Chinese relations.

The first point, which is quite obvious. Dmitry Evgenievich has rightly noted that this year's 70th anniversary of the PRC and of the establishment of diplomatic relations with the PRC has a certain effect on the official, expert-related, cultural, and humanitarian events. The second point, which is also obvious: the current partnership is developing in the face of growing uncertainty in both global and regional security; this uncertainty has led to some kind of formalization of many institutions of global governance and much more. But the main thing that those uncertainty factors have led to is the aggravation of Sino-American trade and customs contradictions, although everyone is well aware that in fact it means a deeper geopolitical confrontation on a large scale. This is a separate important topic, and I will not dwell on it now. It is against this background that our relationship with China as a strategic partner is taking shape.

Today, given the high level of the relationship, an informal, unofficial search for the optimal model is underway. Officially, strategic partnership is understandable, but many media pundits write about an alliance, about further rapprochement, about some kind of formalization. I remind you that over the last 70 years we've had two documents which are fundamentally important for our relations: a historical document dated February 14, 1950 — the Treaty of Friendship and Alliance, which for certain reason has sunk into oblivion, and the other one, which is in force now, a document dated July 16, 2001, the Treaty of Friendship and Cooperation, which formalizes the strategic format of relations. Between those dates lies an era of alliance and confrontation and normalization of relations. Today a discussion is ongoing, with some of the participants going as far as calling for an alliance; but it is clear that we should be determining our priorities from Russia's point of view. Of course, it's clear that at present no formal alliance is desirable despite the severity of the situation, and the very nature of strategic partnership allows us to fill the agenda even without such an alliance. It is another matter that we, and the Chinese side as well, have agreed to expand the 2001 treaty, in particular Article 9, which provides only for holding consultations in the event of a threat to either of the parties. I think there will certainly be a rapprochement in this area when the treaty will be renewed the next year.

Based on the task, a deepening of the two countries' military-strategic agenda will come to the fore. You know that the United

States identified Russia and China as the main strategic opponents at the end of 2017, and as the main partners at the beginning of 2018. In the near future, apparently, within this month, a Russian-Chinese military agreement will be made to replace the 1993 agreement. I will not talk about it in detail now. What's new? China today realizes that it is on the verge of a nuclear arms race in Asia. It will not be about missile defense; it will be about the deployment of American ground-based systems — medium and short-range missiles. There will be a new round of the arms race, and therefore, of course, Russian-Chinese cooperation will become more significant.

It's not for me to explain to this audience what Eurasia, the Eurasian Economic Union and the Chinese "One Belt, One Road" initiative are. There are two major projects: the EAEU, and the Chinese "One Belt, One Road" initiative, which has a marine version, and even a northern one, in addition to the continental one; but of course, in this case we are talking about the Eurasian version of the Chinese initiative. For both Russia and China, it is a matter of strategy, it implies strategic projects. Moreover, I recall that prior to May 8, 2015, prior to the joint statement of the EAEU and the PRC on handshaking, Chinese experts viewed the initiatives of what was then the Eurasian community as competitive, and not comforting enough. But now we have a joint statement, a de facto and de jure political consensus implying the development of both projects in Eurasia. It's another matter that, of course, for Russia the political agenda is more advanced, we are behind in the economic sphere, in transport, infrastructure, investment projects and so on. It is clear that China's investment resources, and indeed the sheer size of economy, are much larger, and that China has more opportunities. This is also a separate topic, and I will not dwell on it now. But in any case, it's a de facto and de jure recognition of equality. There are no preferential agreements with China; the EAEU doesn't cooperate with China on a preferred basis, but it is understandable as the Chinese have not insisted on it yet.

The next point is Russia's strategy in relation to the international and regional agendas. I will not explain it in detail. It implies a common approach with China to the Korean peninsula, Afghanistan, the Middle East, Latin America, and much more. It is a separate important area. Here's where the new quality of the two countries' influence on regional processes is clearly manifested. As a matter of fact, Russia and China initiated the expansion of the SCO to 8 permanent members, including India and Pakistan, and the same is true for BRICS. By the way, in terms of the international regional agenda the so-called formation of four democracies, i.e. Japan, Australia, India and the USA, the so-called Indo-Pacific region, or the concept of the Indo-Pacific region directed primarily against China, proved to

be a serious challenge for Russia, but more so for China. This is a new rather complicated track, in fact a challenge to China's position in the Asia-Pacific region.

As for Russia's strategy, the most difficult option for us is bilateral Russian-Chinese trade. The picture here is contradictory. I think you might know this question even better than I. On the one hand, from 2017 to 2018 there was a sharp 27% increase to 107 billion, due to higher energy prices and an increase in Russian exports of mineral fuel, raw materials and so on, and agricultural produce as well, with a simultaneous shrinkage of Russia's engineering exports to China to 1%, and an increase in China's engineering exports to Russia. Nevertheless, we have a surplus of about 4 billion in this 107 billion trade. Growth will continue, but the structure of this model itself is asymmetric, i.e. mineral fuel and raw materials in exchange for engineering products. This model was developed long ago, in the 90s, it reflects an objective situation, the asymmetry of the economic potentials of Russia and China and the structure of their economies, it did not arise today or yesterday, and it is an objective reality. Another thing is that Russia should pursue an optimal policy in these objective structural conditions of trade. Of course, investments have not been too strong, but, I repeat, it is a separate issue.

Turning to the task of developing a strategy, set by Dmitry Evgenievich, I would like to point out 4 issues to be discussed.

The first is the optimal form of the relationship. It seems to me that Russia's strategy should proceed from filling up the military-strategic or, more broadly, bilateral, agenda within the framework of that partnership. Some experts call it a quasi-alliance, i.e. an alliance without binding formal documents based on political consensus, as the new ambassador Zhang Hanhui wrote in *Rossiyskaya Gazeta*. Incidentally, it is important that the existing quality of the partnership, without allied relations, is already a deterring factor for the Americans. In fact, as among Russia, China and the United States, a definite strategy has developed; the Americans today are strongly deterred without the relations between Russia and China being formalized.

The second is the Eurasian strategy of Russia. This is not an easy area. It is clear that Russia is objectively the core of the continent, it has certain opportunities and faces difficult challenges. The "One belt, One Road" strategy also provides opportunities and poses certain challenges. Of course, I believe it may be too early to talk about a free trade zone between the EAEU and China, but the Chinese do not insist on it, as far as I know. Another thing is that the EAEU has been actively diversifying. There are projects for setting up free trade zones in Singapore, Vietnam, Mongolia and so on.

The third very important thing is the internal balance of the Russian-Chinese relations. Of course, it is impossible for us to close the economic gap between Russia and China, it is an objective reality for today and tomorrow. Still, the difference in the countries' potentials is too great. But the fact of the matter is that what China wants the most is real equality.

And what could that be? In my opinion, it could be that in this partnership China is the world's leading economic power, in terms of its GDP (PPP), and Russia is a great strategic nuclear power. That is, within the framework of the Russian-Chinese tandem there is a combined potential of different quality and different dimensions, which, in my opinion, ensures real equality for the long term. The Chinese are pragmatists, they have everything clearly laid out before them.

And based on this, the fourth, and final, point. We know the millennial mentality of the Middle Kingdom. It is based on pragmatism, rigidity, the realization of one's own interests in the first place. Russia's interests are also based primarily on its own interests. But the presence of interests of Russia and China running side-by-side is not a contradiction, it is, in fact, a normal phenomenon which does not create any tension. There is a leitmotif in the Russian-Chinese mutual agenda, which includes key parameters: overall security, both global and regional, mutual right to development and equal cooperation based on the balance.

Sorokin: Thank you very much! Well, colleagues, let's proceed to brainstorming, as we call it. I give the floor to Academician Sergei Yuryevich Glazyev.

Glazyev: In continuation of what Sergey Gennadyevich said, I will start with equality, which applies to us based on the potential of the powers, with only one remark to the effect that our advantage in this equality is the legacy of the Soviet Union. For 30 years, we have not been very successful in confirming this status, whereas everything China has today is the result of just the last 30 years. Therefore, the question of how long this equality can last based on mutual interests is, I would say, rhetorical.

As for the foreign trade turnover, we boast of great achievements, we report we have fulfilled the presidential directive to attain a 100 billion trade turnover, but it is a very modest achievement. In general, Russia's share in China's foreign trade is almost invisible against the backdrop of their huge trade with neighboring countries — the United States and the like. Therefore, the 100 billion is by no means an outstanding result in terms of the equality of our economic opportunities.

What are the bottlenecks? First of all, there is no cooperation behind trade. There are practically no joint ventures, there is no scientific or technological cooperation to create value chains, almost no joint investment projects, and those that do exist, like Yamal LNG, — what kind of projects are they? They are nothing but imported equipment and Russian gas supplies, any they make zero contribution to Russia's economic growth. In fact, those projects are absolutely invisible to Russia in terms of Russia's economic growth. All the rent goes either to the Westerners who supply the equipment, or to China, to the extent

of its involvement. Although our trade entities complement each other, the main bottleneck is, of course, the degradation of Russia's economic potential.

The Russian economy has been increasingly lagging behind China. We started at the same time. Russia had greater opportunities at the start. Today we are 5 times smaller than China. In terms of GDP, we are 8 times smaller. But, most importantly, we are 25 times smaller in terms of investment. This explains the difference between our countries in the global economy. Why are we behind in investment? Because we do not have loans. It is obvious that loans to the real sector of economy are 100 times less in Russia today than they were in the Soviet period, and 30 times greater in China. What is there to talk about? The Central Bank has driven us into feudalism, into an archaic system of the absence of loans.

And when we talk today about the reasons for the weakness of our economic partnership, the main reason is our government system, the degradation of our economy, our inability to finance joint investments. There are hundreds of investment projects that have been approved at the political level, and only few of them have been actually implemented. Because, unlike China, which provides its economic agents with an unlimited amount of investment, our banks do not provide it. I think a bank like our Savings Bank simply would not exist in China, since it does not invest at all. In the assets held by our banks the share of investments is less than 5%. And in China, the entire government system is configured to increase investment.

In conclusion, what are my main thoughts?

Obviously, China has created a new government system. It can be called convergent, as we used to call it in the past, i.e. one combining the plan and the market. We called it the integrated world economic mode meaning that the Chinese government system integrated goals set in the interests of the people, frankly speaking, socialist goals: economy for the sake of well-being, when the interests of all business entities are based on the common good. That is, the beneficiaries of the Chinese economic model are, firstly, the entire society as a whole, and secondly, government owned and private businesses which receive unlimited credit and access to material resources in order to be able to increase production; and, finally, the country's leadership itself, the ruling elite of China, which feels itself today at the top of the world and modestly calls itself "second from the top".

Until we build a similar government system ... I'm not talking about copying, it is probably out of the question, because after decommunization we cannot copy the Chinese model, but I would point out that the system of integrated world economic mode is very diverse. India, which has emerged as the world leader in terms of economic growth, has implemented a similar

model within the framework of a democratic political model. India has an altogether different political system, but convergence and integration are still present. The state and the entire government system are focused on maximizing investment.

The conclusion is this: if we continue to adhere to the IMF's archaic recommendations, if we continue to live without loans, then we are doomed to a peripheral existence between the new center of economic growth, China, in the East and the old European Union in the West, with the our entire economy being destined to serve those two centers. And the second option is to radically change the government system in an attempt to create a own model of accelerated development, which Putin has called for, to make a breakthrough, but this cannot be done without investments, and investments are impossible without loans. So, we return to what we've discussed many times over — to the need for a radical change in the macroeconomic policy, the monetary sphere and so on.

Kalashnikov: In this context, I would add that I am still Vice-President of the Chamber of Commerce and Industry of the Great Silk Road based in Hong Kong.

Colleagues, I have the impression that the number of economic myths regarding Russia and China is simply unprecedented. Those myths stem from many sources. One of them is the various ongoing political processes, both between Russia and China and globally. But the most important thing, in my opinion, is that they downplay the actual economic situation and the prospects of understanding the processes that are going on in Russia and China.

Let's follow the request of Dmitry Evgenievich and talk about Russia in relation to China. What is China for us, and what are our prospects? I would like to dwell on this briefly.

The question is rather broad: what is Russia in relation to China? If you look speculatively into the future, then it must be one of the most important geopolitical and economic questions that need to be answered. Today we can definitely say that Russia has become a younger brother of China in economic terms. This is the first point. Secondly, what will happen in 20 years? It is a very controversial question. Chinese economic policy is like a Chinese box or, in Russian, a Chinese nesting doll. It has many layers, in terms of both purpose and time.

Let me give you one small example. Everyone heard of the Great Silk Road. Today it is truly a fundamental economic and political nesting doll of China. Let me tell you that few people seem to know how the Great Silk Road works today, particularly how it is financed. We all know about high-level summits where they discuss how good it is, what a great idea it is. But let me remind you that, in fact, the Chamber of Commerce and Industry of the Great Silk Road (and this is the only body that is in charge of this concept, and it is a concept) was founded by the society for promoting Chinese culture, which initially was one of the

main founders, later joined by the Chamber of Commerce and Industry of China. Colleagues, I want to draw your attention to the fact that the Great Silk Road as an economic program has a meta-goal (which is probably its main goal) of promoting Chinese culture throughout the globe. Just take notice of this fact.

What is the place of Russia on the Great Silk Road? Almost 70 countries are now on the Great Silk Road, but note that Russia has no place on the Great Silk Road. The railway will pass through Kazakhstan, the Caspian and Turkey. The Trans-Siberian Railway will not be included. I do not want to go into it, but we ourselves are to blame. This is the first point. Secondly, the west-bound highway which is currently supposed to be built through Kazakhstan and Belarus is a purely Russian commercial project, which, in my opinion, will have very questionable consequences, including political ones. The question is: what connects us to the Great Silk Road? The Answer is, Russia simply has no place in it, as I have already said.

Are we China's rivals? Unfortunately, the most telling example is Africa. Today we are opening up our vast opportunities to African countries. In the near future, a corresponding summit will be held. However, China has already taken almost all of Africa. Keep this in mind.

And another point: does China need us? Yes, China needs us. China needs us primarily as a raw-material appendage. And everything that is now being done in the investment area is an attempt to get to our resources. Moreover, this is true for both mega-investment projects and certain private steps associated with individual entrepreneurship. Yes, today we are a raw-materials appendage of China. Sergey Yurievich has demonstrated it so well. And there are no special prospects. It does not mean, of course, that there are no political prospects.

Our Chinese colleague was right in saying that today the geopolitical situation is pushing both Russia and China into a mutual embrace. There are many nuances here, I do not want to dwell on them, but the essence is that politically we are quite interested in each other today. Let me emphasize: the interest is mutual. The question is whether or not this political interest will be realized economically? On top of that, China does not seem to be showing a lot of interest in our scientific and technological advancements. Today, in terms of advanced technologies, the best we can give to the world is just ideas. Unfortunately, we do not produce real know-how. And China, with equal success in Europe and America, has been buying up all technological advancements, but what it buys from us is just what remains from the Soviet era.

To summarize, I want to emphasize we need to use the current situation in order to set up effective forms of cooperation instead of becoming merely a junior partner of China, a raw-materials appendage.

As regards the Silk Road, I have said that the Silk Road is a nesting doll. One of the goals of the wonderful concept of "Two Belts, One Road" is China proclaiming that a new system of competition between countries is emerging. It's not that one economy competes with another, but all countries must unite to meet the challenges brought about by the civilizational crossroads. In other words, the problems that arise from scientific and technological progress, from the fourth industrial revolution — they must be addressed by all mankind. And in this regard, China has assumed the role of integrating everybody's efforts in order to develop a completely new technological and economic reality. Can we fit into this concept? Of course, we can, but we need to work hard to achieve it. Thank you.

Sorokin: Thank you. As I have already announced, Sergey Alexandrovich Lukonin, head of the IMEMO Chinese Economic and Political Sector. We all know this abbreviation. Sergey Alexandrovich, please. Next up is our colleague Spartak.

Lukonin: My greetings, dear comrades, since we are discussing China. When we talk about a strategy for cooperation with China, we first need to understand what kind of a development strategy we have for the Russian economy. We know nothing about it. Therefore, it is useless to make claims to the Chinese side, they themselves do not understand what we want, and therefore cannot offer us any preferences.

Unfortunately, over the years Russia has acquired the status of a supplier of natural resources. Despite the fact that, according to various estimates, our trade turnover has grown to \$108 billion, 70% of it is energy. According to various estimates, Russia accounts for less than 1% of Chinese investment, and it's a downward trend. From the Russian side the quality in Russian-Chinese trade is low. As for China, it's doing great. Traditionally, the Russian Federation has been in ninth, tenth or eleventh place in trade with China. It has never gotten any higher.

Despite all the rhetoric in the media and among diplomats, the sanctions have affected Russian-Chinese relations. Chinese companies do not want to invest in the Russian Federation, they are afraid of working with us. So far, for Chinese companies, the US and the European Union have been much more important as markets. The United States is a source of both finance and new technology. Unfortunately, Russia does not produce anything that could interest China, but what it does produce it produces in insufficient quantities. We are even unable to meet China's demand for agricultural products. And the much-advertised statement that the share of Russian agricultural products has increased is not true — in reality it has slightly decreased in 2018, by six hundredths of a percent, but it's still a decrease. So, the main question is what we want, and how to develop the

Russian economy? Only after we have defined a goal can we fully cooperate with China.

There has been practically no advancement within the framework of the “One Belt, One Road” cooperation. Why? Obviously because China’s “One Belt, One Road” program is a program of expansion and, in many ways, a program of contradictions. We want economic modernization; China wants economic modernization. Modernization of the economy involves the production of highly innovative products. Highly innovative products need to be sold somewhere. So Russia can act as a buyer of Chinese products. Including the 5G story. Here, we are simply offered a choice: do you or do you not want to use the Chinese fifth generation communications standard? And that is the kind of a situation we have to deal with.

Regarding cooperation in politics. Yes, everything is fine in politics, but it seems to me that politics is a reflection of economy and until it clashes with economy everything remains normal, but afterwards a contradiction may arise. But the main contradiction (I’ll simplify a little bit) is when you lend a person 100 rubles, and he doesn’t give it back, you stop talking to him and you say the person is dishonest; but when you give a person a million rubles and he doesn’t return it to you, all pacifist statements and all the talk of not interfering in internal policy can be put aside. Here, there is also a certain danger.

I’m not complaining about China. China follows its own path and it is very successful. I’m complaining about the Russian economy. Until we have defined a development goal (it should not consist in having a surplus balance, it should be related to development), it is useless to complain about China. Thank you very much.

РОССИЙСКАЯ АРКТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

По материалам «Абалкинских чтений» «Арктика: вызовы для России», 1 февраля 2019 г.

СОБЕСЕДНИКИ

Дмитрий Евгеньевич Сорокин,
вице-президент ВЭО России,
научный руководитель
Финансового университета
при Правительстве РФ, член-
корреспондент РАН, д. э. н.,
профессор

Валерий Анатольевич Крюков,
директор Института
экономики и организации
промышленного производства
Сибирского отделения РАН,
член-корреспондент РАН,
д. э. н., профессор

Андрей Владимирович Островский,
заместитель директора
Института Дальнего
Востока РАН, д. э. н.

Павел Андреевич Гудев,
ведущий научный сотрудник
сектора международных
организаций и глобального
политического регулирования
ИМЭМО им. Е. М. Примакова
РАН, к. э. н.

Василий Игоревич Богоявленский,
член Правления ВЭО России,
заместитель директора
Института проблем нефти
и газа РАН, член-
корреспондент РАН, д. т. н.

Анатолий Васильевич Шевчук,
член Правления ВЭО России,
директор СОПС по вопросам
экологии
и природопользования,
профессор РАНХиГС при
Президенте РФ, д. э. н.,
профессор

Анатолий Ильич Соловьев,
доцент Департамента анали-
за данных, принятия решений
и финансовых технологий
Финансового университета
при Правительстве РФ, дей-
ствительный член Арктической ака-
демии наук, к. тех. н.

Евгений Владимирович Буйдинов,
заместитель Генерального
директора по развитию
и эксплуатации систем связи
Федерального
государственного унитарного
предприятия «Космическая связь»

Юлия Викторовна Зорькина,
директор Института
исследований и экспертизы
Внешэкономбанка, член
Президиума Экспертного
совета Государственной Думы
Российской Федерации по вопросам
законодательного обеспечения
развития районов Крайнего Севера,
д. э. н.

Светлана Артуровна Липина,
заместитель председателя
Совета по изучению
производительных сил ВАВТ
Минэкономразвития России,
заведующая научно-исследовательской
лабораторией РАНХиГС при
Президенте РФ, д. э. н.

Владимир Львович Квинт,
заведующий кафедрой
финансовой стратегии
Московской школы экономики
МГУ, иностранный член РАН,
д. э. н., профессор

Виктор Меерович Полтерович,
член Правления ВЭО России,
заведующий лабораторией
математической экономики
Центрального экономико-
математического института РАН,
академик РАН, д. э. н., профессор

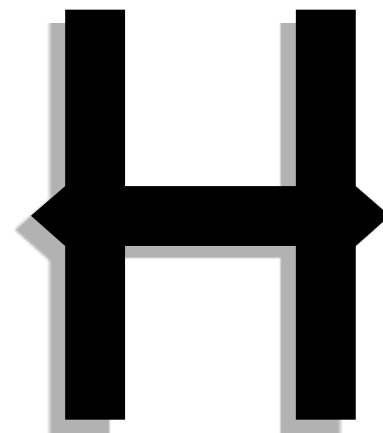
Александр Александрович Широ,
член Правления ВЭО России,
заместитель директора
Института
народнохозяйственного
прогнозирования РАН, д. э. н.,
профессор

Борис Николаевич Порфирьев,
член Президиума ВЭО России,
директор Института
народнохозяйственного
прогнозирования РАН,
академик РАН, д. э. н., профессор

Владимир Михайлович Грузинов,
вице-президент НО «Полярный
фонд», заместитель
директора по научной работе
Государственного
океанографического
института им. Н. Н. Зубова

Крюков: На мой взгляд, Арктика — это не только и не столько ресурсная проблема. Интерес к Арктике связан с целым комплексом вопросов, которые выходят за рамки чисто экономических. Тем не менее среди экономических факторов, на мой взгляд, важны следующие. Есть общие экономические особенности, которые верны для всех видов хозяйственной деятельности, — это сравнение затрат и результатов и оценка эффективности тех или иных решений, связанных с использованием труда, капитала и других возможностей, которыми располагает любой экономический агент. Особенно важна значительная удаленность, удлинение сроков оборота финансовых ресурсов, вследствие этого отсутствие локальных рынков, где можно сбывать, откуда можно привлекать те или иные ресурсы, те или иные факторы производства. Существенна роль экологических проблем. Это ранимость арктической природы, длительные циклы восстановления, возобновления и, как я уже отметил, значительное влияние геополитических факторов и обстоятельств, которые связаны как с трансграничными отношениями, так и с общеполитическими. То, что сейчас Индия, Южная Корея, Япония, Китай — страны, которые находятся далеко от Арктики, — имеют серьезные арктические программы, проекты, направления, говорит о многом.

Есть те производственные объекты, которые оставляет «Газпром», которые оставляют нефтяники, которые оставили наши горнорудные компании. Когда ставится вопрос, что необходимо это убрать, естественный вопрос: за какие деньги и где их взять? У нас денег нет. Тем не менее есть процедуры, определенные финансово-экономические институты, ликвидационные фонды — они существуют, функционируют, взаимодействуют по определенным принципам и правилам. Эта практика апробирована в ряде стран. И нам, видимо, предстоит пройти этот путь — путь поиска своей взаимоприемлемой модели реализации таких финансово-экономических механизмов, связанных с переходом от одного месторождения к другому и с ликвидацией последствий ведения этой хозяйственной деятельности.

Когда мы ликвидировали систему планирования и систему программ развития хозяйства коренных народов, на место пришел стихийный рынок. И что в результате мы имеем? В результате излишнее поголовье на полуострове Ямал приближается к 200 000 оленей. А ямальская тундра, судя по длительным исследованиям, может удержать не более 450 тысяч голов. Сейчас там 700–750 тысяч голов. Исчезают ягельники, появляются заболевания. Природа включает аварийные обратные связи. Сейчас знание коренных народов отсутствует, планирования нет и система регулирования этой деятельности всецело ориентирована на рыночные индикаторы, которые связаны со спросом прежде всего на рога оленей, который предъявляет Юго-Восточная Азия. И результатом является то, о чем я сказал.

Арктика в экономическом смысле нужна не только для того, чтобы освоить ее пространство. Проекты, которые уже реализуются, и те, которые могут быть реализованы, потенциально обладают колоссальным мультипликативным эффектом для остальной экономики. Они должны рассматриваться и должны оцениваться исходя из взаимосвязей в более широкой системе, в рамках российского экономического пространства. Сейчас, к сожалению, этот проектный мультипликатор работает своеобразным образом. Мы поставляем сложное технологическое оборудование для того же «Ямал СПГ» исключительно импортное, главным образом из Западной Германии и Южной Кореи, которое перебрасывается по Оби. В то же время корейские коллеги показывают, что Северный морской путь и освоение арктических

регионов не может быть устойчивым без формирования устойчивых, обоснованных и взаимовыгодных связей с внутренними регионами Российской Федерации, прежде всего районами, расположенными к югу от арктических регионов. Возьмем норвежское месторождение Большой Экофиск. Там идет общественный мониторинг, идет оценка социальной стоимости и тех социальных выгод и эффектов, которые получает государство от реализации проектов. Учитываются товары и услуги, зарплаты, кредиты, дивиденды, сколько получает государство. То есть все эффекты, которые вызывает тот или иной проект с точки зрения развития национальной экономики. Что мы имеем по тем проектам, которые сейчас реализуются? Вот — проект в высокой степени готовности «Ванкорнефть», который уже перешел в стадию снижающейся добычи, на севере Красноярского края. Участие Красноярского края в этом проекте — от 4 до 7%. То есть никакого мультипликативного эффекта на развитие наукоемкой индустрии, машиностроение. То же самое «Ямал СПГ» не влияет на реализацию проектов, связанных с криогенным машиностроением в городе Омске.

Сказать об этом легко, осуществить — не так просто. Целесообразно при работе в этом направлении больше ориентироваться на свой опыт и традиции, разделить науку и сферу коммерческих разработок, установить ясные приоритеты развития науки и сферы инноваций, обеспечить надлежащую государственную поддержку приоритетных направлений при разумном уровне бюрократического вмешательства.

Арктика не исчерпывается углеводородами, она настолько богата, что постоянно предлагает нам новые возможности, появляются новые виды минерально-сырьевых ресурсов: это редкие земли, это новообразованное сырье, связанное с импактными алмазами в кратере Попигаи. Томторское месторождение — один из крупнейших источников редкоземельных материалов. Стоимость всех извлеченных из тонны руды компонентов приближалась три года назад к 11 000 долларов. Сравните с ценой нефти. Но есть проблема — эта ниша занята Китаем. А у нас отсутствует внутренний спрос. Как с этим быть при отсутствии внутреннего спроса и как пробиться на рынок? Видимо, надо развивать свою экономику, интегрировать арктические проекты в общее русло или в общую канву экономической и структурной политики.

Повышение наукоемкости в Арктике

Важнейшая задача — это повышение наукоемкости на всех стадиях и для всех типов проектов. Рост сложности вызывает необходимость повышения интеллектуальной составляющей, ничего, кроме знания. Здесь нельзя не вспомнить Григория Аграната, который очень много писал с конца 1950-х годов о специальной технике для Севера, о специальных подходах. Это остается до сих пор актуальным: кадры, наукоемкое сер-

висное обслуживание, меняется роль различных типов компаний. Нет универсальных технологий, объекты становятся очень специфичными и очень рассредоточенными. Это вызывает необходимость постоянного научного мониторинга, сопровождения, взаимодействия научной среды и производственной при реализации таких проектов. И отсюда важнейшее условие — соучастие нескольких компаний в реализации проектов. Принцип моноигрока

представляется неэффективным, неоперациональным и недееспособным с точки зрения технологий, с которыми приходится сталкиваться в Арктике. Как раз это говорит о том, чем, благодаря чему и в связи с чем достигнуты те успехи, которые мы видим в Канаде, — наука и постоянное научное сопровождение проблем, с которыми приходится сталкиваться при освоении природных источников.

Кто хозяин «Ямал СПГ»?

- Финансирование — Китай, Франция.
- Техническое руководство — Франция.
- Интегратор проекта — сербская компания.
- Расположение — Крайний Север России.
- Потребители — Китай, Япония.
- Технологии — Европа.
- Оборудование — Китай, Европа, Япония.
- Танкеры — Корея с норвежской начинкой.

То есть ничего с точки зрения мультипликатора для развития сибирской экономики, восточной экономики, российской экономики данный проект не обеспечил.

Предполагается строительство центра по выпуску платформ на Мурманской Губе, но это опять же только основание, это не столь наукоемкий вид деятельности.

Китай хочет выйти на Северный морской путь

Островский: Для более активного участия Китая в развитии СМП Китай нам на государственном уровне предлагает создать Банк освоения океана, который бы финансировал эти совместные экономические и научные проекты. В настоящее время в Китае уже выделены структуры, которые занимаются реализацией этого проекта:

Даляньское морское пароходство, и уже получил крупный грант на научную разработку проекта внедрения Китая в Арктику Харбинский инженерный университет. В Китае также предполагают развитие сотрудничества с Россией для более активного включения ее в разработку СМП. Каким образом?

Китайскими учеными неоднократно выдвигались идеи об использовании двух наших транспортных коридоров «Приморье-1» и «Приморье-2» для сокращения транспортных маршрутов для товаров с северо-востока Китая — провинций Хэйлунцзян и Дзилинь до Владивостока, и порт Зарубино с последующей перегрузкой на суда для следования по Северному морскому пути. Кроме того, в Китае есть Институт приграничных территорий Академии общественных наук, где использовали для развития Северного морского пути в качестве опорной зоны погранпереход Хэйхэ — Благовещенск.

Где Благовещенск и где Арктика? Тем не менее планы у них — ввозить товары в Благовещенск по железной дороге, далее по Транссибу Тынды — Якутск с последующей перевалкой на суда — по реке Лене до порта Тикси.

Низкая эффективность программ

Полтерович: Заявленные программы развития, в том числе развития территорий, на самом деле чаще всего не выполняются. В общем, эффективность всевозможных программ эта крайне низкая. Это сейчас общепризнано. На мой взгляд, суть дела именно в том, что они недостаточно структурированы.

Если мы рассматриваем программу, скажем, развития Арктики как совокупность проектов, при этом эти проекты хорошо просчитаны, их совокупный эффект оценен, в этом случае мы можем рассчитывать на эффект. Методы оценивания совокупности проектов, хотя они не на поверхности лежат, на самом деле в них есть значительный задел. И второе, очень важное условие. Такого рода программы должны быть результатом совместной деятельности государства, бизнеса, банковского сообщества и общества в целом. Вот только в этом случае, когда не на уровне обсуждения, на уровне отбора проектов и на уровне их реализации мы координируем действия всех этих сил, где роль государства координирующая, важная, но это вовсе не означает, что государство должно непосредственно вкладывать, делать наиболее крупные вложения.

Нет культуры анализа и прогнозирования

Широв: На мой взгляд, проблема состоит в том, что, к сожалению, пока вопрос развития Арктики носит такой девизный характер. Да, в указы президента попала цифра объема перевозок по Северному морскому пути. Кроме того, понятно, что там реализуются некоторые проекты оборонного характера. Но целостной стратегии или понимания того, что там будет происходить в ближайшее десятилетие, у нас нет.

И связано это, на мой взгляд, с тем, что, к сожалению, и это нужно признать, в стране практически утрачена культура этого комплексного пространственного социально-экономического анализа и прогнозирования. Остались отдельные островки такого рода деятельности.

США не собираются соблюдать правила

Гудев: Постараюсь развеять некие мифы политико-правового характера, которые существуют в отношении Арктики.

Миф первый. Все вы знаете, все видели, читали, что есть такая Комиссия ООН по границам континентального шельфа. Комиссии ООН не существует. Есть просто Комиссия по границам континентального шельфа — исключительно технический орган, который не принимает обязательных решений. Она выдает рекомендации. Государство имеет право с этими рекомендациями согласиться либо их отвергнуть.

Миф номер два. Все вы знаете, что есть наша заявка на шельф, есть канадская заявка, еще не поданная, и претензии накладываются друг на друга. С вероятностью 99% можно сказать, что, когда канадцы подадут тоже свою заявку, претензия тоже будет накладываться. Я вам хочу напомнить, что Российская Федерация была первой не только из всех практических государств, но первой из всех прибрежных государств, которая инициировала применение статьи 76-й Конвенции ООН по морскому праву. Немножко поспешили.

В чем здесь проблема? Проблема в том, что Соединенные Штаты не ратифицировали Конвенцию. Соединенные Штаты подписали дополнительное соглашение о применении части 11 Конвенции в 1994 году. А саму Конвенцию они подписали и не ратифицировали. Но США являются у нас участниками Конвенции 1958 года о континентальном шельфе, у них есть целый ряд национальных законодательных актов, у которых их континентальный шельф никак не ограничен. И у меня есть очень большие сомнения, что Соединенные Штаты даже в случае ратификации Конвенции будут использовать статью 76-ю Конвенции ООН по морскому праву.

Богоявленский: Арктика все больше и больше начинает давать углеводородов и для нас, для всей планеты. И в долях растет доля России. Уже 87% добычи в Арктике. Это именно российские углеводороды — 87,5%. Соединенные Штаты — 12,5%, Норвегия — всего 0,3%.

На шельфе мы также лидируем. Россия за эти годы 58,3% на шельфе добыла — больше, чем все другие страны. 58,3%. И успешно работают наши проекты. В прошлом году мы побывали на ряде платформ, в том числе на Приразломной, и получили свежие официальные цифры. Они, конечно, устаревают с каждым днем. Тем не менее. Вы видите, 120 танкеров по состоянию на конец лета прошлого года.

Сейчас, наверное, уже где-то 140–150. 8 миллионов тонн отгружено. И никаких эксцессов, слава богу, пока не наблюдается.

И опять, 22 года Россия добывала больше половины углеводородов именно в арктической зоне. Потом пошло некоторое снижение. А в последние два года опять-таки пошел рост. Я думаю, что этот тренд будет расти. Опять мы добываем именно в арктической зоне больше 50% углеводородов страны. Повторяю, дальше эта зависимость будет расти.

Шевчук: Три позиции, которые я выделил и с которыми мы будем сталкиваться. Я не претендую на весь охват экологических проблем, биоразнообразия и так далее. Только промышленная экология. Это огромное накопление прошлого ущерба. Можно говорить о том, что это наследие Советского Союза, военных, неважно. Оно есть по всей Арктике, по всему Крайнему Северу. Далее, проблема, которая остается, мы ее пока с вами не решили, это вопрос текущего загрязнения, текущего воздействия на окружающую среду. Далее, это проблема, о которой немножко сказали Валерий Анатольевич и Дмитрий Евгеньевич, проблема будущих загрязнений. Это вопросы загрязнения устьев рек, там даже боеприпасы есть, но особенно сложно с судами — 250 судов затоплено в дельте Лены.

И следующая позиция. Дело в том, что есть текущее загрязнение. Тот же «Норильский Никель», те же самые углеводородные добытчики, просто коммуналка. Это наша свалка. И конечно, шламонакопители, которые уже расходятся, и загрязнение идет.

Вся красота, которая связана с реализацией всех этих наших стратегий, транспортных, по добыче углеводородов и так далее, наши военные (правая верхняя часть). Я сам видел эти объекты на Земле Александры, но они же 425 объектов построят. Представляете? Больше четырех сотен. Хорошо, молодцы. А кто будет этим дальше заниматься? Кто будет это все ликвидировать? Через 30–50 лет эти все платформы, эти все красивые заводы, в том числе «Сабетта», придут в негодность. Когда мы принимали экспертизу по закрытию никелевого завода, я спросил: хорошо, закрываем, правильно, старый. А что дальше? Они говорят: а теперь 11 миллиардов на его утилизацию. Поэтому огромная задача — механизмы выстраивать с точки зрения экологической безопасности. И должны быть стратегические документы. Пока у нас ничего такого по Арктике нет, к сожалению.

Зворыкина: Наверное, такой проблемный вопрос для дискуссии: есть ли перспективы для действительно больших грузопотоков и развития Севморпути? Здесь звучал Китай, звучали наши враги, которые крадутся. Но на самом

деле задача значительно шире и более глобальна. Согласно Парижскому соглашению, будет введен в какой-то момент и, видимо, достаточно быстро глобальный климатический налог. Именно введение этого налога играет нам с вами на руку и фактически делает перевозку по Севморпути, учитывая, что на тонну километр, не просто короче — быстрее однозначно. Строим 50 ледоколов, грубо говоря, и все поехало к нам со всех других направлений. И задача тогда будет решена для транзита. И конечно же, глобальный климатический налог — это дополнительный источник финансирования тех проектов в особых экологических зонах, таких как Арктика и Каспий.

Липина: Вы знаете, что создано Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики. Хотелось бы верить в то, что самое важное — это программная часть развития Арктики, о чем говорили коллеги, — наполнялась средствами, пока на сегодняшний день средства по программе идут в Минобороны, очень мало остается на социально-экономическое развитие. основополагающие документы по реализации государственной политики Российской Федерации в Арктике были озвучены. И вот что мы увидели. По финансированию до 2025 года, собственно, в основном средства, как я уже отмечала, идут на проекты Министерства обороны России. Смотрим сейчас мы по грузам, по перевозке грузов и считаем, что до 75–80 миллионов тонн — действительно достижимая цифра. Эти цифры заодно подсчитаны и «Росатомом». Просчитываем заодно и национальные цели, пытаюсь многофакторную модель создать по мониторингу нацпроектов. Много, конечно, видится совершенно в другом облике. Много не считается совершенно. Показатели, которые заложены на национальные цели, национальные проекты, они в 20% только наблюдаемы. И методик подсчета их нет. Поэтому сейчас голословно говорить о том, что, да, мы достигнем 80 миллионов тонн, невозможно, потому что экономически обосновать эту информацию невозможно.

Квинт: Несколько документов, которые, на мой взгляд, сегодня не упоминались и исключительно важны. Документ первый. В 1976 году была разработана программа развития Норильского промышленного района до 2024 года. Почему до такого года? Потому что в то время именно до такого года хватало утвержденных запасов халькопиритовых руд, поставленных на государственный баланс. И программа эта до сих пор в значительной степени является рабочим документом, для тех, кто не знает. Я периодически бываю на Норильском комбинате, этим интересуюсь.

Второе. В 1980 году постановлением Академии наук СССР была создана экспедиция, экономическая экспедиция

по всей трассе Северного морского пути, от Архангельска до Магадана. В этой экспедиции участвовали шесть академиков, научный руководитель был Аганбегян, я — начальник экспедиции, участвовали академик Гранберг, впоследствии 20 с лишним лет председатель СОПСа. Была разработана программа «Арктика», которую рассматривал президиум Совета Министров СССР, в то время председателем был Николай Александрович Тихонов. Программа, конечно, имеет гриф, но если вы ее захотите найти, я вам советую ее найти. Это серьезнейший документ, многотомный. Советую найти.

Теперь относительно программы 2014 года, забытой. Я в то время был членом коллегии Минрегиона. Там была комиссия по Арктике. Некоторые люди, присутствующие здесь, были ее членами. Я думаю, что для того, чтобы ваши усилия были более эффективными, чтобы не протаптывать дорожку там, где она была протоптана, надо воспользоваться этими документами неоднократно.

Порфирьев: Действительно, все-таки главная проблема, об этом очень хорошо сказал Виктор Меерович, проблема разрывов территориальных, разрывов межотраслевых. Мы это видим, четко ощущаем. Может быть, это для всей нашей экономики характерно. Но в Арктике это ощущается наиболее болезненно. Это противоречие — одно, может быть, из центральных, когда в огромном стратегическом регионе, если внимательно посмотреть, по сути дела, за исключением военной составляющей, в общем-то доминируют корпоративные, а не народнохозяйственные интересы. А ведь их нужно привести в баланс. Там должны быть задействованы все игроки, включая, конечно же, и коренное население, без которого построить экологически адаптированную экономику мы вряд ли сумеем. Это доказывает опыт не только нашей страны, но и зарубежных стран, которые живут в других совершенно климатических режимах.

Арктика у нас, если ее охарактеризовать в макротерминах, это экспортно-ориентированный регион. И посмотреть, сколько туда возвращается.

Поскольку такой колоссальный регион, должны быть и макрорешения. Мы с моим учителем и коллегой Владимиром Николаевичем Лексиным много работали над тем, что мы называем переосвоением Арктики, — должны быть не программы и не серия проектов, должен быть мегапроект.

Мне кажется, что если посмотреть на наши задачи в Арктике, то этот мегапроект, о котором я говорил, мне кажется, что он должен быть повышен до статуса президентского. Это, конечно, позволит решить задачи и закрепить за Россией роль мировой арктической державы.

Грузинов: Первое. С тем, что происходит сейчас в Арктике, мы уже сталкивались. К 2002 году исчезли и Госкомсевер, и комиссии при председателе Правительства. Сейчас у нас происходит примерно такая же ситуация. Мы практически ушли из Арктики. Мы не проводим ни одной экспедиции. Сейчас немецкий ледокол собирается туда, там будут, сменяя друг друга, работать 600 ученых. Нам выделены всего два места. Надо этим заниматься. Второе: Северный морской путь, мы должны понимать это, работает только в своей западной части. Восточная часть не работает. И даже в том проекте грузопотоков, который рассматривался на совещании у председателя правительства, транзит обозначен 5 миллионов тонн из тех 80, которые планируются. Так что и не предполагается, что восточная часть будет работать. Надо принимать меры.

Сорокин: Судя по дискуссии, которая была, по остроте поднятых вопросов, мы в очередной раз выбрали правильную и нужную и нам, и обществу, и стране тему. Спасибо всем участникам. В заключение хочу сказать, что с конца 1970-х годов почти каждый год я Арктику и на лодке, и пешком проходил. Проблемы Арктики возникли не сегодня. И то, что происходило при советской власти в Арктике: и бочки эти валялись на Ямале, избивались северные народы, шел туберкулез по Арктике, по северным народам, я это знаю, я в этих поселках жил и был каждый год практически, поэтому я это хорошо знаю. И поэтому у меня личный интерес к этой теме — болит душа. Но, к сожалению, голос научной, интеллектуальной элиты звучит только здесь, на наших конференциях, и не выброшен в общество. Проблемы Арктики — это проблемы не Арктики, это проблемы России. Мы так и написали: вызов для России. Наверное, надо подумать, чтобы позицию академического, научного сообщества в целом, в том числе через сетевые современные организации научного сообщества, вбросить в средства массовой информации как острейшую проблему.

«ТЕМНЕЮЩИЕ НЕБЕСА» МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Свой прогноз развития мировой экономики на 2019 год Всемирный банк назвал «Темнеющие небеса», что весьма поэтично и симптоматично. Что ждёт мировую экономику? Рецессия? Стагнация? И как это может повлиять на экономику российскую?

По материалам программы «Дом Э» на телеканале ОТР, 30 марта 2019 г.

СОБЕСЕДНИКИ

Алексей Владимирович Кузнецов,
заместитель директора по научной работе,
руководитель Центра европейских исследований
ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, член-
корреспондент РАН

Никита Иванович Масленников,
ведущий эксперт Центра
политических технологий

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, президент Международного
союза экономистов, директор Института нового
индустриального развития им. С. Ю. Витте, д. э. н.,
профессор

Мир идёт к рецессии?

Бодрунов: Я хотел бы, коллеги, начать с того, что наш президент сказал, что для того, чтобы нам достичь тех показателей, которые позволят считаться хорошей экономикой в рамках мировой экономики, нам надо развиваться темпами выше среднемировых. Это предполагает, что мы должны догонять по темпам роста мировую экономику. А я смотрю данные Всемирного банка, данные МВФ, Всемирный банк: 3,1% роста мировой экономики к 2017 году, 2018-й — уже меньше, 3%, а прогноз на 2019-й — 2,9%. Значит, снижение. Вот, по вашим прогнозам, насколько велика вероятность проблем, которые вот с этим грядут? Потому что обычно под этим делом подразумевается наступление каких-то кризисных явлений, возможно, мирового кризиса. Как Вы думаете, Алексей Владимирович?

Кузнецов: Я бы не стал пока опять трубить о кризисе. Все-таки замедление темпов роста и кризис — это разные вещи...

Бодрунов: Это, естественно, но вдруг все-таки предвестники...

Кузнецов: И более того, для России ничего хорошего эти замедления не дают...

Бодрунов: Радоваться рано...

Кузнецов: Да, потому что основные причины замедления, которые все, как правило, называют, — это усиление торговых войн, инициированных прежде всего Соединенными Штатами Америки. Но там участвует Китай и, соответственно, в принципе происходит торможение мировой экономики.

Бодрунов: Два больших медведя дерутся, а у мужиков чубы трясутся...

Кузнецов: Да. А второй момент, о котором говорят, но я его считаю менее важным, это брексит, который лихорадит до последнего момента Европу, и мы до сих пор не знаем, чем все закончится. И наконец, третье, на этом фоне существует определенная нестабильность сырьевых рынков. А учитывая специализацию нашей экономики в мирохозяйственных отношениях, это тоже не самая лучшая для нас ситуация. Поэтому, если говорить о нашем догоняющем развитии, надо обращать к себе внутрь, смотреть, что происходит в национальной экономике.

Бодрунов: Никита Иванович, вы согласны или у вас есть какой-то свой взгляд?

Масленников: Я, в принципе, согласен, потому что замедление общее глобальное — это новая реальность. И, собственно, с начала прошлого года все опережающие индексы — на понижающейся траектории, продолжается это и в этом году. Совсем недавние данные по мировому производству: январь — 50,8; февраль — 50,6 пункта. Когда этот индекс приближается к отметке 50, это значит, в общем в мировой экономике всё не шибко здорово, потому что это некие признаки того, что весь глобальный экономический мир в течение ближайших 3–4 кварталов может сползти в рецессию. Это не произойдет однажды в ночь с понедельника на вторник на этой неделе. Но тем не менее на годовом треке это весьма вероятно. Мир экономический тормозит — для нас это не здорово, потому что если вагон находится в составе длинном, то, естественно, он тоже тормозит. Проблема заключается еще в том, что, если друг на друга вагончики при резком торможении начнут набегать, можно помять чего-нибудь себе — вот это вот риск гораздо больше, более важный, на мой взгляд. Потому что, я бы сказал так, началось это все не вчера, не позавчера. Это началось по мере того, как мир начал выходить на траекторию восстановительного роста после великой рецессии 2008–2009 годов. И все понимали, все и сейчас понимают серьезные экономисты, что все глобальное хозяйство идет к новой структуре. Путь — очень длинный, путь очень тяжелый, настолько, что все, на чем сегодня страны наращивают свою конкурентоспособность, послезавтра уже будет никому не нужно, уйдет в минус. И мы такие примеры видим и по Штатам, и по Китаю, и вообще по всем ведущим экономикам есть вот эти структурные несопряженности, нарастание дисбалансов, абсолютно запутанная ситуация мировой торговли. Ну, договорятся между собой. Ну и что? Это снимет проблемы?

Бодрунов: В целом проблемы не снимет. Это локальный успех будет

Масленников: Не снимет, это локальный успех, да... На два квартала оттянем сползание в рецессию. Поэтому ситуация такая: мир весь экономический переструктурируется. Нам в этой новой структуре экономического мира надо еще найти свое место, и мы его еще даже сами и не поняли, это тоже факт. А вот будет ли кризис такой, как это было в 2008–2009 годах, или это будет длинный такой период...

Бодрунов: Растянутая стагнация...

Масленников: Растянутая стагнация околонулевыми темпами роста, вот этот вопрос открыт. И мои коллеги говорят: да нет, время таких крупных провалов, когда летит мировая экономика в минус, закончилось, это будет где-то около нуля. Ну, я хочу напомнить, если глобальный ВВП растет около 2%, то, в принципе, это мировая рецессия.

Возможности и проблемы России

Кузнецов: Нулевых не будет показателей, потому что еще не надо забывать, что растет удельный вес развивающегося мира. И просто чисто математически у них высокие темпы роста, которые...

Бодрунов: В одном месте стоит, а в другом чуть-чуть движется... Мне кажется, Алексей Владимирович, Вы очень важную мысль начали, на которой я хотел бы акцентировать внимание, и это сопрягается с началом нашей беседы... Мне кажется, что вот сейчас, с одной стороны, не надо радоваться, что паровоз замедляется мировой экономики. Это действительно проблема, и Никита Иванович об этом сказал, проблема для нас. Но когда в экономике появилась устойчивость определенная, когда начался хоть какой-то прирост, и когда мы находимся на возрастающем, на мой взгляд, тренде экономического роста, хоть немножко, но быстрее начинаем шевелиться, я рассчитываю на то, что будет движение вперед. Почему? Потому что наконец-то обратили внимание на технологические проблемы, на технологическое развитие, на сферу знаний. Вливаются деньги, появляются национальные проекты и прочее, прочее. Вот сейчас бы как раз взять и рвануть вперед...

Кузнецов: Нет, структурная перестройка обычно сопряжена с меньшими темпами роста...

Бодрунов: Да, но тем не менее, мне кажется, есть некоторая особенность нашей экономики в том, что она может сейчас продемонстрировать свои большие возможности, хотя и перестройка идет, и прочее. Но знаете, одно дело — перестраивать большое, огромное здание, а другое — когда это здание не слишком еще велико, и сносить надо меньше, конечно, если разумно строить. Вот как Вы думаете, что нас сдерживает, что влияет на наше замедление, что сдерживает наш потенциал роста?

Кузнецов: Проблем-то у нас много...

Бодрунов: Все не назовешь, конечно, не хватит передачи проблемы назвать...

Кузнецов: Да, и то, что сейчас обсуждалось в СМИ, когда Греф заявил, что у нас проблемы с госуправлением, с эффективностью, это правда. До сих пор нет взаимодействия государства и бизнеса...

Бодрунов: Проблема доверия в первую очередь...

Кузнецов: Да. Я могу сказать, исходя из той тематики, которой занимаюсь, — внешнеэкономической политики, проблема в чем состоит? Бизнес — единственный по большому счету знает, какие у него реально конкретные проблемы на внешних рынках. Требовать от чиновников или даже от чиновников с помощью экспертов из науки решать проблемы, о которых в СМИ не принято говорить, в отчетах не принято писать, в отчетах компаний все-таки принято упоминать положительные вещи. А там часто просто проблемы политизированные, иногда экономические, но связанные с проблемами конкуренции конкретных транснациональных корпораций, которые можно раскрывать, только когда есть действительно настоящий диалог бизнеса и власти. И при этом не просто диалог бизнеса и власти...

Бодрунов: И доверие есть...

Кузнецов: Да, ну а без диалога доверия не будет... И когда на все это накладывается экспертное мнение, когда и власть, и бизнес при этом обращаются к специалистам, которые этим занимаются.

Проблема доверия

Бодрунов: Никита Иванович, вы знаете, я часто в силу своей деятельности президента Экономического общества России в то же время вхожу в структуры РСПП, мы контактируем с «Деловой Россией», со всеми нашими объединениями крупными, постоянно обсуждаем проблемы бизнеса. И вот главная, на мой взгляд, проблема: бизнес не может доверять власти в силу многих-многих причин. Власть много раз его, извините, за выражение, кидала...

Масленников: Это да.

Бодрунов: Со всеми новациями, инновациями и прочими вещами — обещаниями и т. д. С другой стороны, власть не может доверять до конца бизнесу сегодня, потому что бизнес тоже, извините за выражение, не лаптем щи хлебает. Где только власть ослабевает, там он тут же готов пойти на действия, которые власти не нравятся. Понятно, что здесь должна быть какая-то все-таки консолидация, единый тренд развития, единое понимание и так далее. Так вот, проблема доверия, на мой взгляд, основная — сейчас это ощущается во всех взаимоотношениях — которая сдерживает наш экономический рост и мешает нам научиться правильно вести этот бизнес, чтобы войти экономике в мировую экономику, в правильную дверь.

Масленников: Я согласен практически со всем, что вы сказали. Действительно, проблема доверия — одна из ключевых. Ну, наверное, вот уже Германа Грефа цитировал коллега о том, что, если у нас главной проблемой были дураки и дороги, теперь у нас так называется неэффективность госуправления. В известном смысле все это интегрирует все проблемы. Но я бы еще добавил отдельно дефицит доверия, о котором Вы сказали, потому что вся история последних полутора десятилетий, напряженность определенная в отношениях бизнеса и государства сохраняется и местами даже нарастает. Почему нарастает? Потому что бизнес не вполне понимает, кто за что отвечает и каким образом одно решение, принятое сегодня, перечеркивает все остальные...

Бодрунов: Это и есть неэффективность госуправления. Один закон противоречит другому.

Масленников: Вот возьмите замечательную идею с точки зрения законодательства, которая предполагает ввести соглашение о защите и поощрении капиталовложений. Прекрасно, все за. Только возникает сразу вопрос: это что, для всех? Или это для отдельных, как на ферме Оруэлла, для отдельных животных, которые ровнее...

Бодрунов: Да-да, ровнее других.

Масленников: Давайте посмотрим. Одни люди из Правительства, одного и того же Правительства, говорят, что мы будем распространять это на средний бизнес, тиражировать, это будут общие стабильные правила игры: допустим, от 6 до 18 лет соглашение будет действовать в зависимости от того, какой объем инвестиционных проектов и сколько ваших собственных средств...

Бодрунов: А другие говорят, Вам будет за это от 6 до 18 лет.

Масленников: Примерно так, да. А другие говорят: нет, вы знаете, это будет все-таки такое бутиковое сопровождение — мы каждому инвестору подберем конкретный режим. Тогда возникает вопрос, а что тогда с деловой средой, с деловым климатом? Потому что в переводе на обычный экономический язык это означает, что, пытаясь увеличить норму накопления с текущих 21 до 25% в соответствии с высокой национальной целью 2024 года, и это можно сделать, только мы по второму варианту создадим некую экономику, в которой определенное количество более равных животных крупных, очень крупных и сверхкрупных получают абсолютно нерыночное конкурентное преимущество.

Кузнецов: У нас же еще одна проблема. У крупных компаний, подконтрольных государству, как уже многие эксперты говорят, не определена миссия. Вопрос не в том, приватизировать их, или ограничивать рост, или еще что-то. Они могут даже в рыночной среде, наоборот, отжимать с каких-то рынков частный бизнес. Но должно быть четкое понимание, для чего эти компании созданы, чтобы со стороны частного бизнеса, который напрямую с ними конкурирует, не было постоянных криков, что идет вторжение государства в рыночные силы. Потому что, когда, предположим, в банковском секторе можно любую цель провозгласить, и мы видим примеры даже европейских стран, где усиливается роль в ряде случаев государства. Ради бога, но государство должно четко объяснить, что в этой, например, сфере...

Бодрунов: Мы это делаем, потому и потому...

Кузнецов: Да, может быть, дело в экономической безопасности, может быть, это национальные интересы, может быть, попытка прорыва технологического, мы не верим бизнесу, да что угодно. Но когда четко на берегу объясняется, что частный бизнес здесь не должен рассчитывать на что-то, он уйдет в другую сферу. Но он будет знать, что в другой сфере, где нет этих компаний и где не провозглашены эти

миссии государственного бизнеса, он будет спокойно развиваться, а не так, что в какой-то момент ему скажут: теперь у нас другие правила.

Бодрунов: Это тоже один из факторов, которые сильно сдерживают нас сегодня, ограничивают наши возможности обогнать мировую экономику по темпам роста.

Масленников: Да, если подводить итог такой промежуточный: в чем сейчас неразбериха, непонятность, взаимное недоверие и озабоченность? А все ли правильно делаем, собираем конструктор стимулирующий для деловой среды, пока не очень ясно. На выходе должно быть: конкурентоспособность зависит от уровня конкуренции в национальной экономике. Но с развитием конкуренции в национальной экономике, благодаря всем этим новациям, возникает большой вопрос. Да, мы выдадим все эти на-гора триллионы инвестиций, да, мы что-то отстроим. А вот где будет средний бизнес в стране, который, на самом деле, в новой структуре мировой экономики станет играть доминирующую роль, потому что он более гибкий...

Бодрунов: Да, а один из важных факторов развития — гибкость.

Масленников: Гибкость, да. Он ориентирован, допустим, не на массовое производство, на сотни тысяч, а в лучшем случае на сотни. Но это другая уже добавленная стоимость, это другие мозги, это другие вообще инвестиции, это другая экономическая среда.

Бодрунов: Все другое, да.

Масленников: У нас сегодня же есть парадокс. Существует уже такой термин мировой, в мировом экономическом обороте аналитическом, как *minitransnational*. Малый бизнес становится транснациональной компанией, в которой могут быть 20–25 человек, но он зато работает уже на рынках, потому что нашел нечто такое, чего никто не умеет делать. И таких, в общем, сотни. Вот это будущее. В принципе, если мы хотим остаться даже на тех позициях мировой экономики, на которых мы сейчас, то нам нужно развивать вот это. А это без конкурентной среды не получается. И поэтому сегодня риск всех наших национальных проектов, что мы создаем страну для крупного и сверхкрупного и государственного бизнеса, а все остальное, оно типа само.

Бодрунов: Я хотел бы на одну вещь обратить внимание. Когда мы начали говорить, Вы, Алексей Владимирович, сказали, что до мирового кризиса далеко, Никита Иванович ска-

зал, что, вообще-то, мы можем уже в рецессию войти или в стагнацию, во всяком случае...

Масленников: Смотрите сами: у нас уже в этом году в технической рецессии находится Италия...

Что может быть триггером рецессии

Бодрунов: А что может стать триггером, допустим, не брексит, не китайско-американская война торговая война...

Кузнецов: Политические, конечно, события, потому что мы видим, что...

Бодрунов: Вы думаете, больше политические?

Кузнецов: Стала более нестабильной система международных отношений, это совершенно очевидно. И даже, строго говоря, то, что в Европе происходит с брекситом, это политика, а не экономика. Экономически было невыгодно Великобритании выходить из Европейского Союза.

Бодрунов: Первоначально, когда агитировали за брексит, говорили, что экономически будет лучше. Потом оказалось, что они ошиблись в экономических оценках...

Кузнецов: Там было очевидно, что они ошибаются...

Бодрунов: Это Вам было очевидно, они же у Вас мнения не спрашивали.

Кузнецов: Они изнутри смотрели... Это, к сожалению, беда британского общества, хотя его очень любят возвеличивать во многих аспектах. Но реально они замкнуты, конечно, во многом на себя, именно культурно. Они искренне верили, что им удастся достаточно слабый в политическом отношении Европейский Союз продавить в переговорах. А надо было смотреть на поведение Евросоюза в отношении санкций к нам...

Бодрунов: В том числе к России, да.

Кузнецов: Потому что мы тоже искренне думали, что многие страны Евросоюза кровно не заинтересованы в санкциях и они не дадут. Но все единогласно голосуют. Вот сейчас англичане, конечно, были бы в бешенстве, наверное, от такой аналогии, но реально происходит примерно то же самое. Евросоюз в отношениях с Великобританией смог

нащупать ту нотку солидарности, которая позволила выработать...

Бодрунов: Ту же политику солидарности, которая против России выстроилась...

Кузнецов: Но еще страшнее то, что творится, конечно, в развивающемся мире, в том числе не без участия некоторых развитых стран. Миграционный кризис — действительно, очень серьезная вещь. Я, например, очень сомневаюсь, что замедление немецких темпов экономического роста связано только с изменением регулирования в автопроме, из-за которого, если почитать...

Бодрунов: Что из-за этого все встало...

Кузнецов: Вот не верю я, что только из-за этого все встало.

Бодрунов: Мне кажется, там более крупная системная проблема.

Кузнецов: Да, и проблема в том, что они приняли уже больше миллиона мигрантов. А первый год, почему было все нормально, потому что там чисто статистически первый год все беженцы, они вообще не учитываются в статистике ни безработицы, ни личного потребления...

Бодрунов: Да, но как только они стали, условно говоря, немцами...

Кузнецов: Ну, не немцами, но резидентами. То все — там начинается ухудшение.

Бодрунов: Да, это понятно. Никита Иванович, как Вы думаете, что может быть триггером?

Масленников: Ситуация такова, что на самом деле я Вам ничего нового не скажу. Триггером может стать все что угодно. Например, крах крупного, системообразующего глобального банка. И риск остается, потому что состояние мировых финансовых рынков, сейчас не будем вдаваться в подробности, просто по основным критериям, оно напоминает где-то 2007–2008 год. Конец 2007-го — начало 2008-го. Причем в этом подвешенном виде финансовые рынки мировые глобальные находятся уже по меньшей мере года полтора.

Бодрунов: Да, определенности никакой нет.

Масленников: Предпосылок для резкого усиления волатильности — сколько угодно, потому что все, естественно,

зациклены на переговорах, в меньшей степени по брекситу, в большей — между Китаем и Штатами. Это игра такая, обоюдоострая. Если они о чем-то договорятся, знаете, это будет лишь глоток кислорода, не более того. Если они ни о чем не договариваются, гарантированно и те и другие теряют где-то примерно по одному процентному пункту ВВП — это близко к вползанию в рецессию. Может ли это случиться? Да, может. Может и не случиться. Но есть огромное количество других факторов. Аргентина продолжает находиться...

Бодрунов: В зоне риска...

Масленников: Она в кризисе находится, и 53 миллиарда, извините, долларов долга, и все это еще идет, быстрое освоение. Турция находится в технической рецессии, Италия находится в технической рецессии.

ИЗ БИБЛИОТЕКИ
ВЭО РОССИИ

Ручир Шарма,

«ВЗЛЁТЫ И ПАДЕНИЯ
ГОСУДАРСТВ. СИЛЫ
ПЕРЕМЕН
В ПОСТКРИЗИСНОМ
МИРЕ»

Бодрунов: Не говоря уже о новых горячих точках в Латинской Америке...

Масленников: Да, там Венесуэла — как это все пройдет?

Бодрунов: Индия, Пакистан...

Масленников: Весь Ближний Восток тоже. Наконец, такая зона риска, как, извините, «Один пояс, один путь».

Бодрунов: Да, мне кажется, что наша перспектива российская, если не случится мировых гигантских проблем, не такая уж темнеющая, не такие у нас темные небеса, как это сулят или описывают специалисты Всемирного банка в своем прогнозе.

НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ РОССИЙСКИХ ЭКОНОМИСТОВ

Мы живём в непростом турбулентном мире, тут и там возникают серьёзные столкновения интересов. Может ли в разрешении этих конфликтов, этих проблем помочь непрофессиональная дипломатия? А именно — научная, экспертная, но отстранённая от официальной политики.

СОБЕСЕДНИКИ

Александр Владимирович Бузгалин,
вице-президент ВЭО России, директор Института
социэкономки Московского финансово-
юридического университета, почетный профессор
МГУ им. М. В. Ломоносова

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, президент Международного
союза экономистов, директор Института нового
индустриального развития им. С. Ю. Витте, д. э. н.,
профессор

Дэвид Лейн,
почетный член Колледжа Эммануэль, почетный
профессор социологии, Кембриджский университет
(Великобритания)

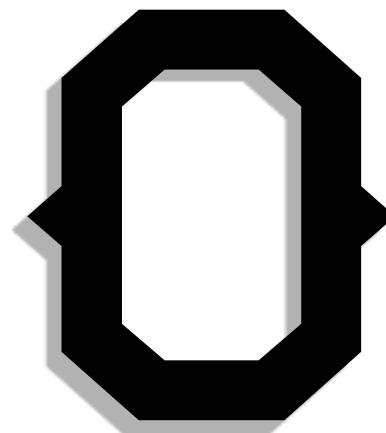
Радика Десаи,
директор Исследовательской группы по
геополитической экономике Университета
Манитобы (Канада)

Сиддхарт Саксена,
директор Кембриджского Центрально-Азиатского
форума, главный научный сотрудник лаборатории
Кавендишской лаборатории, Кембридж, профессор
(Великобритания), член Международного комитета
ВЭО России

Дэвид Лайбман,
почетный профессор экономики Бруклинского
колледжа городского Университета Нью-Йорка
(США), член Международного комитета ВЭО России

«Ослы и учёные — в середине!»

Бодрунов: Сегодня мы поговорим на тему необычную — о дипломатии, но о дипломатии необычной — научной. Очень важно, чтобы люди, которые умеют разбираться во многих экономических материях, разбирались и в отношениях между государствами на уровне экономических тенденций, новых идей, концепций, но не на политическом поле. Мы поэтому беседуем сегодня с заместителем председателя Международного комитета Вольного экономического общества России — это еще одна должность нашего гостя. Здравствуйте, Александр Владимирович.

Бузгалин: Здравствуйте, Сергей Дмитриевич. Очень интересная и необычная действительно тема.

Бодрунов: Вы знаете, существует мнение, что лучшие послы мира — это ученые. Не знаю, может, ученые это сами придумали, но мнение такое высказывалось неоднократно. Может быть, это связано с тем, что ученые все-таки сначала чего-то изучают, а потом решают, что же правильно, а что нет, и поэтому послами являются более продуктивными.

Бузгалин: Вы знаете, я невольно вспомнил знаменитую фразу Наполеона: «Ослы и ученые — в середине». Речь шла о Египетском походе. Речь шла, конечно, не о том, что ученые в чем-то похожи на ослов, а о том, что без ослов и без ученых поход не состоится. Одни тянут на себе самую тяжелую ношу, а вторые позволяют понять, ради чего, зачем вообще весь поход и что мы получим в результате, изучают местность, составляют карты, изучают артефакты и т. д. Как ни странно, итогом становится не только награбленное или полученное добровольно в результате завоевания богатство, но и осмысление всего: истории цивилизации, истории

жизни и так далее. Я об этом не случайно сейчас говорю. Когда мы вспоминаем про Запад и Россию, то оказывается, что у нас очень много общего. Оказывается, есть десятичная система исчисления, созданная арабами, которая является ценностью европейской цивилизации, а также спецификой русской национальной души. И это не шутка, это реальная проблема. Есть реальное общее культурное богатство, которое соединяет нас. Да, есть противоречия, общественные науки не так просты. Но тем не менее можно найти целый ряд точек, где мы говорим «да». Мы говорим «да» социально ориентированному развитию, мы говорим «да» человеку как приоритету, мы говорим «да» эффективности...

Бодрунов: Да — снижению неравенства, повышению уровня доходов населения...

Бузгалин: Снижению разрыва, да. Потому что вопрос не в том, чтобы богатые стали бедными...

Бодрунов: Да — в совместном технологическом развитии и так далее.

Бузгалин: Да. И здесь, найдя вот эти общие точки и поддерживая дискуссию не по принципу, у тебя нос такой, у меня нос сякой, или ты — беленький, я — чёрненький, а по принципу истинной доказательности (да, безусловно, над нами довлеют экономические интересы, да, безусловно, ученому, наверное, тоже можно дать взятку), но тут приоритеты...

Бодрунов: Если ученый — настоящий, то, независимо от размера взятки, он все равно будет истину искать.

Бузгалин: Да. И вот большинство моих и Ваших дискуссий зарубежных показывают, что талант не покупается и по большому счету даже и не продается. Если ученый продает свой талант, его перестают уважать. Он теряет гораздо больше, чем получает в материальном отношении. Отсюда — научная дипломатия как ключ к пониманию людей, пониманию истины, пониманию проблем, общих для Великобритании, России, Индии, Китая. И это не случайно. Сегодня мы живем в эпоху трансформаций. И эти трансформации заставляют искать совместный выход. Ситуация приближается к пожару в лесу, когда волки, зайцы, олени — все бегут вместе, наступает огненное перемирие, я не помню, как это называется на языке Киплинга, но что-то в таком духе. У человечества огромное количество проблем. И когда мы смотрим, как их решить вместе, оказывается, что есть точки соприкосновения, и политические конфликты по большому счету должны подчиняться им. Я приведу один исторический пример. Самый жесткий период после Второй мировой войны: конфронтация, холод-

ная война, обострение противоречий. Кто выступает главными организаторами движения за мир? Величайшие ученые, величайшие деятели культуры, писатели, композиторы, физики, философы, экологи.

Бодрунов: Да, интеллектуальная элита, которая быстрее, чем другие, смогла оценить последствия вот этих самых намерений решить ситуацию через военное противостояние.

Бузгалин: Да, это, если хотите, предмет нашей профессиональной деятельности.

Бодрунов: Один из...

Бузгалин: Один из предметов — понять, к чему ведет та или другая тенденция развития.

Бодрунов: Мне кажется, что здесь еще очень важно, что, в общем-то, наука, скажем, физика, не бывает российская, американская и какая-то еще, или философия российская, философия американская. Наука универсальна. И в науке можно говорить на разных языках, но язык науки — общий. Как вы думаете?

Бузгалин: Вы знаете, тут и да и нет. Один из больших мыслителей сказал, что если бы теоремы геометрии затрагивали интересы различных общественно-политических сил, то их бы оспаривали, наверное, с разных точек зрения.

Бодрунов: В этом случае Вы говорите не о науке, а о том, как наука может быть интерпретирована. И я считаю, если говорим об ученом, то настоящее, истинное лицо ученого — это лицо человека, который истину изрекает, какая бы она ни была, сладкая, или кислая, или горькая. И это, наверное, залог того, что научная дипломатия, она все-таки более эффективна для установления связей между людьми, между интеллектуальными элитами обществ для того, чтобы можно было решить общие, глобальные, концептуальные и, может быть, какие-то мировые проблемы. Вы знаете, я могу в этом случае тех, кто смотрит нашу передачу, адресовать к небольшому сюжету из Кембриджа, где как раз об этом говорилось.

Семинар в Кембридже

В конце октября в Великобритании в Университете Кембриджа состоялся международный научный семинар, посвященный изучению трудов Карла Маркса в эру высоких технологий. В дискуссии, организованной Британским кембриджским обществом евразийских исследований, Вольным экономическим обществом России и Международным союзом экономистов при активном содействии Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, несмотря на довольно напряженную обстановку, сложившуюся сегодня в международных отношениях, приняли участие эконо-

мисты и социологи из 15 стран мира. Кроме профессора Бодрунова, сделавшего доклад о новом качестве материального производства в капиталистических реалиях XXI века, перед многонациональной аудиторией аспирантов и профессоров Кембриджского университета выступили: профессор Массачусетского университета Дэвид Коц с тезисами своей книги «Взлет и падение неолитерального капитализма»; профессор МГУ им. М. В. Ломоносова Александр Бузгалин с докладом об актуальности труда Маркса «Капитал» в XXI веке; а также профессор Университета Кембриджа Дэвид Лейн

«Интерпретации Маркса. От научного до активного марксизма». В дискуссии также приняла участие профессор Канадского университета Манитоба Радика Десаи, высказавшаяся за развитие марксистских идей в геополитической экономике. Но о чем бы ни говорили ученые на семинаре, их желание общаться с российскими коллегами и продолжать сотрудничество в области научных исследований, невзирая на все разногласия между правительствами, было совершенно очевидно. Международный комитет ВЭО России продолжит и далее развивать свою деятельность в мировом научном сообществе.

говорите что-то, дарите мне ваши знания. Я отвечаю: нет, немного не так, а вот здесь надо дополнить. Вы говорите: нет, Александр Владимирович, и здесь так, а вот тут еще вот так. Потом приходит третий. Мы все дарим друг другу подарки. Тот, кто подарил больше всех, оказывается в наибольшем, так сказать, выигрыше. Вот такая неожиданная логика. И когда мы так действуем, а именно эта атмосфера была в Кембридже, мы получаем огромный импульс. И плюс Университет Кембриджа — это другое пространство. Там профессор с мировым именем садится на велосипед, едет в соседний ресторанчик и со студентами за столом, где обсуждали проблему генома человека впервые в мире, за бокалом вина или чашкой кофе спорит о том, как будет развиваться какой-нибудь регион Китая, потому что они на факультете развития и для них проблемы Китая очень важны. А вот здесь мы говорили о России, о Китае, о Канаде и о мире в целом. И то, что большие стратегические технологические сдвиги приводят к необходимости других экономических отношений, звучало практически во всех выступлениях. Здесь упомянули эти имена, и я хочу еще раз подчеркнуть, что и ваш доклад, и то, о чем говорил Дэвид Лейн, кстати, вице-президент Европейской социологической ассоциации, и Радика Десаи, которая о геополитической экономике говорила, как об экономико-политико-социальном видении мира как целого и о снятии противоречий в этом мире. Вот это и есть научная дипломатия, во всяком случае, на мой взгляд.

Кембриджские дискуссии

Бодрунов: Александр Владимирович, вот кажется, что одним из лейтмотивов этой нашей встречи было не столько даже, может быть, обсуждение тех научных идей, которые коллеги представляли, но общая атмосфера, аура, что ли, этого мероприятия, этой конференции и семинара. Люди были рады общаться друг с другом, несмотря на политические барьеры, и мне кажется, что сфера духа, так сказать, она барьеров не приемлет, и это было ярко продемонстрировано на этом семинаре. У нас было действительно дружеское, нормальное, человеческое общение при том, что каждый, может быть, из экономистов представлял какую-то иную точку зрения на те или иные процессы, тем не менее главным было одно: люди понимают друг друга и понимают, что они ценны друг для друга.

Бузгалин: Вы очень точно сказали про различия, и в научном мире различия есть основания для диалога, а диалог есть то, где рождается истина. Другая позиция — это ценность. Когда тебе говорят то же самое, что ты, в этом ничего интересного для ученого, для деятеля культуры нет. Интересно, когда предлагают иную позицию, обосновывают ее, показывают ее перспективность. Вообще, настоящий диалог, в том числе научный, — это обмен подарками. Вы

Бодрунов: Вот говорят постоянно в последнее время об охлаждении отношений между странами. Но вот между учеными я не почувствовал такого охлаждения. По крайней мере, в последнее время мне приходится часто бывать на научных конференциях в силу своей деятельности как президента Экономического общества, президента Международного союза экономистов, общаясь с коллегами. И мне не представляется, что какое-то возникло отчуждение или какое-то такое серьезное охлаждение в отношениях между учеными, в первую очередь я это имею в виду. А теперь у нас впереди еще, в общем-то, у человечества, на мой взгляд, общая судьба. У нас впереди технологическая революция, по сути, она уже началась. У нас впереди изменение структуры общественных отношений в связи с этим, на чем я настаиваю. И мне кажется, что вот в этом глобальном мире тем более важно такого рода научное сотрудничество. Как раз во время конференции, которая происходила в Кембридже, мне удалось поговорить с профессором Лейном об отношениях между Востоком и Западом, повороте на Восток. Его мнение, мне кажется, тоже очень важно здесь услышать.

Дэвид Лейн:

Если рассматривать развитие российских отношений с другими странами, необходимо начать отсчет с момента падения Советского Союза. И Михаил Горбачев, и президент Ельцин, и президент Путин были крайне обеспокоены тем, чтобы страна сохранила свое единство и стала частью Европы. Однако этого так и не произошло. Со своей стороны США и Евросоюз сделали все, чтобы изолировать Россию. Поэтому Россия просто вынуждена была обратить свое внимание на Восток. В результате сформировались Евразийский экономический союз и Шанхайская организация. По мнению научного сообщества, сегодня решение русского вопроса во многом зависит от западных стран, готовы ли они принять Россию и позволить ей занять достойное место в европейских отношениях. К сожалению, в связи с ухудшением отношений с Западом Россия, естественно, ищет новых партнеров в научных

и бизнес-контактах. И на первом месте тут Китай. В рамках Евразийского экономического союза статус всех стран одинаков. Они имеют одинаковое количество голосов. Понятно, что, когда создаются большие региональные блоки, то в каких-то странах выше демографическая плотность, а какие-то обладают более высоким развитием экономики и уровнем жизни. В рамках ЕАЭС Россия, очевидно, является более мощным государством. И ее политическая и экономическая роль гораздо больше, чем у других стран. Последние 20 лет Россия в основном занималась разработкой и экспортом полезных ископаемых. И создан дисбаланс между высокотехнологичным Китаем и экспортнозависимой Россией. Но если Россия и Китай объединят свои научные потенциалы, то смогут создать мощный экономический и технологический блок. А их союз в области вооружений выиграет у США

по всем позициям, кроме разве что авиастроения. Военный блок этих стран станет силой, с которой необходимо считаться. И именно действия Запада сейчас толкают Россию в объятия Китая. По мнению ученых, России для занятия более сильной международной позиции, необходимо провести модернизацию. Тот уровень образования и технологий, который был в Советском Союзе, к сожалению, утрачен. Для того чтобы вернуть потерянное, нужно уйти от сырьевой модели экономики. Об этом часто говорится, но ничего не делается. Нужно обязательно обеспечить приток инвестиций и ограничить вывоз капитала из страны. Хорошо было бы заинтересовать китайских инвесторов. Но для этого нужна разработка привлекательных для них проектов. Весь этот ресурс — природный, научный, человеческий — в России есть. И Россия совместно с Китаем может занять достойное место на международной арене.

Бузгалин: Да, это в некотором смысле патриарх кембриджского общественного процесса.

Бодрунов: Мне кажется, анализ профессора Лейна такой очень показательный. Мы часто стоим на тех же позициях, сходных, по крайней мере. Он безальтернативно говорит, что и в охлаждении отношений России с Европой есть в первую очередь вина Европы. И это признается учеными. Разве это не важно?

Бузгалин: Действительно, конфронтация во многом порождена геополитическими и стоящими за ними в конечном итоге экономическими амбициями корпораций Запада, правительств Запада. Я не случайно сказал корпораций и правительств. Потому что Запад — это вот и Дэвид Лейн.

Бодрунов: Только другой Запад.

Бузгалин: Это разный Запад. Россия тоже разная, но это тема других разговоров, и мне не хотелось бы в это уходить. Единственное, что я хотел бы сказать: в нашей стране можно делать больше для того, чтобы ученые, деятели культуры, деятели образования не формально копировали западные стандарты — вот в экономической теории мы очень много формально копируем из США и до сих пор учим детей по учебникам, которые фактически являются калькой американских, при всей этой конфронтации. А вот здесь как раз есть чему нам немножко поучиться Запад, поучиться другому у Запада, у другого Запада другому поучиться, не только у истэблшмента.

Бодрунов: Да, и почаще слышать иные мнения.

Бузгалин: Да, почаще слушать другое мнение других американцев, и американцам показывать, что есть Россия, которая не только ракеты имеет — да, ракеты нужны каждой стране, наверное, — но есть, прежде всего, мозги, есть таланты, есть молодежь, есть дети...

Бодрунов: И, в конце концов, есть общие ценности.

Бузгалин: Вот, и это самое главное. И есть общая стратегия решения фундаментальных проблем, начиная от климата и высоких технологий, заканчивая бедностью и социальным неравенством. Вот здесь мы находим общую платформу.

Бодрунов: Какие видите Вы перспективы такого развития научной дипломатии? Что этому содействует?

Бузгалин: Прежде всего, давайте попробуем максимально освободить научный диалог от любых бюрократических преград и проблем. И давайте не будем здесь бояться, что мы — шпионы друг друга. Это я адресую и американцам, и англичанам, и немцам, и китайцам, и нам самим — то же самое.

Бодрунов: Больше верить друг другу.

Бузгалин: Больше верить друг другу, да. Больше ресурсов выделять на поиск альтернативных экономических, социальных, политических моделей. Не надо бояться дискуссий научных.

Бодрунов: Лейн сказал, что, смотрите, Европа сделала многое, чтобы отторгнуть от себя Россию. И можно сказать, что мы неоднократно в политической сфере видели, как наши западные коллеги фактически по некоторым пози-

циям нас просто периодически вводили в заблуждение. Поэтому, конечно, подрывается доверие вот такими действиями. Но в то же время, мне кажется, в научной среде все-таки уровень доверия идеям даже, не только их носителям, несколько выше.

Бузгалин: Он, безусловно, выше. Более того, я еще раз хочу вспомнить сюжет, который вы инициировали, что различия в науке есть основание для диалога и взаимопонимания, а не для отторжения. И еще один момент, который мне хотелось бы подчеркнуть. Есть мировая культура. В данном случае наука — часть этой мировой культуры...

Бодрунов: Да, в широком смысле слова.

«Ноономика» в Кембридже

Бузгалин: Да, в широком смысле слова культура — не только поэмы или музыка, но и теоремы, и адронные коллайдеры, и так далее. И это то, что нас соединяет. Русский балет, советский, русский балет — это мировое достижение, которое датчане любят независимо ни от чего. Лучшим «Гамлетом» признан фильм Козинцева, хотя куда уж больше английский, английский, английский Шекспир...

И это значит, что мы можем понять друг друга. И семинар в Кембридже — это маленькое, но символическое пространство, которое доказало, что мы можем говорить, говорим и будем говорить, даже если нам будут мешать, если будут помогать — еще больше будем говорить. Вот, продолжая идею конференции в Кембридже, я хотел бы рассказать, что второй день этого мероприятия был посвящен презентации книги Сергея Дмитриевича. Вот у меня в руках эта книга. Название может быть, телезрителям не сразу что-то скажет, «Ноономика». Но я очень попрошу прокомментировать этот диалог, эти споры и то, как прошла эта презентация.

Бузгалин: Сергей Дмитриевич, в этих комментариях, я думаю, чувствуется атмосфера дискуссии, диалога, вот того самого диалога, который дает новые импульсы для жизни и научного творчества. Ваши ощущения, Ваши впечатления, что Вы вынесли?

Бодрунов: Вы знаете, я вынес очень важные ощущения. Первое, если мы даем какую-то новую идею, то она вызывает неподдельный интерес у людей, которые способны ее переварить. Есть идеи, которые требуют определенных знаний, чтобы их принять. Понятно, что здесь была подготовленная аудитория, конечно, было важно понять, как они воспринимают такого рода идею. Ведь идея заключается в том числе и в том, что у нас есть общечеловеческие ценности, — то, что

Презентация «Ноономики»

В рамках октябрьского научного семинара в Кембридже, организованного Вольным экономическим обществом России и Международным союзом экономистов при содействии Британского общества евразийских исследований, широкой публике была представлена новая монография профессора Бодрунова, изданная в этом году Институтом нового индустриального развития имени Витте. По мнению автора, ноономика — особый, неэкономический способ удовлетворения потребностей общества — может стать основой общества будущего при рациональном развитии человеческой цивилизации. Монография Ноономика, уже переведенная на английский и китайский языки, привлекла внимание научного сообщества, начинающего осознавать, что в материальном производстве происходят качественные изменения. Отличительное качество труда

профессора Бодрунова в том, что он пытается найти пути решения глобальных экономико-социальных проблем, стоящих перед всем человечеством. Поэтому книга может заинтересовать читателей из разных частей света и социальных слоев общества.

Десаи: Мы всегда существовали в экономике знания. Сегодня роль креативных услуг усиливается с каждым днём. Переход, о котором говорит «Ноономика» профессора Бодрунова, требует всё более и более квалифицированного труда. Но этот переход блокируется капитализмом, пытающимся сделать образование товаром. Тогда как любое знание является наследием всего человечества, и не может быть узурпировано капиталом, а получение знаний не должно зависеть от имущественного ценза.

Саксена: Доля виртуальности в нашей жизни активно растёт.

Но любой гаджет всё ещё материален. Электроэнергия для его работы материальна. И никакие новые вещи пока не создаются без достаточно развитой материальной базы. Если до 20-го века природа была ещё способна компенсировать ущерб, нанесённый человеческой деятельностью, то сегодня этот ресурс уже практически исчерпан. И книга профессора Бодрунова даёт надежду, что человечество найдёт новый путь для своего развития. Лайбман: Я видел графики с пересекающимися кривыми, которые отражают усиление роли знаний в процессе производства, и уменьшение в нём доли материального. Но мне вот, что интересно, а чем это измеряется? Как вычислить долю знаний в промышленности? И где баланс между рукотворным и творческим процессом в материальном производстве? Пока это всё ещё философские вопросы.

нам необходимо сегодня вместе осознать, ценности, которые акцентируются в связи с тем, что впереди у нас может быть глобальная катастрофа, связанная с нерациональным применением новых технологий, которые могут использоваться как во благо, так и во вред. И в этом плане очень важно было донести эти идеи до людей. Оказалось, эти идеи хорошо воспринимаются, они ложатся на благодатную почву, потому что, в общем-то, это общечеловеческие ценности.

Бузгалин: Вы абсолютно правы. И когда есть вектор, а этот вектор задан объективными процессами, объективными противоречиями и необходимостью их разрешать, тогда идет очень интересный спор. Я был на этой презентации, и это был настоящий научный диалог очень серьезных людей. Профессор Дэвид Коц, Дэвид Лайбман, Радика Десаи, Лейн — это мировые имена в области экономической теории. И да, это был спор, но иначе не бывает. Есть вектор, есть диалог и есть стремление к взаимопониманию.

НЕСТАБИЛЬНЫЙ МИРОПОРЯДОК

Сегодня самая горячая тема, наверное, это залп торговой войны между Соединёнными Штатами и Китаем. Эта тема на первых полосах газет, в сообщениях телеграфных агентств. Это абсолютно новое явление, которое, однако, укладывается в общую динамику мирового порядка. Миропорядок меняется. Что именно происходит? Каким мир будет завтра? И каково в нём будет место России?

По материалам программы «Дом Э» на телеканале от 6 октября 2018 г.

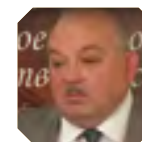
СОБЕСЕДНИКИ

Александр Александрович Дынкин,
вице-президент, глава Международного комитета
ВЭО России, президент Национального
исследовательского института мировой экономики
и международных отношений им. Е. М. Примакова
Российской академии наук, академик РАН

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, президент Международного
союза экономистов, директор Института нового
индустриального развития им. С. Ю. Витте, д. э. н.,
профессор

Андрей Николаевич Спартак,
директор Всероссийского научно-исследовательского
конъюнктурного института, заведующий кафедрой
международной торговли и внешней торговли РФ
ВАВТ, заслуженный деятель науки, член-
корреспондент РАН, профессор, д. э. н.

А

Бодрунов: Александр Александрович, хотел бы попросить Вас охарактеризовать сегодняшнюю ситуацию, как мы себя ощущаем в мире, что происходит?

Дынкин: Сегодня самая горячая тема, наверное, это залп торговой войны между Соединенными Штатами и Китаем. Эта тема на первых полосах газет, в сообщениях телеграфных агентств. И действительно, это абсолютно новое событие, которое укладывается в общую динамику мирового порядка. Я хочу сказать, что Соединенные Штаты произвели радикальный пересмотр всей своей послевоенной внешнеэкономической стратегии. Если говорить коротко, то это переход от либерализма к протекционизму. Если после войны Соединенные Штаты стремились держать очень низкие собственные тарифы, средневзвешенная ставка американского таможенного тарифа сегодня — 2,4%, сейчас они от этого отказываются. Они отказываются от встречного открытия рынков-партнеров, товарных рынков, от интернационализации, выноса производства за рубеж, от создания длинных цепочек добавленной стоимости, двигаются к закрытию внутреннего рынка, к ожиданию возврата инвестиций. Если раньше американцы были, особенно 44-й президент Обама, сторонниками многосторонних торгово-инвестиционных соглашений, то Дональд Трамп переходит к двухсторонним соглашениям. Достаточно привести такой пример, что 20 января была инаугурация, а 23 января он вышел из торгового Транстихоокеанского партнерства, которому Обама посвятил много сил.

Бодрунов: Да.

Дынкин: И уже через два месяца была сформулирована новая внешнеэкономическая стратегия Соединенных Штатов. Первый пункт — укрепление суверенитета Соединенных Штатов, что, если мы говорим о мировой торговле, странно. А вторая позиция — это применение законов США в торговле. То есть это лозунг экстерриториальности американского законодательства.

Бодрунов: То есть наши законы распространяются на весь мир.

Дынкин: Третья позиция — это максимальное стимулирование собственного экспорта товаров и услуг. И четвертая — это защита интеллектуальной собственности. Вот это было заявление торгового представителя Соединенных Штатов, который, по-моему, занимает более радикальные позиции, чем министр торговли Соединенных Штатов. Ну, вот в этом русле все и развивается. И конечно, если раньше американская стратегия была ориентирована на рост благосостояния за счет дешевого импорта, сегодня опять же эта стратегия меняет свой расчет на рост благосостояния за счет увеличения предложения рабочих мест.

Бодрунов: Да, рещоринг промышленности, возвращение промышленности в Штаты. И соответственно, рабочие места здесь и так далее.

Дынкин: Да.

Бодрунов: В одном из заявлений он говорит о том, что мы возвратим рабочие места в Америку. Больше того, недавно он заявил, что они подписали соглашение с Мексикой и Канадой, как сказал Трамп, «великолепную сделку», которая сделает Америку промышленным гигантом снова. То есть он как бы настаивает на том, что промышленность — это базовый элемент экономики и нужно возвращать рабочие места, не просто рабочие места, а в промышленности, в высокотехнологичном секторе.

Дынкин: Действительно, он в общем стремится поддерживать такие отрасли, как сталелитейная, автомобилестроение, добыча и переработка углеводородов, сельское хозяйство. И он делает это не случайно. Это связано с тем, что здесь сосредоточен его ядерный электорат. И если прежнюю стратегию рассматривали многие как стратегию американского лидерства, то электорат Трампа рассматривает ту стратегию как угрозу своим интересам. И я могу сказать, что у такого подхода есть определенные основания, потому что, если посмотреть статистику, то мы с вами увидим, что доходы на одно домашнее хозяйство Соединенных Штатов не растут уже 15 лет. А за это время стоимость высшего образования выросла в 2,7 раза. Поэтому Трамп в основном ориентируется...

Бодрунов: На этот электорат и его запросы.

Дынкин: На этот электорат. И если сравнить штаты, где победили демократы, с теми, которые несут наибольший ущерб от торговой войны, то карты почти совпадают. Высокотехнологичные штаты, такие как Калифорния, Вашингтон, Орегон, несут наибольшие издержки от той торговой войны, которую он ведет. И это очевидная тактическая цель, которая ориентирована на промежуточные выборы, которые пройдут 6 ноября этого года (программа записывалась в октябре 2018 г. — Прим. ред.). Если говорить о стратегической цели, то, конечно, во многих американских аналитических документах просматривается такая оценка, что китайская стратегия «Сделано в Китае 20–25» рассматривается как большая угроза Соединенным Штатам. В соответствии с этим китайским стратегическим документом страна должна к 2025 году перейти в основном на выпуск продукции высоких технологий. Они ставят совершенно завышенную, на мой взгляд, планку, что 70% ВВП будет сосредоточено в этих отраслях. И американцы это воспринимают как угрозу своему технологическому лидерству. Поэтому стратегическая цель, на мой взгляд, — затормозить реализацию этих планов Пекина.

Бодрунов: Как Вы оцениваете успехи наших американских партнеров в торможении нашего экономического движения, экономического развития?

Дынкин: Конечно, санкции имеют значение для нашей экономики. И вот до последней волны санкций консенсусная оценка достаточно профессиональных экономистов была такой, что наша экономика адаптировалась и потери в 2017 году составили 0,32% ВВП.

Бодрунов: Не так и много на самом деле.

Дынкин: Не так и много, особенно по сравнению, скажем, с 2015 годом, когда они были провозглашены.

Бодрунов: Да, тогда действительно было проседание. Я почему задал этот вопрос о том, как это к нам относится... Потому что я сейчас наблюдаю в рамках вот этой торговой войны Соединенных Штатов и Китая действие так называемых вторичных санкций. То есть Китай покупает наше вооружение. А поскольку наши компании, продающие вооружение, подпадают под американские санкции, то экстерриториальность американских законов предполагает, что китайские компании, китайские вооруженные силы, государственные институты и так далее, покупающие, приобретающие у российских подсанкционных компаний нечто, тоже попадают под санкции. Естественно, это угроза Китаю. На этой почве начинаются уже дополнительные санкции в торговой войне с Китаем, что вызывает у Китая, мягко говоря, неодобрение.

Дынкин: Конечно, я хочу сказать, что у китайцев это вызывает просто большое раздражение, потому что такой подход противоречит китайской деловой этике. Вы прекрасно знаете, что эта этика ориентирована на долгосрочные отношения с партнером, на длительность, на выполнение неких обязательств. Вдруг, как гром среди ясного неба. До этого было несколько встреч председателя Си Цзиньпина с Трампом, и вроде как бы все было хорошо... и вдруг вот так. Вы абсолютно правы, что эти санкции против закупочной структуры Народно-освободительной армии Китая вызвали шок. И вы абсолютно правильно подняли этот вопрос, потому что помимо тарифной войны, которая угрожает перейти в скрытое манипулирование курсами, что, конечно, дестабилизирует мировую экономику, мы можем говорить о том, что применяются нетарифные меры и вообще общий климат ломается. Например, в сентябре почти до нуля сократились китайские закупки сырой нефти. До этого Китай был вторым покупателем сырой нефти в Соединенных Штатах. Если я не ошибаюсь, в мае это было 13 миллионов тонн, сейчас — 0,6.

Бодрунов: Практически ноль.

Дынкин: Практически ничего. У китайцев было соглашение о покупке сжиженного природного газа. И эти поставки начались в 2018 году. Они небольшие. Но китайцы уже заявили, что, если эта война будет расширяться, они повысят на 25% пошлины. И они это сделали. И это удар по расчетам на экспорт углеводородов Соединенных Штатов. То есть это вызывает такие негативные последствия, которые растут как снежный ком.

Бодрунов: Такая интересная вещь получается, да. С одной стороны, есть прямая торговая война между Соединенными Штатами и Китаем, есть сотрудничество России и Китая, есть санкции к России со стороны Соединенных Штатов. Получается, есть вторичные санкции, которые бьют по Китаю, но есть и другая сторона дела. Нарастающее в разных направлениях противостояние США с Китаем, которое уже бьет и по России.

Бодрунов: Трамп хочет снова сделать Америку великой. Китай рвется, и по делу, в мировые экономические и, может быть, не только экономические лидеры. Россия хочет быть лидером в следующем технологическом веке и не отставать ни в экономике, ни в технологиях, сохранить свою страну, свою территорию и так далее и тому подобное. Европа имеет разногласия с Америкой. Что нас ждет в ближайшие годы, как Вы думаете?

Спартак:

Торговые войны, которые сейчас развязали Соединенные Штаты Америки, они уже как снежный ком охватывают все большее число участников. Американцы вводят пошлины на сталь, алюминий, в ответ большое число стран вводят ограничения по импорту из Соединенных Штатов Америки. Плюс, боясь перераспределения торговых потоков из США в другие страны, многие страны или рассматривают, или, как европейцы, уже вводят специальные защитные меры, чтобы тот импорт, который не идет в США сейчас, не пошел к ним на рынок, а это очень большие объемы. То есть здесь самая главная опасность — опасность снежного кома. Для России это тоже все достаточно серьезно. Мы несем определенные потери на сокращении производства стали в стране, но это пока в общем небольшая совсем величина. Мы сталкиваемся с тем, что

сужаются некоторые рынки сбыта для нашей металлургической продукции, тот же европейский, где были введены повышенные пошлины на импорт металлургической продукции. Мы сталкиваемся с тем, в принципе, что Китай, встречая ограничения при поставках оборудования, электроники, электротехники в Соединенные Штаты Америки, часть своего экспорта попытается перенаправить на российский рынок. Но здесь действительно очень непростая ситуация, связанная с тем, что глубинной основой поведения Соединенных Штатов Америки являются все-таки, наверное, сейчас определенный экономический, торгово-политический реванш. Американцы понимают, что на прежнем этапе глобализации не смогли максимально для своей страны получить экономические выгоды, выиграли восточно-азиатские экономики, прежде всего

Китай. И они сейчас несколько пытаются изменить ситуацию. Действуют достаточно неспокойно, агрессивно. Но вот за этим лежит действительно стремление в будущем миропорядке несколько изменить роли, повысить роль Соединенных Штатов, дать дополнительные рычаги экономического влияния на партнеров. И потом они сейчас пытаются опробовать, насколько Америка крепко стоит на ногах, насколько прочна ее экономика и насколько они могут ввязываться в торговые войны и выигрывать их. Сейчас это видится как политика на определенную перспективу. Если что-то будет меняться в политической жизни США, возможны коррективы. Но в целом это такая понятная, объяснимая реакция Соединенных Штатов Америки на то, что происходит в мире.

Дынкин: Я хочу вернуться вот к тем вопросам, которые справедливо поднял Андрей Николаевич. Действительно, сложилась такая ситуация, что Соединенные Штаты терпели в общем некие экономические неудобства и ущербы от той старой системы торговли. Простой пример. Таможенные тарифы на американские автомобили в Европе были, скажем, около 10%, а на европейские в Соединенных Штатах — 3%.

Бодрунов: Несправедливо.

Дынкин: Несправедливо. То же самое было с Канадой, когда Канада закрыла свой рынок молочной продукции.

Бодрунов: Да, известная история.

Дынкин: Потому что канадские фермеры — привилегированные избиратели, с точки зрения политиков.

Поэтому американцы хотят взять некий реванш. Раньше можно было рассматривать некую асимметрию в этих тарифах, как стремление скрытого финансирования младших партнеров. А сегодня партнеры выросли и они оказывают достаточно...

Бодрунов: У них выросли зубы, и они кусаться начинают...

Дынкин: Да, интенсивное давление на американские интересы. И то же самое с Китаем, потому что, понимаете, Китай действительно совершает очень большие успехи. Я вам приведу цифры ЮНИДО. ЮНИДО считает, что в американском экспорте 63% составляет продукция средних и высоких технологий, а в китайском — 58%. То есть это на уровне статистической ошибки.

Бодрунов: Уже да, на уровне погрешности.

Дынкин: Примерно одинаково. И конечно, это не нравится американцам, и они хотят пересмотреть и товарные потоки, и роль Соединенных Штатов в этом деле. Андрей Николаевич говорил о том, что мы несем определенный ущерб от этих санкций по металлургии. Я с ним согласен, потому что мы являлись седьмым поставщиком стали на американский рынок, мы являлись третьим поставщиком алюминия. Теперь, почему не работает ВТО. По-моему, если я не ошибаюсь, седьмая статья генерального соглашения ВТО говорит о том, что страны могут маневрировать своими таможенными тарифами, исходя из вопросов национальной безопасности. И до этого все понимали, что это очень рискованная форма. Если ты обратишься к этой теме, то и партнер это делает. Трамп этого не испугался. Он сразу по стальным тарифам связал это с национальной безопасностью.

Бодрунов: Ковбой.

Дынкин: Но когда он это делает в отношении неких пластмассовых изделий из Китая... Трамп открыл ящик Пандоры ВТО, потому что раньше избегали обращения к этой статье. Что нас ждет? Есть некая угроза, что Китай будет чуть-чуть тормозить, немного. Самые такие предварительные оценки показывают, что в текущем году потери китайской экономики могут составить от 0,3 до 0,5% темпов роста. Американская экономика, это уже по оценкам экспертов компании «Мудис», в 2019 году может потерять 0,25%. И такое накопление этих разнородных возмущений, конечно, способно, наверное, этого нельзя исключать, привести к некому экономическому кризису. Потому что система разбалансирована, она вышла из старого баланса, старого равновесия.

Бодрунов: Нового не нашла...

Дынкин: Пока нет. И вы обратили внимание, что в течение некоторого времени валюты стран с развивающимися рынками падали, в том числе наш рубль. Сегодня мы развернули эту тенденцию благодаря грамотной политике Центрального банка, Министерства финансов, но, конечно, это напряжение для экономики. Я далек от мысли говорить о том, что доллар потеряет статус основной резервной валюты. До этого еще далеко. Сегодня в долларах совершаются 60% мировых товарных, финансовых сделок, ликвидность доллара — примерно 60%. Но репутация доллара пострадала. И то, что страна, которая эмитирует вот эту резервную валюту, ведет себя вот так вот по-ковбойски, вызывает все больше и больше вопросов и в Европе, и в Китае, и в Иране, и у нас, конечно.

Бодрунов: Люди, естественно, думают, ваша валюта — берите себе, будем работать с другой.

Дынкин: Да, и возникает некая асимметрия. Потому что после войны, безусловно, американская экономика была близка к 50% мирового ВВП. Сегодня, если мерить по текущему обменному курсу, это где-то 23–24%. А если мерить по паритетам покупательной способности — где-то 15%, на 2% уже меньше китайской экономики. А доллар по-прежнему занимает вот эти 60%, о которых я говорил. Вот эта асимметрия наводит на определенные размышления. И не случайно немецкие правительственные чиновники заявляют, что надо строить европейскую систему, европейский валютный фонд, соответственно, европейскую систему валютных расчетов. Сейчас на последней сессии Генеральной ассамблеи ООН были контакты между Китаем, Россией и Европейским Союзом и возникла речь о создании специальной такой Special Purpose Vehicle (в бизнесе — филиал, создаваемый головной компанией для изоляции рисков. — Прим. ред.), что называется, где удастся обходить вот эту экстерриториальность санкций. Так что доллар вызывает разочарование у очень многих игроков.

Бодрунов: И конечно, когда такая ситуация с долларом, возникает очень много моментов, связанных с потерей точки опоры. Мы сейчас заключаем крупнейшую в истории, пожалуй, сделку о военно-техническом сотрудничестве с Индией, и там расчеты тоже, похоже, будут не в долларах. Но тем не менее, как вы говорите, позиции доллара еще сильны и сдаваться он не собирается.

Дынкин: Да, я думаю, что на горизонте 10–15 лет доллар сохранит эту роль. Но я вам говорил о том, что расчёты доллара, ликвидность, это где-то 60%, где-то 20% — это евро

и где-то, наверное, 3–4% — юань. Поэтому я полагаю, что вот роль альтернативной резервной валюты (я не говорю о японской иене, о швейцарском франке, они тоже где-то в районе юаня) должна возрасть. И как бы вот Трамп нанес серьезный удар по глобализации. И я думаю, что ответом будет большая регионализация экономической деятельности. А в регионе удобнее рассчитывать все-таки в какой-то местной валюте, скажем так, я условно говорю, местной, если можно назвать евро местной валютой. Поэтому это такое серьезное осложнение, которое Трамп сделал для еще недавно непоколебимого авторитета доллара.

Бодрунов: Что остается делать России?

Дынкин: России остается повышать темпы экономического роста. Другого ответа нет.

Бодрунов: Как говорил известный наш исторический персонаж, нам надо сосредотачиваться. Россия должна сосредоточиться.

Дынкин: Нужно повышать производительность труда. Нужно повышать инвестиционную активность. Нужно заниматься высокими технологиями. Поэтому задач много, но как бы мерилем успеха будут темпы экономического роста. Я думаю, что в том миропорядке, который возникает, там не будет таких союзов в старом смысле слова...

Бодрунов: Будут ситуативные союзы какие-то...

Дынкин: Безусловно. И вот такие старые, универсальные ценности, они отходят на задний план. На первый план выдвигаются геополитические, финансовые, экономические интересы. Возможно, так называемая коалиция ad hoc («специально для этого», «по какому-то случаю» — латынь. — Прим. ред.) по какой-то одной теме и на какой-то период времени. И чтобы участвовать в этих коалициях, надо быть сильным.

**ИЗ ИСТОРИИ
ВОПРОСА**

ИЗ «ТРУДОВ ИМПЕРАТОРСКОГО ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА», 1872 Г., Т. 1

Михаил Иванович Фатьянов — помещик из села Кротково, как наследник много времени проводил в Кротково. Построил в селе инновационную мастерскую, конный завод, основал метеостанцию. Был почетным мировым судьей в Симбирской губернии.

ПО ПОВОДУ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ХОЗЯЙСТВА

Положительно известно, что наш крестьянин смотрит совершенно не с той точки зрения на грамотность, с какой-бы следовало на нее смотреть, и не знает причин, обуславливающих рвение, с которым старается распространить грамотность в массе сельского населения поистине передовая и самая образованная часть нашего общества; или, пожалуй, даже он смотрит и с той же точки зрения, но только в другом направлении. Последнее выражение может показаться странным, но не должно забывать, что в физическом смысле с одной и той же точки можно смотреть по различным направлениям.

В основе устройства всех наших начальных школ лежит благая мысль — дать нашему сельскому населению образование, обуславливающее развитие умственных способностей. Это могучий двигатель, с помощью которого могут быть достигаемы в отношении экономического строя такие блестящие результаты, какие мы видим в настоящее время, например, в Северо-Американских Штатах и некоторых государствах Западной Европы. Следовательно, от образования, хотя и первоначального, мы должны ждать, во-первых, искоренения предрассудков и, во-вторых, развития здравомыслящего рабочего сельского населения, вполне понимающего выгоду или неприбыльность употребляющихся способов обработки земли, обладающего умением во всяком данном случае извлечь наибольшую пользу из своего труда без ущерба основному капиталу — здоровью, а в нашем случае еще и почве. И, наконец, в случае неумения практически применять знания, чтобы народ шел, не стесняясь, учиться, например, в различные музеи и практические образцовые учреждения, а затем, возвратясь домой, вносил бы свои познания в массу путем примера, практики, а не школьным путем, причем, конечно, образование должно в этом случае искоренить предрассудки и недоверие, с которыми относится вообще к нововведениям малообразованный народ. Таким путем должно идти дело с точки зрения людей, желающих добра и пользы для народа, и оно действительно пойдет им и результат должен быть хорош, но тут-то и является вопрос: как скоро мы достигнем того, чего желаем, следуя этому пути?

Вопрос является потому, что земство, само собой заинтересованное в этом деле затратой капитала, натурально ожидает процентов с последнего, в форме улучшения экономического быта сельского населения и поднятия уровня его образования. Постараемся же уяснить себе в общих чертах, насколько позволяет размер журнальной статьи, а не специального политико-экономического трактата, что заключает в себе это но, на чем теперь и остановимся.

Тема наша, пожалуй, и избита, но еще не исчерпана. Наш крестьянин путем крепостного состояния был доведен до такого униженного положения, что жил, как говорится, не своим умом: над ним была всегда чужая воля, которую он считал, да и должен был считать, непреложным законом из чисто животного чувства самосохранения; одним словом, эта была машина, в которой ее животное происхождение проявлялось только в крайних, исключительных случаях, когда физическая боль, выходящая из пределов терпения животной натуры, делала его полупомешанным, бешеным. В других же случаях, где благоразумие не было потеряно, оно заставляло безусловно покоряться и таким образом избегать по возможности неприятных столкновений. Ко времени же крепостного состояния нужно отнести начало употребления слов «слуга», «лакей» и т. д., чем довольно ясно указывалось на различие, деланное владельцами крепостных между людьми, их окружающими, более развитыми, взятыми в детстве из крестьянской среды и сделавшихся домашней прислугой, некоторая доля развития которой высказывалась в умении льстить, обкрадывать, не попадаясь; и между остальной массой крестьян, которые тем самым как бы не считались достойными носить имя людей, а просто звались мужиками.

Это последнее название таким образом сделалось постыдным прозвищем, чуть ли не бранным словом, употреблявшимся для обозначения того нравственно-постыдного положения, в котором находились эти люди. Очень нередко и в настоящее время можно встретить употребление этого слова между классами мало или псевдообразованными (впрочем, теперь оно стало употребляться несколько в другом смысле). Для того чтобы мужик мог сделаться более или менее свободным в самом несовершенном смысле этого слова, вернее же будет сказать, чтобы перестать быть мужиком (в смысле прозвища), требовалось попасть каким-нибудь путем в милость к барину, который отдал бы его в ученье, где хотя тоже били, но все-таки было более свободы, или же в лакеи, кучера и т. п. — звания, которыми изобиловали прежние барские дворни, и тогда мужик, понатершись между новым обществом, начинал уже относиться презрительно к своей прежней профессии (а суровым наказанием для дворовых было возвращение владельцем к своим прежним занятиям). Другими словами, тот, кто занимался грубыми занятиями: пашней земли и вообще ее обработкой, носил прозвище мужика; между тем как перешедшие, вследствие ли случая, или чужой воли к другим занятиям, считали

себя уже существами более или менее вышестоящими. Одним словом, для крестьянина не пахать землю стало равнозначно относительно высшему положению человека. Таким образом, здесь, в массе, произошло смешение двух понятий: именно свое униженное положение мужик смешивал с родом своей работы и даже считал первое за следствие последнего, основываясь на том, что не быть мужиком значило бросить пахать землю и тем или другим путем обратиться к другим занятиям; вследствие чего и самая земледельческая работа получила название мужицкой работы, чем народ обыкновенно хочет выразить самое неблагоприятное, тяжелое, дающее мало выгоды и забивающее человека занятие.

Это ложное понятие, имеющее поддержку в систематическом истощении почвы, вкоренилось между нашими крестьянами и держится весьма упорно, так что при малейшей возможности со стороны семейства и общества большая часть наших крестьян с радостью уходит хотя бы на простые заработки в город, на поденщину, несмотря на то что тут работа привлекательна только с виду, по возможности жить в городе. Уважение, которое всегда, особенно же в прежнее время, оказывалось капиталу, уважение, которое имели прежние помещики к купцам, которых крестьянин считал хотя и не совсем, но все-таки отчасти своим братом, придавало в их глазах обаятельную прелесть общественному независимому положению купцов. Но так как достичь этого

положения можно только посредством денег, капитала, то и немногие могли этого добиться, вследствие трудности набрать, скопить изрядную сумму для начала правильной торговли. С другой же стороны, видя на примерах, что крестьянский мальчик, взятый во дворню и обученный грамоте, впоследствии становился буфетчиком, затем, переходя через все иерархические помещичьи должности, добивался, наконец, звания приказчика, где накапливал довольно круглую сумму, откупался и начинал торговлю, тогда крестьяне увидели в грамотности единственное средство добиться лучшего экономического положения, но только бросив земледельческий труд, который, по их понятиям, не требует грамотности, и перейдя к другим занятиям.

Вот каким образом шло дело до освобождения крестьян и каковы понятия, выработавшиеся рабством у крестьян, относительно значения земледельческого труда и значения грамотности лишь как средства выбраться из униженного положения мужика, которое смешивалось или, пожалуй, даже приписывалось крестьянами земледельческому труду, так как при последнем занятии прежде нельзя было выбраться из крепостного положения.

В настоящее время крепостное состояние уничтожено, но укоренившееся понятие все еще живет в народе, и как вы ни толкуйте крестьянину о великом значении каждого отдельного единичного крестьянского хозяйства для земства, он вас хотя и поймет, но все-таки, если увидит, что из школы его сын вышел, умея порядочно писать и читать, он его никогда не оставит при себе, а уже если «наука далась, значит так Богу угодно» и отдаст его к какому-нибудь маклачу-торговцу мальчиком, или же в помощники к волостному писарю, причем отец верно знает, что его сын никогда не возвратится к земледелию, даже если б и захотел, потому что силы не позволят вследствие непривычки к этому труду. С другой стороны, тот, кому грамота не далась совсем, или который может только читать, хотя и останется всегда при земле, но тут ему незначительные его знания ни к чему не послужат, скорее же всего, перейдя в возмужалый возраст, он начнет забывать грамоту, сначала за недостатком времени, а затем по лени и неимению хороших книг для чтения. Вот то первое следствие, которого можно ожидать от одностороннего, поверхностного образования народа.

Со временем когда-нибудь благосостояние повысится и вследствие одного этого, но, как и мне кажется, все-таки далеко не скоро, потому что предрассудки и укоренившиеся понятия мешают этому. Блестящих же исключений, как в отношении преподавателей, так и учеников у нас очень немного, да и рассчитывать на них ни в каком случае не следует. На основании всего выше сказанного, мне кажется, ясно вытекает заключение, что, хотя поверхностное образо-

вание должно идти своим чередом и вести народ хотя медленным, все-таки верным путем к возвышению уровня его благосостояния, но рядом с этим необходим какой-нибудь другой, действующий в ту же сторону стимул, который ускорял бы достижение результатов, боролся бы с укоренившимися ошибочными понятиями, вынесенными из долговременного рабства, доказывал бы их несостоятельность и тем самым, как бы привязывая народ к земле-кормилице, указывал ему вместе с тем наглядно, путем примера, пользу, преимущественно же выгоду земледелия — выгоду, при правильном ведении хозяйства, не уступающую другим производствам, причем необходимо, чтобы была доказана, также путем опыта, непреложность двух основных экономических законов: что земля за произведенный ею продукт требует возврата некоторых веществ, с другой же стороны, что правильное, приносящее выгоду, не истощающее почвы хозяйство немислимо без скотоводства и при выпуске (продаже) продуктов из хозяйства в сыром виде.

Вот положения, которые должно во что бы то ни стало провести в самую жизнь нашей земледельческой массы, чтобы они укоренились в последнем. На вопрос — каким образом этого достигнуть, служит ответом, сознаюсь, весьма неполным, как бы в виде намека, моя статья, помещенная в этом же уважаемом издании от прошлого года под заглавием «Значение крестьянского хозяйства для земства». При этом считаю долгом заметить, что обе эти статьи суть только указания на необходимость и возможность у нас устройства этого дела, причем учреждению начальных школ должно параллельно идти учреждение практических, образцовых центров, по нашему мнению, устройство ферм в размерах среднего крестьянского хозяйства.

В Западной Европе давно обращено внимание на это обстоятельство, так что в тамошних деревнях встречаются вполне организованные народные реальные школы. Но не надо забывать, что там имеют дело с народом давно свободным, не забитым, как у нас, вековой крепостью; следовательно, там можно распространять в массе познания прямо с кафедры; совсем же другое дело у нас. Да и в отношении Западной Европы, это еще вопрос не решенный: какой способ наилучший для распространения познаний? Вообще же, мне кажется, все-таки преимущество в этом отношении остается за способом учить народ примером, работая, то есть при обыкновенном его занятии, подобно тому, как детей учат шутя, в играх (обыкновенном их занятии), не напрягая слишком их умственных способностей. В этом отношении наших младенствующих крестьян можно вполне сравнить с детьми; для последних же доказано преимущество учения и воспитания в играх перед учением схоластическим (не в смысле философской школы); отчего же может быть сомнение в применимости его для крестьян?

**Николай Васильевич
Верещагин**
(1839, Череповец, — 1907,
Череповец, имение Пертовка)

*Брат художника Василия
Верещагина, основатель
«масло- и сыроделия» в России,
инициатор крестьянского
«артельного маслоделия»,
выросшего в крупнейшее
кооперативное движение
России. Женился на бывшей
крепостной Татьяне Ваниной,
не получив благословения,
уехал с женой в Швейцарию,
где учился сыроделанию.
Получил кредит от ВЭО,
открыл школу сыроварения
для крестьян. Дмитрий
Менделеев лично изучал науку
Верещагина и доил у него
коров. Член Вольного
экономического
общества, позже —
председатель Московского
общества сельского
хозяйства. Главная заслуга —
создание сыроварения
в стране, но также
участвовал в десятках
больших полезных проектов.*

Между тем у нас все еще толкуют о выборе способа. В настоящее время, мне кажется, вполне удовлетворяло бы и земство, и ревнителей просвещения, устройство таких ферм, которые я предполагал в предыдущей статье, и первоначальных народных школ. При этом не следует забывать, что ни в той ни в этой статье я не даю проекта, но только указание на возможность и пользу устройства таких учреждений, тогда как подробности должно выработать всякое земство сообразно с физическими и экономическими условиями данной местности.

Вообще же фермы должны удовлетворять следующим основным положениям:

1) Размер запашки и вообще хозяйства фермы не должно превышать размера душевого надела земли данной местности и размера существующего среднего крестьянского хозяйства.

2) Оно должно давать пример правильного скотоводства, унавоживания почвы и обработки сырых продуктов, чтобы они не вывозились по возможности в сыром виде (масличные растения, картофель, лекарственные травы, хмель; красильные растения должны возделываться, смотря по тому, на что имеется более выгодный сбыт); и

3) чтобы ферма способствовала, если возможно, устройству производства на артельных началах, возможность привития которых у нас блестящим образом доказана г. Верещагиным в отношении сыроделия.

Вот в общих чертах задачи, которые должна постепенно выполнять каждая ферма. Прямое же участие в устройстве подобных учреждений должно принадлежать земству как учреждению, непосредственно заинтересованному и связанному с успехами сельского благосостояния.

В заключение я должен дать объяснение по поводу следующего. Спустя некоторое время после появления моей первой статьи, кажется, в «Харьковских губ. Ведомостях» был поднят вопрос о средствах для учреждения подобных ферм. Что они не будут стоить дорого, об этом было говорено в предыдущей статье. Что же касается до средств, то их в крайнем случае можно иметь, если земство не будет тратить деньги иногда непроизводительно. Например (не знаю, как на юге России), у нас, в средних губерниях, по Волге, земство ежегодно тратит довольно круглую сумму на улучшение путей сообщения; цель прекрасная, но, по совести говоря, много ли от этого пути действительно улучшаются? В сухое время года, когда они укатаны, без затраты со стороны земства, ездить очень хорошо. Во время же сильных дождей на черноземной, суглинистой почве без ведома земства образуются колеи, против которых оно бессильно. После же следующего заморозка или просто засухи кочки хотя и дают себя знать бокам, но все-таки при известной степени стоицизма ездить можно. Следовательно, в обоих случаях улучшения со стороны земства невозможны; остаются гати,

дороги пролегающие по болотистым, мягким местам, к которым и перейдем.

В свободное от работ время, в междупарье или осенью, тянутся из разных деревень возы (по найму или по наряду, если дорожная повинность берется натурой) с хворостом, навозом, соломой и тому подобными рыхлыми материалами, и без того скоро гниющими. Иностранец, чего доброго, подумал бы, что все это везется на поля для удобрения, и хворост для изгороди; но не тут-то было. Возы подъезжают к месту, где дорога пролегает через низменное, при всяком дожде заливаемое водою, место, и начинают крестьяне класть слой хворосту, затем навозу, а сверх всего, как бы для вида, засыпают черноземной землей или просто глиной и мергелем, наичаще здесь встречаемыми. Насыпавши несколько таких слоев, заведующие работами со спокойной совестью возвращаются домой. Хворост после езды начинает мало-помалу ломаться, навоз преет, при этом возвышается и температура, оседает, да еще подсмеется дождь, и выйдет из этой плотины то, что не будет по ней ни проезда, ни прохода. В дождливое время лошади вязнут, обдирают ноги, попадая между хворостинами, и в конце концов, проезжая по дороге, где следует гать, вы почти всегда заметите, что ямщик охотнее всего повезет вас в объезд версты на 2, на 3, чем по исправленной гати. Но на следующий год опять повторяется та же история: исправление, немедленная порча и т. д. При этом надо заметить, что часто камень и щебень лежат в горах неподалеку от дороги, под руками. Стоило бы его ломать, но неизвестно почему, им пренебрегают.

Теперь позволим себе спросить: много ли выигрывается таким улучшением и насколько производительна подобная затрата? И не согласились ли бы члены земства, так как все равно приходится ездить в объезды, не тратить года два деньги на гати и, скопив таким образом некоторую сумму, завести фермы, а не заниматься бесцельным удобрением (и очень сильным) наших гатей и дорог? Я взял на удачу дорожный расход, но немало, я думаю, найдется и других подобных статей.

М. Фатьянов. Казань

УДК 33
ББК 65

«Беседы об экономике», 2019, Москва
Научно-популярное издание

Том V

Под редакцией С.Д. Бодрунова, д. э. н.

© Институт нового индустриального развития (ИНИР) им.

С.Ю. Витте,

© Сергей Дмитриевич Бодрунов

Подписано в печать: 21.10.2019, тираж 700 экз.

№ заказа 7736

Отпечатано в типографии ООО «ТДДС-Столица-8»
111024, г. Москва, шоссе Энтузиастов, д. 11А, корп. 1

ISBN 978-5-00020-064-3